

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления.

Предисловие.

«Момент ли сейчас для таких отвлеченных тем, как „язык и мышление“? Эпоха грандиозных предприятий, подъем колхозного строительства с мировой по последствиям значимостью и с разгаром крайнего обострения классовой борьбы, эпоха не созерцательной лишь или назидательной философии, а философии актов и действенных мероприятий раскрепощения народов СССР и аннулирования великодержавностей всякого калибра вопреки всем усилиям и хитросплетениям до издыхания борющихся вредительских разновидностей капиталистического идеализма и национализма, когда кулак и все идеологические его союзники где тихой сапой, а где решительным наступлением на всех фронтах, на идеологическом также, выдвигают против нас нередко, казалось бы, из наших друзей сколоченные фаланги. ...Однако кто взял бы на себя смелость утверждать, что язык у нас, в Союзе, отвлеченная материя? Что мышление, без чего мы уже не учимся языку, у нас в эти именно яркие, с беспощадным к себе напряжением сил переживаемые дни социалистического строительства, не представляет исключительной ценности? Ведь наши мысли, наше четкое диалектико-материалистически заостренное мышление, когда удастся овладеть им, реализовать на конкретном материале своей специальности... и делает то, что язык наш приобретает ничем не заменимую значимость одновременно на всех полях брани развертывающейся на наших глазах жестокой классовой борьбы. Язык по своему происхождению вообще, а звуковой язык в особой степени, потому и является „мощным рычагом культурного подъема“, что он – незаменимое орудие классовой борьбы» (Язык и мышление, стр. 1 – 2).

«Нужно ли напоминать следующие слова В.И. Ленина: „Мы должны понять, что без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мировоззрения...“ Без конкретизации и лучшего метода на живом материале специальности, в данном случае языковедной, грозят обратиться в орудия, направленные против прогресса, и организации с безукоризненной целевой установкой... При чем же тут работа над языком, не достаточно ли забросать цитатами из марксистских книг да пофилософствовать? Товарищи, побольше конкретности, поменьше тумана общих суждений. Опять приходится напомнить, как в конспекте книги Лассалья „Философия Гераклита Темного из Эфеса“, перечислив кратко под рубрикой всю область знания по предметам, Ленин приписал: „вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика“, а в перечисленных предметах особо курсивом выделена „(история) языка“, да еще прибавлено „NB“. Товарищи, побольше конкретности и тогда, когда речь не об языке, а о национальности и национальном языке» (Там же, стр. 59 – 60).

«Наша жизнь сказочная. Наше социалистическое строительство головокружительно. Хозяйственная пятилетка перегоняет себя, вмещая [вместив] намеченные достижения в четырехлетний промежуток. Хозяйственному производству приходится шагать в „сапогах-скороходах“ и надстроечному миру, казалось бы, к лицу не ходить, а летать на „коврах-самолетах“.

Но так ли, однако, обстоит дело на культурном фронте, особенно с марксистской разработкой конкретного материала истории национальностей и в близко интересующих нас областях знания, как язык, речевая культура, со включением литературы, и в области материальной культуры?» (К задачам науки на советском Востоке, стр. 11).

«В наши дни, когда все науки продвигаются к массам, вовлекаемым в социалистическое строительство для укрепления нового хозяйственного уклада, когда организация самого исследовательского дела по мало-мальски жизненным отраслям знания приближается к производству, история и языковедение попадают в беспризорные, точно они висят в воздухе, точно их некуда прислонить, точно в нашем новом хозяйственно-общественном строительстве нет ни одного рентабельного производства, с которым можно было бы их увязать... История и языковедение, органически не увязанные с актуальной жизнью, остаются без прочного, жизнью живущего пристанища. Между тем трудно себе представить эпоху, которую можно было бы сравнить с протекающим на наших глазах временем по актуальности, какую представляют для жизни язык и история, а в связи с этим всякого рода именно увязанные с жизнью исторические и языковедные штудии. О громадных потребностях в специалистах по изучению языка говорить не приходится. Достаточно указать, какое количество языков впервые попало и продолжает попадать в орбиту серьезного и несерьезного научного исследования. Достаточно учесть, в каких ко всякой культуре глухих, первобытных углах нашей необъятно обширной Советской страны

осознается небывалая потребность самостоятельного изучения своей родной речи, хотя бы, и чаще именно, бесписьменной... Мы не говорим сейчас о том, кто виноват в беспризорности соответственных языковедных дисциплин, когда все объективные данные в стране клонят к росту массовой потребности в языках, как потребности мышления самих масс, так и потребности сознательности не единиц, а масс, да еще разноязычных масс. Язык вообще как международную ценность, а все языки нашего Союза в частности и в особой степени как проводники международных, а иногда только своих культурных завоеваний в массы, во все массы, теперь именно и приходится, выражаясь идеалистически, лелеять, как зеницу ока. Дело, однако, не в слащавых словах по адресу предмета нашего научного интереса, а в материально наличном факте громадной важности, в том, что у нас по всей стране налицо огромное производство языков (не перепроизводство, как хотел бы внушить кое-кто, а именно производство языков, культурных языков), при котором, или, точнее, в органической увязке с которым, и мыслимо существование, самый *raison d'être* языковедной науки и в то же время в этой увязке с изумительным по исторической значимости производством, как редчайшей исследовательской лабораторией, залог ее процветания, прежде всего жизненный стимул к самокритике и пересмотру, к сдвигу с мертвой точки там, где наука об языке, процветавшая в блестящей изоляции, старая наука об языке, часто, увы, источник исторических построений, основательно села на мель и упорно желает сидеть» (К вопросу об историческом процессе, стр. 5 – 6).

Приведенное выше написано несколько лет тому назад, но не потеряло своего значения и теперь. Все еще приходится повторять, что мысль и язык так же нерасторжимы, как в астральном мире солнце и свет. Это как будто сейчас должно быть достоянием каждого пионера, не нуждается, казалось бы, в разъяснении в нашей советской среде. Если, однако, нам приходилось не раз ссылаться на то, как Маркс утверждал, что язык всегда налицо при существовании мысли, или на то, как Ленин был сам взволнован необходимостью поставить знак равенства между языком и мыслью, т.е. поставить проблему об их единстве, так только потому, что надо было решить эту проблему. Это единство языка и мышления, во-первых, приходилось оповещать в обществе, где властители материального мира владели мыслью наравне с орудиями производства, предоставив своим услужливым ученым слово, точно шелуху без содержания. Они захватили мысль как ценность для эксплуатации не только занятых ими природных ресурсов, но, более того, – для эксплуатации самих производителей. Мысль, следовательно, и неразлучимый с нею язык – общественная ценность. Во-вторых, единство языка и мышления представлялось как важнейшая проблема, подлежащая первоочередному разрешению.

В производственных коллективах первобытного общества мышление было зрительно. От обширной стадии зрительного мышления остались у нас такие термины, как русск. «точка зрения»[1] или еще анализированный в другом месте[2] грузинский термин *sa + zr-is-i* 'точка зрения', собственно 'точка мышления' или 'осмысления', ибо некогда *sa + zr* значило, как теперь его формально противоположный двойник *ha + zr* 'мысль'. В подлинном первобытно-коммунистическом обществе мышление было уже диалектическим, даже в случаях, когда происходило усвоение понятий.

В классовом обществе первобытный «диалектический материализм» шел на убыль: чем сильнее становился господствующий класс, тем все более бледнел этот первобытный «диалектический материализм». С развитием материального производства в течение антагонистических формаций рос, вырос и развился рабочий класс и в то же время рос и развивался подлинный диалектический материализм.

Ныне, в строящемся у нас социалистическом обществе материалистическая диалектика имеет быть применяема и на преуспевающих отрезках и практики и теории. При смене первобытного «диалектического материализма», сложенного по производству первобытного общества, преуспевавшие раньше хозяева орудий производства в борьбе с новой техникой, угрожавшей сменой производственных отношений, опору нашли в растущей количественно и качественно культурно-производственной работе социального слоя магов. Перестроившись вслед за одним из переломов, маги первобытного общества перенесли на соответственной стадии магически воспринимавшуюся раньше энергетику творческих сил материального производства из природных ресурсов (производительных сил природы) в природу микрокосма, т.е. в социальный слой, опять-таки не взмахом, не каким-то «переворотом» от внешнего фактора. Все шло длительно к классовому обществу, расколовшему в дальнейшем

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
производственно-магическое учение на две противоположности, социально-генетически увязанные при всех противоречиях самой борьбой: на религию с религиозным культом и ритуалом с одной стороны, на науку и технику, историю и практику с другой. Шло все это, пробивая в борьбе-движении путь через развитие алхимии и астрологии, при диффузном совмещении в них медицины, физики, математики, сначала без разлучения интересов материального базиса и надстройки, материального и культурного (со включением художественного) творчества.

А разве в этих производствах, хотя бы культурном, противоположаемом материальному, не подразумевается религия? Почему ни слова о религиозном творчестве, точно мы его замалчиваем? Нисколько; не имеем основания замалчивать, наоборот. Выделившись в особый социальный слой, религиозники развивают не только мировоззрение, культ и ритуальные обряды, черпая для укрепления своей общественной позиции и идеологической установки из одних и тех же со светскими феодалами источников первобытного общества, упраздненных развитием материального производства, но кроют из новых культурных достижений науки и техники весь отстаиваемый ими в священной неприкосновенности культовый ритуал, находя поддержку в культурно отстававших и нарочито отставлявшихся от культуры веками и тысячелетиями слоях. Можно только сожалеть, что богатейшие материалы остаются в культовых писаниях и вещественных памятниках не освещенными генетически; так строится (собственно оскопляется) без их учета история древнего, а за ним неизбежно нового мира, как азиатского, так еще более сознательно европейского. Эта сложная культурно-производственная работа на стыке вылупившегося из первобытных социальных образований феодально-буржуазного общества с наступающей национально воспринимаемой общественностью врезывается в процесс нарастания социально-экономической формации еще при родовом строе. Отсюда сбивчивость в мирозерцании преходящей и обманчивой функции этноса-племени и классовой нации, этих преходящих категорий.

Родовой же строй и количественно и качественно изменчив в корне и в то же время он громадной длительности, если охватывать термином «род» все периоды его истории, если не выделить в особую часть его последнюю форму, уже завершённую, связанную с обычным представлением о родстве по крови. Термин «род» имеет право претендовать на точное определение в силу вскрытых в нем палеонтологией речи соответственных коренных смен значений, точнее – общественной стоимости. Роду по крови предшествует родство по молоку, а еще раньше родство по лучам солнца. Но на этом последнем родстве отнюдь не прерывается углубление древности рода. Род имеет основание представить и изначальную форму с родством или общением непосредственно на орудии и способе материального производства, первично с обеими функциями – 'руке', точнее руках и сменивших руку искусственных инструментах. Словом, род на крови – начальная форма человеческого общества лишь со звуковой речи, когда уже нарастает в производственных отношениях собственнический момент. Тогда в языке появляются коллективные личные (групповые) местоимения. Но род же в своих более древних типовых формах неразлучим с историей общества и его коллективного мышления и его коллективного (по производству) языка. В роде – источник сложного клубка господствующих доселе недоразумений. Распутать его нельзя без учета вскрытой с помощью четырех лингвистических элементов техники языка и мышления. И здесь малейший изъян в самих терминах ставит все вверх дном. Нельзя при таком изъяне правильно понять и в причинности осознать, нельзя перенести теоретические по языку достижения, даже положительные, в социалистическое строительство. Массам не мешает знать то, что рассеет микробные традиции, живущие в их головах: «даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя не решающую», писал Энгельс И. Блоху.

В связи со всем сказанным, когда при таком недохвате состоятельного термина, дело заходит об языке по существу и мы вынуждаемся разяснять язык, именно язык и только с учетом глубины его содержания, то иного выхода нет, как говорить о нем в первую голову как об языке и мышлении. И последствие становится катастрофичным, когда приходится говорить так по отнюдь еще не изжитому у нас и еще господствующему в классовом обществе, в нем единственно терпимому социально восприимчивой и речи, и слова, речевой единицы, как категории языка наименее изученной научно вне марксизма, менее всего изученной самими специалистами по языку. Более того, решаюсь сказать с полным сознанием ответственности за такое утверждение, – категории вовсе не изученной именно по существу. Поэтому совершенно естественно отсутствует интерес к бездне, отделяющей наше понимание основных терминов всякого суждения об языке от понимания его классиками европейского Средиземноморья,

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org эллинами. Мы еще менее понимаем (ибо и не знаем), что на Востоке единицей речи у арабов является не слово, а слог. Нам даже неизвестно, что не только арабам-семитам, но и персам-«индо-европейцам» вовсе не известен термин 'слог', дающий представление о выражаемом им предмете, как о чем-то сложном, а не как об единице речи. Единицу речи арабы (да и не одни арабы-семиты, а все население мира, каждое общество на определенной стадии развития языка) считали повсеместно именно слог, но не как сложенную из отдельных звуков величину, а как неделимый, но отнюдь не неизменяемый элемент. У европейцев, наоборот, единицу речи считают ныне отдельный звук; раньше таковой считали даже отдельную букву, что перенесли они на толкование греческого *грамма*; но это греческое слово отнюдь не означало в действительности то, что при нашем привычном доселе понимании мы называем русским словом женского рода «буква» и греческим словом среднего рода *грамма* без учета того, почему это расхождение в показателях рода, или почему и как 'буквы' различаются по родам, без учета и даже знания того, что значит реально средний род или почему средний род отсутствует у арабов, так же как и у прочих семитов.

При таких сложных требованиях теоретически-научного момента в интересах социалистического строительства и переделки мира, в частности, в интересах стройки и перестройки языка и мышления, является большим и ответственным предприятием такая работа как высказывания Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина об языке. За такое предприятие смелость может иметь взятая или убеленный сединами старец, который всю жизнь занимался теорией языка, или молодой энтузиаст, не мирящийся с неразъясненным в своих творческих моментах накоплением одних формальных данных речи, осмысливаемых из них самих. Такая молодежь нашлась. Какие бы горькие истины ни расточались в порядке самокритики по адресу этой молодежи, трудно представить себе работу с большой потребностью в ней, чем эта. Требования, предъявляемые к подобной книге, можно еще более поднять. Но это обычная ошибка критиков. Не надо забывать, что трудность предприятия молодых составителей усугублялась тем, что и предмет, по которому задались они целью собрать высказывания основоположников марксизма-ленинизма – язык. Функции его всеобъемлющи, почему не так легко себя ограничить или, наоборот, не дать себе простора в выборе материала.

Н. Марр

К. Марксом и Ф. Энгельсом впервые была установлена неразрывная связь с мышлением и дано определение языка, как надстроечного явления. В.И. Ленин и Т. Сталин развили и углубили это положение, вновь обосновав его на многих фактах. Это понимание языка лежит в основании марксистско-ленинского языкознания, начало которому было положено К. Марксом, Ф. Энгельсом, В.И. Лениным и Т. Сталиным. Это понимание языка лежит в основании нашей языковой политики, являющейся неотъемлемой частью нашей национальной политики.

Буржуазная наука не усвоила и никогда не усвоит этого положения. Для буржуазных лингвистов язык – не надстроечное явление, а психо-физиологический факт, изучение которого вполне мыслимо вне увязки с изучением развития общества.

С первичной формалистической, следовательно, – называя вещи своими именами – буржуазной языковедческой точки зрения, может казаться странным включение в настоящий сборник значительного количества отрывков из работ классиков марксизма-ленинизма по истории самого общества, т.е. отрывков не прямого языковедческого содержания. Сделано это, однако, продуманно и преднамеренно, в полном соответствии с упомянутым выше пониманием языка классиками марксизма-ленинизма. Сборник рассчитан не на простое механическое усвоение или запоминание всего того, что сказано непосредственно о языке К. Марксом, Ф. Энгельсом, В.И. Лениным и Т. Сталиным, а на извлекательную исследовательскую работу лиц, пользующихся сборником, – читатель должен воспитать в себе подлинно-исторический, т.е. диалектико-материалистический подход к языковым явлениям, и соответствующие отрывки по истории общества должны помочь разрешению данной задачи. Нельзя забывать, что начало конкретной марксистско-ленинской науки о языке классиками марксизма-ленинизма положена, но это лишь начало, а не развернутая во всех деталях и подробностях марксистско-ленинская лингвистика.

Сборник состоит из 6 основных разделов: 1) условия возникновения и развития языка, 2) развитие языка, 3) учение об изменении значений слов, 4) национальный вопрос и языковая политика, 5) язык как средство выражения

Каждый раздел разбит на несколько более мелких подразделений.

В основание всех подразделений положен принцип – представить в каждом из них наиболее существенные данные по важнейшим разделам марксистско-ленинского языкознания. В связи с этим в ряде случаев нельзя было обойтись без повторения тех или иных отрывков. Это делалось во всех случаях такой необходимости, если соответствующие отрывки по своему объему были относительно не велики. В противном случае, если отрывки были значительны, делалась ссылка на соответствующее подразделение, где они помещены, и вновь такие отрывки не приводились.

В раздел I, в соответствии с его названием, внесено наибольшее количество исторического материала.

В раздел II, в соответствии с категорическим указанием классиков марксизма-ленинизма на связь языка с мышлением было признано целесообразным внести особое подразделение – об общественном сознании и общественном бытии. Во избежание неверной трактовки связи мышления и бытия в смысле их «тождества», как обычно переводится соответствующее место из работы Ф. Энгельса о Л. Фейербахе в русских изданиях, данное подразделение расширено путем включения в него прямых указаний В.И. Ленина, относящихся к этому вопросу.

Третий раздел тесно связан со вторым. В виду его особой важности и значительного количества отрывков из работ классиков марксизма-ленинизма, сюда относящихся, он выделен в самостоятельный раздел.

IV-й раздел, как и V, занимают свои места в сборнике условно; V тесно примыкает по содержанию к соответствующим подразделениям I раздела, V – к III.

VI-й раздел выделен особо, с целью подчеркнуть роль языковых данных в качестве исторического источника. Совершенно понятно, что такой подход к языку тесно связан с указанным пониманием языка классиками марксизма-ленинизма в качестве надстроечного явления, а конкретные приемы изучения языка, как исторического источника, связаны с учением об изменении значений слов в первую очередь (раздел III).

В Приложении было признано целесообразным дать 1) подбор заметок К. Маркса и Ф. Энгельса об их занятиях языками, 2) отзывы различных лиц о занятиях К. Маркса и Ф. Энгельса языками, 3) замечание В.И. Ленина об «эзоповском» языке в условиях царской цензуры, 4) и 5) подбор лингвистических замечаний Г.В. Плеханова и П. Лафарга о языке.

В настоящем его виде сборник предназначен для значительного круга читателей. Имеются в виду исследователи специалисты-лингвисты, лингвисты преподаватели вузов и средней школы, учащиеся. Само собой разумеется, в числе читателей предполагаются в одинаковой степени историки, пользующиеся языком в качестве исторического источника, философы, литературоведы, журналисты, пропагандисты. Наконец, сборник рассчитан и на практических работников, осуществляющих нашу языковую политику, как часть национальной политики.

Сборник составлен под общим наблюдением и руководством акад. Н.Я. Марра аспирантами Института языка и мышления Академии Наук СССР гг. А.К. Боровковым и Н.Я. Золотовым. Отрывки из работ П. Лафарга подобраны сотр. ГАИМК В.А. Миханковой. Размещение отрывков по разделам, а также техническая проверка текстов по печатным новейшим изданиям работ классиков марксизма-ленинизма осуществлена С.Н. Быковским и В.А. Миханковой.

I. УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

1. Предпосылки происхождения языка

1

Первая предпосылка всякой человеческой истории, это конечно, существование живых человеческих личностей [3]. Поэтому первый подлежащий установлению конкретный факт – телесная организация этих личностей и ею обусловленное

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
отношение их к остальной природе. Мы здесь не можем, разумеется, заниматься ни физическими свойствами самих людей, ни естественными условиями, геологическими, оро-гидрографическими, климатическими, и иными отношениями, которые люди застают. Всякое историческое описание должно исходить из этих природных основ и их видоизменения в ходе истории благодаря деятельности людей.

Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии, – вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к существованию, – шаг, который обусловлен их телесной организацией. Производя необходимые им средства к существованию, люди косвенным образом производят и самую материальную жизнь.

Способ, каким люди производят необходимые им средства к существованию, зависит прежде всего от свойств самих средств к существованию, находимых ими в готовом виде и подлежащих воспроизведению.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Соч., IV, 10 – 11. 1933 г. // 3, 19.)
2

Имея дело с свободными от многих предпосылок немцами, мы должны начать с констатирования первой предпосылки всякого человеческого существования, а следовательно и всякой истории, – а именно той предпосылки, что люди должны иметь возможность жить, чтобы быть в состоянии «делать историю»[4]. Но для жизни прежде всего нужны пища и питье, жилище, одежда и еще кое-что. Таким образом, первое историческое дело, это – производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни. Притом это такое историческое дело, такое основное условие всякой истории, которое (ныне так же, как и тысячи лет тому назад) должно выполняться ежедневно и ежечасно для того, чтобы человек остался в живых. Даже если чувственность сводится, как у святого Бруно, к такому минимуму, как дубинка, – она предполагает деятельность, направленную к производству этой дубинки. Поэтому первое требование, которому должно удовлетворять всякое понимание истории, это – учесть указанный факт во всем его значении и объеме и предоставить ему то место, которое он заслуживает. Немцы, как известно, никогда этого не делали, и поэтому у них никогда не было земной основы для истории и, следовательно, никогда не было ни одного историка. Французы и англичане, хотя они и крайне односторонне понимали связь этого факта с так называемой историей, – в особенности, поскольку они находились в плену политической идеологии, – все же сделали первые попытки дать историографии материалистическую основу, впервые написав историю гражданского общества, торговли и промышленности.

Второй факт состоит в том, что сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей есть первое историческое дело. Отсюда ясно, какова цена великой исторической мудрости немцев, которые считают, что там, где им не хватает положительного материала и где нет места для богословской, политической или литературной бессмыслицы, там вовсе нет истории, а есть лишь «доисторическое время»; причем они нам несколько не разъясняют, как совершается переход от этой бессмыслицы «доистории» к собственно истории. Впрочем, с другой стороны, их историческая спекуляция особенно охотно набрасывается на эту «доисторию», потому что тут они считают себя обеспеченными от вторжения «грубого факта» и вместе с тем могут дать полную свободу своему спекулятивному влечению, создавая и разрушая гипотезы тысячами. – Третье отношение, с самого начала включающееся в ход исторического развития, заключается в том, что люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это – отношение между мужем и женой, родителями и детьми – семья. Эта семья, которая вначале была единственным социальным отношением, впоследствии, когда умножившиеся потребности порождают новые общественные отношения, а размножающееся население – новые потребности, становится (исключая Германию) подчиненным отношением и должна тогда рассматриваться и изучаться согласно существующим эмпирическим данным, а не согласно «понятию семьи», как это делают обыкновенно в Германии. Впрочем, эти три стороны социальной деятельности следует рассматривать не как три различные ступени, а именно лишь как три стороны, или – чтобы было понятно немцам – как три «момента», которые совместно существовали с самого начала истории, со времени первых людей, и которые имеют силу в истории еще и

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
теперь. Производство жизни – как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения, – сразу появляется в качестве двоякого отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой, в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что имеется в виду сотрудничество ряда индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели. Отсюда следует, что определенный способ производства или определенная промышленная ступень всегда связаны с определенным способом сотрудничества, с определенной общественной ступенью (и самый этот способ сотрудничества есть некая «производительная сила»), что совокупность доступных людям производительных сил обуславливает общественное состояние и, следовательно, что «историю человечества» всегда необходимо изучать и обрабатывать в связи с историей промышленности и обмена. Но ясно также и то, что в Германии невозможно написать такую историю, так как немцам для этого нехватает не только способности понимания и материала, но и «чувственной достоверности»; по ту сторону Рейна нельзя приобрести никакого опыта насчет этих вещей, ибо там не совершается более никакой истории. Таким образом, уже с самого начала обнаруживается материалистическая связь людей между собой, которая обусловлена потребностями и способом производства и так же стара, как сами люди, – связь, которая принимает все новые формы, а следовательно совершает «историю», не нуждаясь даже в существовании какой-либо политической или религиозной нелепости, которая еще сверх того связывала бы людей. – Лишь теперь, после того как мы уже рассмотрели четыре момента, четыре стороны первоначальных исторических отношений, мы находим, что человек обладает также и «сознанием» [5]. Но и им он также обладает не с самого начала в виде «чистого сознания». На «духе» с самого начала тяготеет проклятие «отягощения» его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков, – словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык как раз и есть практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении с другими людьми. Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не «относится» ни к чему и вообще не «относится»; для животного его отношение к другим не существует как отношение. Таким образом, сознание с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди.

>(Там же, 18 – 21 // 3, 26 – 29.)

3

И человек возник путем дифференцирования, и не только в индивидуальном смысле, – т.е. так, что из одной единственной клетки развивается, путем дифференцирования, сложнейший из существующих в природе организмов, – но и в историческом смысле. Когда после тысячелетних попыток произошла, наконец, дифференциация руки от ноги и установилась прямая походка, то человек обособился от обезьяны и была заложена основа для развития членораздельной речи и для мощного развития мозга, благодаря которому образовалась с тех пор непроходимая пропасть между человеком и обезьяной.

>(Ф. Энгельс. Старое введение к «Диалектике природы». – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 486 – 487. 1931 г. // 20, 357.)

4

«Естественное стремление человека заключается в том, чтобы довести до ясного сознания и понимания то отношение, в котором внутренние и внешние блага стоят к его потребностям. Это делается при помощи оценки (оценки стоимости), благодаря которой благам, в частности предметам внешнего мира, придается стоимость и последняя измеряется» (стр. 46), а на стр. 12 читаем: «Все средства для удовлетворения потребностей называются благами». Если мы вставим теперь в первом предложении вместо слова «благо» приписываемое ему Вагнером логическое содержание, то первая фраза приведенного отрывка будет гласить:

«Естественное стремление „человека“ заключается в том, чтобы довести до ясного сознания и понимания то отношение, в котором „внутренние и внешние средства для удовлетворения его потребностей“ стоят к его потребностям». Эту фразу мы можем несколько упростить, опуская «внутренние средства» и т.д., как это сейчас же делает господин Вагнер в следующем предложении при помощи слов «в частности».

«Человек»? Если здесь понимается категория «человек вообще», то он вообще

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org не имеет «никаких» потребностей; если обособленный человек противостоит природе, то его следует рассматривать как любое не-стадное животное; если же это человек, живущий в обществе какой бы то ни было формы, – и именно это предполагает господин Вагнер, так как его «человек», хотя и не обладает университетским образованием, владеет, по крайней мере, речью, – то в качестве исходного пункта следует принять определенный характер общественного человека, т.е. определенный характер общества, в котором он живет, так как здесь производство, т.е. его процесс добывания жизненных средств, уже имеет какой-нибудь общественный характер.

Но у профессора-доктринера отношения человека к природе с самого начала выступают не как практические отношения, т.е. основанные на действии, а как теоретические; уже в первом предложении спутаны два отношения такого рода: так как в следующем предложении «внешние средства для удовлетворения потребностей» или «внешние блага» превращаются в «предметы внешнего мира», то первое из подразумеваемых отношений приобретает следующий вид: человек находится в отношении к предметам внешнего мира как к средствам удовлетворения его потребностей. Но люди никоим образом не начинают с того, что «стоят в теоретическом отношении к предметам внешнего мира». Как и другие животные, они начинают с того, что едят и пьют и т.д., т.е. не «стоят» в каком-нибудь отношении, а активно действуют, при помощи действия овладевают известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворяют свои потребности. (Они, следовательно, начинают с производства.) Благодаря повторению этого процесса способность этих предметов «удовлетворять потребности» людей запечатлевается в их мозгу, люди и звери научаются и «теоретически» отличать внешние предметы, служащие удовлетворению их потребностей, от всех других предметов. На известном уровне дальнейшего развития, после того как умножились и дальше развивались потребности людей и виды деятельности, которыми они удовлетворяются, люди дают отдельные названия целым классам этих предметов, которые они уже отличали на опыте от остального внешнего мира. Это необходимо наступает, так как в процессе производства, т.е. в процессе присвоения этих предметов, люди постоянно находятся в трудовой связи (*werktatiger Umgang*) друг с другом и с этими предметами и вскоре начинают также борьбу с другими людьми из-за этих предметов, но это словесное наименование лишь выражает в виде представления то, что повторяющаяся деятельность превратила в опыт, а именно: что людям, уже живущим в определенной общественной связи (а такое предположение вытекает необходимо из наличия речи), определенные внешние предметы служат для удовлетворения их потребностей. Люди дают этим предметам особое (родовое) название лишь потому, что им уже известна способность этих предметов служить удовлетворению их потребностей и что они стараются при помощи более или менее часто повторяющейся деятельности овладеть ими и сохранить их в своем владении; они, возможно, называют эти предметы «благами» или как-нибудь иначе, что обозначает, что они на практике употребляют эти продукты, что последние им полезны; они приписывают предмету характер полезности, как будто присущий самому предмету, хотя овца вряд ли сочла бы своим «полезным» свойством тот факт, что она годится в пищу человека.

Итак: люди начали фактически с того, что присваивали себе предметы внешнего мира как средства для удовлетворения их собственных потребностей и т.д. и т.д., впоследствии они пришли к тому, что и словесно начали называть их средствами удовлетворения их потребностей, – каковыми они уже были в практическом опыте, – предметами, которые их «удовлетворяют». Если назвать то обстоятельство, что люди не только на практике относятся к подобным предметам как к средствам удовлетворения их потребностей, но также в представлении и в словесном выражении характеризуют их как предметы, «удовлетворяющие» их потребности, а тем самым и их самих (пока потребность человека не удовлетворена, он находится в состоянии недовольства своими потребностями, а следовательно и самим собой), – если, «в соответствии с немецким словоупотреблением», сказать, что это значит «придавать стоимость» предметам, то мы доказали, что общее понятие «стоимость» проистекает из отношения людей к предметам внешнего мира, удовлетворяющим их потребности, что, следовательно, это и есть родовое понятие «стоимости» и что все другие виды стоимости, например химическая валентность (*wert*) элементов [непереводимая игра слов: и стоимость, и валентность обозначаются по-немецки термином *wert*], представляют лишь разновидность этого понятия.

>(К. Маркс. Критические замечания о книге Адольфа Вагнера. – Архив, V, 387 – 388. 1930 г. // 19, 376 – 378.)

5

В действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна.

>(В.И. Ленин. Два письма А.М. Горькому. – Соч., XVII, 85 // 48, 232.)

2. Происхождение языка

6

И весьма далекое от того, чтобы стыдиться этого, учение Руссо в первом своем изложении, можно сказать, блистательно обнаруживает печать своего диалектического происхождения. В естественном и диком состоянии люди были равны, а так как Руссо уже на возникновение речи смотрит как на искажение естественного состояния, то он имел полное право приписывать равенство и тем гипотетическим людям-животным, которых в новейшее время Геккель назвал *alali* – лишенными речи. Но эти равные меж собой люди-животные имели одно преимущество перед прочими животными: способность совершенствования, дальнейшего развития, и эта способность стала причиной неравенства.

>(Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 138 – 139. 1931 г. // 20, 143.)

7

И таким образом, неравенство вновь превращается в равенство, но не в старое естественное равенство первобытных людей, лишенных языка, а в высшее равенство – общественного договора. Угнетатели подвергаются угнетению. Это – отрицание отрицания.

>(Там же, 139 // 20, 144.)

8

I. Дикость. 1. Низшая ступень. Детство человеческого рода. Люди держались еще в местах своего первоначального зарождения, в тропических или субтропических лесах. Они жили, по крайней мере частью, на деревьях, так как только это, вероятно, могло спасти их от крупных хищных зверей. Пищей служили им плоды, орехи, корни; выработка членораздельной речи является главным достижением этого периода.

>(Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 21. 1932 г. // 21, 28 – 29.)

9

Труд – источник всякого богатства, утверждают экономисты. Труд действительно является таковым наряду с природой, доставляющей ему материал, который он превращает в богатство. Но он и нечто бесконечно большее, чем это. Он – первое основное условие человеческого существования, – и это в такой мере, что мы в известном смысле должны сказать: труд создал самого человека.

Много сотен тысячелетий тому назад, в еще не поддающуюся точному определению эпоху того периода в развитии земли, который геологи называют третичным, предположительно к концу этого периода, жила где-то в жарком поясе – по всей вероятности, на обширном материке, ныне находящемся на дне Индийского океана – необычайно высоко развитая порода человекоподобных обезьян. Дарвин дал нам приблизительное описание этих наших предков. Они были сплошь покрыты волосами, имели бороды и остроконечные уши и жили стаями на деревьях.

Первым следствием обусловленного их образом жизни обычного для них способа передвижения (лазать, карабкаться), при котором руки выполняют совсем другие функции, чем ноги, было то, что эти обезьяны постепенно перестали пользоваться руками при передвижении по поверхности земли, стали усваивать прямую походку. Этим был сделан решительный шаг для перехода от обезьяны к человеку.

Все еще ныне живущие человекоподобные обезьяны могут прямо стоять и двигаться при посредстве одних ног, но только кое-как и беспомощно. Их естественное движение совершается в полувертикальном положении и предполагает употребление рук. Большинство из них упираются тыльными сторонами сжатых в кулак пальцев рук в землю и продвигают тело, с поднятыми в воздух ногами, между длинными руками, подобно хромому,двигающемуся при

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org помощи костылей. В общем, мы и теперь еще можем наблюдать у обезьян все переходные ступени от хождения на четвереньках до хождения на двух ногах. Но ни у одной из них последнее не стало нормальной формой передвижения.

Чтобы прямая походка могла стать у наших волосатых предков сначала правилом, а потом и необходимостью, нужно было, чтобы руки уже до того специализировались на других функциях. Уже у обезьян существует известное разделение функций между руками и ногами. Как уже раньше замечено было, при лазании пользуются руками иначе, чем ногами. Первыми пользуются преимущественно для целей собирания и удержания пищи, как уже делают некоторые низшие млекопитающие при помощи своих передних лап. При помощи рук некоторые обезьяны строят себе гнезда на деревьях или даже, как шимпанзе, навесы между ветвями для защиты от непогоды. Руками они схватывают дубины для защиты от врагов или бомбардируют последние плодами и камнями. При помощи рук они выполняют в плену целый ряд простых операций, подражая соответствующим действиям людей. Но именно тут-то и обнаруживается, как велико расстояние между неразвитой рукой даже наиболее подобных человеку обезьян и усовершенствованной трудом сотен тысячелетий человеческой рукой. Число и общее расположение костей и мускулов одинаковы у обеих, и тем не менее даже рука первобытнейшего дикаря способна выполнить сотни работ, не доступных никакой обезьяне. Ни одна обезьянья рука не изготовила когда-либо хотя бы самого грубого каменного ножа.

Поэтому операции, к которым наши предки в эпоху перехода от обезьяны к человеку, на протяжении многих тысячелетий, постепенно научились приспособлять свои руки, могли быть вначале только очень простыми. Самые низшие дикари, даже такие, у которых приходится предположить возврат к звероподобному состоянию с одновременным физическим вырождением, все же стоят выше тех промежуточных существ. До того, как первый булыжник, при помощи человеческих рук, мог превратиться в нож, должен был, пожалуй, пройти такой длинный период времени, что, в сравнении с ним, знакомый нам исторический период является совершенно незначительным. Но решительный шаг был сделан, рука стала свободной и могла совершенствоваться в ловкости и мастерстве, а приобретенная этим большая гибкость передавалась по наследству и умножалась от поколения к поколению.

Рука, таким образом, является не только органом труда, она также его продукт. Только благодаря труду, благодаря приспособлению к все новым операциям, благодаря передаче по наследству достигнутого таким путем особенного развития мускулов, связок и, за более долгие промежутки времени, также и костей, так же как благодаря все новому применению этих передаваемых по наследству усовершенствований к новым, все более сложным операциям, – только благодаря всему этому человеческая рука достигла той высокой ступени совершенства, на которой она смогла, как бы силой волшебства, вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини.

Но рука не была чем-то самодовлеющим. Она была только одним из членов целого, необычайно сложного организма. И то, что шло на пользу руке, шло также на пользу всему телу, которому она служила, и шло на пользу в двояком отношении.

Прежде всего, в силу того закона, который Дарвин назвал законом соотношения роста. Согласно этому закону, известные формы отдельных частей органического существа всегда связаны с определенными формами других частей, которые, по-видимому, ни в какой связи с первыми не стоят. Так, например, все без исключения животные, которые обладают красными кровяными клетками без клеточного ядра и у которых затылок соединен с первым позвонком при помощи двух суставов, обладают также молочными железами для кормления детенышей. Так, у млекопитающих животных разделенные копыта обыкновенно связаны с обладанием сложным желудком для производства жвачки. Изменения известных форм влекут за собой изменение формы других частей тела, хотя мы еще не в состоянии объяснить эту связь. Совершенно белые кошки с голубыми глазами всегда или почти всегда оказываются глухими. Постепенное усовершенствование человеческой руки и идущее рядом с этим развитие и приспособление ноги к прямой походке, несомненно, оказало, в силу закона соотношения, влияние и на другие части организма. Однако, этого рода зависимость еще слишком мало исследована, и мы вынуждены ограничиться здесь лишь одним констатированием этого факта.

Значительно важнее прямое, поддающееся учету воздействие развития руки на

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
остальной организм. Наши предки – обезьяны, как уже сказано, были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от не-общественных ближайших предков. Начинаясь, вместе с развитием руки и труда, господство над природой расширяло с каждым новым шагом кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стала ясней польза этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу. Потребность создала себе орган: неразвитая глотка обезьяны преобразовывалась медленно, но неуклонно, путем постепенного усиления модуляций, и органы рта постепенно научились произносить один членораздельный звук за другим.

Что это объяснение развития языка из процесса труда и вместе с ним является единственно верным, доказывает сравнение с животными. То немногое, что эти последние, даже наиболее развитые из них, имеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи. В естественном состоянии ни одно животное не испытывает неудобства от неумения говорить или понимать человеческую речь. Совсем иное, когда оно приручено человеком. Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что, в пределах свойственного им круга представлений, они научаются понимать всякий язык. Они, кроме того, приобрели способность к таким переживаниям, как чувство привязанности к человеку, чувство благодарности, которые раньше им были чужды. Всякий, кому приходилось иметь дело с такими животными, едва ли будет отрицать, что теперь часто бывают случаи, когда они ощущают, как недостаток, свою неспособность к членораздельной речи. К сожалению, однако, их голосовые органы настолько уже специализированы в определенном направлении, что этому горю их уже никак помочь нельзя. Там, однако, где условия органа для этого более благоприятны, эта неспособность, в известных границах, может исчезнуть. Голосовые органы птиц отличаются, конечно, радикально от соответствующих органов человека. Тем не менее, птицы являются единственными животными, которые могут научиться говорить, и именно птица с наиболее отвратительным голосом, попугай, обладает этой способностью в наибольшей мере. И пусть на это не возражают, что попугай не понимает того, что говорит. Правда, конечно, что из одной любви к процессу говорения, как к общению с людьми, попугай будет целыми часами бессмысленно повторять весь свой запас слов. Но в пределах своего круга представлений он может научиться также понимать то, что говорит. Научите попугая бранными словам так, чтобы он усвоил себе их значение (одно из главных развлечений возвращающихся из жарких стран матросов), попробуйте его затем дразнить, и вы скоро откроете, что он так же верно применяет свои бранные слова, как берлинская торговка. Точно так же при выклянчивании лакомств.

Сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьян мог постепенно превратиться в человеческий мозг, который, при всем сходстве в основной структуре, превосходит первый величиной и совершенством. С развитием же мозга шло параллельно развитие его ближайших орудий – органов чувств. Как постепенное развитие языка неизменно сопровождается соответствующим уточнением органа слуха, точно также развитие мозга сопровождается усовершенствованием всех чувств вообще. Орлиный глаз видит значительно дальше человеческого глаза, но человеческий глаз замечает в вещах значительно больше, чем глаз орла. Собака обладает значительно более тонким обонянием, чем человек, но она не различает и сотой доли тех запахов, которые для человека являются известными признаками различных вещей. И чувство осязания, которым обезьяна обладает в грубой, неразвитой форме, развилось у человека рядом с развитием самой руки при посредстве труда. Обратное влияние развития мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению на труд и язык давало обоим все новый толчок к дальнейшему развитию. Этот процесс развития не приостановился с момента окончательного отделения человека от обезьяны, но у различных народов и в различные времена, различно по степени и направлению, местами даже прерываемый попятным движением, в общем и целом могуче шествовал вперед, сильно подгоняемый с одной стороны, а с другой – толкаемый в более определенном направлении новым элементом, возникшим с появлением готового человека, – обществом.

Сотни тысяч лет – в истории земли имеющие не большее значение, чем секунда в жизни человека [6], – наверное протекли, прежде чем возникло человеческое общество из стада карабкающихся по деревьям обезьян. Но все же оно, наконец, появилось. И в чем же мы снова находим характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян? В труде.

Стадо обезьян довольствовалось тем, что пожирало готовые от природы запасы пищи, размеры которых определялись географическими условиями или степенью сопротивления соседних стад.

Оно кочевало с места на место, добываясь путем борьбы новой, богатой кормом области, но оно было неспособно извлечь из доставляющей ему корм области больше того, что эта область давала от природы, за исключением разве что это стадо бессознательно удобряло почву своими экскрементами. Как только все области, богатые кормом, были заняты, рост обезьяньего населения должен был приостановиться; в лучшем случае это население численно могло остаться на одном и том же уровне. Но все животные в высшей степени расточительны в отношении предметов питания и притом часто уничтожают в зародыше их естественный прирост. Волк, в противоположность охотнику, не щадит козули, которая в ближайшем году должна была бы доставить ему козлят; козы в Греции, которые пожирают все мелкие кустарники, не давая им расти, оголили все горы страны. Это «хищническое хозяйство» животных играет важную роль в процессе постепенного изменения видов, так как оно заставляет их приспосабливаться к новым, необычным родам пищи, благодаря чему кровь приобретает другой химический состав и вся физическая конституция постепенно становится иной, виды же, установившиеся раз навсегда, вымирают.

Нет никакого сомнения, что это хищническое хозяйство необычайно способствовало очеловечению наших предков. У той расы обезьян, которая превосходила все остальные смысленностью и приспособляемостью, это хищническое хозяйство должно было привести к тому, что все большее и большее количество новых растений, а из этих растений все большее количество съедобных частей, стало употребляться в пищу; одним словом – к тому, что пища стала более разнообразной, следствием чего было проникновение в организм все более разнообразных элементов, создавших химические предпосылки очеловечения. Но тут еще труд, в собственном смысле слова, не играл никакой роли. Процесс труда начинается только при изготовлении орудий. А что представляют собой наиболее древние орудия, которые мы находим, – наиболее древние, судя по найденным при раскопках предметам утвари доисторических людей и по образу жизни наиболее ранних исторических народностей и наиболее примитивных современных дикарей? Эти орудия представляют собой орудия охоты и рыболовства; первые являются одновременно и предметами вооружения. Но охота и рыболовство предполагают переход от исключительного употребления растительной пищи к потреблению наряду с ней и мяса, а это знаменует собой новый важный шаг на пути к очеловечению. Мясная пища содержит в почти готовом виде наиболее важные элементы, в которых нуждается организм для своего обмена веществ. Мясная пища сократила как процесс пищеварения, так и продолжительность других, соответствующих явлениям растительного царства растительных процессов в организме и сберегла этим больше времени, элементов и энергии для активного выявления животной, в собственном смысле слова, жизни. И чем больше формирующийся человек удалялся от растительного царства, тем более он возвышался также над животным. Как приучение диких кошек и собак к потреблению растительной пищи рядом с мясной способствовало тому, что они стали слугами человека, так и приучение к мясной пищи рядом с растительной чрезвычайно способствовало увеличению физической силы и самостоятельности формирующегося человека. Наиболее существенное влияние, однако, мясная пища оказала на мозг, получивший, благодаря ей, в большем количестве, чем раньше, вещества, в которых он нуждается для своего питания и развития, что дало ему возможность быстрее и полнее совершенствоваться из поколения в поколение. Рискую навлечь на себя гнев господ вегетарианцев, приходится признать, что мясная пища явилась необходимой предпосылкой развития человека, и если потребление мясной пищи у всех известных нам народов в то или иное время влекло за собой даже людоедство (предки берлинцев, велатабы или вильцы, еще в X столетии поедали своих родителей), то нам теперь до этого нет никакого дела.

Введение в потребление мясной пищи привело к двум усовершенствованиям, имеющим огромное значение: к пользованию огнем и к приручению животных. Первое сократило еще более процесс пищеварения, так как оно доставляло рту, так сказать, уже полупереваренную пищу; второе обогатило запасы мясной

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
пищи, так как наряду с охотой оно открыло новый источник, откуда ее можно было регулярно черпать, и доставило в виде молока и его продуктов новый, по разнообразию элементов равноценный мясу, предмет питания. Таким образом, оба эти усовершенствования стали непосредственно средствами эмансипации для человека. Остановившись здесь подробно на их косвенных последствиях, как ни важны они были для развития человека и общества, мы не можем, так как это отвлекло бы нас слишком в сторону.

Подобно тому как человек научился потреблять все съедобное, он научился жить также во всяком климате. Он рассеялся по всему обитаемому миру, он единственное животное, которое в состоянии было это сделать. Другие животные, сумевшие повсюду акклиматизироваться, делали это не самостоятельно, а следуя за человеком, как, например, домашние животные и насекомые. И переход от равномерно жаркого климата первоначальной родины в более холодные страны, где год делится между зимой и летом, создал новые потребности, потребности в жилище и платье для защиты от холода и сырости, создал, таким образом, новые области труда, новые формы активности, которые все более отдаляли человека от животного.

Благодаря совместной работе руки, органов речи и мозга, не только индивидуумы в отдельности, но и в обществе люди приобрели способность выполнять все более сложные операции, ставить себе все более высокие цели и достигать их. Процесс труда становился от поколения к поколению более разнообразным, более совершенным, более многосторонним. К охоте и скотоводству прибавилось земледелие, затем прядение, ткачество, обработка металлов, гончарное ремесло, судоходный промысел. Наряду с торговлей и промыслами появились искусство и наука. Из племен развились нации и государства. Развились право и политика, а вместе с ними то фантастическое отражение человеческого бытия в человеческой голове, которое представляет собой религию. Перед всеми этими образованиями, которые представлялись сначала продуктами головы, господствующими над обществом, отступали на задний план более скромные произведения человеческой руки, тем более, что голова, имевшая задачу составлять планы для трудовых операций, уже на очень ранней ступени развития (например, уже в первобытной семье) имела возможность заставить чужие руки заниматься практическим выполнением своих предначертаний. В голове, в развитии и деятельности мозга видели единственные двигатели быстро развивающейся цивилизации. Люди привыкли при объяснении своих действий исходить из своего мышления, а не из своих потребностей (которые, конечно, отражаются в голове, осознаются), и таким образом возникло с течением времени то идеалистическое мирозерцание, которое с эпохи падения античного мира владело умами. Оно владеет и теперь ими в такой мере, что даже материалистически мыслящие естествоиспытатели из школы Дарвина не могут себе составить ясного представления о происхождении человека, так как, в силу влияния этого идеалистического мирозерцания, они не видят роли, которую играл при этом труд.

Животные, как уже было вскользь упомянуто, изменяют своей деятельностью внешнюю природу так же, если и не в такой же мере, как человек, и эти совершаемые ими изменения окружающего оказывают, как мы видим, обратное влияние на виновников этих изменений. Ибо в природе ничто не совершается обособленно. Каждое явление воздействует на другое и обратно, и в забвении факта этого всестороннего движения и взаимодействия и кроется в большинстве случаев то, что мешает нашим естествоиспытателям видеть ясно самые простые вещи.

>(Ф. Энгельс. Роль труда в процессе очеловечения обезьяны. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 452 – 460. 1931 г. // 20, 486 – 494.)

3. Условия развития языка до образования национальных языков. Родоплеменные союзы и различные языки

10

Появившись на средней ступени и развившись на высшей ступени дикости, род достигает своего полного расцвета, насколько позволяют судить об этом наши источники, на низшей ступени варварства.

>(Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 159. 1932 г. // 21, 156.)

11

И какая удивительная организация во всем ее младенчестве и простоте, этот

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org

родовой строй! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворянства, королей, наместников, префектов и судей, без тюрем, без процессов – все идет своим заведенным ходом. Всякие раздоры и столкновения улаживаются коллективом тех, кого они касаются, родом или племенем, или отдельными родами между собою; только как крайнее, редко применяемое средство грозит кровная месть, лишь цивилизованной формой которой является наша смертная казнь, отражающая в себе все положительные и отрицательные стороны цивилизации. Хотя общих дел существует гораздо больше, чем в настоящее время, – домашнее хозяйство ведется у ряда семейств сообща и коммунистически, земля является достоянием всего племени (только сады и огороды пока предоставлены отдельным хозяйствам), – все же обходятся и без тени нашего широко разветвленного и сложного аппарата управления. Заинтересованные люди сами все решают, а в большинстве случаев вековой обычай уже все урегулировал. Бедных и нуждающихся быть не может – коммунистическое хозяйство и род знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны – не исключая женщин. Для рабов нет еще места, нет почвы обыкновенно и для порабощения чужих племен.

>(Там же, 96 – 97 // 21, 97 – 98.)

12

Мы находим здесь, где примером должны служить нам американские краснокожие, вполне развившееся родовое устройство. Племя расчленилось на несколько родов, чаще всего на два; эти первоначальные роды распадаются каждый, по мере роста населения, на несколько дочерних родов, по отношению к которым первоначальный род является фратрией; само племя раскалывается на несколько племен, в каждом из которых мы большею частью вновь встречаем прежние роды; союз объединяет, по крайней мере в отдельных случаях, родственные племена. Эта простая организация вполне соответствует общественным условиям, которые породили ее. Она представляет собою не что иное, как естественную группировку их; она оказывается способной улаживать все конфликты, которые могут возникнуть внутри так организованного общества. Во вне устраняет их война; она может кончиться уничтожением племени, но не порабощением его. Величие родового строя, но вместе с тем и его ограниченность, проявляется в том факте, что здесь нет места для господства и угнетения. Внутри родового строя не существует еще никакого различия между правами и обязанностями; для индейцев не существует вопроса, является правом или обязанностью участие в общественных делах, кровная месть или выкуп ее; такой вопрос показался бы им столь же нелепым, как и вопрос о том, чем является еда, сон, охота, – правом или обязанностью. Столь же мало могло быть места для расслоения племени и рода на различные классы. И это приводит нас к рассмотрению экономического базиса родового строя.

Население в высшей степени редко; оно уплотняется лишь в месте жительства племени, вокруг которого лежит широким поясом область охоты, затем идет нейтральный пограничный лес, отделяющий его от других племен. Разделение труда – чисто естественного происхождения; оно существует лишь между полами. Мужчина ведет войну, идет на охоту и рыбную ловлю, добывает пищу в сыром виде и необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята изготовлением пищи и одежды, варит, тклет, шьет. Тот и другая являются хозяевами каждый в своей области: мужчина в лесу, женщина в доме. Каждый является собственником изготовленных и употребляемых им орудий: мужчина – оружия, охотничьих и рыболовных принадлежностей, женщина – домашней утвари. Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах для нескольких, часто многих семей [7]. То, что делается и используется сообща, является общою собственностью: дом, огород, лодка. Здесь, таким образом, и притом только здесь, на самом деле существует придуманная юристами и экономистами цивилизованного общества «собственность, добытая собственным трудом», – последнее из лживых правовых обоснований, на которое еще опирается современная капиталистическая собственность.

Но люди не везде застывали на этой ступени развития. В Азии они нашли животных, поддающихся приручению и разведению в прирученном состоянии. За самою дикого буйвола надо было охотиться, в прирученном состоянии она ежегодно приносила теленка, а кроме того давала молоко. Некоторые наиболее передовые племена – арийцы, семиты, может быть, уже и туранцы – сделали главной отраслью своего труда сперва приручение, а затем лишь разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделялись из остальной массы варваров; то было первое крупное общественное разделение труда. Пастушеские племена производили не только больше, но и другие средства существования,

чем остальные варвары. Они имели не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах сравнительно с теми, но также шкуры, шерсть, козий пух и все возрастающее с увеличением массы сырья количество разных тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен. На прежних ступенях развития мог иметь место лишь случайный обмен; особое искусство в изготовлении оружия и орудий может вести к временному разделению труда. Так, например, во многих местах были найдены несомненные остатки мастерских для изготовления каменных орудий позднейшего периода каменного века; мастера, развивавшие здесь свое искусство, работали, вероятно, как это делают еще и теперь постоянные ремесленники индийских родовых общин, за счет всего общества. На этой ступени развития мог возникнуть только обмен внутри племени, да и последний оставался исключительным случаем. Здесь, напротив, после выделения пастушеских племен, мы находим готовые все условия для обмена между членами различных племен, для его развития и упрочения как постоянного учреждения. Первоначально обмен производили племя с племенем при посредстве своих родовых старейшин; но когда стада стали переходить в частную собственность, все больше стал преобладать и, наконец, сделался единственной формой обмена обмен между отдельными лицами. Но главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, был скот; скот сделался товаром, посредством которого оценивались все товары и который повсюду охотно принимался в обмен – одним словом, скот стал выполнять функцию денег и уже на этой ступени играл роль денег. С такой необходимостью и быстротой развивалась уже при самом возникновении товарообмена потребность в товаре – деньгах.

Огородничество, вероятно незнакомое азиатским варварам низшей ступени, появилось у них не позднее средней ступени, как провозвестник земледелия. Климат туранских плоскогорий не допускает скотоводства при отсутствии запасов корма на долгую суровую зиму; луговое хозяйство и разведение зерновых хлебов было здесь, таким образом, предварительным условием. Но если сначала зерно добывалось для скота, то скоро оно стало пищей и человека. Обработанная земля оставалась еще собственностью племени, передаваемой в пользование сначала рода, позднее – крупных семейных общин, наконец, отдельных лиц; они могли иметь известное право владения ею, но не больше.

Из достижений в области промышленной деятельности на этой ступени развития особенно важное значение имеют два: первое – ткацкий станок, второе – умение плавить металлические руды и обработка металлов. Медь и олово и выплавляемая из них бронза имели наибольшее значение: бронза давала пригодные орудия и оружие, но не могла вытеснить каменные орудия; это могло сделать только железо, а добывать железо еще не научились. Начали употреблять для украшения и в качестве драгоценностей золото и серебро, которые, должно быть, уже в это время имели большую ценность, чем медь и бронза.

Увеличение производства во всех областях – скотоводстве, земледелии, домашнем ремесле – сделало рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее. Вместе с тем оно увеличивало ежедневное количество труда, выпадавшее на долю каждого члена рода, семейной общины или отдельной семьи. Представлялось желательным привлечение новых рабочих сил. Война доставляла их: военнопленные стали обращаться в рабов. Первое крупное общественное разделение труда при данных общих исторических условиях вместе с обусловленным им увеличением производительности труда, а следовательно богатства, и вместе с сопровождающим его расширением поля производительной деятельности с необходимостью влекло за собой и рабство. Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса – господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых.

>(Там же, 159 – 162 // 21, 156 – 161.)

13

Внешние природные условия экономически распадаются на два большие класса: естественное богатство средствами существования, следовательно, плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т.п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, дерево, металлы, уголь и т.д. На низших ступенях культуры первый род, на высших ступенях культуры – второй род естественного богатства имеет решающее значение. Сравните, например, Англию с Индией, или – в античном мире – Афины и Коринф с прибрежными странами Черного моря.

>(К. Маркс. Капитал, I, 398. Изд. 8-е // 23, 521.)

14

Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнородность ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда и сменю тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, способствует умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда.

>(Там же, 399 // 23, 522.)

15

...с вступлением в эпоху варварства мы достигли такой ступени, когда дает себя знать различие в природных свойствах обоих великих материков. Характерным признаком периода варварства является приручение и разведение животных и возделывание растений. Но восточный материк, так называемый Старый свет, обладал почти всеми поддающимися приручению животными и всеми пригодными для возделывания видами злаков, кроме одного; западный, Америка, из всех поддающихся приручению млекопитающих – только ламой, да и то лишь в одной части юга, а из всех культурных злаков – только одним, но зато наилучшим: маисом. Следствием этих различий в естественных условиях было то, что отныне население каждого полушария идет своим особым путем, и пограничные столбы, обозначающие отдельные ступени развития, становятся разными для каждого из обоих случаев.

>(Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 23 – 24. 1932 г. // 21, 30.)

16

Буржуазное общество есть наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства. Категории, выражающие его отношения, понимание его структуры, позволяют вместе с тем проникнуть в строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, продолжая частью влачить за собой их остатки, которые оно еще не успело преодолеть, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека... Так как далее буржуазное общество само есть только противоречивая[8] форма развития, то отношения предшествующих формаций встречаются в нем часто лишь в выродившемся или даже замаскированном виде, как, например, общинная собственность. Поэтому, если правильно, что категории буржуазной экономики заключают в себе истину и для других общественных форм, то это надо понимать лишь *cum grano salis*. Они могут содержаться в ней в развитом, в искаженном, в карикатурном, во всяком случае в существенно-измененном виде. Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что последующая форма рассматривает предыдущую как ступень к самой себе и всегда понимает ее односторонне, ибо лишь весьма редко и при вполне определенных условиях она бывает способна к самокритике.

>(К. Маркс. К критике политической экономии, 37 – 38. 1932 г. // 12, 731 – 732.)

17

В понятие экономических отношений включается и географическая основа, на которой эти отношения возникают и существуют, и перешедшие в действительности от прошлого остатки прежних экономических эпох, которые продолжают сохраняться или по традиции, или в силу инерции, а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму.

>(Ф. Энгельс. Письмо Г. Штаркенбергу от 25/I 1894 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, 406. 1932 г. // 39, 174.)

18

Доказав, что обозначаемые именами животных родовые союзы внутри племени американских индейцев по существу тождественны с *genea* греков, и *gentes* римлян; что американская форма – первоначальная, а греко-римская – позднейшая, производная; что вся общественная организация первобытных греков и римлян с ее родом, фратрией и племенем находит точную параллель в организации американско-индейской; что род является учреждением, общим для всех варваров вплоть до их перехода к цивилизации и даже еще позднее (насколько простираются до сих пор наши сведения), – доказав все это,

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
Морган одним ударом объяснил труднейшие места древнейшей греческой и римской истории и одновременно с этим дал нам неожиданные разъяснения по поводу основных черт общественного устройства первобытного времени – до появления государства.

>(Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 84. 1932 г. // 21, 86.)
19

В качестве классического образца этого первобытного рода Морган берет род ирокезов, в частности племени сенека... В каждом роде существуют следующие обычаи... Никто из членов рода не может брать жену внутри рода. Таково основное правило рода, та связь, которая его скрепляет; это отрицательное выражение того весьма положительного кровного родства, в силу которого объединяемые им индивидуумы становятся родом.

Род может усыновлять посторонних и этим принимать их в состав своего племени. Военнопленные, которых не убивали, становились таким образом, в силу усыновления родом, членами племени сенека и приобретали тем самым все родовые и племенные права. Усыновление происходило по предложению отдельных членов рода, мужчин, которые принимали чужака, как брата или сестру, и женщин, принимавших его в качестве своего ребенка; для утверждения такого усыновления необходимо было торжественное принятие в род. Часто отдельные, в силу исключительных условий ослабевшие роды заново усиливались путем массового усыновления из другого рода, с согласия последнего.

>(Там же, 85, 86 и 87 // 21, 87 – 89.)
20

У очень многих индейских племен, насчитывающих более пяти или шести родов, мы встречаем соединение в особую группу каждого трех, четырех и более родов; Морган называет такое соединение фратрией (братством), точно переводя индейское название соответственно его греческому подобию. Так, у племени сенека существуют две фратрии; первая включает в себе роды 1 – 4, вторая – роды 5 – 8. Более близкое ознакомление обнаруживает, что эти фратрии большей частью представляют собою первоначальные роды, на которые сперва распалось племя, ибо при запрещении браков внутри рода каждое племя по необходимости должно было охватывать по крайней мере два рода, чтобы самостоятельно существовать. По мере размножения племени, каждый род, в свою очередь, распался на два или более родов, которые теперь становились самостоятельными, тогда как первоначальный род, включающий в себя все филиальные роды, продолжает существовать как фратрия. У племени сенека и у большинства других индейцев роды одной фратрии признаются братскими родами, тогда как роды разных фратрий считаются друг для друга двоюродными – обозначения, имеющие в американской системе родства, как мы видели, весьма реальное и выразительное значение. Первоначально ни один сенека не мог жениться также внутри своей фратрии, но этот обычай уже давно исчез и ограничивается только родом. Согласно существующей у племени сенека традиции, первоначальными родами, от которых произошли другие, были роды «медведь» и «олень». После того, как укоренилось это новое установление, оно видоизменялось в зависимости от потребности; если вымирали роды одной фратрии, то нередко, для пополнения убыли, в нее переносились целые роды из других фратрий. Поэтому мы видим у различных племен, что роды, носящие одинаковые названия, различно группируются в фратрии.

>(Там же, 89 // 21, 90 – 91.)
21

Как несколько родов образуют фратрию, так несколько фратрий в классической форме родовой организации образуют племя; в некоторых случаях у значительно ослабленных племен не хватает звена, фратрии. Что же отличает отдельное индейское племя в Америке?

1. Своя особая область и особое имя. Каждое племя обладало, кроме места своего действительного поселения, еще значительным пространством для охоты и рыбной ловли. За пределами последнего лежала обширная нейтральная полоса, простиравшаяся вплоть до области ближайшего племени; у племен с родственными языками она была уже, у племен, чуждых друг другу по языку, шире. Эта полоса аналогична пограничному лесу германцев, пустыне, которую создали вокруг своей области свевы Цезаря, аналогична *isarnholt* по-датски *jarnved*, *limes Danicus*) между датчанами и германцами, саксонскому лесу и

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
branibor (по-славянски «защитный лес»), от которого Бранденбург получил свое название, между германцами и славянами. Очерченная, таким образом, не совсем определенными границами область составляла общинную землю племени, признавалась таковою соседними племенами, им самим защищалась от посягательств. Неопределенность границ большей частью оказывалась практически неудобной лишь тогда, когда население значительно увеличивалось. Название племени, по-видимому, в большинстве случаев скорее возникало случайно, чем сознательно выбиралось; с течением времени часто случалось, что соседние племена обозначали племя не им самим употребляемым названием, а другим, подобно тому как немцы свое первое историческое общее название «германцы» получили от кельтов.

2. Особое, свойственное лишь этому племени наречие. В действительности племя и наречие по существу совпадают; новообразование племен и наречий путем распада прежних происходило в Америке еще недавно и вряд ли совсем прекратилось в настоящее время. При слиянии двух ослабевших племен в одно бывает в исключительных случаях, что в одном племени говорят на двух близких, родственных наречиях. Средняя численность американских племен ниже 2.000 душ; однако племя черокезов насчитывает 26.000 душ, наибольшее в Соединенных Штатах число индейцев, говорящих на одном и том же наречии.

>(Там же, 90 – 91 // 21, 92 – 93.)
22

Дальше соединения в племя значительное большинство американских индейцев не пошло. Немногочисленные племена их, отделенные друг от друга обширными пограничными полосами, ослабленные вечными войнами, занимали небольшим числом людей громадное пространство. Союзные соглашения между родственными племенами заключались местами под воздействием требований момента и с устранением опасности распались. Но в отдельных местностях первоначально родственные племена, разобщенные друг от друга, вновь сплачивались в длительные союзы и таким образом делали первый шаг к образованию нации. В Соединенных Штатах наиболее развитую форму такого союза мы встречаем у ирокезов. Выйдя из мест своего поселения, к западу от Миссисипи, где они, вероятно, составляли ветвь большой семьи дакота, они после долгих странствований осели в нынешнем штате Нью-Йорк, разделившись на пять племен: сенека, кайюга, онондага, онейда и могакв. Они занимались рыбной ловлей, охотой и примитивным огородничеством; жили селами, большей частью окруженными частоколами. Число их никогда не превышало 20.000 человек; каждое из пяти племен состояло из нескольких родов; они говорили на родственных наречиях одного и того же языка и населяли сплошную область, которая была поделена между пятью племенами.

>(Там же, 93 – 94 // 21, 95.)
23

Союз ирокезов представляет собою самую прогрессивную общественную организацию, до какой только развились индейцы, поскольку они не перешагнули за низшую ступень варварства (следовательно, исключая мексиканцев, новомексиканцев и перуанцев). Основные черты союза таковы:

1. Вечный союз пяти родственных по крови племен на основе полного равенства и самостоятельности во всех внутренних делах каждого племени. Это кровное родство являлось действительной основой союза. Три из пяти племен назывались отцовскими и были братьями друг другу; два остальные назывались сыновними племенами и тоже являлись братскими племенами одно для другого. Три рода – старшие – имели еще своих живых представителей во всех пяти племенах, три другие рода – в трех племенах; члены каждого из этих родов во всех пяти племенах признавались все братьями друг другу. Общий, различающийся лишь по наречиям язык был выражением и доказательством этой общности происхождения...

>(Там же, 94 // 21, 95 – 96.)
24

Мы видим у северо-американских индейцев, как первоначально единое племя постепенно распространяется по всей материке; как племена, распавшись, превращаются в народы, в целые группы племен; как изменяются языки, пока не только становятся непонятными один для другого, но и утрачивают почти всякий след первоначального единства; как наряду с этим внутри племен отдельные роды распадаются на несколько родов, старые роды сохраняются в

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
в виде фратрии, а названия этих старых родов остаются все же одинаковыми у отдаленных друг от друга и давно разделившихся племен – «волк» и «медведь» остаются родовыми именами еще у большинства всех индейских племен. И ко всем им в общем и целом относится вышеописанное общественное устройство, с той только оговоркой, что многие из них не дошли до союза родственных племен.

>(Там же, 95 – 96 // 21, 97.)
25

Греки, подобно пелазгам и другим соплеменным народам, уже в доисторическое время были организованы в те же органические группы, что и американцы: род, фратрия, племя, союз племен. Фратрия могла отсутствовать, как у дорян, союз племен мог возникнуть не везде, но во всех случаях основной ячейкой являлся род. К моменту своего появления в истории греки стояли на пороге цивилизации; между ними и американскими племенами, о которых была речь выше, лежат почти два больших периода развития, на которые греки героической эпохи опередили ирокезов. Род греков поэтому уже отнюдь не архаический род ирокезов.

>(Там же, 99 // 21, 100.)
26

Несколько родов [греческих. Ред.] объединены во фратрию.

>(Там же, 100 // 21, 101.)
27

Греческий род характеризуют еще следующие черты: ...запрещение браков внутри рода, кроме браков с наследницами. Это исключение и формулировка его как заповеди подтверждают значение старого правила... Право усыновления родом; оно осуществлялось посредством усыновления семьей, но с соблюдением публичных формальностей и только в виде исключения.

>(Там же, 100 // 21, 101.)
28

фратрия [у греков. Ред.], как и у американцев, представляла собою разделившийся на несколько родов и их объединений первоначальный род, причем она часто выводила их еще от общего родоначальника.

>(Там же, 102 – 103 // 21, 103 – 104.)
29

Из нескольких родственных фратрий [у греков. Ред.] составляется племя. В Аттике существовало четыре племени, из которых каждое состояло из трех фратрий; каждая фратрия насчитывала тридцать родов. Такое распределение групп предполагает сознательное и планомерное вмешательство в естественно-создавшийся порядок вещей. Как, когда и почему это произошло, – об этом умалчивает греческая история, из которой сами греки сохранили воспоминание лишь до героической эпохи.

Различия в наречиях у греков, стесненных на сравнительно небольшой территории, развились гораздо меньше, чем в обширных американских лесах; однако и здесь мы видим, что в одно большое целое соединились лишь племена с одинаковым основным наречием, и даже в маленькой Аттике встречаем особый диалект, который впоследствии приобрел господство в качестве общего для всей Греции прозаического языка.

В поэмах Гомера мы видим, что греческие племена в большинстве случаев уже объединились в небольшие народности, внутри которых, однако, еще вполне сохраняют свою самостоятельность роды, фратрии и племена.

>(Там же, 103 // 21, 104.)
30

Итак мы видим в греческом общественном устройстве героической эпохи еще в полной силе древнюю родовую организацию, но вместе с тем и начало ее разрушения.

>(Там же, 107 // 21, 108.)

Благодаря купле и продаже земельных участков, благодаря дальнейшему развитию разделения труда между земледелием и ремеслом, торговлей и мореходством, члены родов, фратрий и племен [у греков. Ред.] должны были весьма скоро перемещаться; в округе фратрии и племени селились жители, которые, будучи соотечественниками, все же не принадлежали к этим группам, следовательно, были чужаками в месте своего постоянного жительства.

>(Там же, 109 // 21, 109 – 110.)

32

Из сказания об основании Рима явствует, что первыми поселенцами были объединившиеся в одно племя несколько латинских родов (согласно сказанию – сто), к которым вскоре присоединилось одно сабинское племя, тоже насчитывавшее сто родов, а затем и третье, состоявшее из различных элементов племени, также имевшее, по преданию, сто родов. Весь рассказ с первого взгляда обнаруживает, что тут естественным является только род, да и последний в некоторых случаях был лишь отростком материнского рода, продолжавшего существовать на прежней родине. На племенах лежит печать искусственного образования, однако большею частью из родственных элементов и по образцу древнего, естественно выросшего, а не сколоченного племени. При этом не исключена возможность, что основным ядром каждого из трех племен могло служить настоящее старое племя. Промежуточное звено, фратрия, состояло из десяти родов и называлось курией; их было, таким образом, тридцать.

Общеизвестно, что римский род был таким же учреждением как и род греческий; и если греческий род представляет собой дальнейшее развитие той общественной ячейки, первобытную форму которой мы видим у американских краснокожих, то это целиком относится и к римскому роду.

>(Там же, 121 // 21, 120.)

33

Римский род, по крайней мере в древнейшую пору существования города, имел следующее устройство. ...Обязательство не вступать в брак внутри рода. ...Право принятия в род чужаков. Это совершалось путем усыновления одною из семей (как у индейцев), что вело за собою принятие в род.

>(Там же, 121, 122 и 123 // 21, 120 – 122.)

34

Десять родов [у римлян. Ред.], как сказано, составляли фратрию, которая здесь называлась курией и получила более важные общественные функции, чем греческая фратрия. Каждая курия имела собственные религиозные церемонии, святыни и жрецов; последние в своей совокупности составляли одну из римских жреческих коллегий. Десять курий составляли племя, которое, вероятно, имело первоначально, подобно остальным латинским племенам, своего избираемого старейшину – военачальника и верховного жреца. Три племена составляли римский народ, *populus romanus*.

>(Там же, 127 // 21, 126.)

35

Место не позволяет нам останавливаться на существующих еще поныне у самых различных диких и варварских народов в более чистой или затемненной форме родовых учреждениях или на оставленных последними следах древней истории азиатских культурных народов. Те или другие встречаются всюду. Достаточно нескольких примеров. Еще до того, как было признано существование рода, человек, который употребил величайшие усилия, чтобы неправильно истолковать его, а именно Мак-Леннан, доказал его существование и в общем правильно его описал у калмыков, черкесов, самоедов и у трех индийских народов – варали, могоаров и муннипури. Недавно М. Ковалевский обнаружил и описал его у пшавов, хевсуров, сванетов и других кавказских племен.

>(Там же, 132 // 21, 130.)

36

Древнейшие из сохранившихся кельтских законов рисуют нам род [у кельтов. Ред.] еще в полном расцвете; в Ирландии он живет, по крайней мере

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org инстинктивно, в народном сознании еще в настоящее время, после того как англичане насильственно разрушили его; в Шотландии еще в середине прошлого столетия процветал и пал здесь только под натиском оружия законодательства и судов англичан.

>(Там же, 132 // 21, 130.)

37

Ирландский род (sept, племя называлось clainne, clan) удостоверен и описан не только в древних сборниках законов, но и английскими юристами XVII столетия, присланными для превращения земель кланов в коронные владения английского короля.

>(Там же, 134 // 21, 132.)

38

Не подлежит сомнению, что германцы, вплоть до переселения народов, были организованы в роды. Они, по-видимому, заняли область между Дунаем, Рейном, Вислой и северными морями лишь за немного столетий до нашей эры; кимвры и тевтоны еще кочевали, а свевы прочно осели лишь во время Цезаря. О последних Цезарь определенно говорит, что они поселились по родам и родственным группам (gentibus cognationibusque), а в устах римлянина из рода Юлия (gens Julia) это слово gentibus имеет вполне определенное значение, не подлежащее никаким превратным истолкованиям. Это распространялось на всех германцев; даже поселение в завоеванных римских провинциях совершалось еще, по-видимому, по родам. В аламанском народном праве подтверждается, что народ расселился на завоеванной земле к югу от Дуная по поколениям (genealogiae); genealogia употреблено здесь совершенно в том же смысле, как позднейшая марка или сельская община. В новейшее время Ковалевским выдвинут тот взгляд, что эти genealogiae представляли собою крупные семейные общины, между которыми была разделена земля и из которых лишь впоследствии развилась сельская община. То же самое относится тогда и к fara, каковым выражением у бургундов и лангобардов, – следовательно, у готского и германского или верхне-германского племени, – обозначается почти, если и не совсем, то же самое, что и словом genealogia в аламанском своде законов. Действительно ли перед нами род или семейная община – подлежит еще дальнейшему исследованию.

Дошедшие до нас языки оставляют сомнение в том, существовало ли у всех германцев общее выражение для слова «род» и какое именно. Этимологически греческому genos, латинскому gens соответствует готское kuni, средне-верхнегерманское künne, которое и употребляется в том же смысле.

>(Там же, 136 – 137 // 21, 134 – 135.)

39

Мы уже знаем, какую роль играет в «Союзе» соглашение.

Стр. 462: «Если приходится вступать в соглашение и в словесное общение, то Я, разумеется, могу воспользоваться только человеческими средствами, которые находятся в Моем распоряжении, поскольку Я являюсь вместе с тем человеком» (т.е. экземпляром рода). Таким образом, язык здесь рассматривается как продукт рода. Однако тем, что Санчо говорит по-немецки, а не по-французски, он обязан вовсе не роду, а обстоятельствам. Впрочем, в любом современном развитом языке первоначально самобытная речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленный экономической и политической концентрацией. Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода. В «Союзе» будут говорить на языке как таковом, на святом языке, на языке Святого – на древне-еврейском и именно на арамейском диалекте, на котором говорила «воплощенная сущность» – Христос. Это «пришло» нам здесь в голову «вопреки ожиданию» Санчо, и пришло «только потому, что это может, как нам кажется, способствовать уяснению остального».

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Соч., IV, 414. 1933 г. // 3, 427 – 428.)

4. Условия образования национальных языков

40

Дальше соединения в племя значительное большинство американских индейцев не пошло. Немногочисленные племена их, отделенные друг от друга обширными пограничными полосами, ослабленные вечными войнами, занимали небольшим числом людей громадные пространства. Союзные соглашения между родственными племенами заключались местами под воздействием требований момента и с устранением опасности распадались. Но в отдельных местностях первоначально родственные племена, разобщенные друг от друга, вновь сплачивались в длительные союзы и таким образом делали первый шаг к образованию нации. В Соединенных Штатах наиболее развитую форму такого союза мы встречаем у ирокезов. Выйдя из места своего поселения к западу от Миссисипи, где они, вероятно, составляли ветвь большой семьи дакота, они после долгих странствований осели в нынешнем штате Нью-Йорк, разделившись на пять племен: сенека, кайюга, онондага, онейда и могаук. Они занимались рыбной ловлей, охотой и примитивным огородничеством; жили селами, большей частью окруженными частокочами. Число их никогда не превышало 20.000 человек; каждое из пяти племен состояло из нескольких родов; они говорили на родственных наречиях одного и того же языка и населяли сплошную область, которая была поделена между пятью племенами.

>(Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 93 – 94. 1932 г. // 21, 95.)

41

Союз ирокезов представляет собою самую прогрессивную общественную организацию, до какой только развились индейцы, поскольку они не перешагнули за низшую ступень варварства (следовательно, исключая мексиканцев, новомексиканцев и перуанцев). Основные черты союза таковы:

1. Вечный союз пяти родственных по крови племен на основе полного равенства и самостоятельности во всех внутренних делах каждого племени. Это кровное родство являлось действительной основой союза. Три из пяти племен назывались отцовскими и были братьями друг другу; два остальные назывались сыновними племенами и тоже являлись братскими племенами одно для другого. Три рода – старшие – имели еще своих живых представителей во всех пяти племенах, три другие рода – в трех племенах; члены каждого из этих родов во всех пяти племенах признавались все братьями друг другу. Общий, различающийся лишь по наречиям язык был выражением и доказательством этой общности происхождения.

>(Там же, 94 // 21, 95 – 96.)

42

Различия в наречиях у греков, стесненных на сравнительно небольшой территории, развились гораздо меньше, чем в обширных американских лесах; однако и здесь мы видим, что в одно большое целое соединились лишь племена с одинаковым основным наречием, и даже в маленькой Аттике встречаем особый диалект, который впоследствии приобрел господство в качестве общего для всей Греции прозаического языка.

В поэмах Гомера мы видим, что греческие племена в большинстве случаев уже объединились в небольшие народности, внутри которых, однако, еще вполне сохраняют свою самостоятельность роды, фратрии и племена.

>(Там же, 103 // 21, 104.)

43

Благодаря купле и продаже земельных участков, благодаря дальнейшему развитию разделения труда между земледелием и ремеслом, торговлей и мореходством, члены родов, фратрий и племен [у греков. Ред.] должны были весьма скоро перемешаться; в округе фратрий и племен селились жители, которые, будучи соотечественниками, все же не принадлежали к этим группам, следовательно, были чужаками в месте своего постоянного жительства.

>(Там же, 109 // 21, 109 – 110.)

44

Так афиняне сделали еще шаг дальше, чем какой-либо из туземных народов Америки: вместо простого союза живущих рядом племен явилось слияние их в

>(Там же, 110 // 21, 110.)
45

Из сказания об основании Рима явствует, что первыми поселенцами были объединившиеся в одно племя несколько латинских родов (согласно сказанию – сто), к которым вскоре присоединилось одно сабинское племя, тоже насчитывавшее сто родов, а затем и третье, состоявшее из различных элементов племени, также имевшее, по преданию, сто родов.

>(Там же, 121 // 21, 120.)
46

Десять родов [у римлян. Ред.], как сказано, составляли фратрию, которая здесь называлась курией и получила более важные общественные функции, чем греческая фратрия. Каждая курия имела собственные религиозные церемонии, святыни и жрецов; последние в своей совокупности составляли одну из римских жреческих коллегий. Десять курий составляли племя, которое, вероятно, имело первоначально, подобно остальным латинским племенам, своего избираемого старейшину – военачальника и верховного жреца. Три племени составляли римский народ, *populus romanus*.

>(Там же, 127 // 21, 126.)
47

...население города Рима и римской области, расширившееся благодаря завоеванию, возрастало; рост этот происходил за счет частью новых поселенцев, частью населения покоренных, большей частью латинских округов. Все эти новые жители государства (вопроса о клиентах мы здесь не касаемся) стояли вне старых родов курий и племени и, следовательно, не составляли части *populus romanus*, собственно римского народа. Они были лично свободные люди, могли владеть земельной собственностью, должны были платить налоги и отбывать военную службу. Но они не могли занимать никаких должностей и не могли участвовать ни в собрании курий, ни в дележе завоеванных государственных земель. Они составляли лишенный всех общественных прав плебс. Благодаря своей все возрастающей численности, своей военной выучке и вооружению они сделались силой, угрожающей старому *populus*, теперь прочно оградившему себя от всякого прироста извне...

...невозможно сказать что-нибудь определенное ни о времени, ни о ходе, ни о причинах революции, которая положила конец древнему родовому строю. Несомненно лишь одно, что причина ее коренилась в борьбе между плебсом и *populus*.

>(Там же, 129 – 130 // 21, 127 – 128.)
48

Дошедшие до нас языки оставляют сомнение в том, существовало ли у всех германцев общее выражение для слова «род» и какое именно.

>(Там же, 136 – 137 // 21, 135.)
49

Со времени Цезаря [у германцев. Ред.] образовались союзы племен; у некоторых из них были уже короли; высший военачальник, как у греков и римлян, уже домогался тиранической власти и иногда достигал ее.

>(Там же, 145 // 21, 142.)
50

...в общем, у объединившихся в народы германских племен существует такое же общественное устройство, как и у греков героической эпохи и у римлян эпохи так называемых царей: народное собрание, совет родовых старейшин, военачальник, стремящийся уже к фактической королевской власти. То было наиболее развитое общественное устройство, какое вообще могло развиваться при родовом строе; оно являлось образцовым общественным устройством для высшей ступени варварства. Стоило обществу перейти за те рамки, внутри которых это устройство удовлетворяло своему назначению, и наступал конец родового строя, он разрушался, его место заступало государство.

>(Там же, 146 // 21, 143 – 144.)

51

По всем странам бассейна Средиземного моря в течение столетий проходил все нивелирующий рубанок римского владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки должны были уступить место испорченному латинскому; исчезли все национальные различия, уже не существовало больше галлов, иберийцев, лигурийцев, нориков, – все они превратились в римлян. Римская администрация и римское право повсеместно разрушили древние родовые союзы, а вместе с ними и последние остатки местной и национальной самостоятельности. Вновь испеченное римское гражданство ничего не могло дать взамен; оно не выражало никакой национальности, а было лишь выражением отсутствия национальной. Элементы новых наций были повсюду налицо; латинские диалекты различных провинций все больше и больше отдалялись друг от друга; естественные границы, прежде делавшие Италию, Галлию, Испанию, Африку самостоятельными областями, еще существовали и также давали себя чувствовать. Но нигде не было налицо силы, способной создать из этих элементов новые нации; нигде еще не было и следа способности к развитию, отсутствовали силы сопротивления, не говоря уже о творческих способностях. Для громадной массы людей на огромной территории единственной объединяющей связью служило римское государство, которое со временем сделалось ее злейшим врагом и угнетателем.

>(Там же, 148 – 149 // 21, 146 – 147.)

52

Германские варвары в награду за то, что освободили римлян от их собственного государства, отняли у них две трети всей земли и поделили ее между собою. Раздел произошел согласно порядкам родового строя; при сравнительно небольшой численности завоевателей значительные пространства остались неразделенными во владении частью целого народа, частью отдельных племен и родов. В пределах каждого рода пахотная земля и луга были по жребию поделены равными частями между отдельными хозяйствами; нам неизвестно, происходили ли в дальнейшем новые переделы, во всяком случае последние скоро исчезли в римских провинциях, а отдельные участки превратились в отчуждаемую частную собственность, аллод. Лес и выгоны оставались неразделенными в общем пользовании; это пользование ими, а также способ обработки разделенной пашни регулировались древним обычаем и постановлениями всей общины. Чем дольше жил род в своем селе и чем больше постепенно сливались германцы и римляне, тем больше родственный характер союза отступал на задний план перед территориальным; род исчезал в марке, в которой, впрочем, еще достаточно часто были заметны следы происхождения из родственных отношений членов общины. Так незаметно растворился здесь родовой строй, – по крайней мере в странах, где удержалась марка: на севере Франции, в Англии, Германии, Скандинавии, – в территориальном устройстве и оказался поэтому способным приспособиться к государству.

>(Там же, 152 – 153 // 21, 150.)

53

Общественные классы IX столетия сформировались не в обстановке упадка гибнущей цивилизации, а в муках, родов новой цивилизации. Новое поколение, как господа, так и слуги, в сравнении с своими римскими предшественниками было поколением мужей. Отношения между могущественными землевладельцами и зависимыми от них крестьянами, ставшие для последних безвыходной формой гибели античного мира, явились теперь для первых исходным пунктом нового развития. И затем, сколь бесплодными ни представляются эти четыреста лет, они оставили один крупный результат: современные национальности, новую группировку и расчленение западно-европейского человечества для грядущей истории.

>(Там же, 156 – 157 // 21, 154.)

54

...в любом современном развитом языке первоначально самобытная речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленный экономической и политической концентрацией.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Соч., IV, 144. 1933 г. // 3, 427.)
55

Из племен развились нации и государства.

>(Ф. Энгельс. Роль труда в процессе очеловечения обезьяны. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 459. 1931 г. // 20, 493.)
56

Вчера я прочел книгу об арабских надписях, о которой я тебе вчера говорил. Она не лишена интереса, хотя всюду отвратительно проглядывает поп и защитник Библии. Высшее торжество для него в том, что он мог указать несколько ошибок Гиббона в древней географии, откуда он делает вывод, что и теология Гиббона тоже никуда не годится. Книга называется The historical geography of Arabia by the Reverend Charles Forster [Историческая география Аравии его преподобия Чарльса Форстера]. Лучшие выводы, вытекающие отсюда, следующие:

1. Приводимая в книге Бытия генеалогия, выдаваемая за генеалогию Ноя, Авраама и т.д., является в сущности довольно исчерпывающим перечислением бедуинских племен того времени соответственно их большому или меньшему родству в наречии и т.д. До настоящего времени бедуинские племена называют себя, как известно, Бени Салед, Бени Юсуф и т.д. и т.д., сыновья такого-то и такого-то. Это название, происходящее из древне-патриархального образа жизни, приводит к такому роду генеалогии. Перечисление родов в книге Бытия подтверждается более или менее древней географией, и новейшие путешественники доказывают, что эти старинные имена с некоторыми диалектическими изменениями продолжают по большей части еще существовать. Из этого вытекает, что евреи были таким же бедуинским племенем, как и все остальные, но это племя стало похожим на другие и очутилось в противоречии с ними благодаря местным условиям, земледелию и т.д.

2. По поводу великого арабского вторжения, о котором мы говорили раньше – именно, что бедуины, подобно монголам, повторяли от времени до времени набеги, что Ассирийское и Вавилонское царства были основаны бедуинскими племенами на том же самом месте, где впоследствии возник Багдадский халифат. Основатели Вавилонского царства, халдеи, продолжают существовать в той же местности под именем Бени Халед. Быстрое возникновение крупных городов Ниневии и Вавилона происходило точно так же, как 300 лет тому назад еще возникали такие же громадные города Агра, Дели, Лагор, Муттан в Ост-Индии, благодаря или афганскому или татарскому вторжению. Таким образом, магометанское вторжение теряет характер чего-то особенного.

3. Видимо, там, где арабы были оседлыми, – на юго-западе, – они были таким же цивилизованным народом, как египтяне, ассирияне и т.д., что видно из их построек. Это также объясняет многое в магометанском завоевании. Что же касается религиозного надувательства, то, по-видимому, из старинных надписей на юге, – в которых все еще преобладает старинная национально-арабская традиция монотеизма (как у американских индейцев), причем еврейская традиция является лишь небольшой частицей ее, – из этих старинных надписей ясно вытекает, что религиозная революция Магомета, как и всякое религиозное движение, формально была реакцией, возвратом к старому, к простому.

Теперь мне совершенно ясно, что еврейское так называемое священное писание есть не что иное, как запись древне-арабских религиозных и племенных традиций, измененных благодаря тому, что евреи рано отделились от своих – родственных по племени, но оставшихся кочевыми – соседей. То обстоятельство, что Палестина с арабской стороны окружена пустыней, областью, принадлежащей бедуинскому племени, объясняет самостоятельное развитие [евреев]. Но древне-арабские надписи, традиции и Коран, а также и та легкость, с которой объясняются все родословные и т.д., – все это доказывает, что главное содержание [еврейских религиозных традиций] было арабским или даже, вернее: обще-семитическим, вроде нашей Эдды и немецких сказаний о героях.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу от мая 1853 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, 76 – 78. Изд. 4-е // 28, 210.)
57

Твое письмо об евреях и арабах я прочел с большим интересом. 1) У всех восточных племен можно установить общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся с самого начала истории кочевым бытом другой части. 2) Во время Магомета торговый путь из Европы в Азию сильно изменился, и города Аравии, принимавшие большое участие в торговле с Индией и т.д., находились в коммерческом отношении в упадке, что во всяком случае тоже дало толчок. 3) Что же касается религии, то этот вопрос можно легко свести к общему вопросу, на который легко ответить: почему история Востока представляется в виде истории религий?

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 1/VI 1853 г. – Там же, 78 – 79 // 28, 214.)
58

Буржуазия все более и более упраздняет раздробление средств производства, владений и населения. Она сгустила население, централизовала средства производства, сосредоточила собственность в немногих руках. Необходимым следствием была политическая централизация. Независимые, едва связанные между собою провинции, с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в одну нацию, одно правительство, одно законодательство, один национальный классовый интерес, одну таможенную границу.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический Манифест, 21 – 22. 1932 г. // 4, 428.)
59

Самой собой разумеется, что при каждом завоевании более варварским народом ход экономического развития нарушается и уничтожается целая масса производительных сил. Но в огромном большинстве случаев при прочных завоеваниях дикий победитель принужден приноравливаться к тому высшему «экономическому положению», какое он находит в завоеванной стране; покоренный им народ ассимилирует его себе и часто заставляет даже принять свой язык.

>(Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 185. 1931 г. // 20, 188.)
60

Нет ничего обычного представления, будто в истории до сих пор все дело было только в захвате... захвату повсюду очень скоро приходит конец. И когда уже нечего более захватить, нужно начать производить. Из этой очень скоро наступающей необходимости производства следует, что принимаемая оседающими завоевателями форма общественности должна соответствовать ступени развития производительных сил, которую они застают в наличии, а если этого соответствия первоначально нет, то их форма общественности должна измениться сообразно производительным силам. Этим объясняется также и тот факт, отмеченный повсюду в эпоху после переселения народов, что раб стал господином и завоеватели очень скоро переняли язык, образование и нравы завоеванных народов.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Соч., IV, 36 – 37. 1933 г. // 3, 74.)
61

Шлезвиг любопытная страна... Достаточно поехать по стране, чтобы убедиться, что основное ядро англичан произошло из Шлезвига... Я уверен, что «юты» (Eotena суп – по англо-саксонски), перекочевавшие в Англию вместе с англами и саксами, были фризами, а датская иммиграция в Ютландию и Шлезвиг начинается лишь с VII или VIII века. Доказательством этого служит сам нынешний ютский диалект.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 2/XI 1864 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XXIII, 204. 1932 г // 31, 4.)
62

Взаимоотношение языков и национальностей очень своеобразно. Во Фленсбурге, где – по датским данным – вся передняя часть, особенно у гавани, датская, все дети, массами игравшие у гавани, говорили на ниже-немецком наречии.

Напротив, к северу от Фленсбурга народным языком является датский, т.е. ниже-датский диалект, из которого я не понимал почти ни слова.

>(Там же, 204 // 31, 5.)
63

В Зундевите в харчевне крестьяне говорили разно: на датском, ниже-немецком и немецком языках; и там и в Зондербурге, где я обращался к людям по-датски, я всегда получал ответ на немецком языке. Северный Шлезвиг во всяком случае сильно онемечен, и его очень трудно было бы сделать опять датским, безусловно труднее, чем немецким.

>(Там же, 204 – 205 // 31, 5.)
64

Внешние природные условия экономически распадаются на два большие класса: естественное богатство средствами существования, следовательно, плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т.п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, дерево, металлы, уголь и т.д. На низших ступенях культуры первый род, на высших ступенях – второй род естественного богатства имеет решающее значение. Сравните, например, Англию с Индией, или – в античном мире – Афины и Коринф с прибрежными странами Черного моря.

>(К. Маркс. Капитал, I, 398. Изд. 8-е // 23, 521.)
65

...с вступлением в эпоху варварства мы достигли такой ступени, когда дает себя знать различие в природных свойствах обоих великих материков. Характерным признаком варварского периода является приручение и разведение животных и возделывание растений. Но восточный материк, так называемый Старый свет, обладал почти всеми поддающимися приручению животными и всеми пригодными для возделывания видами злаков, кроме одного; западный, Америка, – из всех поддающихся приручению млекопитающих – только ламой, и то лишь в одной части юга, а из всех культурных злаков только одним, но зато наилучшим: маисом. Следствием этих различий в естественных условиях было то, что отныне население каждого полушария идет особым путем, и пограничные столбы, обозначающие отдельные ступени развития, становятся разными для каждого из обоих случаев.

>(Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 23 – 24. 1932 г. // 21, 30.)
66

Не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнородность ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда и сменю тех естественных условий, в которых приходится вести свое хозяйство человеку, способствует умножению его собственных потребностей, способностей, средств и способов труда.

>(К. Маркс. Капитал, I, 399. 1931 г. // 23, 522.)
67

Что такое нация?

Нация – это, прежде всего, общность, определенная общность людей.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т.д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т.д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен.

Итак, нация – не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей.

С другой стороны несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражения того или иного завоевателя.

Итак, нация не случайный и не эфемерный конгломерат, а устойчивая общность

Но не всякая устойчивая общность создает нацию. Австрия и Россия тоже устойчивые общности, однако никто их не называет нациями. Чем отличается общность национальная от общности государственной? Между прочим тем, что национальная общность немыслима без общего языка, в то время как для государства общий язык необязателен. Чешская нация в Австрии и польская в России были бы невозможны без общего для них языка, между тем, как целости России и Австрии не мешает существование внутри их целого ряда языков. Речь идет, конечно, о народно-разговорных языках, а не об официально-канцелярских.

Итак, общность языка, как одна из характерных черт нации.

Это, конечно, не значит, что различные нации всегда и всюду говорят на разных языках, или все, говорящие на одном и том же языке, обязательно составляют одну нацию. Общий язык для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций.

Нет нации, которая говорила бы сразу на разных языках, но это еще не значит, что не может быть двух наций, говорящих на одном языке. Англичане и северо-американцы говорят на одном языке, и все таки они не составляют одной нации. То же самое нужно сказать и о норвежцах и датчанах, англичанах и ирландцах.

Но почему, например, англичане и северо-американцы не составляют одной нации, несмотря на общий язык?

Прежде всего потому, что они живут не совместно, а на разных территориях. Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, и в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории. Англичане и американцы раньше населяли одну территорию, Англию, и составляли одну нацию. Потом одна часть англичан выселилась из Англии на новую территорию в Америку и здесь на новой территории с течением времени образовала новую, северо-американскую нацию.

Разные территории повели к образованию разных наций.

Итак, общность территории, как одна из характерных черт нации.

Но это еще не все. Общность территории сама по себе еще не дает нации. Для этого нужна, кроме того, внутренняя экономическая связь, спаивающая отдельные части нации в одно целое.

Между Англией и Северной Америкой нет такой связи, и потому они составляют две различные нации. Но и сами северо-американцы не заслуживали бы названия нации, если бы отдельные уголки Северной Америки не были связаны между собой в экономическое целое, благодаря разделению труда между ними, развитию путей сообщения и т.д.

Взять хотя бы Грузию. Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее, они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушные крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии. Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, в конец расшатали хозяйственную замкнутость и связали их в одно целое.

То же самое нужно сказать о других нациях, прошедших стадию феодализма и развивших у себя капитализм.

Итак, общность экономической жизни, экономическая связанность, как одна из характерных особенностей нации.

Но и это не все. Кроме всего сказанного, нужно принять во внимание особенности духовного облика людей, объединенных в нацию. Нации отличаются друг от друга не только по условиям их жизни, но и по духовному облику, выражающемуся в особенностях национальной культуры. Если говорящие на одном языке Англия, Северная Америка и Ирландия составляют тем не менее три различные нации, то в этом не малую роль играет тот своеобразный психический склад, который выработался у них из поколения в поколение в результате неодинаковых условий существования.

Конечно, сам по себе психический склад, или, как это называют иначе, «национальный характер», является для наблюдателя чем-то неуловимым, но поскольку он выражается в своеобразии культуры, общей нации, он уловим и не может быть игнорирован.

Нечего говорить, что «национальный характер» не есть нечто раз навсегда данное, а изменяется вместе с условиями жизни; но поскольку он существует в каждый данный момент, – он накладывает на физиономию нации свою печать.

Итак общность психического склада, сказывающаяся в общности культуры, как одна из характерных черт нации.

Таким образом мы исчерпали все признаки нации.

Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни, психического склада, проявляющегося в общности культуры.

При этом само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец.

Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того, – достаточно отсутствие хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией.

Можно представить людей с общим – национальным характером и все-таки нельзя сказать, что они составляют одну нацию, если они экономически разобщены, живут на разных территориях, говорят на разных языках. Таковы, например, русские, галицийские, американские, грузинские, горские евреи, не составляющие, по нашему мнению, единой нации.

Можно представить людей с общностью территории и экономической жизни, и все-таки они не составят одной нации без общности языка и «национального характера». Таковы, например, немцы и латыши в Прибалтийском крае.

Наконец, норвежцы и датчане говорят на одном языке, но они не составляют одной нации в силу отсутствия других признаков.

Только наличность всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию.

Может показаться, что «национальный характер» является не одним из признаков, а единственно существенным признаком нации, причем все остальные признаки составляют, собственно, условия развития нации, а не ее признаки. На такой точке зрения стоят, например, известные в Австрии с.-д. теоретики национального вопроса Р. Шпрингер и, особенно, О. Бауэр.

Рассмотрим их теорию нации.

По Шпрингеру: «нация – это союз одинаково-мыслящих и одинаково говорящих людей». Это «культурная общность группы современных людей, не связанная с землей» [9] (курсив наш).

Итак, союз одинаково мыслящих и говорящих людей, как бы они ни были разбросаны друг от друга, где бы они ни жили.

Бауэр идет еще дальше.

«Что такое нация, – спрашивает он, – есть ли это общность языка, которая объединяет людей в нацию? Но англичане и ирландцы... говорят на одном языке, не представляя собой, однако, единого народа; евреи вовсе не имеют общего языка и составляют тем не менее нацию» [10].

«Нация – это относительная общность характера»[11].
Но что такое характер в данном случае – национальный характер?

Национальный характер – это «сумма признаков, отличающих людей одной от людей другой национальности, комплекс физических и духовных качеств, который отличает одну нацию от другой»[12].
Бауэр, конечно, знает, что национальный характер не падает с неба, и потому он прибавляет:

«характер людей ничем иным не определяется как их судьбой», что «нация есть не что иное, как общность судьбы», в свою очередь определяемая «условиями, в которых люди производят средства к своей жизни и распределяют продукты своего труда»[13].
Таким образом мы пришли к наиболее «полному», как выражается Бауэр, определению нации.

«Нация – это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы»[14].
Итак, общность национального характера на почве общности судьбы, взятая вне обязательной связи с общностью территории, языка и экономической жизни.

Но что же остается в таком случае от нации? О какой национальной общности может быть речь у людей, экономически разобщенных друг от друга, живущих на разных территориях и из поколения в поколение говорящих на разных языках?

Бауэр говорит об евреях, как о нации, хотя и «вовсе не имеют они общего языка»[15]: но о какой «общности судьбы» и национальной связанности может быть речь, например, у грузинских, дагестанских, русских и американских евреев, совершенно оторванных друг от друга, живущих на разных территориях и говорящих на разных языках?

Упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими, американцами, в общей с ними культурной атмосфере; это не может не накладываться на их национальный характер своей печати; если что и осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера. Все это несомненно. Но как можно серьезно говорить, что окостенелые религиозные обряды и выветривающиеся психологические остатки влияют на «судьбу» упомянутых евреев сильнее, чем окружающая их живая, социально-экономическая и культурная среда? А ведь только при таком предположении можно говорить об евреях вообще, как об единой нации.

Чем же отличается тогда нация Бауэра от мистического и самодовлеющего «национального духа» спиритуалистов?

Бауэр проводит непроходимую грань между «отличительной чертой» нации (национальный характер) и «условиями» их жизни, отрывая их друг от друга. Но что такое национальный характер, как не отражение условий жизни, как не сгусток впечатлений, полученных от окружающей среды? Как можно ограничиваться одним лишь национальным характером, обособляя и отрывая его от породившей его почвы?

Затем, чем собственно отличалась английская нация от северо-американской в конце XVIII и в начале XIX века, когда Северная Америка называлась еще «Новой Англией»?

Уже, конечно, не национальным характером: ибо северо-американцы были выходцами из Англии, они взяли с собой в Америку, кроме английского языка, еще английский национальный характер и, конечно, не могли его так быстро утратить, хотя под влиянием новых условий у них, должно быть, выработывался свой особый характер. И, все-таки, несмотря на большую или меньшую общность характера, они уже составляли тогда особую от Англии нацию. Очевидно, «Новая Англия», как нация, отличалась тогда от Англии, как нации, не особым национальным характером, или не только национальным характером, сколько особой от Англии средой, условиями жизни.

Таким образом, ясно, что в действительности не существует никакого единственно отличительного признака нации. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
один признак (национальный характер), то другой (язык), то третий (территория, экономические условия). Нация представляет сочетание всех признаков, взятых вместе.

Точка зрения Бауэра, отождествляющая нацию с национальным характером, отрывает нацию от почвы и превращает ее в какую-то самодовлеющую силу. Получается не нация, живая и действующая, а нечто мистическое, неуловимое и загробное. Ибо, повторяю, что это за, например, еврейская нация, состоящая из грузинских, дагестанских, русских, американских и прочих евреев, члены которой не понимают друг друга (говорят на разных языках), живут в разных частях земного шара, никогда друг друга не увидят, никогда не выступят совместно, ни в мирное, ни в военное время? Нет, не для таких бумажных «наций» составляет социал-демократия свою национальную программу. Она может считаться только с действительными, живыми, живущими общей национальной жизнью нациями, заставляющими считаться с собой.

Бауэр, очевидно, смешивает нацию, являющуюся исторической категорией, с племенем, являющимся категорией этнографической.

Впрочем, Бауэр, по-видимому, чувствует слабость своей позиции. Решительно заявляя в начале своей книги об евреях как о нации[16], Бауэр в конце книги поправляется, утверждая, что «капиталистическое общество вообще не дает им (евреям) сохраняться как нации»[17], ассимилируя их с другими нациями.

Причина оказывается в том, что «евреи не имеют замкнутой колонизационной области»[18], в то время как такая область имеется, например, у чехов, которые должны сохраниться, по Бауэру, как нация.

Короче: причина – в отсутствии общей территории.

Рассуждая так, Бауэр хотел доказать, что национальная автономия не может быть требованием еврейских рабочих[19], но он тем самым нечаянно опрокинул свою собственную теорию, отрицающую общность территории, как один из признаков нации.

Но Бауэр идет дальше. В начале своей книги он решительно заявляет, что «евреи вовсе не имеют общего языка и составляют тем не менее нацию»[20], но не успел он добраться до сто тридцатой страницы, как уже переменяет фронт, заявляя так же решительно: «несомненно, что никакая нация невозможна без общего языка»[21] (курсив наш).

Бауэр тут хотел доказать, что «язык – это важнейшее орудие человеческого общения»[22], но он вместе с тем нечаянно доказал и то, что он не собирался доказывать, а именно, несостоятельность своей собственной теории нации, отрицающей значение общности языка.

Так сама себя опровергает считая идеалистическими нитками теория.

>(И.В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос, 3 – 13. – Сборник статей по национальному вопросу, Госиздат. 1920 г. // 2, 292 – 303.)
68

Нации – неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития.

>(В.И. Ленин. Карл Маркс. – Соч., т. XVIII, 25 // 26, 75.)
69

Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец – условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы – более того, для всего цивилизованного мира – типичным, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство.

>(В.И. Ленин. О праве наций на самоопределение. – Соч., XVII, 428 // 25, 258 – 259.)
70

Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств... Первая преобладает в начале его [капитализма. Ред.] развития...

>(В.И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. – Соч., XVII, 139 – 140 // 24, 124.)

5. Условия развития языка в классовом обществе

71

Производство вообще это – абстракция, но абстракция, имеющая смысл, поскольку она действительно выдвигает общее, фиксирует его и тем избавляет нас от повторений. Однако это общее и сходное, выделенное путем сравнения, само является многократно расчлененным и содержит в себе различные определения. Одни относятся ко всем эпохам, другие – общи лишь некоторым. Одни определения являются общими для современной и для древнейшей эпохи. Без них совершенно невозможно мыслить себе производство; однако, хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми языками, но именно отличие их от этого всеобщего и общего и есть то, что образует их развитие.

>(К. Маркс. К критике политической экономии, 17. 1932 г. // 12, 711.)
72

Буржуазное общество есть наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства. Категории, выражающие его отношения, понимание его структуры, позволяют вместе с тем проникнуть в строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, продолжая частью влачить за собой их остатки, которые оно еще не успело преодолеть, частью развивая до полного значения то, что прежде имело лишь в виде намека... Так как далее буржуазное общество само есть только противоречивая форма развития, то отношения предшествующих формаций встречаются в нем часто лишь в выродившемся или даже замаскированном виде, например, общинная собственность. Поэтому, если правильно, что категории буржуазной экономики заключают в себе истину и для других общественных форм, то это надо понимать лишь *cum grano salis*. Они могут содержаться в ней в развитом, в искаженном, в карикатурном, во всяком случае в существенно-измененном виде. Так называемое историческое развитие покоится вообще на том, что последующая форма рассматривает предыдущую как ступень к самой себе и всегда понимает ее односторонне, ибо лишь весьма редко и при вполне определенных условиях она бывает способна к самокритике.

>(К. Маркс. К критике политической экономии, 37 – 38. 1932 г. // 12, 731 – 732.)
73

В понятие экономических отношений включается и географическая основа, на которой эти отношения возникают и существуют, и перешедшие от прошлого остатки прежних экономических эпох, которые продолжают сохраняться или по традиции, или в силу инерции, а также, конечно, внешняя среда, окружающая эту общественную форму.

>(Ф. Энгельс. Письмо Г. Штаркенбергу 25/1 1894 г. – К. Маркс и Энгельс. Письма, 406. Изд. 4-е // 39, 174.)
74

Различие между положением мира в конце древности, около 300 года, и в конце средневековья – 1453 г.

1) Вместо узкой культурной полосы вдоль побережья Средиземного моря, которая спорадически протягивала ветви во внутренность материка до Атлантического побережья Испании, Франции и Англии и которая поэтому могла быть разорвана и смята немцами и славянами с севера и арабами с юга-востока, теперь замкнутая культурная область – вся Западная Европа со Скандинавией, Польшей и Венгрией в качестве форпостов.

2) Вместо противополжения между греками, герм. римлянами, и варварами теперь имеется шесть культурных народов, с культурными языками, не считая скандинавских и т.д., которые были все настолько развиты, что могли участвовать в могучем литературном подъеме XIV века и обеспечили гораздо большую разносторонность и образование, чем уже подвергшиеся упадку и умиравшие в конце древности греческий и латинский языки.

3) Несравненно высшая ступень развития промышленности и торговли, созданная средневековым бюргерством; с одной стороны, производство стало массовым, совершенным и многообразным, а с другой стороны – торговые сношения стали значительно более развитыми; судоходство со времени саксов, фризов и норманнов стало несравненно более предприимчиво, а с другой стороны – масса самостоятельных изобретений и изобретений, занесенных с Востока, которые делали не только возможным появление и распространение греческой литературы, морские открытия, а также религиозную революцию, но и придали этой последней несравненно больший размах и ускоренный темп; сверх того, они доставили, хотя все еще в неупорядоченном виде, массу научных фактов, о которых никогда даже не подозревала древность (магнитная игла, книгопечатание, литеры, льняная бумага, употреблявшаяся арабами и испанскими евреями с XII столетия, хлопчатая бумага, постепенно появляющаяся с X столетия, а в XIII и XV столетиях уже более распространенная в то время как папирус со времен арабов совершенно исчез в Египте) – порох, очки, механические часы, огромные успехи во времяисчислении, а также в механике.

(Об изображениях смотри ниже.)

К этому материал, доставленный путешествиями (М. Поло около 1272 г. и т.д.).

Гораздо большее распространение всеобщего образования – хотя еще и скверного – благодаря университетам.

Вместе с возвышением Константинополя и падением Рима заканчивается древность, с падением Константинополя неразрывно связан конец средневековья. Новое время начинается с возвращения к грекам. Отрицание отрицания!

>(Ф. Энгельс. Диалектика природы. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 440 – 441. 1931 г. // 20, 506 – 507.)
75

В предшествовавшие эпохи истории мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, ряд разнообразных ступеней общественных положений. В древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев и рабов; в средние века – феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев и крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов имеются еще особые ступени.

Возникшее из гибели феодального общества, современное общество буржуазное не уничтожило классовых противоречий. На место старых оно лишь поставило новые классы, новые условия угнетения, новые виды борьбы.

Однако наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается тем, что она упростила классовые противоречия. Все общество все более и более раскалывается на два больших враждебных лагеря, на два больших, прямо противоположных друг другу класса, – буржуазию и пролетариат.

Из средневековых крепостных образовалось мелкое мещанское население первых городов; из этого мелкого мещанства развились первые элементы буржуазии.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест, 18. 1932 г. // 4, 424 – 425.)

Буржуазия подчинила деревню господству города. Она создала огромные города, она в высокой степени увеличила число городского населения по сравнению с сельским и, таким образом, вырвала значительную часть населения из идиотизма деревенской жизни. И подобно тому как она сделала деревню зависимой от города, она поставила варварские и полуварварские страны в зависимость от стран цивилизованных, крестьянские народы – от буржуазных народов, восток – от запада.

>(Там же, 21 // 4, 428.)
77

Что же доказывает история идей, как не то, что умственное производство преобразуется вместе с материальным. Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса.

>(Там же, 34 // 4, 445.)
78

В каждую эпоху мысли господствующего класса суть господствующие мысли, т.е. тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть в то же время и его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, в силу этого располагает и средствами духовного производства, так что ему благодаря этому в то же время в общем подчинены мысли тех, у кого нет средств для духовного производства. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, [иными словами] выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это – [идеальное выражение] тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, т.е. мысли его господства. Индивиды, составляющие господствующий класс, обладают, между прочим, также и сознанием и, в силу этого, мыслят; в той мере, в какой они господствуют именно как класс и определяют данную историческую эпоху на всем ее протяжении, они, само собой разумеется, делают это во всех ее областях, значит господствуют также как и мыслящие, как производители мыслей, регулируют производство и распределение мыслей своего времени; а это значит, что их мысли суть господствующие мысли эпохи.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Соч., IV, 36 – 37. 1933 г. // 3, 45 – 46.)
79

Духовенство, являвшееся представителем идеологии средневекового феодализма, не менее чувствовало на себе влияние исторического перелома. Изобретение книгопечатания и потребности все более расширяющейся торговли лишали его монополии не только на чтение и письмо, но и на высшее образование.

>(Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., VIII, 120. 1930 г. // 7, 350 – 351.)
80

Во Франции революция окончательно порвала с традициями прошлого, уничтожила последние следы феодализма и создала в Code civil [гражданском кодексе] мастерское приспособление старого римского права к новейшим капиталистическим отношениям, – того самого права, которое является почти совершенным выражением юридических отношений, вытекающих из той ступени экономического развития, которую Маркс называет «товарным производством». Приспособление сделано до такой степени мастерски, что этот революционный французский кодекс законов еще и сейчас во всех других странах, – не исключая и Англии, – служит образцом при реформах права собственности. При этом, однако, не следует забывать одного. Английское право продолжает выражать экономические отношения капиталистического общества на варварском феодальном наречии, которое столько же соответствует выражаемому предмету, сколько английская орфография – английскому чтению: «Vous écrivez Londres et vous prononcez Constantinople» [вы пишете Лондон, а читаете Константинополь], сказал один француз. Но зато это же самое английское право является единственным, которое неподдельно строго сохранило и пересадило в Америку и в колонии лучшую часть той личной свободы, местного самоуправления и обеспеченности от всякого чужого вторжения, кроме судебного, – коротко говоря, тех древне-германских свобод, которые на

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org континенте под властью абсолютных монархий совершенно исчезли и до сих пор нигде еще не завоеваны обратно в полном объеме.

>(Ф. Энгельс. Из предисловия к англ. изд. книги «Развитие социализма от утопии к науке». – Анти-Дюринг, 380 – 381. 1932 г. // 22, 312.)

81

По-видимому, можно принять за исторический закон, что ни в одной европейской стране буржуазии не удастся – по крайней мере на продолжительное время – завладеть политической властью таким же исключительным образом, как феодальная аристократия удерживала ее в продолжение средних веков. Даже во Франции, где феодализм был совершенно вырван с корнем, буржуазия, как совокупность всего класса, господствовала только короткий промежуток времени. При Луи-Филиппе, от 1830 до 1848 г., господствовала только незначительная часть буржуазии; гораздо большая часть была лишена избирательных прав при помощи высокого ценза. Во время Второй республики властвовала вся буржуазия, но всего только три года; ее неспособность проложила дорогу Второй империи. Только теперь, при Третьей республике, буржуазия в целом в продолжение двадцати лет стояла у кормила правления, но она уже сейчас обнаруживает отрадные признаки упадка. Продолжительное господство буржуазии было до сих пор возможно только в таких странах, как Америка, где феодализма никогда не было и общество с самого начала создано на буржуазном фундаменте. Но даже во Франции и Америке уже громко стучатся в двери наследники буржуазии – рабочие.

В Англии буржуазия никогда не обладала нераздельной властью. Даже ее победа в 1832 г. оставила аристократию в почти исключительном обладании всеми высокими правительственными должностями. Покорность, с которой богатая буржуазия мирилась с этим, оставалась мне непонятной до тех пор, пока я не познакомился с речью В.-А. Форстера. В один прекрасный день крупный либеральный фабрикант, господин В.-А. Форстер, в речи, обращенной к бредфордским молодым людям, умолял их, ради их собственного блага, изучать французский язык. При этом он рассказал, каким глупцом он показался сам себе, когда, сделавшись министром, сразу попал в общество, где французский язык был по меньшей мере так же необходим, как английский. И действительно, тогдашние английские буржуа, в среднем, были совершенно необразованными выскочками, которые волей-неволей должны были предоставить аристократии все те высшие правительственные посты, где требовались иные качества, чем островная ограниченность и островное чванство, сдобренные деловой изворотливостью[23].

>(Там же, 383 – 384 // 22, 315 – 316.)

82

Отношение фабриканта к рабочему – не человеческое отношение, а чисто экономическое. Фабрикант есть «капитал», а рабочий – «труд». И когда рабочий не желает втиснуть себя в эту абстракцию, когда он утверждает, что он не «труд», а человек, который, правда, между прочим, имеет также способность трудиться – когда он позволяет себе думать, что он вовсе не должен покупаться и продаваться на рынке как «труд», как товар, буржуа этого понять не может. Он не может понять, что кроме отношений купли и продажи у него существуют с рабочими какие-то другие отношения. Он видит в них не людей, а только «руки» (hands), как он постоянно их называет в лицо: он не признает, как выражается Карлейль, никакой другой связи между людьми, кроме одной – чистогана. Даже связь между ним и его женой в девяносто девяти случаях из ста может быть выражена той же формулой. Это позорное рабство, в котором деньги держат буржуа, ввиду господства буржуазии, наложило свой отпечаток даже на язык. Деньги определяют стоимость человека: этот человек стоит 10.000 ф.ст. – he is worth ten thousand pounds, т.е. он имеет столько денег. У кого есть деньги, тот «respectable» – [почтенный человек], принадлежит к «лучшему сорту людей» (the better sort of people), «пользуется влиянием» (influential), и все, что он делает, составляет эпоху в его кругу. Дух торгашества проникает весь язык, все отношения выражаются в торговых терминах, в экономических понятиях. Спрос и предложение – (supply and demand) – такова формула, в которую логика англичанина укладывает всю человеческую жизнь.

>(Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., III, 554 // 2, 497 – 498.)

83

Большинство германской буржуазии вообще держалось в стороне от мелких распри, возникавших в законодательных собраниях небольших государств, хорошо зная, что без коренного изменения в политике и государственном строе двух больших государств Германии никакие частичные усилия и победы не принесут никакой пользы. Но в то же время в этих мелких собраниях развилась порода либеральных юристов, профессиональных оппозиционеров: Роттеки, Велькеры, Ремеры, Иорданы, Штюве, Эйземаны, эти великие «люди народа» (Volksmänner), которые, после более или менее шумливой, но всегда безуспешной двадцатилетней оппозиции, были вынесены на вершину власти революционным потоком 1848 г. и, обнаружив свою полную неспособность и ничтожество, были снова низвергнуты с этой вершины. Эти первые деловые политические и оппозиционные деятели приучили своими речами и писаниями немецкое ухо к языку конституционализма, и самым своим существованием предвещали они приближение времен, когда буржуазия овладеет этими политическими фразами и вернет настоящий смысл словам, которыми они, болтливые адвокаты и профессора, привыкли пользоваться, не совсем представляя себе их действительный смысл.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии. – Соч., т. VI, 24 – 25 // 8, 15 – 16.)

84

Вся законодательная деятельность Национального собрания в продолжение июня, июля и августа была заполнена репрессивными законами, которые предоставляли правительству право объявления осадного положения, подвергли прессу еще большим стеснениям и уничтожали право союзов.

Однако эту эпоху характеризует не фактическое, а принципиальное использование победы, не решения Национального собрания, а мотивировка этих решений, не дело, а фраза, не фраза, а акцент и жесты, оживлявшие фразу. Безудержно-наглое обнаруживание роялистских тенденций, презрительное отношение к республике, кокетливое, фривольное выбалтывание реставрационных целей, словом, циническое нарушение республиканских приличий, – вот что придало этому периоду особый тон и отпечаток. «Да здравствует конституция» – таков был боевой клич побежденных 13 июня. Это избавило победителей от лицемерия конституционного, т.е. республиканского, языка.

>(К. Маркс. Классовая борьба во Франции. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., VIII, 62 – 63 // 7, 71.)

85

В прежних своих агитационных движениях английская буржуазия захватила врасплох правящую касту и увлекла за собой массы в качестве хора, так как в своей программе она шла дальше своих действительных целей. На этот раз программа не осмеливается подняться на высоту действительно поставленной цели. Вы по очереди заверяете, что вы не хотите сокрушения аристократии, а хотите в содружестве с нами починить правительственную машину!.. Как первое доказательство вашего доброго о нас мнения, мы желаем, чтобы вы нам оставили одни детали, ибо дело идет только о деталях. Нам самим лучше всего знать, как далеко мы можем идти, не подвергая опасности наш класс, не превращая по оплошности административную реформу в спорный пункт между классами и не лишая ее человеколюбивого характера. Буржуазия – сторонница реформ – вынуждена перейти на этот иронический язык аристократического простодушия, потому что она сама говорит с массами на лживом языке.

>(К. Маркс. Критика в Англии. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 329 – 330. 1924 г.)

86

Партия «National'я» тотчас же была устранена со всех высших постов, куда она успела забраться. Полицейская префектура, дирекция почт, должность генерального прокурора, мэрия Парижа, – все досталось старым креатурам монархии. Легитимист Шангарнье стал общим главнокомандующим национальной гвардии Сенского департамента, мобильной гвардии и линейных войск первой армейской дивизии; орлеанист Бюжо был назначен главнокомандующим альпийской армии. Эта смена должностных лиц продолжалась без перерыва во все время министерства Барро. Первым делом его министерства была реставрация старой роялистской администрации. В один миг преобразовалась вся официальная сцена – кулисы, костюмы, язык, актеры, фигуранты, статисты, суфлеры, позиция партий, мотивы драмы, содержание завязки, вся обстановка. Только предшествовавшее мирозданию Учредительное собрание оставалось еще на своем

>(К. Маркс. Классовая борьба во Франции. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., VIII, 39. 1930 г. // 7, 46.)

87

Приличный, лицемерно-умеренный, добродетельно-банальный язык буржуазии раскрывает свой затаенный смысл в устах самодержца Общества десятого декабря и героя пикников Сен-Мора и Сатори.

>(К. Маркс. 18 брюмера Луи Бонапарта. – Там же, 371 // 8, 171 – 172.)

88

Мы сказали: если иметь терпение дочитать циркуляр т. Сипягина до конца. Терпения на это надо не мало, ибо на три четверти... – какое! на девять десятых – циркуляр наполнен обычным казенным пустословием. Разжевывание вещей давным-давно известных и сотни раз повторенных даже в «Своде законов», хождение кругом да около, расписывание подробностей китайского церемониала сношений между мандаринами, великолепный канцелярский стиль с периодами в 36 строк и с «речениями», от которых больно становится за родную русскую речь, – когда вчитываешься в эту прелесть, чувствуешь себя точно в русском полицейском участке, в котором от стен отдает затхлостью, отовсюду несет какой-то специфической вонью, чиновники, уже по одному своему виду и обращению – олицетворение самой невыносимой волокиты, а виднеющиеся в окно надворные постройки живо напоминают о застенке.

>(В.И. Ленин. Борьба с голодающими. – Соч., IV, 275 – 276 // 5, 277 – 278.)

89

Но усиление строгости, увеличение надзора, все это требует увеличения расходов на чиновничью машину. И министр не позабыл об этом: гг. уездным предводителям дворянства или другим лицам, заведывающим «уездным центральным по продовольственной части управлением», будет выдана в возмещение их расходов «особая сумма», «относительно размера коей, – добавляет циркуляр на своем „особом“ наречии, – ваше превосходительство имеете войти ко мне с надлежащим представлением».

>(Там же, 277 // 5, 280.)

90

«Высшие административные власти, – продолжает записка [Министерства финансов 1902 г.] излагать жалобы фабрикантов, – идут еще дальше (закон) и придают всем (курсив ориг.) случаям стачек прямо государственное значение... Между тем, в сущности, всякая забастовка (конечно, если она не сопровождается насилиями) есть явление чисто экономическое, вполне естественное и отнюдь не угрожающее общественному порядку и спокойствию. Охрана последнего в этих случаях должна выражаться в формах, подобно практикуемым во время народных гуляний, торжеств, зрелищ и т.п. случаев».

Это – язык настоящих либералов-манчестерцев, объявляющих борьбу капитала и труда чисто естественным явлением, приравнивающих с замечательной откровенностью «торговлю товарами» и «торговлю трудом» (в другом месте записки), требующих невмешательства государства, отводящих этому государству роль ночного (и дневного) сторожа.

>(В.И. Ленин. Проект нового закона о стачках. – Соч., V, 172 // 6, 403.)

91

Самодержавие колеблется. Самодержец сам признается в этом публично перед народом. Таково громадное значение царского манифеста от 26 февраля, и никакие условные фразы, никакие оговорки и отговорки, переполняющие манифест, не изменят исторического значения сделанного шага.

>(В.И. Ленин. Самодержавие колеблется. – Соч., V, 250 // 7, 123.)

92

Однако экскурсии в область науки – не более как архитектурное украшение статьи г. Л. Как настоящий реальный политик, он дает, наряду с величайшей путаницей в общих рассуждениях, в высшей степени трезвенную и деловую практическую программу. Правда, он скромно оговаривается – на своем казенно-русском языке, – что отстраняет от себя предназначение программы и

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org ограничивается изъятием своего отношения, но это только скромничанье. На деле же, в статье Г. Л. мы имеем чрезвычайно обстоятельную и полную аграрную программу русских либералов, которой недостает только стилистической редакции и рубрицирования по пунктам.

>(В.И. Ленин. Народничающая буржуазия. – Соч., VI, 116 // 8, 81.)

93

Но людям, которым все служит для стилистических упражнений, трактуемый предмет всегда представляется, вследствие такого формального отношения, в извращенном виде, а извращенное представление, в свою очередь, кладет печать вульгарности на форму. Так попытка «Пруссака» вести свои рассуждения о силезском рабочем восстании в форме антитезы привела его к величайшей антитезе против истины. Для мыслящего и любящего правду человека, видевшего первый взрыв, силезское рабочее восстание, задача состояла не в том, чтобы разыграть роль школьного учителя, поучающего по поводу этого события, а, наоборот, в том, чтобы изучить особенности этого движения. Для последнего требуется, конечно, некоторая научная проницаемость и некоторое человеколюбие, тогда как для первой операции совершенно достаточно ловкой фразеологии, пропитанной простым себялюбием.

>(К. Маркс. Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа». – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., III, 16 – 17 // 1, 444 – 445.)

94

Она [критическая критика] отказывается писать для ученых специалистов, она пишет для широкой публики, удаляет все необычные выражения, всякую «латинскую премудрость, всякий цеховой жаргон». Все это она удаляет из писаний других, ибо слишком многого было бы требовать от критики, чтобы она сама подчинилась «этому регламенту управления». Но она даже и это отчасти делает. Она отказывается, если не от самих слов, то от их содержания с изумительной легкостью, – и кто осмелится заподозрить ее в том, что она пускает в оборот «всю эту огромную кучу непонятных иностранных слов», когда она сама систематическим проявлением своей самобытности подтверждает лишь вывод, что и для нее самой слова эти остались непонятными?

Вот некоторые образчики этого систематического проявления:

«Поэтому учреждения нищенства – предмет ужаса для них».

«Учение об ответственности, в котором каждое движение человеческой мысли становится изображением жены Лота».

«На замковый камень свода этого, в самом деле, богатого мыслями здания искусства».

«Вот главное содержание политического завещания Штейна, которое великий государственный человек вручил еще до оставления им действительной службы правительству и всем его работам».

«Этот народ в то время не обладал еще никакими измерениями для столь неограниченной свободы».

«С достаточной уверенностью парламентируя в заключительных строках своего публицистического произведения, нехватает только доверия».

«Высокогосударственному, истинного мужа достойному, над рутинной и малодушным страхом возвышающемуся, на истории воспитавшемуся и живым созерцанием чужестранной публично-государственной жизни вскормленному рассудку».

«Воспитание всеобщего народного благосостояния».

«Свобода покоилась мертвой в груди прусского призвания народов под контролем властей».

«Народноорганическая публицистика».

«Народу, которому даже господин Брюггеман выдает метрическое свидетельство его зрелости».

«Довольно резкое противоречие остальным определенностям, высказанным в произведении, посвященном исследованию специальных призваний народа».

«Гнусное корыстолюбие быстро разрушает все химеры национальной воли».

«Страсть к быстрому обогащению и т.д. – вот тот дух, которым от начала до конца пропитано было время реставрации, и этот же дух с достаточной дозой индифферентности присоединился к новому времени».

«Смутное представление о своем политическом значении, которое присуще земледельческой прусской национальности, покоится на памяти о великой истории».

«Антипатия исчезла и перешла в состояние совершенной экзальтации».

«В этом изумительном переходе каждый на свой лад ставил еще на вид свое

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
особое желание».

«Катехизис с миропомазанной соломоновской речью, слова которого, подобно голубю – цирп! цирп! – мягко поднимаются в сферы пафоса и громopodobных аспектов».

«Весь дилетантизм тридцатипятилетнего пренебрежения».

«Слишком резкие громы, которые сыпал на головы горожан один из прежних городских советников, могли бы еще не рассердить наших уравновешенных представителей, если бы взгляд Бенды на городское положение 1808 г. не страдал мусульманской аффектацией суждений о сущности и применении городского положения».

Стилистической смелости у Рейхарта всюду соответствует смелость самого хода мысли. Он делает переходы вроде следующих:

«Господин Брюггеман... 1843 год... государственная теория... всякий прямой человек... величайшая скромность наших социалистов... естественные чудеса... требования, которые должны быть поставлены Германии... сверхестественные чудеса... Авраам... Филадельфия... манна... пекарь... но так как мы говорим о чудесах, то Наполеон внес...» и т.д.

Познакомившись с этими образчиками, мы не станем более удивляться тому, что критическая критика предлагает нам еще «разъяснение» предложения, которому она сама приписывает «популярность способа выражения». Ибо она «вооружает свои глаза органической силой, способной пронизать хаос». И здесь мы должны признать, что даже «популярный способ выражения» критической критики не может остаться не понятым. Она видит, что путь литератора, по необходимости, должен оставаться кривым, если только субъект, вступающий на этот путь, недостаточно силен для того, чтобы выпрямить его, и поэтому она, вполне естественно, приписывает писателю «математические операции».

Само собой разумеется, – и история, доказывающая все, что само собой разумеется, доказывает также и это, – что критика становится массой не для того, чтобы остаться массой, а для того, чтобы спасти массу от ее массовой массовости, т.е. – возвысить популярный способ выражения массы до критического языка критической критики. Самой низшей ступенью унижения было изучение критикой популярного языка массы и переработка этого грубого жаргона в напыщенную стилистику критически критической диалектики.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство. – Там же, 25 – 27 // 2, 9 – 11.)
95

Обыкновенный человек не предполагает, что сказал что-то особенное, когда говорит, что существуют яблоки и груши. Но философ, выразив эти существующие вещи в спекулятивных терминах, сказал нечто необыкновенное. Он совершил чудо: из недействительной рассудочной сущности «плод вообще» он произвел действительные существа природы – яблоко, грушу и т.д., т.е. он из своего собственного абстрактного рассудка, который представляется ему абсолютным субъектом, вне его лежащим, в данном случае «плодом вообще», создал эти плоды. Всякое существование, которому он дает выражение, представляется ему результатом его собственного творческого акта.

Само собой разумеется, что спекулятивный философ лишь потому способен проявлять такое непрерывное творчество, что он общеизвестные, созерцаемые в действительности свойства яблока, груши и т.д. выдает за открытые им определения, давая тому, что может быть создано исключительно абстрактным рассудком, именно – абстрактным рассудочным формулам, названия действительных вещей и принимая свою собственную деятельность, проявляющуюся в том, что он сам переходит от представления яблока к представлению груши, за самодеятельность абсолютного субъекта, «плода вообще».

На спекулятивном языке операция эта означается словами: понимать субстанцию как субъект, как внутренний процесс, как абсолютную личность. Такой способ понимания составляет отличительный признак гегелевского метода.

>(Там же, 81 – 82 // 2, 65 – 66.)
96

Томас Карлейль – единственный английский писатель, на которого немецкая литература оказала прямое и очень значительное влияние. Уже из одной вежливости немец не может пройти без внимания мимо его произведений.

На последнем произведении Гизо мы могли убедиться, что талантливые люди

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org буржуазии находятся на ущербе. В лежащих перед нами двух брошюрах Карлейля мы видим упадок литературного гения, столкнувшегося с обострившейся исторической борьбой, которой он старается противопоставить свои непризнанные, непосредственные, пророческие вдохновения...

Стиль Карлейля таков же, как и его идеи. Это – прямая, насильственная реакция против современно-буржуазного английского ханжеского стиля, напыщенная банальность которого, осторожная многословность и морально-сентиментальная, безысходная скука перешли на всю английскую литературу от первоначальных творцов этого стиля – образованных лондонцев. В противоположность этой литературе Карлейль стал обращаться с английским языком как с совершенно сырым материалом, который ему приходилось наново переплавить. Он разыскал устарелые обороты и слова и сочинил новые выражения по немецкому образцу, в частности по образцу Жан-Поля Рихтера. Новый стиль был часто велеречив и лишен вкуса, но нередко блестящ и всегда оригинален. И в этом отношении «Latter-Day Pamphlets» обнаруживают заметный регресс.

Впрочем, характерно, что из всей немецкой литературы наибольшее влияние на Карлейля оказал не Гегель, а литературный фармацевт Жан-Поль.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. О книге Т. Карлейля «Современные памфлеты». – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., VIII, 281 – 282. 1930 г. // 7, 268 – 269.)
97

Французы, – напр. Луи Блан, – видели в 29-м января проявление конституционного противоречия между державным, нераспускаемым, Национальным собранием, порожденным всеобщим избирательным правом, и президентом, который на бумаге ответственен перед Собранием, а на самом деле, точно также как Собрание, санкционирован всеобщей подачей голосов, – даже более: соединяет на себе одном все те голоса, которые распределены и стократно раздроблены между отдельными членами Собрания; к тому же в руках президента находилась вся исполнительная власть, над которой Национальное собрание витает лишь в качестве моральной силы. Это толкование событий 29-го января смешивает язык борьбы в парламенте, в прессе, в клубах с ее действительным содержанием. Бонапарт – это была сама уже установленная буржуазная республика, тогда как Учредительное собрание было лишь орудием ее установления. В лице Бонапарта эта буржуазная республика противостояла честолюбивым интригам и идеологическим требованиям революционной фракции буржуазии, которая основала республику, а теперь к удивлению своему нашла, что основанная ею республика выглядит совсем как реставрированная монархия, и которая захотела теперь насильно продлить учредительный период с его особыми условиями, его иллюзиями, его языком и его личностями и помешать созревшей уже буржуазной республике выступить в ее вполне законченном и характерном виде.

>(К. Маркс. Классовая борьба во Франции. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., VIII, 41. 1930 г. // 7, 47 – 48.)
98

«Не задавайте вопроса, как тут некоторые задавали» (оратор намекает, очевидно, на кадетского помещика Татаринова, говорившего в 24-ом заседании 22 (9) апреля: «справедливость, господа, понятие довольно условное», «справедливость – это есть тот идеал, к которому мы все стремимся, но идеал этот остается» (у кадета) «только идеалом, и будет ли возможность фактически его осуществить, это для меня вопрос», 1779) – «что такое справедливость? Человек – вот справедливость. Родился человек – справедливо, чтобы он жил, а для этого справедливо, чтобы он имел возможность трудом добывать себе кусок хлеба...»

Вы видите: этот идеолог крестьянина стоит на типичной точке зрения французского просветителя XVIII века. Он не понимает исторической ограниченности, исторически-определенного содержания его справедливости. Но он хочет – и класс, который он представляет, может во имя этой абсолютной справедливости смести дотла все остатки средневековья. Именно это реальное историческое содержание и заключается в постановке вопроса: никаких «практических» соображений в ущерб справедливости. Читай: никаких уступок средневековью, помещикам, старой власти. Это – язык деятеля Конвента.

>(В.И. Ленин. Аграрная программа с.-д. в первой русской революции. – Соч., XI, 472 // 16, 376 – 377.)

Эта типичная для трудовика тирада ставит перед нами интересный вопрос: есть ли разница между такими речами о праве на труд и речами французских мелко-буржуазных демократов 1848 года о праве на труд? И то и другое, несомненно декламация буржуазного демократа, смутно выражающая действительное историческое содержание борьбы. Но декламация трудовика смутно выражает действительные задачи буржуазной революции, которая по объективным условиям возможна (т.е. возможна крестьянская аграрная революция в России XX века), – а декламация французского Kleinburger'a 1848-го года смутно выражает задачи социалистической революции, которая была невозможна во Франции в половине прошлого века. Другими словами: право на труд французского рабочего половины XIX века выражало пожелание обновить все мелкое производство на началах кооперации, социализма и проч., а это было экономически невозможно. Право на труд русского крестьянина XX века выражает пожелание обновить мелкое земледельческое производство на национализированной земле, а это экономически вполне возможно. В «праве на труд» русского крестьянина XX века есть кроме ложной социалистической теории, реальное буржуазное содержание. В «праве на труд» французского мещанина и рабочего половины XIX века нет ничего, кроме ложной социалистической теории. Вот эту разницу просматривают многие наши марксисты.

>(Там же, 473 // 16, 377 – 378.)
100

Резолюция кавказской конференции новоискровцев о временном правительстве:

«Считая своей задачей использовать революционный момент для углубления» (ну, конечно! Надо бы добавить: для мартыновского углубления!) «социал-демократического сознания пролетариата» (только для углубления сознания, а не для завоевания республики? Какое «глубокое» понимание революции!) «конференция, в целях обеспечения для партии полнейшей свободы критики нарождающегося буржуазно-государственного строя» (обеспечивать республику не наше дело! Наше дело только обеспечить свободу критики. Анархические идеи порождают и анархический язык: «буржуазно-государственный» строй!), «высказывается против образования социал-демократического временного правительства и вступления в него» (припомните цитированную Энгельсом резолюцию бакунистов за 10 месяцев перед испанской революцией: см. «Пролетарий» № 3), «а считает наиболее целесообразным оказывать давление извне» (снизу, а не сверху) «на буржуазное временное правительство для посильной (?!) демократизации государственного строя. Конференция полагает, что образование социал-демократами временного правительства или вступление в него повело бы, с одной стороны, к отпадению от социал-демократической партии широких масс пролетариата, разочаровавшихся в ней, так как социал-демократия, несмотря на захват власти, не сможет удовлетворить насущным нуждам рабочего класса вплоть до осуществления социализма» (республика не насущная нужда! Авторы, в невинности своей, не замечают, что говорят чисто-анархическим языком, как будто они отрицали участие в буржуазных революциях!), «с другой, заставит буржуазные классы отшатнуться от дела революции и тем ослабит ее размах».

>(В.И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. – Соч., VIII, 90 – 91 // 11, 82 – 83.)
101

Мне припоминается всего один эпизод, когда, может быть, «парвусисты» среди меньшевиков заставили повернуть немного всех меньшевиков. Это именно инцидент по вопросу о вооруженном восстании. Плеханов, глава комиссии, изменил старую меньшевистскую резолюцию, написав вместо «вырвать власть» (речь шла в этом месте резолюции о задачах движения) – «вырвать права силой» (или «завоевать права» – не помню точно).

Оппортунизм этой поправки до того бил в лицо, что протесты на съезде раздавались самые горячие. Мы напали на поправку с удвоенной силой. Ряды меньшевиков дрогнули. Не знаю в точности, были ли фракционные собрания, и что было на них; не знаю, верно ли переданное мне сообщение, что десять меньшевиков, склоняющихся к «парвусизму», заявили об их решительном согласии с поправкой. Факт тот, что Плеханов, после споров на съезде, сам снял поправку, не допустив вопроса до голосования, снял под тем

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
(дипломатически, может быть и искусным, но встреченным улыбками) предлогом,
что не стоит особенно спорить из-за стилистики.

>(В.И. Ленин. Доклад об объединительном съезде. – Соч., IX, 181 // 13, 6.)
102

Сравните резолюцию меньшевиков, принятую на Всероссийской конференции, и резолюцию большевиков. Вторая ставит для соглашения с эсерами более тесные условия, чем первая – для соглашений с кадетами. Это неоспоримо, ибо, во-1-х, большевики допустили соглашения только с партиями, борющимися за республику и признающими необходимость вооруженного восстания, а меньшевики допустили соглашения с «оппозиционно-демократическими партиями» вообще. Значит, большевики определили понятие революционной буржуазии ясными политическими признаками, а меньшевики вместо политического определения дали одно технически-парламентское словечко. Республика и вооруженное восстание – определенные политические категории. Оппозиция – термин только парламентский. Этот термин так неясен, что включает и октябристов и мирно-обновленцев, и всех недовольных правительством. Правда, добавка «демократические» вносит политический момент, но он неопределен. Под ним разумеются кадеты. А это как раз неправда. Назвать «демократической» монархическую партию, партию, допускающую верхнюю палату, партию, предлагавшую каторжные законы о собраниях и печати, партию, выкинувшую из ответного адреса прямое, равное и тайное голосование, партию, отрицавшую земельные комитеты, выбранные всем народом, – значит обманывать народ.

>(В.И. Ленин. О блоках с кадетами. – Соч., X, 158 – 159 // 14, 115 – 116.)
103

...Любовь меньшевиков к общим фразам, уклонение от конкретного изложения вопроса, – это – чисто интеллигентская черта. Она в корне своем чужда пролетариату и вредна с точки зрения пролетариата.

>(В.И. Ленин. Сердитая растерянность. – Соч., XI, 143 // 15, 176.)
104

На второй цитате, после всего сказанного выше, нет надобности останавливаться. Она гласит: «меньшевики торговались с к.-д., чтобы протащить своего человека в думу, вопреки рабочим, при помощи к.-д., – вот в чем состоит простая разгадка всех этих странствований от с.-д. к мелкобуржуазному блоку, от мелкобуржуазного блока к кадетам». Попробуйте разобрать эту цитату формально и внешним образом, с точки зрения единой партии, и вы, конечно, скажете, вместо «торговались» следует писать о членах партии: «вели переговоры»; вместо «протащить» – «провести»; вместо «своего человека» – «с.-д. депутата» и т.д. и т.п. Но разве такой «разбор» цитаты или такое «суждение» по поводу способа выражения способны вызвать что-либо, кроме улыбки? Разве не ясно, что самый оскорбительный, презрительный, предполагающий все в худшую, а не в лучшую сторону способ выражений есть борьба на почве раскола за уничтожение организации, которая срывает политическую кампанию местного с.-д. пролетариата? Жалобы на обидный оскорбительный и заподозревающий характер таких выражений подобны были бы тому, как если бы штрейкбрехер жаловался на злобное к нему отношение! Рассматривать жалобы или обвинения в такой плоскости было бы все равно, как если бы мы осудили, как недопустимое, слово «штрейкбрехер» не разобрав по существу вопроса о том, – было ли действительно штрейкбрехерским поведение данного лица.

>(В.И. Ленин. Доклад V съезду РСДРП. – Там же, 223 – 224 // 15, 301 – 302.)
105

В других революциях буржуазии физическая победа старой власти над восставшим народом тоже вызвала всегда уныние и распад среди широких кругов «образованного» общества. Но среди буржуазных партий, боровшихся на деле за свободу, игравших сколько-нибудь заметную роль в действительно революционных событиях, всегда замечались иллюзии, обратные тем, которые царят сейчас среди интеллигентского мещанства в России. То были иллюзии неизбежной, немедленной и полной победы «свободы, равенства и братства», иллюзии насчет не буржуазной, а общечеловеческой республики, республики, водворявшей мир на земле и в человеках благоволение. То были иллюзии насчет отсутствия классовой розни внутри угнетенного монархией и средневековым порядком народа, насчет невозможности методами насилия победить «идею», насчет абсолютной противоположности отжившего феодализма и нового

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
свободного, демократического, республиканского порядка, буржуазность
которого не сознавалась вовсе или сознавалась до последней степени смутно.

Поэтому в контрреволюционные периоды представителям пролетариата, доработавшимся до точки зрения научного социализма, приходилось бороться (так, например, Марксу и Энгельсу в 1850 году) против иллюзий буржуазных республиканцев, против идеалистического понимания традиций революции и ее сущности, против поверхностных фраз, заменявших выдержанную и серьезную работу в среде определенного класса.

>(В.И. Ленин. К оценке русской революции. – Соч., XII, 202 и 205 // 17, 38 – 39.)
106

Гремя против эсэровского характера национализации, Маслов обнаруживает полное непонимание марксистского анализа народнических взглядов и фантазий русского крестьянства. Маслов не понимает, что социал-демократы в России давно уже указывали на реакционность социалистических, или скорее quasi-социалистических теоретических мечтаний о новом разделе земель (черный передел) и т.п. и на буржуазную прогрессивность этого идеала в современной полупомещичьей России. За мещанской фразой эсэров Маслов не умеет обнаружить буржуазной действительности, а именно: революционной борьбы со всем старинным средневековым хламом. Когда с.-р. говорит об уравнительности в пользовании земли, о социализации земель и т.п., с.-р. обнаруживает безграмотность в области экономической науки и теории развития капитализма. Но за этими фразами, за этими мечтаниями скрывается в высшей степени живое, реальное содержание, – только вовсе не социалистическое, а чисто буржуазное, а именно: расчистка почвы для капитализма, уничтожение всяких средневековых и сословных перегородок на земле, создание свободной арены для капитализма.

>(В.И. Ленин. По поводу «ответа» П. Маслова. – Там же, 326 // 17, 267 – 268.)
107

Второе, особенно важное, обстоятельство относится к экономической и специально аграрной программе правых. Это – защита ими частной собственности крестьянина на землю, защита, красной нитью проходящая через все их речи вплоть до обер-попа Митрофанушки (епископа Митрофана), который говорил сейчас же после докладчика, видимо желая припугнуть демократических, но забитых деревенских «батюшек», и, с забавными усилиями стараясь побороть в себе привычку к юродству и к семинарскому языку («община есть изначальное явление»), «выговаривал» такие фразы: «жизнь развивается в направлении все большей и большей индивидуальности личности», «полезным нужно признать устройство нового быта крестьян наших по образцу западно-европейских фермеров» (69).

>(В.И. Ленин. Аграрные прения в III Думе. – Там же, 405 // 17, 311.)
108

Боясь слова, чураясь «захвата власти и диктатуры», отрекаясь от этих страшных вещей самым решительным образом, меньшевики вынуждены были признать после 1905 года, что «объединение» советов рабочих депутатов с другими «такими же» органами революционной демократии неизбежно вытекает из хода вещей и что такое объединение дает «общие беспартийные» (неточно: надо было сказать: беспартийные или междупартийные) «организации революционной борьбы народа». Эта общая организация и есть временное революционное правительство. Большевики боялись точного и прямого слова, заменяя его описанием. Дело от этого не меняется. «Орган революционной борьбы народа», «вырывающий государственную власть» у старого правительства, это и называется временным революционным правительством.

>(В.И. Ленин. Цель борьбы пролетариата в нашей революции. – Соч., XIV, 39 – 40 // 17, 375.)
109

(О «платформе» сторонников и защитников отзовизма).

Недавно вышла в свет в Париже, в издании группы «Вперед», брошюра: «Современное положение и задачи партии. Платформа, выработанная группой большевиков». Это – та самая группа большевиков, об образовании которой

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org (новой фракции) расширенная редакция «Пролетария» заявляла весной прошлого года...

Текст этой платформы носит на себе явные следы осторожной и заботливой коллективной обработки, направленной к сглаживанию всех шероховатостей, к стиранию острых углов, к подчеркиванию не столько того, в чем группа с партией расходится, сколько того, в чем она с ней сходится. Тем ценнее для нас новая платформа, как официальное изложение взглядов известного течения...

Резюмируя свое «понимание» большевизма, авторы платформы выдвинули даже особый пункт d (стр. 16), в котором эта «карикатурная» революционность нашла себе классическое, можно сказать, выражение. Вот этот пункт полностью:

«d) Впредь до завершения революции все полулегальные и легальные способы и пути борьбы рабочего класса, в том числе также участие в Гос. Думе, не могут иметь самостоятельного и решающего значения, но являются лишь средством собирания и подготовки сил для прямой революционной, открыто-массовой борьбы».

Выходит, что после «завершения революции» легальные способы борьбы, и парламентаризм «в том числе», могут иметь самостоятельное и решающее значение.

Неверно! И тогда не могут. В платформе «впередовцев» написана бессмыслица. Далее. Выходит, что «до завершения революции» все способы борьбы, кроме легальных и полулегальных, т.е. все нелегальные способы борьбы могут иметь решающее значение! Неверно. Есть такие нелегальные способы борьбы, которые и после «завершения революции» (например, нелегальные кружки пропаганды) и «до завершения революции» (например, захват денежных средств у неприятеля или освобождение насильем арестованных или убийство шпионов и т.д.) «не могут иметь самостоятельного и решающего значения, но являются лишь» и т.д., как в тексте «платформы».

Далее. О каком это «завершении революции» здесь говорится? Очевидно не о завершении социалистической революции, ибо тогда не будет борьбы рабочего класса, раз не будет вообще классов. Значит речь идет о завершении буржуазно-демократической революции. Теперь посмотрим, что же «понимали» авторы платформы под завершением буржуазно-демократической революции.

Вообще говоря, под этим термином можно понимать две вещи. Если его употребляют в широком смысле, то под ним разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революции, «завершение» ее, т.е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение всего цикла буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция завершена была лишь 1871-м годом (а начата в 1789 г.). Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из «волн», если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций. В этом смысле революция 1848-го года в Германии была «завершена» в 1850 году или в 50-х годах, нисколько не устранив этим почвы для революционного подъема 60-х годов. Революция 1789 года во Франции была «завершена», скажем, в 1794 году, нисколько не устранив этим почвы для революций 1830, 1848 гг.

Толковать ли слова «платформы» «впредь до завершения революции» в широком или узком значении, – во всяком случае смысла в них не доискаться.

В чем же источник этой бесконечной и безысходной путаницы в «платформе»? Да именно в том, что платформа дипломатично отгораживается от отзовизма, нисколько не выходя из круга идей отзовизма, не поправляя его основной ошибки и даже не замечая ее. Именно в том, что для «впередовцев» отзовизм «законный оттенок», т.е. для них законом, образцом, непревзойденным образцом является отзовистский оттенок карикатурного большевизма. Кто встал на эту наклонную плоскость, тот неудержимо катится и будет катиться в болото безысходной путаницы; тот повторяет слова и лозунги, не умея продумать условия применимости и пределы значения их.

>(В.И. Ленин. Заметки публициста. 1906 г. – Там же, 291 – 296 // 19, 241 – 248.)
110

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
Французский социалист Луи-Блан в революцию 1848 года печально прославил себя тем, что с позиции классовой борьбы перешел на позицию мелкобуржуазных иллюзий, прикрашенных фразеологией якобы «социализма», а на деле служащих лишь укреплению влияния буржуазии на пролетариат. Луи-Блан ждал помощи от буржуазии, надеялся и возбуждал надежды, будто буржуазия может помочь рабочим в деле «организации труда» – этот неясный термин должен был выразить «социалистические» стремления.

>(В.И. Ленин. Луиблановщина. – Соч. XX, 91 // 31, 127.)
111

Речи крестьян в Думе имеют огромное политическое значение, так как в них выражается то страстное желание избавиться от помещичьего гнета, та пламенная ненависть к средневековью, бюрократии, та стихийная, непосредственная, часто наивная и не вполне отчетливая, но в то же время бурная революционность простых крестьян, которая лучше, чем длинные рассуждения, доказывает, какая потенциальная разрушительная энергия накопилась в крестьянских массах против дворянства, помещиков и Романовых. Задачей сознательного пролетариата является беспощадное выяснение, разоблачение и устранение всех столь многочисленных мещанских обманов, якобы социалистических фраз, детски-наивных ожиданий, которые крестьяне соединяют с аграрным переворотом, но устранение их не для того, чтобы успокоить и усмирить крестьянина (как делали в обеих Думах изменники народной свободе, господа кадеты), а чтобы пробудить среди масс стальную, непоколебимую и решительную революционность.

>(В.И. Ленин. Аграрная программа с.-д. в русской революции. – Соч., XII, 292 – 293 // 17, 170.)
112

Когда сравниваешь речи революционных крестьян во Второй Думе и речи революционных рабочих, то невольно бросается в глаза следующее различие. У первых неизмеримо больше непосредственной революционности, страсти немедленного разрушения помещичьей власти, немедленного созидания нового строя. Крестьянин горит желанием тут же броситься на врага и душить его. У рабочего революционность отвлеченнее, она как бы отодвинута на более далекие цели. Это различие вполне понятно и закономерно. Крестьянин делает сейчас, немедленно, свою, буржуазную, революцию, не видя противоречий внутри ее, не допуская мысли о таких противоречиях. Рабочий социал-демократ видит их и, ставя себе всемирно-социалистические цели, не может связать судьбу рабочего движения с исходом буржуазной революции. Из этого не следует только вывести, что рабочий должен в буржуазной революции поддерживать либерала. Из этого следует выводить, что рабочий, не сливая себя ни с каким другим классом, должен со всей энергией помочь крестьянину довести до конца эту буржуазную революцию.

>(В.И. Ленин. Аграрная программа с.-д. в первой русской революции. – Соч., XI, 475 // 16, 380 – 381.)
113

Но именно потому, что в истории первый раз произошел такой случай, что трудящиеся стали у власти, что класс, наиболее эксплуатируемый, взял в свои руки власть, именно потому большинство из крестьян не может не поддержать рабочего класса, видя его право и не сочувствуя буржуазии. Это слово они называют позорным: мне пришлось слышать это от крестьянина, который жаловался на теперешние порядки, явным образом не сочувствующего политике Советской власти в области продовольствия и в целом ряде других вопросов, который был обижен, что со стороны деревенской бедноты про него говорят «буржуй». Я, говорит, не могу помириться с тем, что такое позорное слово применяют ко мне; и то обстоятельство, что это слово крестьяне, – даже наиболее крупные середняки, если они сами работали и знают, что значит заработать хлеб своим трудом, и если видели эксплуатацию помещика и капиталиста, а это все видели, – не могут это слово не признавать позорным, это слово означает все: на нем основана наша пропаганда, агитация, государственное воздействие рабочего класса. И именно эта поддержка крестьянских масс, несмотря на противодействие зажиточной и спекулянтской массы, обеспечена рабочему классу.

>(В.И. Ленин. Речь на IV съезде рабочих швейной промышленности. – Соч., XXVI, 155 // 42, 317 – 318.)
114

В виду всего этого нет ничего удивительного, что английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия. Буржуазия имеет со всеми другими нациями земли больше родственного, чем с рабочими, с которыми она живет бок о бок. Рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия. Это два совершенно различных народа; настолько различных, насколько могут быть различны только две расы – два народа, из которых мы на континенте до настоящего времени знали только один – буржуазию. А между тем именно второй народ, состоящий из пролетариев, имеет гораздо больше значения для будущего Англии[24].

>(Ф. Энгельс. Положение рабочего класса в Англии. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., III, 415. 1929 г. // 2, 356.)
115

Рабочие не раз уже требовали от парламента чисто светского общественного воспитания, предлагая заниматься религией духовенству каждой секты, но до настоящего времени им не удалось найти министерства, которое согласилось бы на это. И это вполне понятно: министр – послушный раб буржуазии, а эта последняя делится на множество сект; каждая же секта тогда лишь согласна предоставить опасное в других отношениях образование рабочему, когда он вместе с просвещением возьмет и его противоядие в виде составляющих специальную принадлежность каждой секты догматов. А так как эти секты и до настоящего времени борются еще за верховенство, то рабочий класс остается покуда без образования. Правда, фабриканты хвастаются, что они научили чтению огромное большинство рабочих, но что это за грамотность, можно узнать из отчета все той же комиссии. Кто знает азбуку, тот говорит, что он умеет читать, и фабриканты на этом успокаиваются. А если принять во внимание запутанную английскую орфографию, при которой чтение является истинным искусством и может быть постигнуто лишь после долгого изучения, то невежество рабочего класса окажется весьма естественным. Писать вполне умеют лишь немногие, а писать орфографически правильно не умеют даже многие «образованные» люди. В воскресных школах высокой церкви, квакеров и кое-каких других сект письму вовсе не учат, «ибо это слишком светское занятие для воскресенья».

>(Там же, 403 – 404 // 2, 345.)
116

Прежние мелкие люди среднего сословия, мелкие промышленники, торговцы и рантье, ремесленники и крестьяне – все эти классы опускаются [в условиях капиталистического способа производства. Ред.] в ряды пролетариата, частью оттого, что их маленький капитал недостаточен для ведения крупного промышленного предприятия и не выдерживает конкуренции с более крупными капиталистами, частью потому, что их технические навыки обесцениваются благодаря новым способам производства. Так рекрутируется пролетариат из всех классов населения.

Пролетариат проходит различные ступени развития. Его борьба против буржуазии начинается вместе с его существованием.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест, 24. 1932 г. // 4, 431.)
117

...развитие промышленности толкает в ряды пролетариата целые слои господствующего класса или, по крайней мере, ставит под угрозу их общественное положение. Они также приносят пролетариату большое количество элементов образования.

Наконец, в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри господствующего класса, внутри всего старого общества принимает такой бурный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, в руках которого будущее. И как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так и теперь часть буржуазии переходит к пролетариату, именно часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания хода исторического движения.

>(Там же, 26 // 4, 433 – 434.)
118

Между тем с прогрессом капиталистического способа производства заработная плата имеет тенденцию понижаться даже по отношению к труду среднего качества. Отчасти вследствие разделения труда внутри контор; отсюда должно получиться лишь одностороннее развитие трудоспособности, и издержки получения такой трудоспособности отчасти ничего не стоят капиталисту: искусство рабочего развивается самой функцией, и притом тем быстрее, чем одностороннее она становится с разделением труда. Во-вторых, вследствие того, что предварительное образование, знакомство с торговым делом, знание языков и т.д. с прогрессом науки и народного образования приобретаются все быстрее и легче, становятся общераспространенными, воспроизводятся дешевле, чем более капиталистический способ производства приспособляет методы обучения и т.д. к практическим целям. Всеобщность народного обучения позволяет вербовать этого рода рабочих из таких классов, которым раньше был закрыт доступ к этим профессиям, которые привыкли к сравнительно худшему образу жизни. К тому же оно увеличивает наплыв и вместе с тем конкуренцию. Поэтому, за некоторыми исключениями, с прогрессом капиталистического способа производства рабочая сила этих людей обесценивается; их заработная плата понижается, тогда как их работоспособность увеличивается. Капиталист увеличивает число таких рабочих в тех случаях, когда необходимо реализовать больше стоимости и прибыли. Увеличение такого труда постоянно является следствием, но отнюдь не причиной увеличения прибавочной стоимости 40.

40) Насколько оправдался впоследствии этот прогноз судьбы торгового пролетариата, данный в 1865 году, об этом могут порассказать сотни немецких приказчиков, которые, будучи весьма сведущи во всех торговых операциях и владея 3 – 4 языками, тщательно предлагают свои услуги в Лондонском Сити по 25 шилл. в неделю, – значительно ниже платы искусного механика-слесаря. Пробел в рукописи, занимающий две страницы, показывает, что предполагалось развить этот пункт еще подробнее. Впрочем, можно указать на книгу II, гл. VI (издержки обращения), где Маркс уже затронул многое относящееся сюда. – Прим. Ф. Энгельса.

>(К. Маркс. Капитал, III, 209 – 210 // 25.1, 329 – 330.)

II. РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА

1. Язык и мышление

119

...определенный способ производства или определенная промышленная ступень всегда связаны с определенным способом сотрудничества, с определенной общественной ступенью (и самый этот способ сотрудничества есть некая «производительная сила»), совокупность доступных людям производительных сил обуславливает общественное состояние и, следовательно, «историю человечества» всегда необходимо изучать и обрабатывать в связи с историей промышленности и обмена... Таким образом, уже с самого начала обнаруживается потребностями и способом производства и так же стара, как сами люди, – связь, которая принимает все новые формы, а следовательно совершает «историю», не нуждаясь даже в существовании какой-либо политической или религиозной нелепости, которая еще сверх того связывала бы людей. – Лишь теперь, после того как мы уже рассмотрели четыре момента, четыре стороны первоначальных исторических отношений, мы находим, что человек обладает также и «сознанием» [25]. Но и им он также обладает не с самого начала в виде «чистого сознания». На «духе» с самого начала тяготеет проклятие «отягощения» его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков, – словом, в виде языка. Язык так же древен, как и сознание; язык как раз и есть практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоящей нужды в общении с другими людьми. Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не «относится» ни к чему и вообще не «относится»; для животного его отношение к другим не существует, как отношение. Таким образом, сознание с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди. Сознание, конечно, есть прежде всего осознание ближайшей чувственной среды и осознание ограниченной связи с другими лицами и вещами, находящимися вне начинающего сознавать себя индивида; в то же время оно – осознание природы, которая первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org перед которой они беспомощны, как скот; следовательно, это – чисто животное осознание природы (естественная религия). Здесь сразу видно, что эта естественная религия или это определенное отношение к природе обуславливается общественной формой, и обратно. Здесь, как и повсюду, тождество природы и человека обнаруживается также и в том, что ограниченное отношение людей к природе обуславливает их ограниченное отношение друг к другу, а их ограниченное отношение друг к другу – их ограниченное отношение к природе, как раз благодаря тому, что природа еще почти не преобразована ходом истории, а с другой стороны, проявляется сознание необходимости вступить в сношения с окружающими индивидами, начало осознания того, что человек вообще живет в обществе. Начало это носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это – чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же, – что его инстинкт осознан. Это баранье или племенное сознание получает свое дальнейшее развитие благодаря увеличению производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения. Вместе с этим развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом – разделением труда, совершившимся само собой, «естественно возникшим» благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайности и т.д., и т.д. Разделение труда становится действительным разделением лишь с того момента, когда появляется разделение материального и духовного труда[26]. С этого момента сознание может действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем сознание существующей практики, что оно может действительно представлять себе что-нибудь, не представляя себе чего-нибудь действительного, – с этого момента сознание в состоянии эмансипироваться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т.д.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Соч., IV, 20 – 22. 1933 г. // 3, 28 – 30.)
120

Мы не станем цитировать образчиков той плоской оракульской окрошки, той, попросту, чуши, которую господин Дюринг преподносит на целых 50 страницах своим читателям как «основную» науку об элементах сознания. Приведем лишь следующее место:

«кто способен мыслить только при посредстве речи, тот еще никогда не испытал, что означает отвлеченное и подлинное мышление». Если так, то животные оказываются самыми отвлеченными и подлинными мыслителями, ибо их мышлению никогда не мешает назойливое вмешательство языка. Во всяком случае, что касается дюринговских мыслей и выражающего их языка, то ясно видно, как мало созданы эти мысли для какого-нибудь языка и как мало создан немецкий язык для этих мыслей.

>(Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 84. 1931 г. // 20, 85.)
121

Господин Эдгар, далекий от подозрений, что можно наложить руку на его критическое понимание противоречия, что можно отнять святость у его святыни, влагает в уста своего противника возражение, которое он мог сделать только самому себе.

«Разве возможно, – спрашивает воображаемый противник критической критики, – пользоваться какими-нибудь другими понятиями, кроме уже существующих понятий свободы, равенства и проч.? Я отвечаю (обратите внимание на ответ Эдгара), что греческий и латинский языки тотчас же погибли, как только исчерпан был тот круг мыслей, выражением которого эти языки служили». Теперь ясно, почему критическая критика не дает нам ни одной мысли на немецком языке. Язык ее мыслей еще не народился, сколько бы много господин Рейхарт своим критическим обращением с иностранными словами, господин Фаухер своим обращением с английским языком, а господин Эдгар своим обращением с французским языком, – сколь бы много они все ни содействовали созданию нового критического языка.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Святое семейство. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., III, 57. 1929 г. // 2, 41.)
122

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
Общественный строй и государство постоянно возникают из жизненного процесса определенных индивидов, – не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они в действительности, т.е. как они действуют, материально производят и, следовательно, как они проявляют себя в определенных материальных, не зависящих от их воли границах, условиях и предпосылках[27].

Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей – язык реальной жизни. Представление, мышление, духовное общение людей еще являются здесь непосредственно вытекающими из материального соотношения людей. То же самое можно сказать о духовном производстве, как оно выражается в языке, политике, законах, морали, религии, метафизике и т.д. того или другого народа.

Люди являются производителями своих представлений, идей и т.д., – но люди действительные, действующие, как они обусловлены определенным развитием своих производительных сил и соответствующим последнему общением, вплоть до их отдаленнейших формаций. Сознание (das Bewusstsein) никогда не может быть чем-либо иным, как сознанным бытием (das bewusste Sein), а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Если во всякой идеологии люди и их отношения кажутся поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то и это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, подобно тому как обратное изображение предметов на сетчатке проистекает из непосредственно физического процесса их жизни.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Соч., IV, 15 – 16. 1933 г. // 3, 24 – 25.)
123

Существовавшие до сих пор производственные отношения индивидов должны выражаться также в качестве правовых и политических отношений (см. выше). В рамках разделения труда эти отношения должны приобрести самостоятельное существование по отношению к индивидам. Все отношения могут быть выражены в языке только в виде понятий. Уверенность, что эти обобщения и понятия существуют в качестве таинственных сил, есть необходимый результат обособления реальных отношений, выражением которых они являются. Эти общие понятия, кроме их отмеченного значения в обычном сознании, приобретают еще особое значение и развитие у политиков и юристов, которых разделение труда толкает к культу этих понятий и которые видят в них, а не в производственных отношениях, истинную основу всех реальных отношений собственности.

>(Там же, 348 // 3, 360.)
124

Человек есть непосредственный предмет естествознания, ибо непосредственной чувственной природой для человека является непосредственно человеческая чувственность (или – что то же самое – другой, чувственно данный для него человек, ибо его собственная чувственность существует для него, как человеческая чувственность, лишь через другого человека). Но природа есть непосредственный предмет науки о человеке; первый предмет человека – человек – есть природа; подобно тому, как чувственность и особенно чувственные человеческие сущностные силы находят свое предметное осуществление только в естественных объектах, так он приходит к своему самопознанию только в науке о природе. Даже основной элемент мышления, элемент, в котором выражается жизнь мысли, – язык – чувственной природы.

>(К. Маркс. Подготовительные работы для «Святого семейства». – Архив, III, 257 – 258. 1927 г.)
125

Общественная деятельность и общественный дух проявляются не только в форме непосредственно коллективной деятельности и непосредственно коллективного духа, хотя коллективная деятельность и коллективный дух, т.е. деятельность и дух, обнаруживающиеся и утверждающие себя непосредственно в действительном общении с другими людьми, окажутся повсюду там, где вышеуказанное непосредственное выражение общественности обосновано в сущности [деятельности] ее содержания и соответствует его природе.

Но даже и тогда, когда я занимаюсь научной и т.д. деятельностью, –

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
деятельностью, которую я могу выполнить сам, без непосредственного общения с другими, – я все же действую общественным образом, ибо действую как человек. Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности – в том числе и сам язык, при помощи которого проявляется деятельность мыслителя, – но и мое собственное бытие есть общественная деятельность; поэтому то, что я делаю из себя, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо.

>(К. Маркс. Подготовительные работы для «Святого семейства» – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., III, 624. 1929 г.)
126

«Как много толковали о лживости чувств, как мало о лживости языка, от которого ведь неотделимо мышление. Но как, в конце концов, груб обман чувств, как изыскан обман языка! Как долго водила меня за нос всеобщность разума, всеобщность фихтевского и гегелевского Я, пока, наконец, с помощью моих пяти органов чувств я не понял во спасение своей души, что все затруднения и тайны логоса, в смысле разума, находят разрешение в значении слова! Вот почему слова Гайма: „критика разума должна превратиться в критику языка“ в теоретическом отношении кажутся мне столь близкими. – Что же касается противоречия между мной, как воспринимающим и личным существом, и мной, как существом мыслящим, то оно сводится по смыслу этого примечания к цитированной диссертации (самого Фейербаха) к резкому противоречию: в сущности я являюсь единичным, в мышлении – всеобщим. Однако в ощущении я не менее всеобщ, чем в мышлении единичен. Согласованность в мышлении зиждется только на согласованности в ощущении». (274).

>(Цитата выписана В.И. Лениным из Л. Фейербаха. – Ленинск. сборн., XII, 145 // 29, 75 – 76.)
127

Связь мышления с языком (китайский язык между прочим и его неразвитость: [XXVIII]), образование существительных и глаголов [XXVIII]. В немецком языке иногда слова имеют «противоположное значение» [XXVIII] (не только «различные», но и противоположные) – «радость для мысли...» {история мысли – история языка?}

>(В.И. Ленин. – Ленинск. сборн., IX, 15 // 29, 81.)
128

В чем же в таком случае заключается различие между рассудком и чувством или способностью к ощущениям? {хорошо сказано!} чувственное восприятие дает предмет, рассудок – название для него. В рассудке нет того, чего бы не было в чувственном восприятии, {NB} но то, что в чувственном восприятии находится фактически, то в рассудке находится лишь номинально, по названию. Рассудок есть высшее существо, правитель мира; но лишь по названию, а не в действительности. {хорошо сказано!} что же такое название? Служащий для различения знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы припомнить его в его целостности (195).

>(В.И. Ленин. – Ленинск. сборн., XII, 141 // 29, 74.)
129

По поводу софизмов «куча» и «лысый» Гегель повторяет переход количества в качество и обратно: диалектика (стр. 139 – 140); {почему нельзя назвать отдельного? один из предметов данного рода (столов), именно отличается от остальных тем-то}

143 – 144. Подробно о том, что «язык выражает в сущности лишь всеобщее; но то, что думают, есть особенное, отдельное. Поэтому нельзя выразить на языке то, что думают». {NB в языке есть только общее} («Это»? Самое общее слово).

>(там же, 223 // 29, 249.)
130

стр. 481 – о значении слов по Эпикуру: «Каждый предмет получает благодаря впервые ему присвоенному названию свою очевидность, энергию, отчетливость». (Эпикур: Диоген Лаэртский X, § 33). И Гегель: «название есть нечто всеобщее, принадлежит мышлению, делает многообразное простым» (481).

>(Там же, 251 // 29, 264.)

131

Логика похожа на грамматику тем, что для начинающего это – одно, для знающего язык (и языки) и дух языка, – другое. «Она есть нечто иное для того, кто только приступает к ней и вообще к наукам, и нечто иное для того, кто возвращается к ней от них». {тонко и глубоко}

>(В.И. Ленин. – Ленинск. сборн., IX, 51. Выписка из Гегеля с пометкой В.И. Ленина на полях рукописи // 29, 90.)

132

Еще добавить о Горгии:

Излагая его взгляд, что нельзя передать, сообщить сущее:

«Речь, посредством которой должно быть сообщено о том, что есть, не является тем, что есть, – то, что сообщается, это не самый предмет, а только речь» (Секст Эмпирик. «Против математиков». VII, § 83 – 84), стр. 41 – Гегель пишет: «Сущее постигается также не как сущее, а его постижение есть превращение его во всеобщее» (42). {ср. Фейербах}

...Это единичное совершенно не может быть высказано (42) ...всякое слово (речь) уже обобщает ср. Фейербах {чувства показывают реальность, мысль и слово – общее}

>(В.И. Ленин. – Ленинск. сборн., XIII, 217 и 219 // 29, 246.)

2. Общественное сознание и общественное бытие

133

Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытом изменяются также и их представления, взгляды и понятия, одним словом – и их сознание?..

Что же доказывает история идей, как не то, что умственное производство преобразуется вместе с материальным. Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, революционизирующих все общество; этим высказывают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идет разложение старых идей.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический Манифест, 34. 1932 г. // 4, 445.)

134

Способ производства материальной жизни обуславливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание.

>(К. Маркс. К критике политической экономии, 45. 1932 г. // 13, 7.)

135

Как об отдельном человеке не судят по тому, что он о себе думает, точно также нельзя судить о такой революционной эпохе по ее сознанию; наоборот, это сознание следует объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями.

>(Там же, 46 // 13, 7.)

136

«Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Эта мысль настолько проста, что она должна была бы казаться чем-то само собой разумеющимся для всякого, кто не завяз в идеалистическом обмане.

>(Ф. Энгельс. О книге К. Маркса «К критике политической экономии». – Там же, 7 // 13, 491.)

Естествоиспытатели и философы до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление; они знают, с одной стороны, только природу, а с другой – только мысль. Но существеннейшей и первой основой человеческого мышления является как раз изменение природы человека, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался пропорционально тому, как он научался изменять природу.

>(Ф. Энгельс. Диалектика природы. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 406. 1931 г. // 20, 545.)
138

Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, это – исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и получающий поэтому очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления.

>(Ф. Энгельс. Старое предисловие к «Анти-Дюрингу». – Там же, 337 // 20, 366 – 367.)
139

В состоянии ли наше мышление познать действительный мир? Могут ли наши представления и понятия о действительном мире быть верными его отражениями? На философском языке этот вопрос называется вопросом о тождестве мышления и бытия. Огромнейшее большинство философов отвечает на него утвердительно. Так, например, у Гегеля утвердительный ответ на этот вопрос подразумевается сам собою: в действительном мире мы познаем именно его разумное содержание, именно то, благодаря чему мир оказывается постепенным осуществлением абсолютной идеи, которая от века существовала где-то независимо от мира и прежде него. Само собою понятно, что мышление может познать то, что по своему содержанию вполне соответствует его природе. Не менее понятно также, что, рассуждая таким образом, мы доказываем лишь то положение, которое молчаливо признаем бесспорным в нашей послышке. Но это не помешало Гегелю из своего доказательства тождества мышления и бытия сделать тот дальнейший вывод, что так как его мышление признает правильной его философию, то, значит, она есть единственная правильная философия, и что в силу тождества мышления и бытия человечество должно немедленно перенести эту философию из теории в практику и заново устроить весь свет на гегелевских началах. Эта ошибка свойственна ему вместе почти со всеми другими философами[28].

>(Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 644 – 645. 1931 г. // 21, 283 – 284.)
140

«Чувственное представление и есть вне нас существующая действительность»!! Это как раз и есть та основная нелепость, основная путаница и фальшь махизма, из которой вылезла вся остальная галиматья этой философии и за которую лобзают Маха с Авенариусом отъявленные реакционеры и проповедники поповщины, имманенты. Как ни вертелся В. Базаров, как он ни хитрил, как ни дипломатничал, обходя щекотливые пункты, а все же в конце концов проговорился и выдал всю свою махистскую натуру! Сказать: «чувственное представление и есть существующая вне нас действительность» – значит вернуться к юмизму или даже берклианству, прятавшемуся в тумане «координации». Это – идеалистическая ложь или увертка агностика, тов. Базаров, ибо чувственное представление не есть существующая вне нас действительность, а только образ этой действительности. Вы хотите уцепиться за двусмысленность русского слова: совпадать? Вы хотите заставить несведущего читателя поверить, что «совпадать» значит здесь «быть тем же самым», а не «соответствовать»? Это значит построить всю подделку Энгельса под Маха на искажении смысла цитаты; не более того.

Возьмите немецкий оригинал, и вы увидите слова «stimmen mit», т.е. соответствуют, согласуются – последний перевод букввален, ибо Stimme означает голос. Слова: «stimmen mit» не могут означать совпадать в смысле: «быть тем же самым». Да и для читателя, не знающего по-немецки, но с капелькой внимания читающего Энгельса, совершенно ясно, не может не быть ясно, что Энгельс все время, на протяжении всего своего рассуждения трактует «чувственное представление» как образ (Abbild) вне нас существующей действительности, что, следовательно, слово «совпадать» можно

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org употребить по-русски исключительно в смысле соответствия, согласованности и т.п. Приписать Энгельсу мысль, что «чувственное представление и есть вне нас существующая действительность», это – такой перл махистского извращения, подсовывания агностицизма и идеализма под материализм, что Базарова нельзя не признать побившим все рекорды!

>(В.И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. – Соч., XIII, 93 // 18, 114 – 115.)
141

Не забудьте, что для Беркли идеи и вещи – одно и то же.

>(Там же, 24 // 18, 22.)
142

«У меня, – возражал Шуппе Вундту, – положение „бытие есть сознание“ имеет тот смысл, что сознание без внешнего мира невысказуемо, что следовательно последний принадлежит к первому...» Большую надо иметь наивность, чтобы не видеть чистокровного субъективного идеализма в подобном «реализме»!..

...Хотелось бы мне перевести на немецкий язык изречение Базарова «чувственное представление и есть вне нас существующая действительность» и послать его к сколько-нибудь толковому имманенту. Он расцеловал бы Базарова и зацеловал бы его так же, как расцеловали Маха и Авенариуса Шуппе, Леклеры и Шуберты-Зольберны. Ибо изречение Базарова есть альфа и омега учений имманентной школы.

>(Там же, 176 – 177 // 18, 225 – 226.)
143

Общественное бытие и общественное сознание не тождественны, – совершенно точно так же, как не тождественно бытие вообще и сознание вообще. Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом не следует, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию... Общественное сознание отражает общественное бытие – вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приближенно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо. Сознание вообще отражает бытие – это общее положение всего материализма. Не видеть его прямой и неразрывной связи с положением исторического материализма: общественное сознание отражает общественное бытие – невозможно.

Попытка Богданова незаметным образом поправить и развить Маркса «в духе его основ» [в статье «Развитие жизни в природе и обществе», 1902 г., А. Богданов выдвинул положение: «общественное бытие и общественное сознание в точном смысле этих слов тождественны». Ред.] представляет из себя очевидное искажение этих материалистических основ в духе идеализма.

>(Там же, 264 – 265 // 18, 343.)
144

Суверенно ли человеческое мышление? Прежде чем ответить утвердительно или отрицательно на этот вопрос, мы должны сначала исследовать, что такое мышление. Идет ли тут речь о мышлении какого-нибудь отдельного индивида? Нет. Человеческое мышление существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей.

Если теперь я объединю в своем представлении мышление всех этих людей (включая сюда и будущие поколения) и скажу, что оно суверенно, что оно в состоянии познать существующий мир, – поскольку человечеству обеспечено достаточно длительное существование и поскольку познанию не будут поставлены границы органами и предметами познания, – то я скажу лишь нечто изрядно банальное и, к тому же, изрядно бесплодное. Ведь наиболее ценным результатом этой мысли было бы крайнее недоверие к нашему теперешнему познанию, ибо, по всей вероятности, мы стоим лишь в самом начале истории человечества, – и поколения, которым придется исправлять нас, будут, надо думать, гораздо многочисленнее, чем поколения, знание которых – часто недооценивая его – исправляем теперь мы.

Господин Дюринг сам считает неизбежным, что сознание – а значит, мышление и познание – может обнаруживаться лишь в ряде отдельных существ. Мышление каждого подобного индивида мы можем признавать суверенным лишь постольку,

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
поскольку мы не знаем никакой власти, которая была бы способна силой навязать ему, в здоровом, бодрствующем состоянии, какую-нибудь мысль. Что же касается суверенного характера познаний каждого отдельного индивида, то мы все знаем, что об этом не может быть и речи, и что, судя по прошлому опыту, во всех этих познаниях, без исключения, содержится гораздо больше элементов, нуждающихся в исправлении, чем не нуждающихся в нем, или правильных.

Иными словами: суверенность мышления осуществляется в ряде крайне несуверенно мыслящих людей: познание, притязающее на безусловную истину, – в ряде относительных заблуждений; как эта суверенность, так и это познание могут быть вполне осуществлены лишь в процессе бесконечного существования человечества.

У нас здесь снова, как и выше, то же самое противоречие между сущностью человеческого мышления, неизбежно представляемого нами себе абсолютным, и его осуществлением в одних лишь ограниченно мыслящих индивидах, противоречие, находящее свое решение только в бесконечном прогрессе, в нескончаемой – по крайней мере, практически для нас – преемственной смене людских поколений. В этом смысле человеческое мышление столь же суверенно, как и несуверенно, его показательная способность столь же неограниченна, как и ограничена. Оно суверенно и неограниченно по своим задаткам, по своему назначению, по своим возможностям, по своей исторической конечной цели; но оно несуверенно и ограничено по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности.

>(Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 86 – 88. 1931 г. // 20, 87.)
145

Всякое истинное познание природы есть познание вечного, бесконечного, и поэтому оно по существу абсолютно.

Но у этого абсолютного познания есть своя серьезная заковыка. Подобно бесконечности познаваемого вещества, которое состоит из одних лишь конечностей, так и бесконечность абсолютного познающего мышления складывается из бесконечного количества конечных человеческих голов, которые одновременно или последовательно участвуют в этой бесконечной работе познания, совершают практические и теоретические промахи, исходят из неудачных односторонних, неверных посылок, идут неверными кривыми, ненадежными путями и часто даже не распознают истины, хотя и упираются в нее лбом (Пристли).

>(Ф. Энгельс. Примечания к Анти-Дюрингу. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 359 // 20, 549.)
146

Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность превращения (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (в последнем счете = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) есть известный кусочек фантазии.

>(В.И. Ленин. – ленинск. сборн. XII, 339 // 29, 330.)
147

Махисты все настаивают на том, что они релятивисты, – но махисты русские, повторяя словечки вслед за немцами, боятся или не умеют ясно и прямо поставить вопрос об отношении релятивизма к диалектике. Для Богданова (как и для всех махистов) признание относительности наших знаний исключает самое малейшее допущение абсолютной истины. Для Энгельса из относительных истин складывается абсолютная истина. Богданов – релятивист. Энгельс – диалектик...

...человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания...

С точки зрения современного материализма, т.е. марксизма, исторически условны пределы приближения наших знаний к объективной абсолютной истине, но безусловно существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель. Исторически условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед «безусловно объективного познания». Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа.

>(В.И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. – Соч., XIII, 109 – 111 // 18, 136 – 138.)
148

(366 – 370). Очень хорошее место (хорошая цитата из Гассенди): особенно (368) бог = собрание слов прилагательных (без материи) о конкретном и абстрактном.

>(В.И. Ленин. – ленинск. сборн. XII, 119 // 29, 63.)
149

«Человек отделяет в мышлении прилагательное от существительного, свойство от сущности... И метафизический бог есть не что иное, как краткий перечень, или совокупность наиболее общих свойств, извлеченных из природы, которую однако человек посредством силы воображения, именно таким отделением от чувственного существа, от материи природы, снова превращает в самостоятельного субъекта или существо». (355). {NB глубоко верно! NB}

>(Там же, 117 // 29, 60.)
150

Понятия числа и фигуры заимствованы именно из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди учились считать, т.е. производить первое арифметическое действие, представляют что угодно, но только не свободное творение рассудка. Для счета необходимы не только объекты счета, но также уже и способность при рассмотрении этих объектов отвлекаться от всех их свойств, кроме их числа, а эта способность – продукт долгого исторического, эмпирического развития.

>(Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 39. 1931 г. // 20, 37.)
151

Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т.д. развитие основано на экономическом. Но все они оказывают влияние друг на друга и на экономическую основу. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является единственной активной причиной, а остальное является лишь пассивным фактором. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, которая в конце концов проявится.

>(Ф. Энгельс. Письмо Г. Штаркенбургу 25/I 1894 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, 407. 1932 г. // 39, 175.)
152

...идиотское представление идеологов: так как мы за различными идеологическими областями, играющими роль в истории, не желаем признать самостоятельного исторического развития, то, значит, мы отрицаем за ними всякую историческую роль. В основе этого лежит заурядное недialeктическое представление о причине и следствии, как о двух неизменно разъединенных полюсах, абсолютно не видящее взаимодействия. Эти господа намеренно забывают о том, что как только исторический момент выдвинут в свет другими, в конце концов экономическими фактами, так он тоже действует и на окружающую его среду – и даже на породившие его причины может оказывать обратное действие.

>(Ф. Энгельс. Письмо Ф. Мерингу 14/VI 1893. – Там же, 405 // 39, 84.)

...философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, материалом, который передан ей ее предшественниками, из которого она исходит. От этого получается такое явление, что страны экономически отсталые могут играть в философии руководящую роль: Франция в XVIII веке по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум. Но как во Франции, так и в Германии философия и всеобщий расцвет литературы явились в ту эпоху результатом экономического развития. Преобладание экономического развития в конечном счете также и над этими областями для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью: в философии, например, воздействием экономических влияний (которые опять-таки оказывают воздействие по большей части только в своем переодетом политическом виде и т.д.) на имеющийся налицо философский материал, доставленный предшественниками. Экономика здесь ничего не создает заново (a novo), но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части лишь косвенным образом, так как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Шмидту 27/X 1890 г. – Там же, 384 – 385 // 37, 419 – 420.)
154

Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является единственным определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение – это основа, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты – конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т.д.; правовые формы, и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором в конце концов экономическое движение, как необходимое, прокладывает себе дорогу сквозь бесконечную толпу случайностей (т.е. вещей и событий, внутренняя взаимная связь которых настолько отдаленна или настолько трудно определима, что мы можем забыть о ней, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени.

>(Ф. Энгельс. Письмо И. Блоху 21/IX 1890 г. – Там же, 374 – 375 // 37, 394 – 395.)
155

Впрочем, совершенно безразлично, что предпримет само по себе сознание; из всей этой дряни мы получаем лишь один вывод, а именно, что три указанных момента – производительная сила, общественное состояние и сознание – могут и должны вступить в противоречие друг с другом, ибо разделение труда делает возможным – больше того: действительным, – что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов, и возможность того, чтобы, они не вступали друг с другом в противоречие, зависит от того, будет ли снова устроено разделение труда. Впрочем, само собою разумеется, что «призраки», «связи», «высшее существо», «понятие», «сомнение» являются лишь идеалистическим, духовным выражением, мнимым представлением изолированного индивида, представлением о весьма эмпирических узах и границах, внутри которых движется способ производства жизни и связанная с ним форма общения.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Соч., IV, 22. 1933 г. // 3, 30 – 31.)
156

Когда, однако, при рассмотрении исторического движения, отделяют мысли господствующего класса от самого господствующего класса, когда наделяют их

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
самостоятельностью, когда, не принимая во внимание условий производства и производителей этих мыслей, упорно настаивают на том, что в данную эпоху господствовали те или иные мысли, – когда, таким образом, совершенно пренебрегают основой этих мыслей – индивидами и исторической обстановкой, – то можно, например, сказать, будто в то время, когда господствовала аристократия, господствовали понятия: честь, верность и т.д., а во время господства буржуазии – понятия: свобода, равенство и т.д. Сам господствующий класс в общем так и воображает. Свойственное преимущество с XVIII века всем летописцам, это понимание истории по необходимости натолкнется на то явление, что господствовать начинают все более и более отвлеченные мысли, т.е. мысли, которые все более принимают форму всеобщности. Дело в том, что всякий новый класс, который ставит себя на место класса господствовавшего до него, уже ради осуществления своих задач вынужден изобразить свой интерес как общий интерес всех членов общества, т.е. выражаясь идеально: придать своим мыслям форму всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые.

>(Там же, 37 – 38 // 3, 47.)
157

История есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, из которых каждое эксплуатирует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями, в силу чего оно, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся обстоятельствах, а с другой – видоизменяет старые обстоятельства посредством совершенно измененной деятельности. Умозрительно это можно извратить так, будто задача предшествующей истории состоит в том, чтобы создавать позднейшую историю, – будто, например, задача открытия Америки заключалась в облегчении победы французской революции, – благодаря чему история приобретает свои особые задачи и становится «лицом наряду с другими лицами» (как то: «Самосознание», «Критика», «Единственный» и т.д.). На самом же деле то, что обозначают словами «назначение», «задача», «зародыш», «идея» прежней истории, абстракция от того активного влияния, которое оказывает предшествующая история на последующую.

>(Там же, 35 – 36 // 3, 44 – 45.)
158

Что касается, дальше, семейной жизни как основы, то социальная нравственность гражданского общества нам представляется более высокой, чем эта «естественная нравственность». «Семейная жизнь», наконец, является в такой же мере естественной нравственностью других сословий или бюргерского сословия гражданского общества, как и крестьян. Но то обстоятельство, что «семейная жизнь» в крестьянском сословии является не только принципом семьи, но и основой его социального бытия вообще, – это обстоятельство, как нам представляется, делает это сословие скорее неспособным к выполнению высшей политической задачи, ибо она делает его склонным переносить патриархальные отношения на непатриархальную сферу или применять понятия «отец», «дети», «хозяин», «челядь» там, где речь идет о политическом государстве, о политической гражданственности.

>(К. Маркс. Критика философии государственного права Гегеля. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., I, 618. 1929 г. // 1, 328 – 329.)
159

Эта иеремиада [рассуждение «fullpried» по поводу того, что только сверхурочное время, удлинение рабочего дня за пределы обычного времени создает неоплаченный труд и образует, следовательно, источник прибыли капиталиста. К. Маркс замечает при этом: «капиталисту неизвестно, что нормальная цена труда также предполагает известное количество неоплаченного труда». Ред.] интересна между прочим в том отношении, что она показывает, как в мозгу капиталиста отражается лишь внешняя видимость производственных отношений.

>(К. Маркс. Капитал, I, 429. Изд. 8-е // 23, 560.)
160

Неверно, что Бог есть комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства. Это – богдановский идеализм, затушевывающий материальное происхождение идей. Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порожденных тупой придавленностью человека и внешней природой и

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org классовым гнетом, – идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу...

Одно дело – идея бога у дикаря зырянина и т.п. (полудикаря тоже), другое – у Струве и Ко. В обоих случаях эту идею поддерживает классовое господство (и эта идея поддерживает его). «Народное» понятие о «боженьке и божецком» есть «народная» тупость, забитость, темнота, совершенно такое же, как «народное представление» о царе, о лешем, о таскании жен за волосы.

>(В.И. Ленин. Два письма А.М. Горькому. – Соч., XVII, 85 // 48, 231 – 233.)
161

Крестьянин своим экономическим положением в буржуазном обществе неизбежно поставлен так, что он либо идет за рабочим, либо за буржуазией. Середины нет. Он может колебаться, путаться, фантазировать, может порицать, ругать, он может проклинать «узких» представителей пролетариата, «узких» представителей буржуазии. Они-де представляют собой меньшинство, их можно проклинать, говорить громкие фразы о большинстве, о широком, всеобщем характере нашей трудовой демократии, о чистой демократии. Слов можно называть сколько угодно. Это будут слова, прикрывающие тот факт, что если крестьянин не идет за рабочим, то он идет за буржуазией. Середины нет и не может быть.

>(В.И. Ленин. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию. – Соч., XXIV, 302 – 303 // 38, 365.)
162

Какое же значение имеют народнические теории, отражающие более или менее точно взгляды крестьян на их борьбу за землю? Два «принципа» составляют сущность этих народнических теорий: «трудовое начало» и «уравнительность». Мелкобуржуазный характер этих принципов настолько ясен и так часто, так обстоятельно был доказываем в марксистской литературе, что об этом не зачем еще говорить здесь. Важно отметить эту черту «принципов», которую не оценили до сих пор по достоинству русские с.-д. В туманной форме эти принципы действительно выражают нечто реальное и прогрессивное в данный исторический момент: они выражают истребительную борьбу против крепостнических латифундий.

>(В.И. Ленин. Аграрная программа с.-д. в первой русской революции. – Соч., XI, 346 // 16, 212.)
163

Народник воображает, что эта «уравнительность» устраняет буржуазность, тогда как на деле она выражает стремления наиболее радикальной буржуазии. А все, что есть в «уравнительности» сверх сего, есть идеологический дым, иллюзия мелкого буржуа.

Близорукое и неисторичное суждение некоторых русских марксистов о значении народнических теорий в русской буржуазной революции объясняется тем, что они не вдумались в значение защищаемой ими «конфискации» помещичьего землевладения. Стоит ясно представить себе экономическую основу такого переворота в данных условиях нашего землевладения – и мы пойдем не только иллюзорность теорий народничества, но и ограниченную определенной исторической задачей правду борьбы, правду борьбы с крепостничеством, составляющую реальное содержание этих иллюзорных теорий.

>(Там же, 347 – 348 // 16, 214.)
164

...марксисты должны знать, что сознание людей отстает в своем развитии от фактического их положения.

>(И.В. Сталин. Итоги первой пятилетки, 35. Партиздат, 1933 г. // 13, 208.)
3. Язык и общественная среда

165

Человек есть в самом буквальном смысле *zoon politikon*, не только общественное животное, но животное, которое только в обществе и может объединиться. Производство обособленных личностей вне общества, – возможное, как редкое исключение, для цивилизованного человека, случайно

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
заброшенного в необитаемую местность и динамически уже в себе самом
носящего общественные силы, – такая же бессмыслица, как развитие языка без
совместно живущих и друг с другом говорящих индивидов.

...Таким образом, если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени общественного развития – о производстве общественных индивидов. ...Производство вообще это – абстракция, но абстракция, имеющая смысл, поскольку она действительно выдвигает общее, фиксирует его и тем избавляет нас от повторений. Однако это общее и сходное, выделенное путем сравнения, само является многократно расчлененным и содержит в себе различные определения. Одни относятся ко всем эпохам, другие – общи лишь некоторым. Одни определения являются общими для современной и для древнейшей эпохи. Без них совершенно невозможно мыслить себе производство; однако, хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми языками, но именно отличие их от этого всеобщего и общего и есть то, что образует их развитие.

>(К. Маркс. К критике политической экономии, 16 – 17. 1932 г. // 12, 710 – 711.)
166

Люди сопоставляют продукты своего труда как стоимости не потому, что эти вещи являются для них лишь вещественными оболочками однородного человеческого труда. Наоборот. Приравнивая друг к другу в обмене различные продукты как стоимости, они тем самым приравнивают друг другу свои различные работы как человеческий труд вообще. Они не сознают этого, но они это делают. Таким образом у стоимости не написано на лбу, что она такое. Более того, стоимость превращает каждый продукт труда в таинственный общественный иероглиф. Впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение предметов потребления как стоимости есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык.

>(К. Маркс. Капитал, I, 32. Изд. 8-е // 23, 84.)
167

«Если приходится вступать в соглашение и в словесное общение, то я, разумеется, могу воспользоваться только человеческими средствами, которые находятся в моем распоряжении, поскольку я являюсь вместе с тем человеком» (т.е. экземпляром рода). Таким образом, язык здесь рассматривается как продукт рода. Однако тем, что Санчо [Макс Штирнер] говорит по-немецки, а не по-французски, он обязан вовсе не роду, а обстоятельствам. Впрочем, в любом современном развитом языке первоначально самобытная речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией. Само собою разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Соч., IV, 414. 1933 г. // 3, 427.)
168

...вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом; притом этот общий интерес существует не только в представлении, как «всеобщее», а прежде всего в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд... Именно благодаря этому противоречию между частным и общим интересом последний, в виде государства, принимает самостоятельную форму, оторванную от действительных – отдельных и совместных – интересов и вместе с тем форму иллюзорной общности. Но это всегда совершается на реальной основе имеющихся в каждом семейном или племенном конгломерате связей по плоти и крови, по языку, по разделению труда в более широком масштабе и по иным интересам, в особенности, – как мы выясним в дальнейшем, – на основе интересов, уже обусловленных разделением труда, классов, которые обособляются в каждой такой людской совокупности и из которых один господствует над всеми другими.

>(Там же, 23 – 24 // 3, 31 – 32.)

169

...Стоимость железа, холста, пшеницы и т.д. существует, хотя и невидимо, в самих вещах; она выражается в их равенстве с золотом, в их отношении к золоту, в отношении, которое, так сказать, лишь предчувствуется ими. Хранителю товаров приходится поэтому отдать в их распоряжение свой язык или навесить на них бумажные билеты, чтобы поведать внешнему миру их цены.

>(К. Маркс. Капитал, I, 50. Изд. 8-е // 23, 105.)

170

Мы видим, что все то, что раньше сказал нам анализ товарной стоимости, рассказывает сам холст, раз он вступает в общение с другим товаром, с сюртуком. Он только выражает свои мысли на единственно доступном ему языке, на товарном языке. Чтобы высказать, что труд как абстрактное качество человеческого труда образует его собственную стоимость, он говорит, что сюртук, поскольку он равен ему и, следовательно, есть стоимость, состоит из того же самого труда, как он, холст. Чтобы высказать, что возвышенная субстанция его стоимости отлична от его жесткого тела, он говорит, что стоимость имеет вид сюртука, и что сам он, как воплощение стоимости, похож поэтому, как две капли воды, на сюртук. Заметим мимоходом, что товарный язык, кроме еврейского, имеет немало других более или менее выработанных наречий. Немецкое «*werthsein*» выражает, например, менее отчетливо, чем романский глагол *valere, valer, valoire* тот факт, что приравнение товаров В к товару А есть выражение собственной стоимости товара А. *Paris vaut bien une messe*. [Париж, конечно, стоит мессы].

>(Там же, 15 // 23, 61 – 62.)

171

Как деньги развиваются в мировые деньги, так товаровладелец развивается в космополита. Космополитическое отношение людей между собой является первоначально только отношением их как товаровладельцев. Для товара самого по себе и для себя не существует ни религиозных, ни политических, ни национальных границ, ни границ языка. Его всеобщий язык – цена, а его общая сущность – деньги. Но вместе с развитием мировых денег в противоположность национальной монете развивается космополитизм товаровладельца как вера в практический разум, в противоположность наследственным, религиозным, национальным и другим предрассудкам, препятствующим обмену веществ среди человечества. Если то же самое золото, высадившись в Англии в форме американских eagles, становится совереном, а через три дня в Париже делается наполеондором, а через несколько недель, очутившись в Венеции, превращается в дукат и при этом сохраняет однако постоянно одну и ту же стоимость, то товаровладельцу становится ясным, что национальность – *is but the guinea's stamp* (только печать гиней) . Высшая идея, в которую для него превращается весь мир, это идея рынка, мирового рынка.

>(К. Маркс. К критике политической экономии, 170. 1932 г. // 13, 164.)

172

Таким образом, денежная система в штирнеровском Союзе есть попросту существующая ныне денежная система, выраженная только на прикрашивающем и идиллически-мечтательном языке немецкого мелкого буржуа.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Соч., IV, 384. 1933 г. // 3, 397.)

173

Мы делаем свою историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном свете решающими. Но и политические условия и т.д., даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую. Прусское государство возникло и развилось благодаря историческим и, в конечном счете, экономическим причинам. Но едва ли можно, не сделавшись педантом, утверждать, что среди множества мелких государств Северной Германии именно Бранденбург был предназначен для роли великой державы, в которой воплотились экономические различия, различия в языке, а со времени реформации и религиозные различия между севером и югом, причем это было предопределено именно только экономической необходимостью, а другие моменты не оказывали также влияния (главным образом то обстоятельство, что

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
Бранденбург, благодаря обладанию Пруссией, был втянут в польские дела и через это в международные политические отношения, которые явились решающими также и при образовании могущества Австрийского дома). Едва ли удастся кому-нибудь, не сделавшись смешным, объяснить экономическое существование каждого маленького немецкого государства в прошлом и в настоящее время или объяснить экономическое происхождение верхне-немецких изменений гласных, которое разделяет Германию (в отношении диалекта) на две половины, что усиливается еще географически цепью гор от Судетов до Таунуса.

>(Ф. Энгельс. Письмо И. Блоху 21/IX 1890 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, 375 – 376. 1932 г. // 37, 395.)
174

62. Язык богаче в неразвитом, первобытном состоянии народов, – язык беднеет с цивилизацией и образованием грамматики.

>(В.И. Ленин. – ленинск. сборн., XI, 155. Выписка из Гегеля с знаком вопроса на полях рукописи // 29, 283.)

4. Развитие языка

[29]

175

Поляризация. Еще Я. Гримм был твердо убежден в том, что всякое немецкое наречие должно быть либо верхне-немецким, либо нижне-немецким. При этом он совершенно не нашел места для франкского наречия. Так как письменный франкский язык позднейшей Каролингской эпохи был верхне-немецким (верхне-немецкий перебой согласных затронул франкский юго-восток), то франкский язык, по его взглядам, в одних местах растворился в древне-верхне-немецком, а в других – во французском. При этом оставалось совершенно непонятным, откуда же попал нидерландский язык в старо-салические области. Лишь после смерти Гримма был снова открыт франкский язык: салический язык в своем обновленном виде в качестве нидерландского, рипуарский язык, – в среднем и верхне-рейнских наречиях, которые отчасти сместились в различной степени в сторону верхне-немецкого, а отчасти остались нижне-немецкими, так что франкский язык представляет собой наречие, которое является как верхне-немецким, так и нижне-немецким.

>(Ф. Энгельс. Диалектика природы. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 445 – 446. 1931 г. // 20, 532.)
176

Меня очень заинтересовало, что из проводимых им [Тьерри в его сочинении «История образования и развития третьего сословия», 1853 г.] документов видно, что слово *catalla*, *capitalia* (капитал) входит в употребление вместе с появлением городских коммун.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 27/VII 1854 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, 83. 1932 г. // 28, 322.)
177

...Кроме римского права, знакомого теперь даже в Англии каждому юристу, – его юридические знания ограничиваются исключительно прусским земским правом, этим кодексом просвещенного патриархального деспотизма, который написан на таком немецком языке, точно по нему учился господин Дюринг немецкому языку, и который со своими моральными изречениями, своей юридической неопределенностью и бессодержательностью, своими варварскими мерами наказания – вроде палочных ударов – относится целиком еще к дореволюционной эпохе.

>(Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 112. 1931 г. // 20, 114 – 115.)
178

Вчера читал я во французском переводе главу о фабричном законодательстве. При всем почтении к искусству, с которым эта глава переведена на изящный французский язык, мне все же жалко прекрасной главы. Сила, сочность и жизнь – все пошло к черту. Возможность для писателя изящно выразить свои мысли покупается за счет кастрации языка. На этом современном скованном правилами французском языке становится все более невозможно высказывать мысли.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
Перестановка предложений, к которой принуждают правила педантичной формальной логики, отнимает у изложения всякую яркость, всякую живость. Я счел бы большой ошибкой положить в основу при английском переводе французский перевод. На английском языке нет необходимости смягчать силу выражения оригинала; что неизбежно будет утрачено в части действительно диалектического изложения некоторых мест, будет в других отношениях возмещено большей силой и лаконичностью английского языка.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 29/XI 1873 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XXIV, 423. 1931 г. // 33, 81 – 82.)
179

Курьезно, что западные фризы теперь частью произносят как раз так, как англичане пишут, например, great, hearre [слышать] и т.д. Но в большинстве случаев это случайно и недавнего происхождения, так как формы старофризского языка той же местности большею частью совсем иные.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 28/III 1869 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XXIV, 180 – 181. 1931 г. // 32, 229.)
180

Английский язык «никуда не годен» – совершенно романизован. Я утешил его [речь идет об Э. Бауэре. Ред.] тем, что голландцы и датчане говорят то же самое о немецком языке и что исландцы являются единственными истыми германцами, не затронутыми южной иностранщиной.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 14/IX 1855 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, 87. 1932 г. // 28, 389. Насмешливое замечание К. Маркса о представлении о языках посетившего его Э. Бауэра. Ред.)
181

Русский язык прогрессирует в сторону английского – нэпо, – ком, – проф, – сов, – рабкооп.

>(В.И. Ленин. План к статье «Заметки публициста», относ. к 1922 г. – Соч., XXVII, 525 // 44, 503.)
182

Мы живем в такое время, когда целый ряд элементарнейших основных явлений капитализма воскрешен. Взять хотя бы крах транспорта, который мы так хорошо или, вернее, так плохо на себе испытываем. Это ведь есть и в других странах, даже в странах победительницах. А что значит крах транспорта в империалистической системе? Возвращение к самым первоначальным формам товарного производства. Мы знаем хорошо, что такое мешечники. Это слово до сих пор иностранцам непонятно. А теперь приехавшие на съезд III Интернационала товарищи рассказывают, что начинают зарождаться подобные слова в Германии и даже в Швейцарии. Эту категорию вы не подведете ни под какую диктатуру пролетариата, а должны будете вернуться к низам капиталистического общества и товарного производства.

>(В.И. Ленин. Доклад о партийной программе VIII съезду РКП(б). – Соч., XXIV, 132 // 38, 153.)
183

Как редкость, пришел к нам один номер итальянской газеты «Avanti!» («Вперед»), органа Итальянской социалистической партии, которая участвовала в Циммервальде, боролась против войны и которая теперь постановила, что на съезд желтых в Берне, на съезд старого Интернационала, где участвуют люди, вместе со своими правительством помогавшие затягивать эту преступную войну, она идти отказывается. До сих пор газета «Avanti!» выходила под строгой цензурой. Но вот в этом номере, случайно попавшем к нам, я читаю корреспонденцию из партийной жизни какого-то местечка Кавриаго, – должно быть большого захолустья, потому что его нельзя найти на карте, – и оказывается, что собравшиеся там рабочие принимают резолюцию, выражающую сочувствие их газете за ее непримиримость, и заявляют, что они одобряют немецких спартаковцев, – а дальше идут слова, которые, хотя написаны по-итальянски, но понятны во всем мире: «Sovietisti russi», – приветствуют русских «советистов» и выражают пожелание, чтобы программа русских и немецких революционеров была принята во всем мире и послужила к тому, чтобы довести до конца борьбу против буржуазии и военного господства. И вот, когда читаешь такую резолюцию из какого-то итальянского Пошехонья, тогда

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
можешь с полным правом сказать себе: итальянские массы за нас, итальянские массы поняли, что такое русские «советисты», что такое программа русских «советистов» и германских спартаковцев. А у нас тогда и не было такой программы!

...Советское движение, товарищи, вот та форма, которая в России была завоевана, которая теперь во всем мире распространяется, которая одним своим названием дает рабочим целую программу.

>(В.И. Ленин. Об основании Коммунистического Интернационала. – Там же, 29 // 37, 517 – 518.)
184

Мы достигли того, что слово «Совет» стало понятным на всех языках. Массы поняли, что их спасение в рабоче-крестьянской власти, в Советах. Вот почему в Москве, на съезде III Интернационала, нам так легко было достигнуть соглашения. В самых глухих углах, в каком-нибудь итальянском Пошехонье, собираются батраки и рабочие и заявляют: мы приветствуем германских спартаковцев и русских «советистов» и требуем, чтобы их программа стала программой рабочих всего мира.

>(В.И. Ленин. Речь на митинге в Народном доме в Петрограде 13/III 1919 г. – Там же, 49 // 38, 37.)
185

Рабочие массы и Парижа, и Лондона, и Нью-Йорка перевели слово «Совет» на свои языки, сделали это слово понятным для каждого рабочего, зная, что старой буржуазной республикой помочь нельзя, что помочь может только рабочая власть.

>(В.И. Ленин. Успехи и трудности советской власти. – Там же, 77 // 38, 71 – 72.)
186

Первый раз в мире власть государства построена у нас в России таким образом, что только рабочие, только трудящиеся крестьяне, исключая эксплуататоров, составляют массовые организации – Советы, и этим Советам передается вся государственная власть. Вот почему, как ни клеветают представители буржуазии во всех странах, а везде в мире слово «Совет» стало не только понятным, стало популярным, стало любимым для рабочих, для всех трудящихся.

>(В.И. Ленин. Что такое советская власть. – Там же, 201 // 38, 238.)
187

Наша революция теперь, всего через полтора года господства большевистской власти, добилась того, что новая государственная организация, которую она создала, советская организация стала понятной, знакомой, популярной рабочим всего мира, стала своей для них...

Теперь во всех странах слово «большевики», слово «Совет» перестало быть чудаческим выражением, каким было недавно, вроде слова «боксер», которое мы повторяли, не понимая. Слово «большевик» и слово «Совет» повторяется теперь на всех языках мира.

>(В.И. Ленин. Об обмане народа лозунгами свободы и равенства. – Там же, 305 и 306 // 38, 368 и 370.)
188

Может быть, будет у нас общая программа, когда создастся всемирная Советская республика, до тех же пор мы наверное напишем еще несколько программ. А писать их сейчас, когда существует только одна Советская республика на месте старой Российской империи, было бы преждевременно. Даже Финляндия, которая, несомненно, идет к Советской республике, еще не осуществила ее, – Финляндия, которая отличается от всех остальных народов, населявших прежнюю Российскую империю, большой культурностью. Так что претендовать сейчас на то, чтобы дать в программе выражение законченного процесса, было бы величайшей ошибкой. Это было бы похоже на то, как если бы мы сейчас в программе выставили всемирный Совнархоз. А между тем к этому уродливому слову «Совнархоз» мы сами еще не сумели привыкнуть, с иностранцами же, говорят, бывают случаи, когда они ищут в справочнике, нет

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
ли такой станции. (Смех.) Эти слова мы не можем декретировать всему миру.

>(В.И. Ленин. Заключительное слово по докладу о партийной программе VIII съезду РКП(б). – Там же, 150 // 38, 176 – 177.)
189

Посмотрите, как распространяются во всем мире наши уродливые слова, вроде слова «большевизм». Несмотря на то, что мы называемся партией коммунистической, что название «коммунист» является научным, общеевропейским, оно в Европе и в других странах меньше распространено, чем слово «большевик». Наше русское слово «Совет» – одно из самых распространенных, оно даже не переводится на другие языки, а везде произносится по-русски.

>(В.И. Ленин. Речь на торжественном заседании Моск. совета, посв. годовщине III Интернационала. – Соч., XXV, 72 // 40, 204 – 205.)
190

Абстрактное тождество и его антитеза, различие, уместны только в математике – абстрактной науке, занимающейся умственными построениями, хотя бы и являющимися отражениями реальности, – но и здесь оно постоянно снимается. Hegel. Enz., I, стр. 235. Факт, что тождество содержит в себе различие, выражен в каждом предложении, где сказуемое неизбежно отлично от подлежащего. Лилия есть растение, роза красна: здесь либо в подлежащем, либо в сказуемом имеется нечто такое, что не покрывается сказуемым или подлежащим. Hegel, Enz., I, стр. 231. Само собой разумеется, что тождество с собою имеет уже заранее необходимым дополнением отличие от всего прочего.

>(Ф. Энгельс. Диалектика природы. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 398 – 399. 1931 г. // 20, 529 – 530.)
191

Таков же д[олжен] б[ыть] метод изложения (resp[ective]) изучения диал[екти]ки вообще, ибо диал[екти]ка б[уржуа]з[ного] о[бщества] у М[ар]ха есть лишь частный случай диалектики. Начать с самого простого, обычного, массовидного etc., с предложения любого: листья дерева зелены; Иван есть человек; Жучка есть собака и т.п. Уже здесь (к[а]к гениально заметил Гегель) есть диал[екти]ка: отдельное есть общее (ср. Aristoteles. Metaphysik, пер[евод] Швеплера, Bd. II, S. 403, Buch. 4, Capitel 8 – 9: «denn natürlich kann man nicht der Meinung sein, dass es ein Haus – дом вообще – gebe ausser den sichtbaren Hausern», «?? ?? ?? ??????? ?????? ????? ?????? ??? ?? ?????? ??????»). Значит, противоположности (отдельное противоположно общему) тождественны: отдельное не существует иначе как в той связи, к[ото]рая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона, или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т.д. и т.д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами). И т.д. Уже здесь есть элементы, зачатки, понятия необходимости, объект[ивной] связи природы etc. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть ч[елове]к, Жучка есть соб[ака], это есть лист дерева и т.д., мы отбрасываем ряд признаков, к[а]к случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому.

Так[им] образом в любом предложении можно (и должно) как в «ячейке» («клеточке»), вскрыть зачатки всех эл[емен]тов диал[екти]ки, показав так[им] обр[азом], что всему познанию ч[елове]ка вообще свойственна диал[екти]ка.

>(В.И. Ленин. – Ленинск. сборн., XII, 324 – 325 // 29, 318 – 321.)
192

Насчет «Современника». Читаю сегодня в «Речи» содержание 1-ой книжки и ругаюсь, ругаюсь. Водовозов о Муромцеве... Колосов о Михайловском, Лопатин «Не наши» и т.д. Как тут не ругаться? А Вы еще точно дразните: «реализм, демократия, активность».

Вы думаете, это – хорошие слова? Слова скверные, всеми буржуазными ловкачами на свете используемые, от кадетов и эсеров у нас до Бриана или Мильерана здесь [во Франции. Ред.], Ллойд-Джорджа в Англии и т.д. И слова
Страница 64

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
скверные, надутые и содержание обещается эсеровски-кадетское. Нехорошо...
...Есть капитализм и капитализм. Есть черносотенно-октябристский капитализм и народнический, реалистический, демократический, «активности» полный капитализм. Чем больше мы будем обличать перед рабочими капитализм за «жадность» и «жестокость», тем труднее держаться капитализму первого сорта, тем обязательнее переход его в капитализм второго сорта. А это нам на руку, это пролетариату на руку.

Думаете, что я в противоречие впал? В начале письма находил слова «реализм, демократия, активность» скверными, а теперь нахожу хорошими? Нет тут противоречия: для пролетария скверно, для буржуа хорошо.

>(В.И. Ленин. Письмо А.М. Горькому 3/1 1911 г. – Соч., XV, 57 – 58 // 48, 11 – 13.)
193

История философии. Следовательно:

[кратко, история познания вообще]

[вся область знания]

греческая философия наметила все сии моменты.

отдельных наук

умственного развития ребенка

умственного развития животных

языка NB:

+ психология

+ физиология органов чувств

вот те области знания, из коих должна сложиться теория познания и диалектика.

>(В.И. Ленин. Лассаль о философии Гераклита Темного. – Ленинск. сборн., т. XII, 315 // 29, 314.)
III. УЧЕНИЕ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ

1. Образование новых понятий и слов

194

Выражение «гражданское общество» возникло в XVIII веке, когда отношения собственности уже вылупились из античной и средневековой общественности.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Соч., IV, 27. 1933 г. // 3, 35.)
195

Утверждение Г. Дюринга, что для обработки поземельной собственности в больших размерах необходимы землевладельцы и рабы, есть вполне «свободное творчество и дело воображения». На всем Востоке, где собственниками земли являются общины или государство, самое слово «землевладелец» не встречается в языках, о чем мог бы сообщить Г. Дюрингу совет английских юристов, так же напрасно бившийся в Индии над вопросом – кто же землевладелец? – как покойный Генрих LXXII Рейс-Грейц-Шлейс-Лобенштейн-Эберсвальдский над вопросом – кто ночной сторож?

>(Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 179. 1931 г. // 20, 181.)
196

Меня очень заинтересовало, что из приводимых им [историком Тьерри. Ред.] документов видно, что слово *catalla*, *capitalia* [капитал] входит в употребление вместе с появлением городских коммун.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 27/VII 1854 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс.
Письма, 83. 1932 г. // 28, 322.)
197

Выражение «labouring poor» [«работающие бедняки»] встречается в английском законодательстве с того момента, когда класс наемных рабочих приобретает заметные размеры. «Работающие бедняки» противопоставляются, с одной стороны, «idle poor» («ленивым беднякам»), нищим и т.п., с другой стороны – тем рабочим, которые еще не совсем освободились от собственности, еще владеют средствами своего труда. Из законодательства выражение «labouring poor» перешло в политическую экономию, где оно употребляется, начиная с Culooper'a, J. Child'a и т.д. вплоть до А. Смита и Eden'a. Можно судить по этому, какова добросовестность Эдмунда Берка, этого «рыночного торговца» execrable political cantmonger [ужаснейшими политическими изворотами], когда он называет выражение «labouring poor» «execrable political cant» [«ужаснейшим политическим извращением»].

>(К. Маркс. Капитал, I, 610. Изд. 8-е // 23, 770, прим.)
198

22. две класс[ических] системы: парцелл[ярная] и крупн[ая] (Фр[анция] и А[нглия])...

29. Сравн[ение] фр[анции] и А[нглии] (Эккариус).

33. у англ[ичан] нет даже слова «кр[естьяни]н». «Poor» = грубиян (ungerechte Verachtung) несправедливое презрение.

«Peasant» (крестьянин) иностр[анное] слово, к[ото]рое в Англии многие не понимают.

>(В.И. Ленин. Конспект брошюры В. Либкнехта «К земельному вопросу». – Ленинск. сборн., XIX, 160 – 165.)
2. Перенесение старых названий на новые явления

199

Капитал, capitale, перевод слова ??????????, обозначал требование денежной суммы в отличие от процентов (?????). В средние века капиталы, capit resipiae, обозначали нечто основное, существенное, первоначальное (стр. 37). В Германии употребляли слово Hauptgeld. (стр. 37.)

>(К. Маркс. Из критических замечаний о книге Адольфа Вагнера. – Архив, V, 382. 1930 г. // 19, 371.)
200

Почти все великие математики, начиная с середины XVIII века, поскольку им приходилось касаться практической механики и теоретизировать по поводу ее, исходили из простой водяной мельницы. Именно по этой причине и стали применять ко всякому механическому двигателю, приспособленному к практическим целям, название Muhle, mill (мельница), название, возникшее в мануфактурный период.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 28/I 1863 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс.
Письма, 128. 1932 г. // 30, 263.)
201

«Великое зло фабричной системы, как она организована в настоящее время, – говорится в первом отчете центрального совета комиссии, помеченном 25 июня 1833 года, – заключается в том, что она создает необходимость удлинять детский труд до крайних пределов рабочего дня взрослых. Единственным средством против этого зла, не прибегающим к ограничению труда взрослых, которое привело бы к еще большему злу, чем то, которое предполагается устранить, – этим единственным средством представляется план ввести двойные смены детей».

«План» этот и был осуществлен под названием Relaisystem («System of Relays»); Relay по-английски, как и по-французски, означает смену почтовых лошадей на различных станциях.

>(К. Маркс. Капитал, I, 203. Изд. 8-е // 23, 288 – 289.)
202

Ad vosem [что касается, по поводу] Маурер. Его книги имеют огромное значение. Не только первобытная эпоха, но и все позднейшее развитие свободных имперских городов, пользующегося иммунитетом помещичьего землевладения, государственной власти, борьбы между свободным крестьянством и крепостничеством – все это получает совершенно новое освещение.

С человеческой историей происходит то же, что с палеонтологией. Вещи, лежащие под носом, принципиально, благодаря a certain judicial blindness [какой-то слепоты суждения] не замечаются даже самыми выдающимися умами. А потом, когда наступает время, удивляются тому, что замечают всюду следы тех самых явлений, которые раньше совсем не привлекали внимания. Первая реакция против французской революции и связанного с нею просветительства была естественна: все получало средневековую окраску, все представлялось в романтическом виде, и даже такие люди, как Гримм, не свободны от этого. Вторая же реакция, – и она соответствует социалистическому направлению, хотя эти ученые и не подозревают своей связи с ним, – заключается в том, чтобы заглянуть за средневековые в первобытную эпоху каждого народа. И тут-то они, к своему изумлению, в самом древнем находят самое новое, вплоть до egalitarians to a degree [уравнителей такого рода], которые привели бы в ужас самого Прудона.

До чего все мы ослеплены этой judicial blindness [слепотой суждения]: ведь даже на моей родине, на Гунсрюккене, старо-немецкая система существовала вплоть до последних лет! Теперь я вспоминаю, что мой отец, адвокат, рассказывал мне об этом! Другое доказательство: как геологи, даже лучшие, как Кювье, истолковывают facts [факты] совершенно превратно, так и филологи такого force [калибра], как Гримм, переводят неверно самые простые латинские фразы, потому что находятся под влиянием Мезера и т.д. (который, помнится мне, восхищается тем, что у германцев никогда не существовало «свободы», но зато «воздух делает крепостным»). Например, известное место у Тацита: «arva per annos mutant et superest ager», что означает: они меняют (по жребию, откуда sortes во всех позднейших сборниках Leges Barbarum) [варварские «правды»], поля (arva), и остается еще, кроме того, общинная земля (ager в противоположность arva, как ager publicus), Гримм etc. переводят: они возделывают каждый год новые поля, и все же остается еще (невозделанная) земля!

Точно также место: «Colint discreti ac diversi» [пашут землю в одиночку и отдельно друг от друга] должно доказать, что германцы испокон веков хозяйничали на хуторах наподобие вестфальских юнкеров. А между тем в том же месте дальше говорится: «Vicos locant non in nostrum morem connexis et cohaerentibus aedificiis: suum quisque locum spatio circumdat» [«деревни они устраивают не по-нашему – со смежными и прислоняющимися друг к другу зданиями: каждый окружает свой участок свободным пространством»], и подобного рода первобытные деревни в описанной форме и по сие время еще существуют кое-где в Дании. Скандинавия, естественно, должна была получить такое же значение для германской юриспруденции и экономии, как и для германской мифологии. И лишь исходя из этого, мы могли бы разобраться в нашем прошлом. Впрочем и сам Гримм и др. находят у Цезаря, что германцы всегда селились родовыми общинами, а не в одиночку: «gentibus cognationibusque, qui uno coierant» [родами и родственными союзами, которые селились совместно].

Но что сказал бы old [старый] Гегель, если бы узнал на том свете, что «общее» [Allgemeine] означает у германцев и северян не что иное, как общинную землю [Gemeinland], а «частное» [Sondere, Besondere] не что иное, как выделившуюся из этой общинной земли частную собственность [Sondereigen]? Тут логические категории – проклятие – прямо вытекают из «наших отношений».

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 25/III 1868 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XXIV, 33 – 34. 1931 г. // 32, 43 – 45.)
203

Эсэры всегда говорили о трудовом крестьянстве. Революция определила политическую физиономию современного русского крестьянства, как направление трудовиков. По-видимому, эсэры оказались правы? Но в том-то и состоит ирония истории, что история сохранила и увековечила эсэровский термин, наполнив то, что в действительности соответствует этому термину, как раз таким содержанием, которое предсказывали эсдеки. История революции поделила

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org нас с эсэрами в спорном вопросе о мелко-буржуазности трудового крестьянства. Эсэрам история дала слово, нам – суть дела. Воспеты эсэрами до революции трудовые крестьяне оказались в революции такими трудовиками, от которых пришлось отречься эсэрам.

>(В.И. Ленин. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции. – Соч., XIV, 16 // 17, 343.)

3. Образование новых названий и перенесение прежних на новые явления по функции

204

«Verbal observer», Бэли и т.д. замечают, что слова «value», «valeur» выражают свойство, принадлежащее вещам. Они, действительно, вначале служат лишь для выражения потребительской стоимости вещей для людей, свойств их, которые делают их полезными и приятными для людей и т.д. В сущности «value, valeur – стоимость» этимологически не могут иметь дурного происхождения. Потребительная стоимость выражает естественное отношение между вещами и людьми, бытие вещей для людей. Меновая стоимость это то значение, которое потом – с создавшим ее общественным развитием – привито было слову стоимость = потребительная стоимость. Она есть общественное бытие вещи.

Санскритское слово wer означает покрывать, защищать, отсюда уважать, почитать и любить, ценить. Отсюда выведено прилагательное wertas, отличный, достопочтенный; готское слово wairths; по-индийски wert; англо-саксонское wearth, vordh; wurth; по-английски worthy; по-голландски waard, waardig; по-немецки wert; по-литовски werthas достопочтенный, драгоценный, дорогой; на санскритском языке wertis; по-латыни virtus; на готском wairthi; по-германски Wert.

Стоимость вещи есть в действительности ее собственная virtus, между тем как ее меновая стоимость совершенно не зависит от ее общественных свойств.

На санскритском wal покрывать, укреплять; по-латыни vallo, valeo – я здоров; vallus – опора, укрепление; valor это сама сила, отсюда по-французски valeur, по-английски value. Ср. с wal германское: walle, walte, английское wall, wield.

>(К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, III, 230 – 231, прим. Изд. 1932 г. // 26.3, 307 – 308.)

205

Машина в ее самой элементарной форме завещана была еще Римской империей в виде водяной мельницы[30].

>(К. Маркс. Капитал, I, 262. Изд. 8-е // 23, 361.)

206

Нет ничего характернее в этом отношении, как обозначение словами «fulltimers» («полный рабочий») рабочих, работающих полное время, и «halftimers» («полурабочий») – детей до 13-летнего возраста, которым дозволяется работать лишь по 6 часов. Рабочий здесь не что иное, как персонифицированное рабочее время. Все индивидуальные различия сводятся к различию между «Vollzeiter» или «Halbzeiter», «рабочим» и «полурабочим».

>(Там же, 172 // 23, 254.)

207

Значение названий. В органической химии значение какого-нибудь тела, а значит, также название его, не зависит уже просто от его состава, а скорее от его положения в том ряду, к которому оно принадлежит. Поэтому, если мы найдем, что какое-нибудь тело принадлежит к какому-нибудь подобному ряду, то его старое название становится препятствием для понимания и должно быть заменено названием, указывающим этот ряд (парафины и т.д.)

>(Ф. Энгельс. Диалектика природы. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 509. 1931 г. // 20, 609.)

208

Содержание абсолютно ни в чем не изменяется, если вообще не употреблять контрабандного слова «стоимость». Можно было бы сказать: человек, накладывая на известные предметы внешнего мира, которые и т.д., штампель «благ», все более сравнивает эти «блага» между собою и ставит их в

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
известный ряд сообразно иерархии своих потребностей, т.е., если угодно, «измеряет» их. О развитии действительной меры этих благ, т.е. меры их величины Вагнер поистине не должен здесь распространяться, так как это слишком живо напомнило бы читателю, что здесь речь идет не о том, что вообще понимается под «мерой стоимости».

[Что выделение (указание) предметов внешнего мира, являющихся средствами удовлетворения человеческих потребностей в качестве «благ», может быть названо также «придавать этим предметам стоимость», – это Вагнер мог доказать не только, как Рау, на основании «немецкого словоупотребления», но и при помощи латинизированного слова dignitas = значение, достоинство, ранг и т.д., которое, будучи приложено к предметам, обозначает также «стоимость»; dignitas происходит от dignus, а последнее слово от dic, point out, show – выделять, показывать; dignus, следовательно, означает pointed out, отсюда также digitus – палец, которым указывают на предмет; по-гречески ????????, ???????? (палец) ; на готском языке ga-tecta (dico) ; по-немецки – zeigen (показывать), а мы можем прийти еще к дальнейшим «выведениям», если принять во внимание, что ???????? (или ??????) (делать видимым, проявлять, указывать) имеет общий корень ????? (удерживать, брать) с ???????.]

>(К. Маркс. Из критических замечаний о книге Адольфа Вагнера. – Архив, V, 391 – 392. 1930 г. // 19, 381 – 382).
209

Во французском издании к словам «процесс труда» Маркс делает следующее замечание: слово «процесс», обозначающее развитие, рассматриваемое в общей связи его реальных условий, уже давно во всей Европе вошло в научный язык. Во Франции сначала робко ввели его в латинской форме: processus. Потом оно сбросило с себя это педантическое облачение и вошло в книги по химии, физиологии и т.д., а также в некоторые метафизические работы. В конце концов оно вполне натурализовалось. В обыденном языке немцы, как и французы, употребляют слово процесс в его юридическом значении.

>(К. Маркс. Капитал, I, 120. Изд. 8-е.)
210

...этимологически совершенно правильно переводить слово «базилевс» немецким словом «Konig» (Kuning), так как слово «Konig» происходит от Kuni, Künne и означает «старейшина рода». Но современному значению слова «царь» древне-греческое «базилевс» совершенно не соответствует. Фукидид определенно называет древнюю basileia – patrike, т.е. «происходящая от рода», и говорит, что она обладала точно определенными, следовательно ограниченными полномочиями. И Аристотель говорит, что basileia героической эпохи представляла собою предводительство свободными, а базилевс был военачальником, судьей и верховым жрецом; правительственной властью в позднейшем смысле этого слова он, таким образом, не обладал[31].

>(Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 106 – 107. 1932 г. // 21, 107.)
211

Рядом с сенатом и народным собранием стоял гех, точно соответствовавший греческому базилевсу и отнюдь не бывший абсолютным царем, каким его изображает Моммсен[32].

>(Там же, 128 – 129 // 21, 127.)
212

Дошедшие до нас языки оставляют сомнение в том, существовало ли у всех германцев общее выражение для слова «род» и какое именно. Этимологически греческому genos, латинскому gens соответствует готское kuni, средне-верхне-германское kunne, которое и употребляется в том же смысле. На времена материнского права указывает то, что название женщины происходит от того же самого корня: греческое гупе, славянское zena, готское qvino, древне-северное kona, kuna. У лангобардов и бургундов мы встречаем, как упомянуто, слово fara, которое Grimm выводит от гипотетичного корня fisan, показывать. Я предпочел бы исходить из более очевидного происхождения от faran ездить, кочевать, как обозначения почти естественно состоящей лишь из родственников части кочевого обоза, обозначения, которое за время многовековых скитаний сперва на восток, затем на запад постепенно было

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
перенесено на семейную общину. Далее, готское *sibja*, англо-саксонское *sib*, древне-верхне-германское *sipria*, *sipra* – родня. В древне-северном языке встречается лишь множественное число *sifjar* – родственники; в единственном числе только как имя богини *Sif*. И, наконец, в песне Гильдебранда попадает еще другое выражение, именно в том месте, где Гильдебранд спрашивает Гадубранда: «кто твой отец среди мужчин в народе... или какого ты рода?» (*eddo huelihhes enuosles du sis*). Поскольку вообще существовало общее германское обозначение для слова род, оно, очевидно, было готским *kuni*; за это говорит не только тождество с соответствующим выражением родственных языков, но и то обстоятельство, что от него происходит слово *kuning*, король, которое первоначально обозначает родового или племенного старейшину. *Sibia* (родня) не приходится, по-видимому, принять в расчет, по крайней мере *sifjar* означает на древне-северном языке не только кровных родственников, но и свойственников, т.е. включает членов по меньшей мере двух родов; *sif*, таким образом, не могло служить выражением для понятия род.

Подобно мексиканцам и грекам германцы производили боевое построение, – как отрядов конницы, так и штурмовых колонн пехоты, – по родовым группам; если Тацит говорит: «по семьям и родственным группам», – то это неопределенное выражение объясняется тем, что в его время род в Риме давно перестал быть живым объединением.

>(Там же, 136 – 137 // 21, 135 – 136.)
213

Эмпирик до того втягивается в привычный ему эмпирический опыт, что воображает себя все еще в области чувств, опыта даже тогда, когда он имеет дело с абстракциями. Мы знаем, что такое час, метр, но не знаем, что такое время и пространство. Точно время есть не что иное, чем сумма часов, а пространство не что иное, чем сумма кубических метров. Разумеется, обе формы существования материи без этой материи представляют ничто, только пустое представление, абстракцию, существующую только в нашей голове. Но мы неспособны познать, что такое материя и движение. Разумеется, неспособны, ибо материя, как таковую, движение, как таковое, никто еще не видел и не испытал каким-нибудь иным образом: люди имеют дело только с различными реально существующими материями и формами движения. Вещество, материя – не что иное, как совокупность всех чувственно воспринимаемых форм движения; слова вроде «материя» и «движение» это – просто сокращения, в которых мы резюмируем, согласно их общим свойствам, различные чувственно воспринимаемые вещи.

>(Ф. Энгельс. Приложения к «Анти-Дюрингу». – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 355. 1931 г. // 20, 550.)
214

Все представления о линиях, поверхностях, углах, о многоугольниках, кубах, шарах и т.д. заимствованы из действительности, и нужна известная доза идеологической наивности, чтобы поверить математикам, будто первая линия возникла от движения точки в пространстве, первая поверхность – от движения линии, первое тело – от движения поверхности и т.д. Уже язык протестует против этого. Математическая фигура трех измерений называется телом, *corpus solidum*, что по-латыни означает даже осязаемое тело, т.е. она носит название, являющееся продуктом не «свободной фантазии» рассудка, а взятое из грубой действительности.

>(Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 40 – 41. 1931 г. // 20, 39.)
215

Далее следует заметить, даже с точки зрения этих словесных отношений, – что если из первоначальной идентичности значения (*wurde*) и стоимости (*wert*) вытекало само собой, из природы вещей, применение этого слова к вещам, продуктам труда в их натуральной форме, то впоследствии это слово в неизменном виде было прямо перенесено на цены, т.е. на стоимость в ее неизменной форме, т.е. на меновую стоимость, а это так же мало вытекает из самих вещей, как то обстоятельство, что то же слово продолжало употребляться для значения (*wurde*) вообще, для почетной должности и т.д. С словесной точки зрения здесь нет никакого различия между потребительской стоимостью и стоимостью.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
>(К. Маркс. Из критических замечаний на книгу А. Вагнера. – Архив, V, 396 – 398. 1930 г. // 19, 388.)
216

«Естественная стоимость (worth) какой-либо вещи состоит в ее способности удовлетворять потребности или служить удобством человеческой жизни» (John Lock. *Some Considerations on the Consequences of the Lowering of Interest*, 1691, в *works*, edit. London, 1777, т. II, стр. 28). В XVII столетии мы еще часто встречаем у английских писателей «worth» для обозначения потребительной стоимости и «value» для обозначения меновой стоимости; это совершенно в духе английского языка, который любит конкретные вещи обозначать словами германского, абстрактные – словами романского происхождения.

>(К. Маркс. *Капитал*, I, 2. Изд. 8-е // 23, 44, прим.)
217

При всяких условиях, то рабочее время, которого стоит производство средств существования, должно было интересовать людей, хотя и не в одинаковой степени на разных ступенях развития[33].

>(Там же, 31 // 23, 81.)
218

Но чем господин Вагнер недоволен в моем изложении, так это тем, что я не доставляю ему удовольствия и не следую отечественно-немецкому профессорскому «стремлению» к смешению потребительной стоимости со стоимостью...

[Единственное, что явно лежит в основе всей немецкой чепухи, заключается в том, что слова: «стоимость» (wert) или значение (wurde) применялись первоначально к самим полезным вещам, которые существовали в качестве продуктов труда задолго до того, как они сделались товарами. Но с научным определением товарной «стоимости» это имеет так же мало общего, как, то обстоятельство, что слово соль применялось у древних народов первоначально для поваренной соли, а впоследствии, со времени Плиния, сахар и т.п. тела фигурировали как разновидности соли (фактически все бесцветные твердые тела, растворимые в воде и обладающее специфическим вкусом), не означает, что химическая категория «соль» включает в себя сахар и т.п.]

[Так как товар покупается покупателем не потому, что он имеет стоимость, а потому, что он есть «потребительная стоимость» и употребляется для определенных целей, то само собою разумеется: 1) что потребительные стоимости «оцениваются», т.е. исследуется их качество (как количество их измеряется, взвешивается и т.п.); 2) что при наличии различных сортов товара, могущих заменить друг друга для тех же целей потребления, тому или иному сорту отдается предпочтение и т.п.]

В готском языке имеется только одно слово для стоимости (wert) и значения (wurde) – слово *vairths*, ?????, ?????, *schatzen*, т.е. оценивать, определять цену или стоимость, таксировать; в метафорическом смысле: уважать, ценить, почитать, выделять, – ????? оценка; отсюда: определение стоимости или цены, оценка, расценка. Далее: оценка стоимости, а также сама стоимость или цена (у Геродота, Платона), у Демосфена ?? ????? в смысле издержек. Далее высокая оценка, честь, уважение, почетное место, почетная должность. См. Греческо-немецкий словарь Роста.).

Стоимость, цена (по Словарю Шульце) в готском языке: *vairths*, прилагательное, ????? ??????. В древнем северно-немецком языке: *verdhr* достойный; *verdh* стоимость, цена; в англо-саксонском языке: *veordh*, *vurdh*; в английском языке: *worth* – прилагательное; как существительное оно обозначает стоимость и значение.

[В средне-немецком языке: *wert*, родительный *werdes*, прилагательное (*dignus*), а также *pfennigwert*; *wert*, родительный – *werdes*, стоимость, значение, великолепие, *aestimatio*, товар определенной стоимости, например *pfenwert*, *pennyworth*: *werde*: *mertum*, *aestimatio*, *dignitas*, ценное качество (*Ziemann. Mittelhochdeutsches Worterbuch*).]

[Таким образом, стоимость (wert) и значение (wurde) и по этимологическому происхождению и по смыслу тесно друг с другом связаны. Это обстоятельство затемняется благодаря тому, что в новом немецком языке стало обычным

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
неорганическое (ложное) образование флексий от слова wert (стоимость: wert, Wertes вместо werdes, так как готскому th соответствует верхне-немецкое d, а не th = t, и то же самое наблюдается в средне-немецком языке (wert, родит. werdes). По правилам средне-верхне-немецкого языка, d в конце слова должно было бы превратиться в t, т.е. wert вместо werd, но родительный падеж werdes.)]

[Все это, однако, имеет так же мало общего с экономической категорией «стоимость», как и с химической стоимостью [т.е. валентностью] (wert) химических элементов (атомистика) или с химическими эквивалентами (весовые соотношения соединений химических элементов).]

>(К. Маркс. Из критических замечаний на книгу А. Вагнера. – Архив, V, 396 – 398. 1930 г. // 19, 386 – 388.)
219

Обычные названия весового масштаба и его подразделений послужили первоначальными названиями и денежного масштаба. Но мало-помалу денежные названия веса металла отделяются от первоначальных названий. Происходит это по различным причинам, между которыми наиболее важную роль в истории играли следующие: 1) Введение иностранных денег у народов, находящихся на низких ступенях развития. Так, например, в древнем Риме золотые и серебряные монеты сначала обращались как иностранные товары. Названия этих денег, конечно, отличны от названий туземных весовых единиц. 2) С развитием богатства менее благородный металл вытесняется из своей функции меры стоимости более благородным, – медь вытесняется серебром, серебро золотом, как ни противоречит этот порядок поэтической хронологии золотого и серебряного веков. Фунт стерлингов был, например, денежным названием для действительного фунта серебра, но когда золото вытеснило серебро в качестве меры стоимости, это же название стало применяться к количеству золота, составлявшему, быть может, 1/15 фунта или даже меньше, в зависимости от отношения между стоимостью золота и серебра. Фунт как денежное название и обычное весовое название данного количества золота теперь разделились. 3) В течение целого ряда веков монархи занимались непрерывной фальсификацией монеты, вследствие чего от первоначального веса монет действительно остались одни только названия.

Благодаря этим историческим процессам отделение денежного названия весовых количеств металла от их обычных весовых названий становится народным обыкновением. Так как денежный масштаб, с одной стороны, совершенно условен, а с другой стороны – должен пользоваться всеобщим признанием, то он в конце концов регулируется законом. Определенное весовое количество благородного металла, например, унция золота, официально разделяется на определенные части, которые и нарекаются при этом своим легальным крещением определенными именами, напр., фунт, талер и т.д. Теперь единицу денежной меры в собственном смысле этого слова составляет уже каждая такая часть, подразделяемая в свою очередь на новые части, получающие из уст закона свои имена: шиллинг, пенни и т.д. [34] Во всяком случае определенные весовые количества металла по-прежнему остаются масштабом металлических денег. Изменяется только способ деления на части и наименования последних.

Итак, цены, или количества золота, в которые идеально превращаются стоимости товаров, выражаются теперь в денежных названиях, или законодательно признанных счетных названиях денежного масштаба. Вместо того, чтобы сказать, что квартал пшеницы равен одной унции золота, англичанин скажет, что он равен 3 фунтам стерлингов 17 шиллингам 10 пенсам. Таким образом в денежных названиях товары показывают, чего они стоят, и деньги функционируют как счетные деньги каждый раз, когда требуется фиксировать какую-либо вещь как стоимость, т.е. в денежной форме.

Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой. Я решительно ничего не знаю о данном человеке, если знаю только, что его зовут Яковом. Точно также и в денежных названиях фунт, талер, франк, дукат и т.д. изглаживается всякий след отношения стоимостей. Путаница понятий относительно современного смысла этих кабалистических знаков тем значительнее, чем денежные названия выражают одновременно и стоимость товаров, и определенную часть данного веса металлов, денежного масштаба. С другой стороны, необходимо, чтобы стоимость, в отличие от пестрых в своем разнообразии тел товарного мира, развилась в эту иррационально вещную и в то же время чисто общественную форму.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
Цена есть денежное название овещественного в товаре труда. Следовательно, эквивалентность товара и того количества денег, название которого есть его цена, представляет простую тавтологию, как и вообще относительное выражение стоимости товара есть в то же время выражение эквивалентности двух товаров.

>(К. Маркс. Капитал, I, 53 – 55. Изд. 8-е // 23, 109 – 111.)
220

Английский язык имеет то преимущество, что в нем существуют два различные слова для обозначения двух различных сторон труда. Труд, качественно определенный, создающий потребительные стоимости, называется *work* в противоположность *labour*; труд, создающий стоимость и измеряемый лишь количественно, называется *labour* в противоположность *work*.

>(Ф. Энгельс. Примечание к английскому переводу Капитала, т. I, стр. 14. – К. Маркс. Капитал, т. I, изд. 8, стр. 11 // 23, 56, прим.)
221

...золото и серебро являются не только отрицательно излишними, т.е. такими предметами, без которых можно обойтись, но их эстетические свойства делают их естественным материалом всякого рода роскоши, украшений, блеска, праздничных потребностей, короче говоря, положительной формой излишка и богатства. Они до известной степени являются как бы самородным светилом, добытым из подземного мира, так как серебро отражает все световые лучи в их первоначальном соединении, золото отражает наивысшее напряжение света, именно – красный цвет. Ощущение же цветов является наиболее популярной формой эстетического чувства вообще. Этимологическая связь названий благородных металлов с соотношениями цветов в различных индо-германских языках доказана Яковом Гриммом (см. его «Историю немецкого языка»).

>(К. Маркс. К критике политической экономии, 172 – 173. 1932 г. // 13, 136.)
222

Мы ставим в кавычки слово крестьянство, чтобы отметить наличность в этом случае не подлежащего никакому сомнению противоречия: в современном обществе крестьянство, конечно, не является уже единым классом. Но кто смущается этим противоречием, тот забывает, что это – противоречие не изложения, не доктрины, а противоречие самой жизни. Это – не сочиненное, а живое диалектическое противоречие.

>(В.И. Ленин. Аграрная программа русской социал-демократии. – Соч., V, 92 // 6, 312.)

4. Классовое содержание неверной терминологии

223

Идеализм Фейербаха состоит здесь в том, что он половую любовь, дружбу, сострадание, самоотвержение и все основанные на взаимной склонности отношения людей не решает оставить в том виде, какой они имеют сами по себе, помимо связи их с какой-нибудь особой религиозной системой, унаследованной от прошлого. Он утверждает, что полное свое значение эти отношения получают только тогда, когда их осветят словом: религия. Для него главное дело не в том, чтобы существовали такие чисто человеческие отношения, а в том, чтобы на них смотрели, как на новую, истинную религию. Он соглашается признать их полными только в том случае, если к ним будет приложена печать религии. Существительное религия происходит от глагола *religare* и означало первоначально связь. Таким образом, всякая взаимная связь людей есть религия. Подобные этимологические фокусы представляют собою последнюю лазейку идеалистической философии. Словам приписывается не то значение, какое получили они путем долгого исторического употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своей этимологической родословной. Чтобы не исчезло дорогое по старой идеалистической привычке словцо: религия, возводятся в сан религии половая любовь и половые отношения.

>(Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 655. 1931 г. // 21, 293.)
224

Из всего сказанного видно также, до какой степени ошибается Фейербах, когда

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
он («Wigands Vierteljahrsschrift», 1845, Bd. 2) при помощи квалификации «общественный человек» объявляет себя коммунистом, превращая это обозначение в предикат человека «как такового» и считая, таким образом, возможным это понятие, обозначающее в действительном мире приверженца определенной революционной партии, вновь превратить в голую категорию.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Соч., IV, 31. 1933 г. // 3, 41.)
225

Для того, чтобы изобразить одного ограниченного субъекта, определенное сословие (различие сословий), как существенного субъекта обоих предикатов, или для того, чтобы доказать тождество обоих предикатов, они оба мистифицируются и развиваются в иллюзорно неопределенной двойственности.

Один и тот же субъект берется здесь в различных значениях, но это значение является здесь не самоопределением, а аллегорическим, произвольно введенным определением. Можно было бы тому же значению дать другого субъекта, тому же субъекту другое значение. Значение, которого социальное различие сословий достигает в политической сфере, обуславливается не гражданской, а политической сферой, и это различие могло бы иметь также другое значение, как это и имело место в истории. Точно также и наоборот. Это все та же некритическая, мистическая манера интерпретировать старое мирозерцание в духе нового, благодаря чему это старое становится каким-то межеумочным мирозерцанием, где форма обманывает насчет значения, а значение насчет формы, и где ни форма не становится значением и действительной формой, ни значение не становится формой и действительным значением. Эта некритичность, этот мистицизм представляет собой как загадку современных конституций (сословных ??? ?????), так и таинство гегелевской философии, преимущественно его философии права и религии.

>(К. Маркс. Критика философии права Гегеля. – Соч., I, 624. 1929 г. // 1, 314.)
226

У Гольбаха вся деятельность индивидов в их взаимном общении, например речь, любовь и т.д., изображается в виде отношений пользы и использования. Таким образом, действительные отношения, из которых он исходит, это – речь, любовь, определенные осуществления определенных свойств индивидов. Но эти отношения не обладают здесь свойственным им специфическим значением, а служат выражением и проявлением некоего третьего, подставленного вместо них отношения, именно отношения полезности или использования. Эта перефразировка перестает быть бессмысленной и произвольной, поскольку для индивида его отношения имеют значение не сами по себе, не как самоосуществление, а как маски, – однако как маски не категории использования, но некоей действительной третьей цели и отношения, называемого отношением полезности.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Соч., IV, 396. 1933 г. // 3, 409 – 410.)
227

Так как золото как масштаб цен выступает с теми же самыми счетными названиями, как и цены товаров, так как, например, унция золота совершенно так же, как и стоимость тонны железа, выражается в 3 ф.ст. 17 шилл. 10² п., то эти счетные названия принимаются за цену самих монет. Отсюда возникло изумительное представление, что золото (или серебро) выражает свою стоимость в своем собственном материале и в отличие от всех других товаров получает фиксированную цену от государства. Фиксирование счетных названий определенных весовых количеств золота принимают за фиксирование стоимости этих количеств.

>(К. Маркс. Примеч. ко 2 изд. капитала, I, 55. Изд. 8-е // 23, 111, прим. Ср. его же. К критике политической экономии, 95. 1932 г.)
228

Полковник Торренс открывает начало капитала – в камне дикаря. «В первом камне, который дикарь бросает в преследуемого зверя, в первой палке, которую он берет, чтобы притянуть плоды, которых не может достать руками, мы видим присвоение одного предмета с той целью, чтобы приобрести другой, и, таким образом, открываем начало капитала» (R. Torrens. An Essay on the

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
Production of wealth etc., Edinburgh. 1836, p. 70, 71). Этой первой палкой (stock), надо полагать, объясняется и то, почему на английском языке stock есть синоним капитала.

>(К. Маркс. Капитал, I. Изд. 8-е. Стр. 225 // 23, 195, прим.)
229

«Смешение терминов: стоимость денег и средства обращения, которые употребляются без разбора с целью обозначения как меновой стоимости товаров, так и потребительной стоимости капитала, – это смешение терминов является постоянным источником путаницы» (Tooke: Inquiry into the Currency Principle, p. 77). Но Тук не замечает главной путаницы (лежащей в самом существе дела), заключающейся в том, что стоимость как таковая (процент) становится потребительной стоимостью капитала.

>(К. Маркс. Капитал, III, 250, прим. 61. Изд. 8-е // 25.1, 389, прим.)
230

Оверстон (см. гл. XXXVI) постоянно путает понятия «capital» и «money». Value of money означает у него также процент, но лишь постольку, поскольку последний определяется массой денег; value of capital должен обозначать процент, поскольку он определяется спросом на производительный капитал и приносимой им прибылью.

>(Там же, 364, прим. 9 // 25.2, 54, прим.)
231

В своей римской истории г-н Моммсен берет слово «капиталист» отнюдь не в смысле современной экономики и современного общества, а в духе популярного представления, которое все еще сохраняется не в Англии или Америке, а на континенте как старинный пережиток исчезнувших отношений.

>(Там же, 567, прим. 45 // 25.2, 350, прим.)
232

Слово «буржуазно-демократический» является у вас тогда не более, как платоническим выражением почтения к марксизму, ибо употребление этого слова вами не сопровождается сведением такого-то типа либерализма или демократизма к таким-то корыстным интересам определенных слоев буржуазии. Неудивительно, что наши либералы, начиная с п.с.р. и кадетов и кончая беспартийными беззаглавцами из «Товарища», видя такое применение марксизма меньшевиками, с восторгом подхватывают «идеи» о вреде крайностей оппортунизма и революционизма в демократии... ибо это не идея, а пошлое общее место. В самом деле, ведь не слово же: «буржуазная демократия» пугает либералов. Их пугает разоблачение перед народом того, к каким материальным интересам каких именно имущих классов сводятся их либеральные программы и фразы. В этом суть, а не в слове «буржуазная демократия». Не тот применяет учение о классовый борьбе, кто постоянно ограждает себя, точно крестным знаменем, словом «буржуазная демократия», а тот, кто показывает на деле, в чем именно буржуазность данной партии проявляется.

Если понятие «буржуазная демократия» призывает лишь к тому, чтобы осудить крайности и оппортунизма, и революционизма, тогда это понятие принижает марксистское учение до дюжинной либеральной фразы. Либералу не страшно такое употребление этого понятия, ибо, повторяем, ему страшно не слово, а дело. На принятие неприятного для него и «отдающего марксизмом» термина он может согласиться. На принятие того взгляда, что он, кадет, выражает интересы буржуа, продающего революцию тем-то и тем-то, – на это не пойдет ни либерал, ни бернштейнианствующий «интеллигент» из «Товарища».

>(В.И. Ленин. Отношение к буржуазным партиям. – Соч., XI, 78 // 15, 377 – 378.)
233

Плеханов говорит...

«Если бы нашему полтавскому товарищу пришлось применить свои общие положения к социалистической партии во Франции, то ему не было бы надобности вносить сколько-нибудь серьезные поправки в заключительные строки своей статьи. Он мог бы ограничиться заменой слов: „кадеты, кадетское“ словами „радикалы, радикальное“; слова – „дума“ – словом:

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
„Палата депутатов“; наконец, слова: „русской революции“ – словами:
„общественно-исторического движения“. Это поразительно удобно».
Приглашаем читателя еще раз перечитать цитату из «Колокола» и замечание
Плеханова. Это замечание вскрывает перед нами с редкой отчетливостью один
из источников плехановского поворота к Бернштейну.

Подумайте только: «Колокол» мог бы ограничиться в заключительных строках
статьи заменой слова: «кадеты» словом: «радикалы» и слова: «дума» словами:
«Палата депутатов».

Этим рассуждением тов. Плеханов окончательно пригвоздил себя...

Попытка сравнить Россию с Францией показывает, что тов. Плеханов всецело
погрязает в конституционных иллюзиях. Слово (парламент, палата) он
принимает за сущность, вывеску за содержание. От него совершенно ускользают
поэтому все важнейшие особенности момента в России, когда назревает борьба
между наименее представленным в Думе «народом» и старой властью, когда роль
«соглашателей», перебежчиков в этой борьбе становится особенно значительной
и особенно опасной.

>(В.И. Ленин. Как рассуждает т. Плеханов о тактике с.-д? – Соч., IX, 300 и
301 // 13, 157 – 159.)
234

На подобие христианских социалистов (худшего вида «социализма» и худшего
извращения его). Вы употребляете прием, который (несмотря на ваши наилучшие
намерения) повторяет фокус-покус поповщины: из идеи бога убирается прочь
то, что исторически и житейски в ней есть (нечисть, предрассудки, освещение
темноты и забитости, с одной стороны, крепостничества и монархии, с
другой), причем вместо исторической и житейской реальности в идею бога
вкладывается добренькая мещанская фраза (бог – «идеи, будящие и
организующие социальные чувства»).

Вы хотите этим сказать «доброе и хорошее», указать на
«Правду-Справедливость» и тому подобное. Но это ваше доброе желание
остается вашим личным достоянием, субъективным «невинным пожеланием». Раз
Вы его написали, оно пошло в массу, и его значение определяется не вашим
добрым пожеланием, а соотношением общественных сил, объективным
соотношением классов.

>(В.И. Ленин. Два письма А.М. Горькому. – Соч., XVII, 84 // 48, 231.)
235

Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное,
историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что:
только определенный класс, именно городские и вообще фабрично-заводские,
промышленные рабочие, в состоянии руководить всей массой трудящихся и
эксплуатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого
свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания
нового, социалистического, общественного строя, во всей борьбе за полное
уничтожение классов (Заметим в скобках: научное различие между социализмом
и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень
вырастающего из капитализма нового общества, второе слово – более высокую,
дальнейшую ступень его).

Ошибка «Бернского», желтого Интернационала состоит в том, что его вожди
признают только на словах классовую борьбу и руководящую роль пролетариата,
боясь додумывать до конца, боясь как раз того неизбежного вывода, который
особенно страшен для буржуазии и абсолютно неприемлем для нее.

>(В.И. Ленин. Великий почин. – Соч., XXIV, 336 – 337 // 39, 14.)
236

В то самое время, когда замирали выстрелы в Москве, когда
военно-полицейская диктатура праздновала свои бешеные оргии, когда
эxecуция и массовые истязания шли по всей России, – в «Полярной Звезде»
раздавались речи против насилия слева, против забастовочных комитетов
революционных партий. Торгующие наукой за счет дубасовых кадетские
профессора доходили до того (Г. Кизеветтер, член ЦК кадетов и кандидат в
Думу), что переводили слово «диктатура» словом «усиленная охрана». «Люди
науки» даже свою гимназическую латынь извращали, чтобы принизить

>(В.И. Ленин. Победа кадетов и задачи рабочей партии. – Соч., IX, 94 – 95 // 12, 288.)
237

Своим вульгарным извращением научного понятия «диктатура», своими воплями против насилия слева в эпоху разгула самого незаконного, самого подлого насилия справа, господа кадеты воочию показали, какова позиция «соглашателей» в обостренной революционной борьбе. «Соглашатель» трусливо прячется, когда борьба разгорается. Когда победил революционный народ (17 октября), «соглашатель» вылезает из норы, хвастливо охорашивается, языкоблудствует вовсю и кричит до иступления: то была «славная» политическая забастовка. Когда побеждает контрреволюция – соглашатель начинает осыпать побежденных лицемерными увещаниями и назиданиями.

>(Там же, 95 // 12, 289.)
238

Если самодержавие решительно и окончательно раздавит революцию, то кадеты станут бессильными, ибо их сила есть сила производная от революции. Если революционный народ, т.е. пролетариат и восстающее против всего помещичьего землевладения крестьянство раздавят решительно и окончательно самодержавие, следовательно, сметут и монархию и все ее привески, то кадеты тоже будут бессильны, ибо все жизнеспособное уйдет от них тотчас же на сторону революции или контрреволюции, в партии же останется парочка Кизеветтеров, вздыхающих о «диктатуре» и подыскивающих в латинских словарях значения подходящих латинских слов. Коротко говоря, тактику кадетов можно выразить так: обеспечить поддержку кадетской партии революционным народом.

Слово: «поддержка» должно выражать именно такие действия революционного народа, которые, во-первых, всецело подчинились бы интересам кадетской партии, ее указаниям, и т.д., и которые, во-вторых, не были бы слишком решительными, наступательными, главное не были бы слишком сильными действиями. Революционный народ должен быть не самостоятелен, это раз, и не должен побеждать окончательно, разгромлять своего врага, это два. Эту тактику неизбежно будет проводить, в общем и целом, вся кадетская партия и всякая кадетская дума, причем, разумеется, эта тактика будет обосновываться, защищаться, оправдываться всем богатым идеологическим багажом «научных» исследований (вроде исследования г. Кизеветтера, открывшего, что диктатура значит по-латыни усиленная охрана), «философских» туманностей, политических (или политиканских) пошлостей, «литературно-критических» взвизгиваний (а Та) Бердяев и т.д.

>(Там же, 105 – 106 // 12, 302 – 303.)
239

Но ведь заглавие брошюры Каутского есть все же «диктатура пролетариата». Что в этом именно суть учения Маркса – это общеизвестно. И Каутскому пришлось, после всей болтовни не на тему, привести слова Маркса о диктатуре пролетариата.

Как это проделал «марксист» Каутский, это уже прямая комедия! Слушайте:

«На одно слово К. Маркса опирается тот взгляд» (который Каутский объявляет презрением к демократии), – так буквально значит на стр. 20. А на стр. 60 это повторено даже в такой форме, что (большевики) «вспомнили вовремя словечко» (буквально так!! *des wortchens*) «о диктатуре пролетариата, употребленное Марксом однажды в 1875 году в письме».

Вот это «словечко» Маркса:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду и соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».

Во-первых, назвать это знаменитое рассуждение Маркса, подводящее итог всему его революционному учению, «одним словом» или даже «словечком» значит издеваться над марксизмом, значит отрекаться от него полностью.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
>(В.И. Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский. – Соч., XXIII, 338
// 37, 241 – 242.)
240

Каутский пожелал подойти к вопросу таким образом, чтобы начать с определения «слова» диктатура.

Прекрасно. Подойти любым образом к вопросу – священное право всякого. Надо только отличать серьезный и честный подход к вопросу от нечестного. Кто хотел бы серьезно отнестись к делу при данном способе подхода к вопросу, тот должен был бы дать свое определение «слова». Тогда вопрос был бы поставлен ясно и прямо. Каутский этого не делает. «Буквально, – пишет он, – слово диктатура означает „уничтожение демократии“».

Во-первых, это не определение. Если Каутскому угодно уклоняться от дачи определения понятия диктатуры, к чему было бы выбирать данный подход к вопросу?

Во-вторых, это явно неверно. Либералу естественно говорить о демократии вообще. Марксист никогда не забудет поставить вопрос «для какого класса»? Всякий знает, например, – и «историк» Каутский знает это тоже, – что восстание или даже сильное брожение рабов в древности сразу обнаруживали сущность античного государства, как диктатуры рабовладельцев. Уничтожала ли эта диктатура демократию среди рабовладельцев для них? Всем известно, что нет.

>(Там же, 339 – 340 // 37, 243.)
241

Сначала Каутский совершил подтасовку, заявив явный вздор, будто буквальный смысл слова «диктатура» означает единоличного диктатора, а потом, он, – на основании этой подтасовки! – заявляет, что у Маркса, «значит», слова о диктатуре класса имеют не буквальный смысл (а такой, при котором диктатура не означает революционного насилия, а «мирное завоевание большинства при буржуазной», – это заметьте, – демократии).

Надо отличать, видите ли, «состояние» от «формы правления». Удивительно глубокомысленное различие, совсем вроде того, как если бы мы отличали «состояние» глупости у человека, рассуждающего неумно, от «формы» его глупостей!

Каутскому нужно истолковать диктатуру, как «состояние господства» (это выражение буквально употреблено на следующей же, 21-й странице), ибо тогда исчезает революционное насилие, исчезает насильственная революция. «„Состояние господства“ есть состояние, в котором бывает любое большинство при... демократии...» Таким мошенническим фокусом революция благополучно исчезает.

>(Там же, 311 // 37, 245 – 246.)
242

Слова «диктатура пролетариата» крестьян отпугивают. В России это пугало для крестьян. Они оборачиваются и против тех, кто это пугало пускает в ход. Но крестьяне знают теперь, что диктатура пролетариата – может быть это слово и слишком мудрое и латинское, – но что она на практике есть та Советская власть, которая передает государственный аппарат в руки рабочих.

>(В.И. Ленин. Доклад на VII Всероссийском съезде Советов. – Соч., XXIV, 609 // 39, 412.)
5. Классовая борьба и новая терминология

243

Забавно, что слово «communio» («коммуна», «сообщество». Ред.) употреблялось нередко в таком же ругательном смысле, как теперь коммунизм. Так, например, поп Гильбер из Нойона пишет:

«communio novum ac pessimum nomen» («Communio» – это новое и отвратительное слово. Ред.).

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 27/VII 1854 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XXII, 50 // 28, 324.)

Народ сознает величие и значение разыгрывающейся в настоящее время борьбы. Необходимо только найти ту практическую форму, которая даст возможность пролетариату осуществить свое господство. Таковой является советский строй с диктатурой пролетариата. Диктатура пролетариата, – до сих пор эти слова были для масс латынью. Благодаря распространению системы советов по всему миру, эта латынь переведена на все новые языки; практическая форма диктатуры найдена рабочими массами. Она стала понятной широким массам рабочих, благодаря Советской власти в России, благодаря спартаковцам в Германии и подобным организациям в других странах, как, напр., «Комитетам заводских старост» (Shop Stewards Commitees) в Англии. Все это доказывает, что форма пролетарской диктатуры найдена и пролетариат теперь в состоянии практически использовать свое господство.

>(В.И. Ленин. Речь при открытии I конгресса Коммунистического Интернационала. – Соч., XXIV, 5 – 6 // 37, 489 – 490.)
245

Мы собираемся сегодня на десятки и сотни митингов, чтобы праздновать годовщину Октябрьского переворота. Для тех, кто давно участвовал в рабочем движении, кто раньше был связан с рабочими низами, кто близко соприкасается с фабрикой и заводом – для тех ясно, что истекший год был годом подлинной пролетарской диктатуры. Это понятие составляло раньше неведомую книжную латынь, какое-то сочетание трудно понятных слов. Интеллигенты искали объяснения этому понятию в ученых книжках, которые, однако, давали им весьма туманное представление о том, что же такое пролетарская диктатура. И наша главная заслуга за истекший год заключается в том, что мы перевели эти слова с непонятной латыни на понятный русский язык. Рабочий класс за истекший год занимался не умствованиями, а на деле творил пролетарскую диктатуру и осуществлял ее, вопреки взбудораженным умам интеллигентов.

>(В.И. Ленин. Речь на торжественном заседании Всероссийского Центрального и Московского Советов профсоюзов 6/XI 1918. – Соч., XXIII, 242 // 37, 132.)
246

Несмотря на необычайно тяжелые условия, на то, что социалистический переворот впервые в мире происходит в стране с таким низким уровнем культуры, несмотря на это Советская власть уже добилась признания рабочих других стран. Слово «диктатура пролетариата» – слово латинское, и всякий трудящийся человек, который его слышал, не понимал, что это такое, не понимал, как это осуществляется в жизни. Теперь это слово переведено с латинского на народные современные языки, теперь мы показали, что диктатура пролетариата есть Советская власть, та власть, когда организуются рабочие сами и говорят: «Наша организация выше всего; ни один нетрудящийся, ни один эксплуататор не имеют право участвовать в этой организации. Эта организация вся направлена к одной цели – к ниспровержению капитализма. Никакими фальшивыми лозунгами, никакими фетишами, вроде „свободы“, „равенства“, нас не обманешь. Мы не признаем ни свободы, ни равенства, ни трудовой демократии, если они противоречат интересам освобождения труда от гнета капитала». Это мы внесли в Советскую конституцию и привлекли к ней уже симпатии рабочих всего мира.

>(В.И. Ленин. Речь на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию. – Соч., XXIV, 307 // 38, 371 – 372.)
247

Мы идем в бой – это есть содержание диктатуры пролетариата. Прошли те времена наивного, утопического, фантастического механического, интеллигентского социализма, когда дело представляли так, что убедят большинство людей, нарисуют красивую картину социалистического общества, станет большинство на точку зрения социализма. Миновали те времена, когда этими детскими побасенками забавляли себя и других. Марксизм, который признавал необходимость классовой борьбы, говорил: к социализму человечество не придет иначе, как через диктатуру пролетариата. Диктатура – слово тяжелое, жестокое, кровавое, мучительное и этаких слов на ветер не бросают.

Если с этаким лозунгом выступили социалисты, то это потому, что они знают, что иначе, как в отчаянной, беспощадной борьбе, класс эксплуататоров не сдастся и что он будет всякими хорошими словами прикрывать свое господство.

>(Там же, 291 // 38, 350.)
248

Пока есть классы, свобода и равенство классов есть буржуазный обман. Пролетариат берет власть, становится господствующим классом, ломает буржуазный парламентаризм и буржуазную демократию, подавляет буржуазию, подавляет все попытки всех других классов вернуться к капитализму, дает настоящую свободу и равенство трудящимся (что осуществимо лишь при отмене частной собственности на средства производства), дает им не «права» только, а реальное пользование тем, что отнято у буржуазии.

Кто не понял этого содержания диктатуры пролетариата (или, что то же, – Советской власти или демократии пролетарской) , тот все примет это слово.

>(В.И. Ленин. О задачах III Интернационала. – Там же, 398 – 399 // 39, 109).
249

диктатура – слово большое, жесткое, кровавое, слово, выражающее беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть двух классов, двух миров, двух всемирно-исторических эпох.

Таких слов на ветер бросать нельзя.

>(В.И. Ленин. Заметки публициста. – Соч., XXV, 33 // 40, 132.)
250

Слово «коммуна» у нас стало употребляться слишком легко. Всякое предприятие, заводимое коммунистами или при их участии, сплошь и рядом сразу же объявляется «коммуной», – и при этом нередко забывается, что столь почетное название надо завоевать долгим и упорным трудом, завоевать доказанным практическим успехом в строительстве действительно коммунистическом.

Поэтому вполне правильно, по-моему, решение, созревшее у большинства ЦИК отменить декрет Совнаркома в том, что касается названия «потребительских коммун». Пускай будет название попроще; – кстати и недочеты, недостатки первых ступеней новой организаторской работы не будут взваливаться на «коммуны», а будут возлагаться (как это по справедливости и следует) на плохих коммунистов. Было бы очень полезно слово «коммуна» изгнать из ходячего употребления, запретить хватать это слово первому встречному, или признавать это наименование лишь за действительными коммунами, которые действительно доказали на практике (и единодушным признанием всего окрестного населения подтвердили) способность, умение поставить дело коммунистически. Сначала докажи свою способность на бесплатную работу в интересах общества, в интересах всех трудящихся, способность «работать по-революционному», способность повышать производительность труда, ставить дело образцово, а потом протягивай руку за почетным званием «коммуны»!

>(В.И. Ленин. Великий почин. – Соч., XXIV, 345 // 39, 26.)
251

Крестьянин привык со стороны государственной власти в течение многих веков встречать лишь одно угнетение, поэтому он привык относиться недоверчиво ко всему, что идет от казны. И если помощь со стороны сельскохозяйственных коммун крестьянам будет осуществляться только для того, чтобы исполнить слово закона, то такая помощь будет не только бесполезна, но из нее может получиться только вред. Ибо название сельскохозяйственных коммун очень большое, связанное с понятием коммунизма. Хорошо, если коммуны на практике показывают, что в них действительно ведется серьезная работа по улучшению крестьянского хозяйства – тогда, несомненно, поднимется авторитет и к коммунистам, и к коммунистической партии. Но сплошь и рядом бывало так, что коммуны возбуждали в крестьянстве лишь отрицательное отношение к себе, и слово «коммуна» делалось иногда даже лозунгом борьбы против коммунизма. И так бывало не только тогда, когда делались нелепые попытки насильственным путем загнать крестьян в коммуны. Нелепость этого так резко бросалась всем в глаза, что Советская власть давным-давно выступила против них.

>(В.И. Ленин. Речь на I съезде земледельческих коммун. – Соч., XXIV, 581 //

Лично от себя – предлагаю переменить название партии, назвать Коммунистической партией. Название «коммунистическая» народ поймет. Большинство официальных социал-демократов изменили, предали социализм... Либкнехт – один с.-д. ...Вы боитесь изменить старым воспоминаниям. Но чтобы переменить белье, надо снять грязную рубашку и надеть чистую. Почему выкинут опыт всемирной борьбы? Большинство с.-д. во всем мире социализм предали и перешли на сторону своих правительств (Шейдеман, Плеханов, Гэд). Как сделать, чтобы Шейдеман согласился... Эта точка зрения есть гибель для социализма. Послать радиотелеграмму Шейдеману о прекращении войны – обман.

Слово «социал-демократия» неточно. Не цепляйтесь за старое слово, которое насквозь прогнило. Хотите строить новую партию... и к вам придут все угнетенные.

>(В.И. Ленин. Речь на совещании большевиков. – Соч., XX, 82 – 83 // 31, 111 – 112.)
253

Название «социал-демократия» научно неверно, как показал Маркс, неоднократно, между прочим, в «Критике Готской программы» 1875 года и популярнее повторил Энгельс в 1894 году. От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму, т.е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере работы каждого. Наша партия смотрит дальше: социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого стоит: «каждый по способностям, каждому по потребностям».

Таков мой первый довод.

Второй: научно неправильна и вторая часть названия нашей партии (социал-демократы). Демократия есть одна из форм государства. Между тем мы, марксисты, противники всякого государства.

Вожди II (1889 – 1914) Интернационала, гг. Плеханов, Каутский и подобные им, опошлили и извратили марксизм.

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает необходимость государства для перехода к социализму, – но (и в этом отличие от Каутского и Ко) не такого государства, как обычная парламентарная буржуазная демократическая республика, а такого, как Парижская коммуна 1871 г., как Советы рабочих депутатов 1905 и 1917 годов.

Мой третий довод: жизнь создала, революция создала уже на деле у нас, хотя и в слабой, зачаточной форме, именно это, новое «государство», не являющееся государством в собственном смысле слова...

...Слово демократия не только научно неверно в применении к коммунистической партии. Оно теперь, после марта 1917 года, есть шора, одеваемая на глаза революционному народу и мешающая ему свободно, смело, самочинно строить новое: Советы рабочих, крестьянских и всяких иных депутатов, как единственную власть в «государстве», как предвестник «отмирания» всякого государства.

Мой четвертый довод: надо считаться с объективным всемирным положением социализма.

Оно не таково, каким было в 1871 – 1914 гг., когда Маркс и Энгельс сознательно мирились с неверным, оппортунистическим, термином: «социал-демократии». Ибо тогда, после поражения Парижской коммуны, история поставила на очередь дня: медленную организационно-просветительную работу. Иной не было...

>(В.И. Ленин. Задачи пролетариата в нашей революции. – Соч., XX, 132 – 133 // 31, 179 – 181.)
254

Товарищи, по вопросу об изменении названия партии, как вы знаете, с апреля 1917 г. в партии развернулась довольно обстоятельная дискуссия и поэтому в

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
Центральном Комитете сразу удалось достигнуть не вызывающего, кажется, больших споров, а может быть, даже почти никаких, решения: именно, Центральный Комитет предлагает вам переменить название нашей партии, назвав ее Российской Коммунистической партией, в скобках – большевиков. Это добавление мы все признаем необходимым, потому что слово «большевик» приобрело право гражданства не только в политической жизни России, но и во всей заграничной прессе, которая следит за развитием событий в России, в общих чертах. Что название «социал-демократическая партия» научно неправильно, это уже также было разъяснено в нашей прессе. Когда рабочие создали собственное государство, они подошли к тому, что старое понятие демократизма, – буржуазного демократизма, – оказалось в процессе развития нашей революции превзойденным. Мы пришли к тому типу демократии, который в Западной Европе нигде не существовал. Он имел свои права только в Парижской Коммуне, а про Парижскую коммуну Энгельс выражался, что Коммуна не была государством, в собственном смысле слова. Одним словом, поскольку сами трудящиеся массы берутся за дело управления государством и создания вооруженной силы, поддерживающей данный государственный порядок, постольку исчезает особый аппарат для управления, исчезает особый аппарат для известного государственного насилия, и постольку, следовательно, и за демократию, в ее старой форме, мы не можем стоять.

С другой стороны, начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования в конце концов направлены, именно цель создания коммунистического общества, не ограничивающегося только экспроприацией фабрик, заводов, земли и средств производства, не ограничивающегося только строгим учетом и контролем за производством и распределением продуктов, но идущего дальше к осуществлению принципа: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Вот почему название коммунистической партии является единственно научно правильным. Возражение, что оно может подать повод к смешению нас с анархистами, в Центральном комитете было сразу отвергнуто, потому, что анархисты никогда не называют себя просто коммунистами, но с известными добавлениями. В этом отношении имеются всякие разновидности социализма, однако они не ведут к смешению социал-демократов с социал-реформистами и с социалистами национальными и т.п. партиями.

С другой стороны важнейшим доводом за перемену названия партии является то, что до сих пор старые официальные социалистические партии во всех передовых странах Европы не отделались от того угара социал-шовинизма и социал-патриотизма, который привел к полному краху европейского социализма, официального во время настоящей войны, так что до сих пор почти все официальные социалистические партии являлись настоящим тормозом рабочего революционного социалистического движения, настоящей помехой ему. И наша партия, симпатии к которой в массах трудящихся во всех странах в настоящее время, безусловно, чрезвычайно велики, – наша партия обязана выступить с возможно более решительным, резким, ясным, недвусмысленным заявлением о том, что она свою связь с этим старым официальным социализмом рвет, и для этого перемена названия партии будет средством, наиболее способным достичь цели.

>(В.И. Ленин. Доклад о пересмотре программы и названия партии на VII съезде РКП(б). – Соч., XXII, 347 – 348 // 36, 43 – 45.)
IV. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

[35]

1. Две исторические тенденции в национальном вопросе

255

Буржуазия все более и более упраздняет раздробление средств производства, владений и населения. Она сгустила населения, централизовала средства производства, сосредоточила собственность в немногих руках. Необходимым следствием была политическая централизация. Независимые, едва связанные между собою провинции, с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в одну нацию, в одно правительство, одно законодательство, один национальный классовый интерес, одну таможенную границу.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии, 21 – 22. 1932 г. // 4, 428.)

Если не по содержанию, то по форме борьба пролетариата против буржуазии является прежде всего борьбой национальной. Пролетариат каждой страны, конечно, должен прежде всего покончить со своей собственной буржуазией.

>(Там же, 27 // 4, 435.)
257

Далее, коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность.

Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять того, чего у них нет. Так как пролетариат должен прежде всего завоевать себе политическое господство, подняться до положения национального класса, конституироваться как нация, он пока еще сам национален, хотя, конечно, вовсе не в буржуазном смысле.

Национальная обособленность и противоположности народов уже теперь все более и более исчезают вместе с развитием буржуазии, свободой торговли, мировым рынком, единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни.

Господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение. Объединенные действия, по крайней мере цивилизованных стран, являются одним из первых условий его освобождения.

В такой же степени, в какой будет упразднена эксплуатация одного индивидуума другим, будет упразднена и эксплуатация одной нации другой.

Вместе с противоположностью классов внутри нации отпадут и враждебные отношения наций друг к другу.

>(Там же, 33 – 34 // 4, 445 – 446.)
258

На ту же историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению, ставит социализм Маркса и вопросы о национальности и о государстве. Нации – неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития. И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, «не устраиваясь в пределах нации», не будучи «национален» («хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия»). Но развитие капитализма все более и более ломает национальные перегородки, уничтожает национальную обособленность, ставит на место национальных антагонизмов классовые. В развитых капиталистических странах полной истиной является поэтому, что «рабочие не имеют отечества» и что «соединение усилий» рабочих по крайней мере цивилизованных стран «есть одно из первых „условий“ освобождения пролетариата» («Ком. Манифест»).

>(В.И. Ленин. Статья для Словаря Граната «Социализм». – Соч., XVIII, 26 // 26, 75.)
259

Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяких сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т.д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм. С обеими тенденциями считается национальная программа марксистов, отстаивая, во-первых, равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было привилегий в этом отношении (а также право наций на самоопределение, о чем ниже особо), а, во-вторых, принцип интернационализма и непримиримой борьбы против заражения пролетариата буржуазным национализмом, хотя бы и самым утонченным.

>(В.И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. – Соч., XVII, 139 – 140 // 24, 124.)

Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка, и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец – условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем.

Образование национальных государств, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому и для всей Западной Европы – более того: для всего цивилизованного мира – типичным, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство.

>(В.И. Ленин. О праве наций на самоопределение. – Соч., XVII, 428 // 25, 258 – 259.)
261

Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи.

Что означает это безусловное требование марксизма в применении к нашему вопросу?

Прежде всего оно означает необходимость строго разделить две коренным образом отличные, с точки зрения национальных движений, эпохи капитализма. С одной стороны, это – эпоха краха феодализма и абсолютизма, эпоха сложения буржуазно-демократического общества и государства, когда национальные движения впервые становятся массовыми, втягивают так или иначе все классы населения в политику путем печати, участия в представительных учреждениях и т.д. С другой стороны, перед нами эпоха вполне сложившихся капиталистических государств, с давно установившимся конституционным строем, с сильно развитым антагонизмом пролетариата и буржуазии, – эпоха, которую можно назвать кануном краха капитализма.

Для первой эпохи типично пробуждение национальных движений, вовлечение в них крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее «тяжелого на подъем» слоя населения в связи с борьбой за политическую свободу вообще и за права национальности в частности. Для второй эпохи типично отсутствие массовых буржуазно-демократических движений, когда развитый капитализм, все более сближая и перемешивая вполне уже втянутые в торговый оборот нации, ставит на первый план антагонизм интернационально слитого капитала с интернациональным рабочим движением.

Конечно, та и другая эпоха не отделены друг от друга стеной, а связаны многочисленными переходными звеньями, причем разные страны отличаются еще быстротой национального развития, национальным составом населения, размещением его и т.д. и т.п. Не может быть и речи о приступе к национальной программе марксистов данной страны без учета всех этих общеисторических и конкретно-государственных условий.

>(Там же, 431 – 432 // 25, 263 – 264.)
262

1. § нашей программы (о самоопределении наций) не может быть толкуем никак иначе, как в смысле политического самоопределения, т.е. права отделения и образования самостоятельного государства.

2. Для с.-д. России этот пункт с.-д. программы абсолютно необходим

а) как во имя основных принципов демократии вообще,

б) так и в силу нахождения в пределах России, и притом на окраинах ее, ряда наций с резко отличными хозяйственными, бытовыми и пр. условиями, причем эти нации (как и все нации России кроме великороссов) невероятно угнетены царской монархией;

в) наконец, и в силу того, что во всей восточной Европе (Австрия и Балканы) и в Азии – т.е. в пограничных с Россией странах – либо не закончено либо только еще начато буржуазно-демократическое преобразование государств, везде в мире ведшее, в большей или меньшей степени, к созданию самостоятельных национальных государств с наиболее близким и взаимнородственным национальным составом.

г) Россия в настоящее время представляет из себя страну с наиболее отсталым и реакционным государственным строем по сравнению со всеми окружающими ее странами, начиная – на Западе – от Австрии, в которой с 1857 года упрочились основы политической свободы и конституционного строя, а теперь введено и всеобщее избирательное право, и кончая – на Востоке – республиканским Китаем. Поэтому с.-д. России должны во всей своей пропаганде настаивать на праве всех национальностей образовать отдельное государство или свободно выбирать то государство, в составе которого они желают быть.

>(В.И. Ленин. Тезисы по национальному вопросу. – Соч., XVI, 507 // 23, 314 – 315.)
263

а) С точки зрения социал-демократии недопустимо ни прямо ни косвенно бросать лозунг национальной культуры. Этот лозунг неверен, ибо вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее. Интернациональная культура, уже теперь создаваемая систематически пролетариатом всех стран, воспринимает в себе не «национальную культуру» (какого бы то ни было национального коллектива) в целом, а берет из каждой национальной культуры исключительно ее последовательные демократические и социалистические элементы.

>(Там же, 510 // 23, 318.)
264

Остается ли что-нибудь реальное в понятии ассимиляторства за вычетом всякого насилия и всякого неравноправия? Безусловно, да. Остается та всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к ассимилированию наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм.

>(В.И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. – Соч., XVII, 140 // 24, 125.)
265

Не «национальная культура» написана на нашем знамени, а интернациональная (международная), сливающая все нации в высшем социалистическом единстве и подготавливаемая уже теперь интернациональным объединением капитала.

>(В.И. Ленин. Еще о разделении школьного дела по национальностям. – Там же, 124 // 24, 237.)
266

Нация является не просто исторической категорией, исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации. Так происходит дело, например, в Западной Европе: англичане, французы, германцы, итальянцы сложились в нации при победоносном шествии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма.

Но образование наций означало там вместе с тем превращение их в

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
самостоятельные национальные государства. Английская, французская и прочие
нации являются в то же время английскими и пр[очими] государствами.
Ирландия, оставшаяся вне этого процесса, не меняет общей картины.

>(И.В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос, 13 – 14. – Сборник статей.
1920 г. // 2, 303.)
267

И это отнюдь не случайность, что национальная программа австрийских с.-д.
обязывает заботиться о «сохранении и развитии национальных особенностей
народов». Подумайте только: «сохранить» такие «национальные особенности»
закавказских татар, как самобичевание в праздник «шахсей-вахсей»! «Развить»
такие национальные особенности Грузии, как – «право мести».

Такому пункту место в завзятой буржуазно-националистической программе, и,
если он оказался в программе австрийских с.-д., то потому, что национальная
автономия терпит такие пункты, она не противоречит им.

Но непригодная для настоящего, национальная автономия еще более непригодна
для будущего, социалистического общества.

Пророчество Бауэра о «расчленении человечества на национально-отграниченные
общества» опровергается всем ходом развития современного человечества.
Национальные перегородки не укрепляются, а разрушаются и падают. Маркс еще
в сороковых годах говорил, что «национальная обособленность и
противоположность интересов различных народов уже теперь все более и более
исчезают», что «господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение».
Дальнейшее развитие человечества с его гигантским ростом капиталистического
производства, с его перетасовкой национальностей и объединением людей на
все более обширных территориях решительно подтверждает мысль Маркса.

>(Там же, 39 – 40 // 2, 329 – 330.)
268

Пока существуют национальные и государственные различия между народами и
странами, – а эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже
после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе, –
единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех
стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных
различий (это – вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения
основных принципов коммунизма (советская власть и диктатура пролетариата),
которое бы правильно видоизменяло эти принципы в частности, правильно
приспосабливало, применяло их к национальным и национально-государственным
различиям. Исследовать, изучить, отыскать, угадать, схватить
национально-особенное, национально-специфическое в конкретных подходах
каждой страны к разрешению единой интернациональной задачи, к победе над
оппортунизмом и левым доктринерством внутри рабочего движения, к свержению
буржуазии, к учреждению буржуазной республики и пролетарской диктатуры –
вот в чем главная задача переживаемого всеми передовыми (и не только
передовыми) странами исторического момента.

>(В.И. Ленин. детская болезнь «левизны» в коммунизме. – Соч., XXV, 227 –
228 // 41, 77.)
269

Ленин никогда не говорил, что национальные различия должны исчезнуть, а
национальные языки должны слиться в один общий язык в пределах одного
государства до победы социализма во всемирном масштабе. Ленин, наоборот,
говорил нечто прямо противоположное, а именно, что «национальные и
государственные различия между народами и странами.. будут держаться еще
очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во
всемирном масштабе».

>(И.В. Сталин. Доклад на XVI съезде ВКП(б). – Стенографический отчет, 54 //
12, 363 – 364.)
270

Может показаться странным, что мы, сторонники слияния в будущем
национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с
одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками расцвета
национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, – в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре.

>(Там же, 56 // 12, 369.)
271

Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым. Об этом я также определенно заявил в своем докладе на XVI съезде.

>(И.В. Сталин. Заключительное слово по докладу на XVI съезде ВКП(б). – Там же, 290 // 13, 4 – 5.)

2. Буржуазное языкознание на службе у националистов и великодержавных шовинистов: панславизм, пангерманизм и панскандинавизм

272

Панславизм из вероисповедания ныне превратился в политическую программу с 800.000 штывков в своем распоряжении. Он оставляет Европе одну альтернативу: покорение ее славянами или разрушение навсегда центра ее наступательной силы – России. Ближайший вопрос, на который мы должны дать ответ, таков: в какой степени Австрия заражена панславизмом, принявшим русскую форму? Из семидесяти миллионов славян, живущих на восток от Богемского леса и Каринтийских Альп, почти пятнадцать миллионов находятся под подчинением Австрии, включая в себе представителей всех почти разновидностей славянского языка.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Панславизм. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XI, 260. 1924 г. // 11, 202 – 203.)
273

Первая форма панславизма была литературная. Его изобретателями были Добровский, богемец, основатель научной филологии славянских диалектов, и Колар, словацкий поэт из венгерских Карпат. У Добровского главную роль играл энтузиазм научного изобретателя, у Колара – политические идеи. И панславизм пока довольствовался элегиями, и главной темой его поэзии были величие прошлого, позор, несчастье и чужеземное притеснение в настоящем. «Есть ли, о Боже, человек на земле, который захотел бы отказать в справедливости славянам?» Мечты о панславистском государстве, диктующем законы Европе, тогда еще не обозначались. Но элегический период скоро исчез, а вместе с ним и крик о простой «справедливости для славян».

Исторические исследования, охватывающие политическое, литературное и лингвистическое развитие славянской расы, сделали в Австрии гигантский успех. Шафарик, Копитар и Миклошевич как лингвисты, Палацкий как историк, стали во главе в сопровождении толпы других большего или ничтожного дарования людей как Ганка, Гай и т.д. Славные страницы богемской и сербской истории рисовались в пламенных красках в контраст к униженному и изломанному настоящему этих национальностей; и подобно тому как в остальной части Германии под покровом «философии» подвергались критике политика и теология, в Австрии, на глазах у Меттерниха, филология была использована панславистами для того, чтобы проповедовать учение о славянском единстве и создать политическую партию, очевидной целью которой являлось изменение положения всех национальностей в Австрии и превращение ее самой в большое славянское государство.

Смешение языков, царящее к востоку от Богемии и Каринтии, действительно достойно удивления. Процесс денационализации славян, граничащих с Германией, медленное, но непрерывное продвижение вперед немцев, вторжение венгерцев, разделившее северных и южных славян компактной массой в семь миллионов финской расы, проникновение турок, татар, валахов внутрь славянских племен вызвали настоящий словесный Вавилон. Язык меняется от

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
деревни к деревне, чуть ли не от одной фермы к другой. Сама Богемия из пяти миллионов населения насчитывает два миллиона немцев рядом с тремя миллионами славян, окруженных кроме того с трех сторон немцами. То же мы видим у австрийско-славянских племен. Передать славянам все первоначально славянские земли и территории, превратить Австрию, за исключением Тироля и Ломбардии, в славянское государство, что являлось целью панславистов, значило бы объявить лишенным всякого значения историческое развитие последнего тысячелетия, отрезать третью часть Германии и превратить всю Венгрию, Вену и Будапешт в славянские города – метод, которому вряд ли могли бы симпатизировать немцы и венгры, владеющие этими округами. К тому же различия между славянскими диалектами так велики, что они за редким исключением друг другу непонятны. Это было комическим образом доказано на Славянском конгрессе в Праге в 1848 г., где после различных и бесполезных попыток найти общий, понятный для всех членов язык, они в заключение вынуждены были говорить на ненавистном для них языке – на немецком.

Мы видим таким образом, что австрийскому панславизму нехватало существенных элементов успеха: масс и единства. Масс нехватало, так как панславистская партия, ограниченная по своему составу одной частью интеллигентных классов, не обладала никаким влиянием на народ и не имела силы одновременно оказывать сопротивление австрийскому правительству и немецкой и венгерской национальностям, которые она хотела ввести в границы. Единства не было потому, что ее принцип единства был чисто идеальным, который при попытке осуществления потерпел крушение благодаря различию в языках.

Пока панславизм был чисто австрийским движением, он не представлял большой опасности, но скоро нашелся необходимый для него центр масс и единства. Национальное движение турецких сербов в начале этого столетия обратило скоро внимание русского правительства на тот факт, что Турцию населяло семь миллионов, язык которых из всех славянских диалектов больше всего походил на русский, чья религия и священный язык – старо- или церковно-славянский – были совершенно те же, что у русских. Среди этих сербов и болгар Россия впервые начала панславистскую агитацию, опирающуюся на положение России, как главы и покровительницы греческой церкви. Как только панславистское движение приобрело некоторую почву в Австрии, Россия скоро расширила разветвления своей агентуры на области своих союзников. Там, где она встречалась с славянами римско-католической религии, религиозная сторона вопроса опускалась, и Россия выступала как центр тяжести славянской расы, как ядро, вокруг которого кристаллизовались обновляющиеся славянские племена, как сильный и единый народ, призванный осуществить великие славянские государства от Эльбы до Китая и от Адриатического моря до Ледовитого океана. Здесь были найдены недостающая масса и единство. Панславизм сразу попал в ловушку. Он произнес свой собственный приговор. Чтобы утвердить заново мнимые национальности, панславизм объявил себя готовым принести в жертву русско-монгольскому варварству восьмисотлетнее фактическое участие в цивилизации. Разве это не являлось естественным результатом движения, начавшегося в союзе с решительной реакцией против хода европейской цивилизации и желавшего поставить запруды мировой истории?

>(Там же, 261 – 264 // 11, 204 – 206.)
274

Чехи и хорваты созвали в Праге общеславянский съезд для приготовления всеобщего славянского союза. Этот съезд и без вмешательства австрийских войск потерпел бы решительное крушение. Отдельные славянские наречия так же различаются между собою, как языки английский, немецкий и шведский, и когда открылись прения, не нашлось общего славянского языка, на котором ораторы могли бы понимать друг друга. Прибегли к французскому, но он оказался одинаково непонятным большинству, и бедные славянские энтузиасты, единственным общим чувством которых была ненависть к немцам, принуждены были, в конце концов, объясняться на ненавистном немецком языке – единственном языке, понятном для всех.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии. – Соч., VI, 61 // 8, 57.)
275

Непосредственной целью панславизма является восстановление славянского царства от Рудных и Карпатских гор до Черного, Эгейского и Адриатического морей под владичеством России, – царства, которое помимо немецкого, итальянского, мадьярского, валашского, турецкого, греческого и албанского

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
языков насчитывало бы приблизительно еще дюжину славянских языков и главных диалектов. Все это целое сдерживалось бы вместе не теми элементами, которые до сих пор сдерживали и развивали Австрию, а абстрактными качествами славянства и так называемым славянским языком который общ большинству населения. Но где существует это славянство, как не в голове нескольких идеологов, где «славянский язык», как не в фантазии господ Палацкого, Гая и компании и отчасти в старо-славянском богослужении русской церкви, непонятном ни одному славянину.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Революционная борьба в Венгрии. – Соч., VII, 227. 1930 г. // 6, 181 – 182.)
276

Богемия и Хорватия (другой из разъединенных членов славянской семьи, где венгерцы играли ту же роль, какую в Богемии играли немцы) были родиной того, что на европейском континенте называется «панславизмом». Ни Богемия, ни Хорватия не были достаточно сильны для самостоятельного национального существования. Обе эти народности, постепенно подрываемые действием исторических причин, неизбежно ведущих к поглощению их более энергичными расами, могли ждать для себя восстановления хоть какой-нибудь независимости только от союза с другими славянскими народами. Было двадцать два миллиона поляков, сорок пять миллионов русских, восемь миллионов сербов и болгар, – почему бы восьмидесяти миллионам славянам не образовать могучей конфедерации и не оттеснить или не истребить вторгшихся в святую славянскую землю турок, венгров, а главное – ненавистных, но необходимых немцев, германцев? И вот в сочинениях нескольких славянских дилетантов исторической науки родилось нелепое, антиисторическое течение, которое ставило себе целью подчинить цивилизованный Запад варварскому Востоку, город – деревне, торговлю, промышленность, образование – первобытному земледелию славянских крепостных. Но за этой смешной теорией стояла ужасная реальность Российской империи, – той империи, которая каждым своим движением, обнаруживала претензию считать всю Европу достоянием славянского племени и, в частности, единственной энергичной части его – русских, – империи, которая двумя такими столицами, как Петербург и Москва, еще не отыскала своего центра тяжести, пока город царя (Константинополь по-русски называется Царьградом), в котором каждый русский крестьянин видит настоящее средоточие своей религии и нации, не станет резиденцией русского императора, – империи, которая в последние полтора столетия не теряла, а с каждой войной все расширяла свою территорию.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии. – Соч., VI, 60 – 61. 1930 г. // 8, 56 – 57.)
277

Влияние, которым пользовались некоторые греческие дворянские семейства в качестве толмачей, быстро убывает, с тех пор как турки стали получать образование в Европе, а европейские посольства завели себе атташе, говорящих по-турецки.

Переходим теперь к расе, которая образует главную массу населения, и кровь которой преобладает во всяком происходящем расовом смешении. Можно сказать, что она составляет центральное ядро христианского населения от Мореи до Дуная и от Черного моря до Арнаутских гор. Это – славянская раса и в особенности та ветвь ее, которая обозначается именем илирийской, или юго-славянской. Наряду с западными славянами (поляками и чехами) и восточными (русскими) она образует особую, третью ветвь того многочисленного славянского племени, которое обитает в последние двенадцать столетий на востоке Европы. Эти южные славяне населяют не только большую часть Турции, но и Далмацию, Кроацию, Славонию и южную Венгрию. Они все говорят на одном и том же языке, очень близком к русскому и из всех славянских языков звучащем наиболее музыкально для уха европейца.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Восточный вопрос. – Соч., IX, 376. 1932 г. // 9, 8 – 9.)
278

Кроаты и часть далматинцев – римско-католического вероисповедания; остальные принадлежат к греческой церкви. Католики пользуются латинским алфавитом, приверженцы греческой церкви пишут кириллицей, которая употребляется также и в русском старо-славянском, или церковно-славянском языках. Это обстоятельство в связи с различием вероисповеданий, помешало

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org национальному развитию в юго-славянских областях. Белградец не в состоянии прочесть книгу, напечатанную в Аграме или Бече; возможно даже, что он откажется взять ее в руки, потому что она напечатана «еретическим» шрифтом и по еретической орфографии. Между тем не трудно прочесть и понять книгу, напечатанную в Москве, так как эта книга напечатана «православным» шрифтом, а оба языка похожи друг на друга, в особенности благодаря старо-славянской этимологической системе орфографии. Масса греческих славян даже не желают, чтобы их библии, богослужебные и молитвенные книги были напечатаны в их собственной стране, так как она убеждена, что все напечатанное в святой Москве или царской типографии в Петербурге отличается особой правильностью, правоверием и святостью. Несмотря на все панславистские усилия аграмских или парижских энтузиастов, серб, болгарин, боснийский райя, славянский крестьянин из Македонии и фракии питают большую национальную симпатию к русским и имеют с ними больше точек соприкосновения, больше средств духовного общения, чем с говорящими на том же языке римско-католическими юго-славянами; что бы ни случилось, они ожидают из Петербурга своего Мессию, который освободит их от всех зол; и если они называют Константинополь своим «Царьградом», своим царским городом, то они делают это как в ожидании православного царя, грядущего с севера, чтобы опять вернуть город истинной вере, так и в воспоминание о православном царе, владевшем им раньше, чем турки завоевали страну.

>(Там же, 377 – 378 // 9, 9.)
279

По поводу Польши я с большим интересом прочитал сочинение Элиаса Реньо (того самого, который составил *histoire des principautés danubiennes* [историю дунайских государств] «*La Question Européenne, faussement nommée La Question Polonoise*» [Европейский вопрос, ошибочно называемый польским вопросом]). Я вижу из этой книги, что догма Лапинского, будто великороссы не славяне, отстаивается господином Духинским (из Киева, профессор в Париже) самым серьезным образом с лингвистической, исторической, этнографической и т.д. точек зрения; он утверждает, что настоящие московиты, т.е. жители бывшего *Grand Duchy of Moscow* [великого княжества московского], большей частью монголы или финны и т.д., как и расположенные дальше к востоку части России и ее юго-восточные части. Из этой книги я вижу, во всяком случае, что это дело очень беспокоило петербургский кабинет (ибо оно положило бы решительный конец панславизму). Всех русских ученых заставили писать ответы и возражения, но последние оказались бесконечно слабыми. Аргумент о чистоте великорусского диалекта и его близости к церковно-славянскому в этих дебатах свидетельствовал больше как будто в пользу польской концепции, чем московитской. Во время последнего польского восстания Духинский за свои «открытия» получил от национального правительства премию. Точно так же было доказано с геологической и гидрографической точек зрения, что к востоку от Днепра начинаются большие «азиатские» отличия, по сравнению с местами, лежащими к западу от него, и что Урал (это утверждал еще Марчизон) никоим образом не составляет границы. Выводы, к которым приходит Духинский: Русь, это – имя, узурпированное московитами. Они не славяне и вообще не принадлежат к индогерманской расе, они *des intrus* [втируши], которые должны быть прогнаны за Днепр и т.д. Панславизм в русском смысле, это – кабинетное измышление и т.д. Я бы хотел, чтобы Духинский оказался прав и чтобы *at all events* [во всяком случае] этот взгляд стал господствовать среди славян. С другой стороны, он объявляет не славянами и некоторые другие народы Турции, которые до сих пор считались славянскими, как например, болгар.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 24/VI 1856 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XXIII, 290 // 31, 106 – 107.)
280

Вся восточная половина Германии до Эльбы, Заалы и Богемского леса была, как известно, отвоевана в течение последнего тысячелетия у захвативших ее племен славянского происхождения. Большая часть этой области уже несколько веков тому назад была германизирована до полного исчезновения всякой славянской народности и языка, и население ее можно во всех отношениях считать немецким, если исключить островки славян, в общем менее ста тысяч человек (кашубы в Померании, венды, или сербы, в Лужиции). Не то – вдоль границ бывшей Польши и в странах с чешским языком – Богемии и Моравии. Здесь в каждом округе перемешаны две народности, причем в городах в общем более или менее преобладает немецкий элемент, в деревнях – славянский, но и в них он, однако, постепенно разлагается и вытесняется безостановочным

Причина такого положения вещей следующая: со времен Карла Великого немцы постоянно направляли свои главные усилия на завоевание, колонизацию или, по крайней мере, на приобщение к цивилизации востока Европы. Завоевания феодального дворянства между Эльбой и Одером и феодальные колонии военных рыцарских орденов в Пруссии и Ливонии лишь положили основание для более широкой и более успешной системы германизации при помощи нарастающей торгово-промышленной буржуазии, социальное и политическое значение которой в Германии, как и в остальной Западной Европе, все больше выросло начиная с XV века. Славяне, и в частности, западные славяне (поляки и чехи) являются в сущности народами земледельческими; торговля и промышленность не были никогда в большой чести у них. Вследствие этого с ростом населения и возникновением городов в этих областях производство промышленных товаров попало в руки немецких иммигрантов, а обмен этих товаров на земледельческие продукты стал исключительной монополией евреев, которые если и принадлежат к какой-нибудь национальности, то в этих местах скорее немцы, чем славяне. То же самое происходило, хотя и в более слабой степени, на всем востоке Европы. До настоящего времени ремесленники, мелкие торговцы, мелкие промышленники в Петербурге, Пеште, Яссах и даже Константинополе – немцы; ростовщики, кабатчики, разносчики, – очень важная фигура в этих редко населенных странах, – евреи, говорящие на страшно испорченном немецком языке. Значение немецкого элемента в славянских пограничных округах, поднимавшееся таким образом с ростом городов, торговли и промышленности, еще более увеличилось, когда оказалось необходимым ввозить из Германии почти все элементы умственной культуры; вслед за немецким купцом и ремесленником селились на славянской земле немецкий пастор, немецкий школьный учитель, немецкий savant [ученый]. И, наконец, железная поступь завоевательных армий или осторожная, хорошо рассчитанная игра дипломатии не только сопутствовали, а очень часто опережали медленный, но верный ход денационализации путем социального развития. Так значительная часть западной Пруссии и Познани была со времени первого раздела Польши онемечена при помощи продажи и отвода государственных земель немецким колонистам, поощрения немецких капиталистов к основанию промышленных предприятий и пр., а зачастую и крайне деспотических мер против польского населения.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии. – Соч., VI, 57 – 58. 1930 г. // 8, 51 – 53.)
281

Национальный вопрос дал также толчок к борьбе в Богемии. Эта страна, населенная двумя миллионами немцев и тремя миллионами славян-чехов, имела крупные исторические воспоминания, почти сплошь связанные с прошлым господством чехов. Но со времени гуситских войн XV века значение этой ветви славянской семьи все падало. Область с чешским языком подверглась разделу: одна часть образовала чешское королевство, другая – моравское княжество, третья, карпатская горная область, населенная словаками, вошла в состав Венгрии. Моравы и словаки давно утратили всякие следы национального сознания и национального уклада, хотя и сохранили свой язык. Богемия с трех сторон из четырех окружена была совершенно немецкими странами. Немецкие элементы сделали большие успехи на ее собственной территории; даже в Праге, ее столице, обе национальности почти равны были по численности, а капиталы повсюду в руках у немцев. Главный вождь чешской народности профессор Палацкий – сам свихнувшийся с ума ученый немец, даже не умеющий говорить по-чешски правильно и без иностранного акцента. Но, как часто бывает, умирающая чешская народность, умирающая, судя по всем известным фактам истории последних 400 лет, в 1848 г. сделала последнее усилие вернуть себе прежнюю жизнеспособность, – усилие, крушение которого, независимо от всяких революционных соображений, должно было доказать, что впредь Богемия может существовать только как составная часть Германии, хотя часть ее населения, пожалуй, еще несколько веков будет говорить на не-немецком языке.

>(Там же, 59 – 60 // 8, 54 – 55.)
282

С стремлением «немецких» городов к присоединению дело обстоит следующим образом. Во всей Польше немцы и евреи составляют основное ядро занимающейся ремеслами и торговлей буржуазии; это потомки переселенцев, которые большей частью бежали со своей родины из-за религиозных преследований. Они основали на польской территории города и в течение столетий делили судьбы польского государства. Эти немцы и евреи – ничтожное меньшинство населения – пытаются

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
использовать положение страны в данный момент, чтобы добиться господства. Они ссылаются на свою принадлежность к немцам, но они столь же мало немцы, как и американские немцы. При присоединении их к Германии подавляются язык и национальность более чем половины польского населения Познани, и притом как раз той части провинции, где национальное восстание проявилось с величайшей напряженностью и энергией, – округов Бук, Замтер, Познань, Оборник.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Седьмой раздел Польши. – Соч., I, 154 – 155. 1930 г. // 5, 55.)
283

Перейдем к существу дела. Датчане представляют народ, находящийся в самой неограниченной коммерческой, промышленной, политической и литературной зависимости от Германии. Известно, что фактической столицей Дании является не Копенгаген, а Гамбург, что датское правительство целый год проделывало эксперименты с Соединенным ландтагом по примеру прусского правительства, погибшего на баррикадах, что Дания получает все свои литературные средства, точно так же как и материальные, через Германию, что датская литература – за исключением Гольберга – представляет бледную копию немецкой литературы.

Как ни бессильна была издавна Германия, но она может чувствовать удовлетворение, что скандинавские нации, и в частности Дания, попали под ее влияние, что по сравнению с ними она была даже революционной и прогрессивной страной.

Вы хотите доказательств? Читайте полемику, разгоревшуюся между различными скандинавскими нациями со времени появления идеи «скандинавизма». Скандинавизм заключается в увлечении жестокой, грязной, пиратской, древне-северной национальностью, тою глубиной натуры, которая в состоянии выразить избыток своих мыслей и чувств не в словах, а только в делах, а именно в грубом обращении с женщинами, в постоянном пьянстве и берсеркерской ярости, перемежающейся со слезливой сентиментальностью.

Скандинавизм и теория шлезвиг-гольштинского племенного родства появились одновременно в землях датского короля. Они взаимно связаны: они вызвали друг друга, боролись один с другим и тем отстояли свое существование.

Скандинавизм был той формой, в которой датчане апеллировали к поддержке шведов и норвежцев. Но случилось то, что бывает всегда у христианско-германской нации: возник немедленно спор о том, кто истинный «ономеченными» и выродившимися, норвежец объявил таковыми же шведов и датчан, а исландец всех троих. Конечно, чем менее нация культурна и чем ближе ее нравы и быт к древне-северным, тем более «скандинавским» характером он отличается.

Перед нами лежит газета «Morgenbladet» из Христиании от 18 ноября 1846 года. В статье этой милой газетки мы находим следующие веселые места о скандинавизме.

Изобразив весь скандинавизм как попытку движения, вызванную только датчанами в их интересах, она говорит о датчанах:

«Что общего у этого веселого жизнерадостного народа с древним суровым и грустным миром викингов (med den gamle alvorlige og vemodfulde Kjømpeverden)? Как может эта нация со своим, – как признает даже один датский писатель, – мягким и нежным характером думать о родстве своем с древней эпохой грубых, сильных и полных энергии мужей? И как могут эти люди с южно-мягким выговором воображать, что они говорят на северном языке? И хотя характерная черта шведской нации, как и древних жителей севера, состоит в том, что чувства уходят глубоко внутрь души, не проявляясь во вне, тем не менее эти чувствительные и сердечные люди, которых так легко привести в изумление или в движение, на которых так легко можно повлиять, которые так быстро и ясно обнаруживают своим внешним видом движения души, эти люди верят, что они отлиты по северной форме, что они родственны по натуре обеим другим скандинавским нациям».
«Morgenbladet» объясняет это вырождение датчан их связью с Германией и распространением в Дании немецкого влияния. Правда, немцы

«потеряли свое самое священное достояние, свое национальное лицо; но как ни

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
слаба и бледна немецкая национальность, в мире существует другая национальность, еще более слабая и бледная, а именно датская. В то время как в Эльзасе, Ваадте и на славянской границе немецкий язык вытесняется (!!! – тогда заслуги „нетцских братьев“ оставались еще в тени), – на датской границе он сделал огромные успехи». Теперь датчанам нужно противопоставить немцам свою национальность, и для этой цели они избрали скандинавизм; датская национальность была неспособна к сопротивлению,

«ибо, как сказано, датская нация хотя и не переняла еще немецкого языка, но по существу была онемечена. Автор сам читал в одной датской газете признание того, что датская национальность не отличается существенным образом от немецкой». Так пишет «Morgenbladet». Конечно, нельзя отрицать, что датчане представляют полумодернизованную нацию. Несчастливые датчане!

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Перемирие с Данией. – Соч., VI, 427 – 429 // 5, 420 – 422.)

3. Языковая политика буржуазных либералов и демократов

284

Газеты отмечали неоднократно отчет Кавказского наместника, отличающийся не черносотенством, а робким «либерализмом». Между прочим, наместник высказывается против искусственной русификации, т.е. обрусения нерусских народностей. На Кавказе представители нерусских народностей сами стараются научить детей по-русски – например, в армянских церковных школах, в которых преподавание русского языка необязательно.

Указывая на это, одна из самых распространенных в России либеральных газет – «Русское Слово» (№ 198) делает тот справедливый вывод, что враждебное отношение в России к русскому языку «происходит исключительно» вследствие «искусственного» (надо было сказать: насильственного) насаждения русского языка.

«О судьбе русского языка беспокоиться нечего. Он сам завоеует себе признание во всей России» – пишет газета. И это справедливо, ибо потребности экономического оборота всегда заставят живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства. Чем демократичнее будет строй России, тем сильнее, быстрее и шире разовьется капитализм, тем настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений.

Но либеральная газета торопится побить себя и доказать свою либеральную непоследовательность.

«Вряд ли – пишет она – кто-нибудь даже из противников обрусения станет возражать, что в таком огромном государстве, как Россия, должен быть один общегосударственный язык и что таким языком... может быть только русский». Логика навыворот! Маленькая Швейцария не теряет, а выигрывает оттого, что в ней нет одного общегосударственного языка, а их целых три: немецкий, французский и итальянский.

В Швейцарии 70% населения немцы (в России 43% великороссов), 22% – французы (в России 17% украинцев), 7% – итальянцы (в России 6% поляков и 4% белорусов). Если итальянцы часто в Швейцарии говорят по-французски в общем парламенте, то они делают это не из-под палки какого-нибудь дикого полицейского закона (такового в Швейцарии нет), а просто потому, что цивилизованные граждане демократического государства сами предпочитают язык, понятный для большинства. Французский язык не внушает ненависти итальянцам – ибо это язык свободной, цивилизованной нации, язык, не навязываемый отвратительными полицейскими мерами.

Почему же «огромная» Россия, гораздо более пестрая, страшно отсталая, должна тормозить свое развитие сохранением какой бы то ни было привилегии для одного из языков? Не наоборот ли, господа либералы? Не должна ли Россия, если она хочет догнать Европу, покончить со всеми и всяческими привилегиями, как можно скорее, как можно полнее, как можно решительнее?

Если отпадут всякие привилегии, если прекратится навязывание одного из

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org языков, то все славяне легко и быстро научатся понимать друг друга и не будут пугаться «ужасной» мысли, что в общем парламенте раздадутся речи на разных языках. А потребности экономического оборота сами собой определяют тот язык данной страны, зная который большинству выгодно в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм, чем быстрее будет в силу этого развитие капитализма.

Либералы и к вопросу о языках, как и ко всем политическим вопросам, подходят, как лицемерные торгаши, протягивающие одну руку (открыто) демократии, а другую руку (за спиной) крепостникам и полицейским. Мы против привилегий – кричит либерал, а за спиной выторговывает себе у крепостников то одну, то другую привилегию.

Таков всякий либерально-буржуазный национализм – не только великорусский (он хуже всех, благодаря его насильственному характеру и родству с гг. Пуришкевичами), но и польский, еврейский, украинский, грузинский и всякий иной. Буржуазия всех наций и в Австрии и в России под лозунгом «национальной культуры» проводит на деле раздробление рабочих, обессиление демократов, торгашеские сделки с крепостниками о продаже народных прав и народной свободы.

Лозунг рабочей демократии не «национальная культура», а интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения. Пусть буржуазия обманывает народ всякими «позитивными» национальными программами. Сознательный рабочий ответит ей: есть только одно решение национального вопроса (поскольку вообще возможно его решение в мире капитализма, мире наживы, грызни и эксплуатации) и это решение – последовательный демократизм.

Доказательства: Швейцария в западной Европе – страна старой культуры и Финляндия в восточной Европе – страна молодой культуры.

Национальная программа рабочей демократии: никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку; решение вопроса о политическом самоопределении наций, т.е. государственном отделении их, вполне свободным, демократическим путем; издание общегосударственного закона, в силу которого любое мероприятие (земское, городское, общинное и т.д. и т.п.), проводящее в чем бы то ни было привилегию одной из наций, нарушающее равноправие наций или права национального меньшинства, объявляется незаконным и недействительным и любой гражданин государства в праве требовать отмены такого мероприятия, как противоконституционного, и уголовного наказания тех, кто стал бы проводить его в жизнь.

Национальной грызне различных буржуазных партий из-за вопросов о языке и т.д. рабочая демократия противопоставляет требование: безусловного единства и полного слияния рабочих всех национальностей во всех рабочих организациях, профессиональных, кооперативных, потребительных, просветительных и всяких иных, в противовес всяческому буржуазному национализму. Только такое единство и слияние может отстоять демократию, отстоять интересы рабочих против капитала, который уже стал и все более становится интернациональным, – отстоять интересы развития человечества к новому укладу жизни, чуждому всяких привилегий и всякой эксплуатации.

>(В.И. Ленин. Либералы и демократы в вопросе о языке. – Соч., XVI, 595 – 597 // 23, 423 – 426. Ср. Критические заметки по национальному вопросу. – Соч., XVII, 133 – 136.)
285

«Киевская мысль» сообщает, что епископ Никон, член Гос. Думы, правый, подписал первым законопроект об украинской школе и обществах, вносимый в Гос. Думу.

Содержание законопроекта: разрешить преподавание в начальных школах на украинском языке; назначить учащими украинцев; ввести преподавание украинского языка и истории Украины; не преследовать украинских обществ и не закрывать их в «порядке административного усмотрения, часто голого произвола».

Таким образом товарищу Пуришкевичу по партии – епископу Никону – не

Епископ Никон справедливо полагает, что поднимаемый им «вопрос есть вопрос чрезвычайной важности, касающийся калечения 37-миллионного украинского народа»; – что «богатая, красивая, талантливая, цветущая и поэтическая Украина обрекается на вырождение, постепенное отупение и медленное умирание».

Протест против угнетения украинцев великороссами вполне справедлив. Но посмотрите, какими доводами защищает украинские требования епископ Никон:

«Украинский народ не ищет какой-то пресловутой автономии, восстановления сечи Запорожской; украинцы – не сепаратисты.. Украинцы – не инородцы, они – свои, наши родные братья, а потому-то их и не должно ограничивать в языке и национальном культурном развитии; иначе мы сами приравниваем их, своих братьев, к евреям, полякам, грузинам и др., действительно инородцам». Итак, дело сводится к тому, что украинец Никон и его единомышленники выпрашивают у великорусских помещиков привилегий украинцам на том основании, что они – братья, а евреи – инородцы! Говоря прямее и проще: еврея и др. мы согласны давить, как инородца, если нам сделают уступки.

Знакомая картина защиты «национальной культуры» всеми буржуазными националистами, от черносотенных до либеральных и даже до буржуазно-демократических!

Епископ Никон знать ничего не хочет о том, что нельзя защитить от угнетения украинцев, не защищая от всякого угнетения все без исключения народы, – не изгоняя абсолютно из государственной жизни понятия «инородца», – не отстаивая полного равноправия всех национальностей. Нельзя защищать от национального гнета, не проводя последовательно самой широкой местной и областной автономии и принципа решения всех государственных вопросов волею большинства населения, т.е. принципа последовательного демократизма.

У епископа Никона лозунг «национальной культуры» означает на деле лозунг украинско-клерикальной культуры.

Сознательные рабочие поняли, что лозунг «национальной культуры» есть клерикальный или буржуазный обман – все равно идет ли речь о великорусской, украинской, еврейской, польской, грузинской или любой иной культуре. 125 лет тому назад, когда не было еще раскола нации на буржуазию и пролетариат, лозунг национальной культуры мог быть единым и цельным призывом к борьбе против феодализма и клерикализма. Но с тех пор классовая борьба буржуазии с пролетариатом разгорелась повсюду. Раскол «единой» нации на эксплуататоров и эксплуатируемых стал совершившимся фактом.

О национальной культуре вообще могут говорить только клерикалы или буржуа. Трудящиеся массы могут говорить только об интернациональной (международной) культуре всемирного рабочего движения. Только такая культура означает полное, действительное, искреннее равноправие наций, отсутствие национального гнета, осуществление демократии. Только единство и слияние рабочих всех наций во всех рабочих организациях в борьбе против капитала ведет к «решению национального вопроса».

>(В.И. Ленин. Как епископ Никон защищает украинцев. – Соч., XVI, 617 – 618 // 24, 8 – 10.)
286

Либералы отличаются от реакционеров тем, что, по крайней мере, для начальной школы они признают право преподавания на родном языке. Но они совершенно сходятся с реакционерами насчет того, что обязательный государственный язык должен быть.

Что означает обязательный государственный язык? Это значит практически, что язык великороссов, составляющих меньшинство населения России, навязывается всему остальному населению России. В каждой школе преподавание государственного языка должно быть обязательно. Все официальные делопроизводства должны вестись обязательно на государственном языке, а не на языке местного населения.

Чем оправдывают необходимость обязательного государственного языка те партии, которые его защищают?

«Доводы» черносотенцев, конечно, коротки: всех инородцев необходимо держать в ежовых рукавицах и не позволять им «распускаться». Россия должна быть неделима и все народы должны подчиняться великорусскому началу, так как великороссы будто бы были строителями и собирателями земли русской. Поэтому язык правящего класса должен быть обязательным государственным языком. Господа Пуришкевичи даже не прочь бы и вовсе запретить «собачьи наречия», на которых говорит до 60% невеликорусского населения России.

Позиция либералов – гораздо «культурнее» и «тоньше». Они за то, чтобы в известных пределах (например, низшая школа) был допущен родной язык. Но вместе с тем они отстаивают обязательность государственного языка. Это, мол, необходимо, в интересах «культуры», в интересах «единой» и «неделимой» России и т.д.

«Государственность есть утверждение культурного единства... В состав государственной культуры непременно входит государственный язык... В основе государственности лежит единство власти, и государственный язык – орудие этого единства. Государственный язык обладает такой же принудительной и общеобязательной силой, как и все другие формы государственности... Если России суждено пребыть единой и нераздельной, то надо твердо отстаивать государственную целесообразность русского литературного языка». Вот – типическая философия либерала относительно необходимости государственного языка.

Приведенные слова заимствованы нами из статьи Г. С. Патрашкина в либеральной газете «День» (№ 7). За такие мысли, по вполне понятным причинам, черносотенное «Новое время» наградило жирным поцелуем автора их. Г-н Патрашкин высказывает здесь «вполне здравые мысли», заявила газета Меньшикова (№ 13588). За такие весьма «здравые» мысли черносотенцы постоянно хвалят и национал-либеральную «Русскую Мысль». Да и как не хвалить, раз либералы при помощи «культурных» доводов пропагандируют то, что так нравится нововременцам?

Русский язык – велик и могуч, говорят нам либералы. Так неужели же вы не хотите, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал этот великий и могучий язык? Неужели вы не видите, что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям и т.д.?

Все это верно, господа либералы, – отвечаем мы им. Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского – велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о культуре вы ни сказали бы, обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под палки. Мы убеждены, что развитие капитализма в России, вообще весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собою. Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть. Те, кто по условиям жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому, могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное – обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т.д.

Кому это нужно? Русскому народу, русской демократии – этого не нужно. Он не признает никакого национального угнетения хотя бы и «в интересах русской культуры и государственности».

Вот почему русские марксисты говорят, что необходимо: – отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках, и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав

>(В.И. Ленин. Нужен ли обязательный государственный язык? – Соч., XVII, 179 – 181 // 24, 293 – 295.)
287

Итак, бессильные в настоящем, излишние в будущем – таковы «учреждения» культурно-национальной автономии, такова национальная автономия.

Но она становится уже вредной, когда ее навязывают «нации», существование и будущность которой подлежат сомнению. В таких случаях сторонникам национальной автономии приходится охранять и консервировать все особенности «нации», не только полезные, но и вредные, лишь бы «спасти» нацию от ассимиляции, лишь бы «уберечь» ее.

На этот опасный путь неминуемо должен был вступить Бунд.

И он действительно вступил. Мы имеем в виду известные постановления последних конференций Бунда о «субботе», «жаргоне» и проч. ...

Социал-демократия добивается права родного языка для всех наций, но Бунд этим не удовлетворяется, – он требует, чтобы «с особенной настойчивостью» отстаивали «права еврейского языка» (курсив наш И.С.) [36], причем сам Бунд, при выборах в IV Думу, отдает «предпочтение тому из них (т.е. выборщиков), которые обязуются отстаивать права еврейского языка» [37].

Не общее право родного языка, а отдельное право еврейского языка, жаргона! Пусть рабочие отдельных национальностей борются прежде всего за свои языки: евреи за еврейский, грузины за грузинский и пр., – борьба за общее право всей нации – вещь второстепенная. Вы можете не признавать права родного языка всех наций угнетенных национальностей, но если вы признали право жаргона, то так и знайте: Бунд будет голосовать за вас, Бунд «предпочтет» вас.

>(И.В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос, 50 – 51. – Сборн. статей 1920 г. // 2, 340 – 341.)
288

Итак, ни «логический разбор» автономии, ни исторические справки решительно не могут дать ни тени «принципиального» обоснования бундовской обособленности. Зато несомненно принципиальный характер имеет третий аргумент Бунда, который состоит в апелляции к идее еврейской нации. К сожалению, только эта сионистская идея – совершенно ложная и реакционная по своей сущности. «Евреи перестали существовать как нация, немыслимая без определенной территории», – говорит один из самых выдающихся марксистских теоретиков, Карл Каутский (см. № 42 «Искры» и отдельный оттиск из него: «Кишиневская резня и еврейский вопрос», стр. 3). И недавно, рассматривая вопрос о национальностях в Австрии, тот же писатель, пытаясь дать научное определение понятию национальности, устанавливает два основных признака этого понятия: язык и территорию («Die Neue Zeit», 1903, № 2). Слово в слово то же самое пишет один французский еврей, радикал Альфред Накэ, полемизируя с антисемитами и сионистами. «Если Бернару Лязару, – говорит он про известного сиониста, – угодно считать себя гражданином особого народа, это его дело; но я заявляю, что хотя я и родился евреем... я не признаю еврейской национальности... у меня нет другой национальности, кроме французской... Представляют ли из себя евреи особый народ? Хотя в очень давнем прошлом они несомненно были народом, тем не менее я отвечаю на этот вопрос категорически нет. Понятие народа предполагает известные условия, которых в данном случае нет на лицо. Народ должен иметь территорию, на которой бы он развивался, а затем в наше по крайней мере время, покуда мировая конфедерация не расширила еще этого базиса, народ должен иметь общий язык. У евреев нет уже ни территории, ни общего языка... Бернар Лязар, наверное, как и я, не знал ни слова по-еврейски и ему не легко было бы, если бы сионизм достиг своей цели, столкнуться со своими сородичами (congeneres) из других частей света» («La petite république», 24 sept. 1903). «Евреи немецкие и французские совсем не похожи на евреев польских и русских. Характерные черты евреев не имеют ничего такого, что носило бы на себе отпечаток (empreinte) национальности. Если бы позволительно было вместе с Дрюмоном признать евреев нацией, то это была бы искусственная нация. Современный еврей есть продукт противоестественного подбора, которому его предки подвергались в течение почти 18 столетий». Бундовцам

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org остается только разве разработать идею особой национальности русских евреев, языком которой является жаргон, а территорией – черта оседлости.

Совершенно несостоятельная в научном отношении [38] идея об особом еврейском народе реакционна по своему политическому значению. Неопровержимым практическим доказательством этого являются общеизвестные факты недавней истории и современной политической деятельности. Во всей Европе паденье средневековья и развитие политической свободы шло рука об руку с политической эмансипацией евреев, переходом их от жаргона к языку того народа, среди которого они живут, и вообще несомненным прогрессом их ассимиляции с окружающим населением. Неужели мы опять должны вернуться к самобытным теориям и объявить, что именно Россия будет исключением, хотя освободительное движение евреев гораздо глубже и гораздо шире в России, благодаря пробуждению героического самосознания среди еврейского пролетариата? Неужели можно объяснять случайностью тот факт, что именно реакционные силы всей Европы и особенно России ополчаются против ассимиляции еврейства и стараются закрепить его обособленность?

Еврейский вопрос стоит именно так: ассимиляция или обособленность? – и идея еврейской «национальности» носит явно реакционный характер не только у последовательных сторонников ее (сионистов), но и у тех, кто пытается совместить ее с идеями социал-демократии (бундовцы). Идея еврейской национальности противоречит интересам еврейского пролетариата, создавая в нем прямо и косвенно настроение, враждебное ассимиляции, настроение «гетто». «Когда национальное собрание 1791 г. декретировало эмансипацию евреев, – писал Ренан, – оно очень мало занималось вопросом о расе... Дело XIX столетия – уничтожение всех „гетто“, и я не поздравляю тех, кто стремится к их восстановлению. Еврейская раса оказала миру величайшие услуги. Будучи ассимилирована с разными нациями, гармонически слитая с различными национальными единицами, она и в будущем окажет услуги, имеющиеся за ней в прошлом». А Карл Каутский, имея в виду специально русских евреев, выражается еще энергичнее. Враждебность инородным слоям населения может быть устранена «только тем, что инородные слои населения перестанут быть чужими, сольются с общей массой населения. Это единственно возможное разрешение еврейского вопроса, и мы должны поддерживать все то, что способствует устранению еврейской обособленности». И вот, этому единственному возможному решению противодействует Бунд, не устраняя, а усиливая и узаконяя еврейскую обособленность распространением идеи еврейской «нации» и проекта федерации пролетариев еврейских с нееврейскими. Это – основная ошибка «бундизма», которая должна быть и будет исправлена последовательными представителями еврейской социал-демократии.

>(В.И. Ленин. Положение Бунда в партии. – Соч., VI, 83 – 85 // 8, 72 – 75.)
289

Социал-демократия относится отрицательно к лозунгу «культурно-национальной» (или просто «национальной») «автономии» и к проектам осуществления таковой, ибо этот лозунг (1) безусловно противоречит интернационализму классовой борьбы пролетариата, – (2) облегчает вовлечение пролетариата и трудящихся масс в сферу влияния идей буржуазного национализма, – (3) способен отвлекать от задачи последовательно демократических преобразований государства в целом, каковые преобразования одни только обеспечивают (насколько вообще это возможно при капитализме) национальный мир.

В виду особого обострения вопроса о культурно-национальной автономии среди с.-д., приводим некоторые пояснения этого положения.

(а) С точки зрения социал-демократии недопустимо ни прямо, ни косвенно бросать лозунг национальной культуры. Этот лозунг неверен, ибо вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее. Интернациональная культура, уже теперь создаваемая систематически пролетариатом всех стран, воспринимает в себя не «национальную культуру» (какого бы то ни было национального коллектива) в целом, а берет из каждой национальной культуры исключительно ее последовательно демократические и социалистические элементы.

(б) Единственный, вероятно, пример приближения, хотя и робкого, к лозунгу национальной культуры в программах с.-д. дает § 3 Брюннской программы австрийских с.-д. Этот § 3 гласит: «Все самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют национально-единый союз, который решает свои

Это – лозунг компромиссный, ибо здесь нет и тени экстерриториальной (персональной) национальной автономии. Но и этот лозунг ошибочен и вреден, ибо вовсе не дело российских с.-д. соединять в одну нацию немцев лодзинских, рижских, питерских, саратовских. Наше дело – бороться за полный демократизм и отмену всех национальных привилегий для объединения немецких рабочих в России с рабочими всех других наций в деле отстаивания и развития интернациональной культуры социализма.

Тем более ошибочен лозунг экстерриториальной (персональной) национальной автономии с учреждаемыми (по плану последовательных сторонников этого лозунга) национальными парламентами и национальными статс-секретарями (О. Бауэр и К. Реннер). Противоречащие всем хозяйственным условиям капиталистических стран, не испытанные ни в одном демократическом государстве мира, подобные учреждения являются оппортунистическими мечтаниями людей, отчаявшихся в создании последовательно-демократических учреждений и ищущих спасения от национальной грызни буржуазии в искусственном обособлении и протектариате и буржуазии каждой нации по некоторым («культурным») вопросам.

Обстоятельства вынуждают иногда у социал-демократов подчинение на время тем или иным компромиссным решениям, но заимствовать у других стран мы должны не компромиссные, а последовательно социал-демократические решения. Заимствовать же неудачную австрийскую попытку компромисса тем более неумно теперь, когда и в Австрии она потерпела полный крах, приведя к сепаратизму и отколу чешских с.-д.

(в) История лозунга «культурно-национальной автономии» в России показывает, что его приняли все без исключения буржуазные партии еврейские, и только еврейские, за которыми без критики плелся Бунд, непоследовательно отвергая национально-еврейский парламент (сейм) и национально-еврейских статс-секретарей. Между тем даже те европейские с.-д., которые допускают или защищают компромиссный лозунг культурно-национальной автономии, признают полную неосуществимость этого лозунга для евреев (О. Бауэр и К. Каутский). «Евреи в Галиции и в России скорее каста, чем нация, и попытки конституировать еврейство, как нацию, суть попытки сохранения касты» (К. Каутский).

(г) В цивилизованных странах мы наблюдаем довольно полное (сравнительно) приближение к национальному миру при капитализме лишь в условиях максимального осуществления демократизма во всем государственном устройстве и управлении (Швейцария). Лозунги последовательного демократизма (республика, милиция, выборность чиновников народом и т.д.) соединяют пролетариат и трудящиеся массы и вообще все передовое в каждой нации во имя борьбы за условия, исключающие возможность самой малейшей национальной привилегии, – между тем как лозунг «культурно-национальной автономии» проповедует обособление наций по школьному (или вообще «культурному») делу, обособление, вполне совместимое с сохранением основ всяческих (и в том числе национальных) привилегий.

Лозунги последовательного демократизма сливают воедино пролетариат и передовую демократию всех наций (элементы, коим требуется не обособление, а объединение демократических элементов нации по всем делам и по школьному делу в том числе), – а лозунг культурно-национальной автономии разделяет пролетариат разных наций, связывая его с реакционными и буржуазными элементами отдельных наций.

Лозунги последовательного демократизма непримиримо враждебны и реакционерам и контрреволюционной буржуазии всех наций, – а лозунг культурно-национальной автономии вполне приемлем для реакционеров и контрреволюционеров буржуа некоторых наций.

>(В.И. Ленин. Тезисы по национальному вопросу. – Соч., XVI, 510 – 511 // 23, 317 – 320.)
290

Крайнее проявление современного национализма, – это проект национализации еврейской школы. Возник этот проект у попечителя одесского учебного округа, и в министерстве народного «просвещения» встречен сочувственно. В чем же состоит эта национализация?

В том, что евреев хотят выделить в особые еврейские учебные заведения (средние). Во все же остальные учебные заведения, и частные, и правительственные, двери для евреев хотят закрыть совершенно. В довершение этого «гениального» плана предполагается ограничить число учащихся в еврейских гимназиях знаменитой «процентной нормой»!

Во всех европейских странах подобные меры и законы против евреев существовали только в мрачную эпоху средних веков, инквизиции, сожжения еретиков и прочих прелестей. В Европе евреи давно получили полное равноправие и все больше сливаются с тем народом, среди которого они живут.

В нашей же политике вообще, а в излагаемом проекте особенно, помимо притеснения и угнетения евреев, всего более вредно стремление разжечь национализм, обособить одну из национальностей в государстве от другой, усилить их отчужденность, разделить их школы.

Интересы рабочего класса – как и вообще интересы политической свободы – требуют, наоборот, самого полного равноправия и устранения всяческих перегородок между нациями, соединения детей всяческих наций в единых школах и т.д. Только отбрасывая все дикие и глупые национальные предрассудки, только сливая в один союз рабочих всех наций, может рабочий класс силой дать отпор капиталу и добиться серьезного улучшения жизни.

Посмотрите на капиталистов: они стараются разжечь национальную вражду в «простом народе», а сами отлично обделывают свои делишки: в одном и том же акционерном обществе – и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, и немцы. Против рабочих объединены капиталисты всех наций и религий, а рабочих стараются разделить и ослабить национальной враждой.

Вреднейший проект национализации еврейской школы показывает, между прочим, как ошибочен план так называемой «культурно-национальной автономии», то есть изъятия школьного дела из рук государства и передачи его в руки каждой нации в отдельности. Совсем не к этому должны мы стремиться, а к соединению рабочих всех наций в борьбе против всякого национализма, в борьбе за истинно-демократическую общую школу и за политическую свободу вообще. Пример передовых стран всего мира – хотя бы Швейцарии в Западной Европе или Финляндии в восточной Европе – показывает нам, что только последовательно-демократические общегосударственные учреждения обеспечивают наиболее мирное и человеческое (а не зверское) сожительство разных национальностей без искусственного и вредного разделения школьного дела по национальностям.

>(В.И. Ленин. Национализация еврейской школы. – Там же, 553 – 554 // 23, 375 – 376.)
291

Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства безусловно вредно с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы пролетариата в особенности. Именно к такому разделению сводится принятый в России всеми буржуазными партиями еврейства и мещанскими оппортунистическими элементами разных наций план так называемой «культурно-национальной» автономии или «создания учреждений, гарантирующих свободу национального развития».

Интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях – политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т.д. Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с реакцией, а равно с проповедью и стремлениями помещиков, попов и буржуазных националистов всех наций, которые проводят обыкновенно свои антипролетарские стремления под флагом «национальной культуры». Всемирное рабочее движение создает и с каждым днем все более развивает интернациональную (международную) культуру пролетариата.

>(В.И. Ленин. Резолюции летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП. – Соч., XVII, 12 // 24, 58.)
292

Августовская конференция ликвидаторов 1912 г. – по признанию даже

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org нейтрального меньшевика Плеханова – нарушила программу РСДРП в духе «приспособления социализма к национализму».

В самом деле, эта конференция, по предложению бундовцев, признала допустимым лозунг «культурно-национальной автономии», вопреки решению II съезда партии.

Этот лозунг (защищаемый в России всеми буржуазными партиями еврейского национализма) противоречит интернационализму социал-демократии. Как демократы, мы безусловно враждебны всякому, хотя бы малейшему, угнетению какой-либо национальности, всякой привилегии той или иной национальности. Мы требуем, как демократы, свободы самоопределения наций в политическом значении этого слова (см. программу РСДРП), т.е. свободу отделения. Мы требуем безусловного равноправия всех наций в государстве и безусловного ограждения прав всякого национального меньшинства. Мы требуем широкого самоуправления и автономии областей, которые должны быть разграничены, между прочим, и по национальному признаку.

Все эти требования обязательны для всякого последовательного демократа, а тем более для социалиста.

Но социалисты не ограничиваются общедемократическими требованиями. Социалисты борются со всеми и всякими, грубыми и тонкими, проявлениями буржуазного национализма. Именно таким проявлением является и лозунг «национально-культурной автономии», соединяющий пролетариат и буржуазию одной нации, разделяющий пролетариат разных наций.

Социал-демократы всегда стояли и стоят на точке зрения интернационализма. Оберегая от крепостников и от полицейского государства равноправие всех национальностей, мы стоим не за национальную культуру, а за интернациональную культуру, в которую от каждой национальной культуры входит только часть, именно: лишь последовательно-демократическое содержание каждой национальной культуры.

Лозунг «национально-культурной автономии» обманывает рабочих призраком культурного единства наций, тогда как на деле и в каждой нации преобладает сейчас помещицья, буржуазная или мелко-буржуазная «культура».

Мы против национальной культуры – как одного из лозунгов буржуазного национализма. Мы за интернациональную культуру демократического до конца и социалистического пролетариата.

Единство рабочих всех национальностей при полнейшем равноправии национальностей и самом последовательном демократизме государства – вот наш лозунг, как и лозунг всей международной революционной социал-демократии. Этот истинно-пролетарский лозунг не создает фальшивого призрака и иллюзии «национального» единства пролетариата и буржуазии, тогда как лозунг «национально-культурной автономии» безусловно создает такой призрак и сеет среди трудящихся такую иллюзию.

Нам, латышским с.-д., живущим в крае с особенно смешанным национально населением, нам, окруженным представителями буржуазного национализма латышей, русских, эстов, немцев и т.д. – нам в особенности ясна буржуазная фальшь лозунга «культурно-национальной автономии». Нам особенно дорог практически испытанный уже в нашей с.-д. организации лозунг единства всех и всяческих организаций рабочих всех национальностей.

Нередко оправдывают лозунг «национально-культурной автономии» ссылкой на Австрию. По поводу этой ссылки надо иметь в виду, во 1-х, что точка зрения главного австрийского теоретика по национальному вопросу Отто Бауэра (в его книге: «Национальный вопрос и социал-демократия») даже таким осторожным писателем, как К. Каутский, признана за преувеличение национального момента и страшную недооценку интернационального момента (см. К. Kautsky: Nationalität u. Internationalität[39]. Есть русский перевод); – во 2-х, что у нас только бундовцы, вместе со всеми буржуазными еврейскими партиями, защищали до сих пор «культурно-национальную автономию», тогда как и Бауэр, и Каутский не признают национальной автономии для евреев, а Каутский (там же) прямо заявляет, что евреи восточной Европы (Галиции и России) каста, а не нация; – в 3-х, что и брюннская (1899 г.) национальная программа австрийских с.-д. не признает полностью экстерриториальной (персонально) национальной автономии, доходя лишь до требования союза всех национальных

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org областей одной национальности во всем государстве (§ Брюннской программы); – в 4-х, что и эта, явно компромиссная (и не удовлетворительная с точки зрения интернационализма) программа потерпела полное фиаско в самой Австрии, ибо компромисс не дал мира, а привлек к отколу чешских сепаратистов; – в 5-х, что эти чешские сепаратисты, осужденные единогласно на Копенгагенском съезде всем Интернационалом, заявляют о близости к ним сепаратизма бундовского (см. «Der csecho-slavische Sozial-Demokrat» [40] № 3, орган сепаратистов, который можно получить даром из Праги. Prag, Hybernska 7); – в 6-х, что сам Бауэр требует единства политических с.-д. организаций разных национальностей на местах. Сам Бауэр считает противоречивым и неустойчивым тот «национальный строй» австрийской партии, который теперь привел ее к полному расколу.

Одним словом, ссылка на Австрию говорит против бундовцев, а не за них.

Единство снизу, полное единство и слияние на местах рабочих с.-д. всех национальностей во всех рабочих организациях – вот наш лозунг. Долой буржуазно-обманчивый и компромиссный лозунг «культурно-национальной автономии»!

И в строе нашей партии мы против федерации, мы за единство местных (а не только центральных) организаций с.-д. всех наций.

Съезд должен отвергнуть и лозунг культурно-национальной автономии и принцип федерации в строительстве партии. Латышские с.-д. подобно польским с.-д., подобно с.-д. Кавказа во весь период 1898 – 1912 (за целые 14 лет истории партии) должны остаться верными социал-демократическому интернационализму.

>(В.И. Ленин. Проект платформы к IV съезду с.-д. Латышского края. – Там же, 65 – 67 // 23, 208 – 211.)
293

Сущность плана или программы так называемой «культурно-национальной автономии (иначе: «создание учреждений, гарантирующих свободу национального развития») состоит в разделении школьного дела по национальностям.

На этой сущности тем более надо настаивать, чем чаще всякие открытые и прикрытые националисты (среди них бундовцы) пытаются затемнить ее.

Каждая нация, независимо от того, где живет любое принадлежащее к ней лицо (независимо от территории: отсюда название «экстерриториальной» внеземельной автономии), составляет единый государственно-признанный союз, ведающий национально культурные дела. Главное из этих дел – школьное дело. Определение состава наций вольной записью каждого гражданина, независимо от его места жительства, в любой национальный союз обеспечивает абсолютную точность и абсолютную последовательность разделения школьного дела по национальностям.

Спрашивается, допустимо ли такое разделение с точки зрения демократии вообще и с точки зрения интересов пролетарской классовой борьбы в особенности?

Достаточно представить себе ясно сущность программы «культурно-национальной автономии», чтобы ответить на этот вопрос без колебаний, – безусловно недопустимо.

Пока разные нации живут в одном государстве, их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера. Как же можно вырвать школьное дело из этих связей? Можно и его «изъять из ведения» государства, как гласит классическая, по рельефному подчеркиванию бессмыслицы, бундовская формулировка? Если экономика сплачивает живущие в одном государстве нации, то попытка разделить их раз навсегда для области «культурных» и в особенности школьных вопросов нелепа и реакционна. Напротив, надо добиваться соединения наций в школьном деле, чтобы в школе подготовлялось то, что в жизни осуществляется. В данное время мы наблюдаем неравноправие наций и неодинаковость их уровня развития; при таких условиях разделение школьного дела по национальностям фактически неминуемо будет ухудшением для более отсталых наций. В Америке в южных, бывших рабовладельческих штатах до сих пор выделяют детей негров в особые школы, тогда как на севере белые и негры учатся вместе. В России возник недавно проект «национализации еврейской школы», т.е. отделения еврейских детей от

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org других национальностей в особых школах. Нечего и прибавлять, что возник этот проект в самых реакционных, пуришкевических, кругах.

Нельзя быть демократом, отстаивая, принцип разделения школьного дела по национальностям. Заметьте: мы рассуждаем пока с общедемократической, т.е. с буржуазно-демократической точки зрения.

Неизмеримо решительнее приходится выступить против разделения школьного дела по национальностям с точки зрения пролетарской классовой борьбы. Кто же не знает, что капиталисты всех наций данного государства сливаются самым тесным, неразрывным образом в акционерных предприятиях, в картелях и трестах, в союзах промышленников и т.п. против рабочих какой угодно национальности? Кто не знает, что в любом капиталистическом предприятии – начиная с громадных заводов, рудников и фабрик, продолжая торговыми фирмами и кончая капиталистическими земледельческими хозяйствами – мы всегда, без всякого исключения, видим большую национальную пестроту рабочих, чем в захолустной, мирной, сонной деревне?

Городскому рабочему, который всего лучше знаком с развитым капитализмом и всего глубже воспринял – из всей своей жизни, впитал даже может быть с молоком матери психологию классовой борьбы, – такому рабочему невольно и неизбежно приходит в голову, что разделение школьного дела по национальностям не только вредная затея, но и прямо мошенническая, шарлатанская со стороны капиталистов. Рабочих можно раздробить, разделить, ослабить проповедью такой идеи, а еще больше разделием народных школ по нациям, тогда как капиталистам, дети которых превосходно обеспечены богатыми частными школами и особо нанимаемыми учителями, ни в коем случае никаким раздроблением, никаким ослаблением никакая «культурно-национальная автономия» грозить не может.

На деле «культурно-национальная автономия», т.е. абсолютно чистое и последовательное разделение школьного дела по национальностям, выдумана не капиталистами (они пока поглубже приемы употребляют для разделения рабочих), а оппортунистической, мещанской интеллигенцией Австрии. Ни в одной из западно-европейских демократических стран с пестрым национальным составом этой гениально-мещанской и гениально-националистической идеи нет и в помине. Только на востоке Европы, в отсталой, феодальной, клерикальной, чиновничьей Австрии, где всякая общественная и политическая жизнь застопорена мизерно-мелкой дракой (даже хуже: сварой, потасовкой) из-за языков, возникла эта идея отчаявшегося мелкого буржуа. Хотя бы разгородить раз навсегда все нации с абсолютной чистотой и последовательностью на «национальные курии» в школьном деле, если нельзя помирить кошку с собакой! – вот психология, породившая глупенькую «культурно-национальную автономию». Пролетариат, сознающий и ценящий свой интернационализм, не пойдет на эту глупость утонченного национализма.

Не случайно, что в России приняли «культурно-национальную автономию» только все буржуазные партии еврейства, затем (в 1907 г.) конференция мелкобуржуазных, левонароднических партий разных наций и, наконец, мещанские, оппортунистические элементы околomarксистских групп, т.е. бундовцы и ликвидаторы (последние побоялись даже сделать это прямо открыто, вполне определенно). Не случайно, что с трибуны Г. Думы только националистически зараженный полуликвидатор Чхенкели да мелкий буржуа Керенский говорили о «культурно-национальной автономии».

Смешно вообще читать ликвидаторские и бундовские ссылки на Австрию по этому вопросу. Во-первых, почему для образца надо брать самую отсталую из национально-пестрых стран? Почему не самую передовую? Ведь это прием, похожий на прием плохих русских либералов, т.е. кадетов, которые образцов для конституции ищут более всего в отсталых странах, Пруссии, Австрии, а не в передовых, не во Франции, Швейцарии, Америке!

Во-вторых, беря австрийский пример, российские националистические мещане, т.е. бундовцы, ликвидаторы, левонародники и т.п. еще с своей стороны особо ухудшают его. У нас больше всего и в первую голову применяют в пропаганде и агитации план «культурно-национальной автономии» именно бундовцы (плюс все буржуазные партии еврейства, за которыми – не всегда сознавая это – плетутся бундовцы). Между тем именно на родине идеи «культурно-национальной автономии», в Австрии, основоположник этой идеи, Отто Бауэр, посвятил особую главу своей книги доказательству, что невозможно к евреям применить идею «культурно-национальной автономии».

Это доказывает лучше длинных речей, как мало последователен и верит в свою идею О. Бауэр, исключивший единственную экстерриториальную (не имеющую своей области) нацию из плана экстерриториальной автономии наций.

Это доказывает, как бундовцы перенимают у Европы старомодные планы, удесятерая ошибки Европы, доходя до абсурда «в развитии» этих ошибок.

Ибо – это в-третьих, – австрийские с.-д. на съезде в Брюнне (1899 г.) отвергли предложенную им программу «культурно-национальной автономии». Они приняли лишь компромисс в виде союза всех национально-отграниченных областей государства. В этом компромиссе нет ни экстерриториальности, ни разделения школьного дела по национальностям. По этому компромиссному проекту, самые передовые (в капиталистическом отношении) места поселения, города, фабрики, рудники, крупные сельские имения и т.п. не дробят школьного дела по национальностям!

Российский рабочий класс боролся и будет бороться с реакционной, вредной, мещанской, националистической идеей «культурно-национальной автономии».

>(В.И. Ленин. О «культурно-национальной» автономии. – Там же, 92 – 95 // 24, 174 – 178.)
294

Чтобы иметь более точное представление о плане «культурно-национальной автономии», который сводится к разделению школьного дела по национальностям, полезно взять конкретные данные о национальном составе учащихся в русских школах. Относительно петербургского учебного округа такие данные собраны переписью школ 18 января 1911 г.

Вот данные о распределении учащихся в начальных школах министерства народного просвещения по родному языку учащихся. Данные относятся ко всему С.-Петербургскому учебному округу, а в скобках мы приводим цифры относительно С.-Петербурга. Под именем «русского языка» чиновники постоянно смешивают великорусский, белорусский и украинский («малороссийский», по казенному наименованию). Всего учащихся – 265.660 (48.076).

Русский – 232.618 (44.233); польский – 1.737 (880); чешский – 3 (2); литовский – 84 (35); латышский – 1.371 (113); жмудский – 1 (0); французский – 14 (13); итальянский – 4 (4); румынский – 2 (2); немецкий – 2.408 (845); шведский – 288 (219); норвежский – 31 (0); датский – 1 (1); голландский – 1 (0); английский – 8 (7); армянский – 3 (3); цыганский – 4 (0); еврейский – 1.196 (396); грузинский – 2 (1); осетинский – 1 (0); финский – 10.750 (874); карельский – 3.998 (2); чудский – 247 (0); эстонский – 4.723 (536); лопарский – 9 (0); зырянский – 6.008 (0); самоедский – 5 (0); татарский – 63 (13); персидский – 1 (1); китайский – 1 (1); неизвестно какой – 138 (7).

Таковы сравнительно точные данные. Они показывают громадную национальную пестроту населения, – хотя относятся к одному из наиболее великорусских районов России. Сразу видна наибольшая национальная пестрота крупного города, С.-Петербурга. Это – явление не случайное, а закон капитализма во всех странах и во всех концах мира. Крупные города, фабричные, горнозаводские, железнодорожные, вообще торговые и промышленные поселки неизбежно отличаются наибольшей национальной пестротой населения, а как раз этого рода поселения и растут всего быстрее, постоянно отнимая все большую и большую долю жителей у захолустья деревни.

Попробуйте теперь к этим данным живой жизни прикинуть ту мертвую утопию националистических мещан, которая называется «культурной национальной автономией» или (в переводе бундовцев) «изъятием из ведения государства» вопросов национальной культуры, т.е. в первую голову школьного дела.

«Из ведения государства изымается» школьное дело и передается в руки 23-х (относительно Петербурга) «национальных союзов», развивающих каждый «свою» «национальную культуру»!

Смешно даже тратить слова для доказательства нелепости и реакционности подобной «национальной программы».

Ясно, как день, что проповедь подобного плана на деле означает проведение

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org или поддержку идей буржуазного национализма, шовинизма и клерикализма. Интересы демократии вообще, а интересы рабочего класса в особенности, требуют как раз обратного: надо добиваться слияния детей всех национальностей в единых школах данной местности; надо, чтобы рабочие всех национальностей сообща проводили ту пролетарскую политику в школьном деле, которую так хорошо выразил депутат владимирских рабочих Самойлов, от имени российской социал-демократической рабочей фракции Государственной Думы. Против какого бы то ни было деления школьного дела по национальностям мы должны выступать самым решительным образом.

Не о том, чтобы разгородить нации так или иначе в школьном деле, должны мы заботиться, а наоборот – о том, чтобы создать основные демократические условия мирного сожительства наций на основе равноправия. Не «национальную культуру» должны поднимать мы на щит, а разоблачить клерикальный и буржуазный характер этого лозунга во имя интернациональной (международной) культуры всемирного рабочего движения.

Но возможно ли, спросят нас, обеспечить, на основе равноправия, интересы одного грузинского ребенка среди 48.076 школьников Петербурга? Мы ответим на это: создать особую грузинскую школу в Петербурге, на основах грузинской «национальной культуры» – невозможно, а проповедь такого плана есть несение вредных идей в народную массу.

Но мы не будем отстаивать ничего вредного и добиваться ничего невозможного, требуя для этого ребенка дарового казенного помещения для лекций грузинского языка, грузинской истории и т.д., перевода для него грузинских книг из центральной библиотеки, оплаты казной части расходов по вознаграждению грузинского учителя и т.п. При действительной демократии, при полном изгнании бюрократизма и «передонощины» из школы, этого вполне может добиться население. А добиться этой действительной демократии нельзя иначе как при условии слияния рабочих всех национальностей.

Проповедовать особые национальные школы для каждой «национальной культуры» реакционно. Но при условии действительной демократии вполне можно обеспечить интересы преподавания на родном языке, родной истории и проч. без разделения школ по национальностям. А полное местное самоуправление означает невозможность навязать что-либо насильно – к примеру скажем – 713 карельским детям Камского уезда (где русских детей только 514) или 681 зырянскому ребенку Печорского уезда (153 русских), или 276 латышам Новгородского уезда (свыше 7.000 русских), и т.д. и т.д.

Проповедь неосуществимой культурно-национальной автономии есть нелепость, которая только раздробляет рабочих идейно уже сейчас. Проповедь слияния рабочих всех национальностей облегчает успех пролетарской классовой солидарности, способной гарантировать равноправие и наиболее мирное сожительство всех национальностей.

>(В.И. Ленин. Национальный состав учащихся в русской школе. – Там же, 113 – 115 // 24, 219 – 222.)
295

Влияние мелкобуржуазного, мещанского национализма заразило и некоторых «тоже-социалистов», защищающих так называемую «культурно-просветительную автономию», то есть передачу школьного дела (и вообще дела национальной культуры) из рук государства в руки отдельных наций. Понятно, что марксисты борются против этой проповеди разграничения наций, против этого утонченного национализма, против деления школьного дела по национальностям. Когда наши бундовцы, а потом ликвидаторы пожелали, вопреки программе, защищать «культурно-национальную автономию», их осудили не только большевики, но и меньшевики-партийцы (Плеханов).

Теперь г. Ан в «Новой рабочей газете» (№ 103) пробует защищать худое дело, подменяя вопрос и осыпая нас бранью. Брань мы спокойно отодвигаем прочь, – это лишь признак бессилия ликвидаторов.

Школы на родном языке, – уверяет г. Ан, – это и есть разделение школьного дела по национальностям; правдисты хотят отнять у инородцев их национальные школы!

Над таким приемом г. Ана можно лишь посмеяться, ибо все знают, что правдисты стоят за самое полное равноправие языков и даже за ненужность

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
государственного языка! Г. Ан от бессильного гнева начал терять голову, – это опасно, любезный Г. Ан!

Права родного языка вполне точно и определенно признаны § 8 программы марксистов.

Если бы Г. Ан был прав, что школы на родном языке это и есть разделение школьного дела по национальностям, – тогда зачем было бундовцам в 1906 году и ликвидаторам в 1912 году «дополнять» (а, вернее, извращать) программу, которая в 1903 году вполне признала родной язык на том самом съезде, что отверг «культурно-национальную автономию»?

Нет, Г. Ан, вам не удастся подменить вопроса и замаять шумом, криком, бранью нарушение ликвидаторами этой программы, их «приспособление социализма к национализму», по выражению Т. Плеханова.

Мы не хотим нарушения программы. Мы не хотим приспособлять социализм к национализму. Мы отстаиваем полную демократию, полную свободу и равноправие языков, насколько не защищая этим «передачи школьного дела нациям», «разделения школьного дела по национальностям».

«Ведь вопрос идет о разделении школ по нациям, – пишет Г. Ан, – значит, на месте должны быть эти нации, которые мешают друг другу развиваться, и, следовательно, нужно их разграничить в области и народного образования». Подчеркнутые нами слова ясно обнаруживают, как ликвидаторство тянет Г. Ана прочь от социализма к национализму.

Разграничение наций в пределах одного государства вредно, и мы, марксисты, стремимся сблизить и слить их. Не «разграничение» наций – наша цель, а обеспечение полной демократией их равноправия и столь же мирного (сравнительно) сожительства, как в Швейцарии.

>(В.И. Ленин. Еще о разделении школьного дела по национальностям. – Там же, 125 – 126 // 24, 237 – 238.)
296

Вопрос о лозунге «национальной культуры» имеет для марксистов громадное значение не только потому, что он определяет идейное содержание всей нашей пропаганды и агитации по национальному вопросу в отличие от пропаганды буржуазной, – но и потому еще, что целая программа пресловутой культурно-национальной автономии построена на этом лозунге.

Основной, принципиальный грех этой программы, что она стремится воплотить в жизнь самый утонченный и самый абсолютный, до конца доведенный, национализм. Суть этой программы: каждый гражданин записывается в ту или иную нацию, и каждая нация составляет юридическое целое, с правом принудительного обложения своих членов, с национальными парламентами (сеймами), с национальными «статс-секретарями» (министрами).

Такая идея, в применении к национальному вопросу, похожа на идею Прудона в применении к капиталу. Не уничтожить капитализм и его основу – товарное производство, а очистить эту основу от злоупотреблений, от наростов и т.п.; не уничтожить обмен и меновую стоимость, а наоборот, «конституировать» ее, сделать ее всеобщей, абсолютной, «справедливой», лишенной колебаний, кризисов, злоупотреблений – вот идея Прудона.

Как мелкобуржуазен Прудон, как его теория абсолютизирует, возводит в перл создания обмен и товарное производство, так мелкобуржуазна теория и программа «культурно-национальной автономии», абсолютизирующая, возводящая в перл создания буржуазный национализм, очищающая его от насилия и несправедливостей и т.д.

Марксизм непримирим с национализмом, будь он самый «справедливый», «чистенький», тонкий и цивилизованный. Марксизм выдвигает на место всякого национализма – интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве, которое растет на наших глазах с каждой верстой железной дороги, с каждым международным трестом, с каждым (международным по своей экономической деятельности, а затем и по своим идеям, по своим стремлениям) рабочим союзом.

Принцип национальности исторически неизбежен в буржуазном обществе, и,

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org считаясь с этим обществом, марксист вполне признает историческую законность национальных движений. Но чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях, – чтобы это признание не вело к затмению пролетарского сознания буржуазной идеологией.

Прогрессивно пробуждение масс от феодальной спячки, их борьба против всякого национального гнета, за суверенность народа, за суверенность нации. Отсюда безусловная обязанность для марксиста отстаивать самый решительный и самый последовательный демократизм во всех частях национального вопроса. Это задача, главным образом, отрицательная. А дальше ее идти в поддержке национализма пролетариат не может, ибо дальше начинается «позитивная» (положительная) деятельность буржуазии, стремящейся к укреплению национализма.

Скинуть всякий феодальный гнет, всякое угнетение наций, всякие привилегии одной из наций или одному из языков – безусловная обязанность пролетариата, как демократической силы, безусловный интерес пролетарской классовой борьбы, которая затемняется и задерживается национальной грызней. Но содействовать буржуазному национализму за этими, строго ограниченными, в определенные исторические рамки поставленными пределами – значит изменять пролетариату и становиться на сторону буржуазии. Тут есть грань, которая часто бывает тонка и о которой совсем забывают бундовские и украинские национал-социалы.

Борьба против всякого национального гнета – безусловно да. Борьба за всякое национальное развитие, за «национальную культуру» вообще – безусловно нет. Экономическое развитие капиталистического общества показывает нам во всем мире примеры недоразвитых национальных движений, примеры образования крупных наций, из ряда мелких или в ущерб некоторым мелким, примеры ассимиляции наций. Принцип буржуазного национализма – развитие национальности вообще, отсюда исключительность буржуазного национализма, отсюда безвыходная национальная грызня. Пролетариат же не только не берется отстаивать национальное развитие каждой нации, а напротив, предостерегает массы от таких иллюзий, отстаивает самую полную свободу капиталистического оборота, приветствует всякую ассимиляцию нации за исключением насильственной или опирающейся на привилегии.

Закрепить национализм в известной «по справедливости» отграниченной сфере, «конституировать» национализм, разгородить крепко и прочно все нации между собой посредством особого государственного учреждения – вот идейная основа и содержание культурно-национальной автономии. Эта мысль насквозь буржуазная и насквозь ложная. Никакого закрепления национализма пролетариат поддерживать не может, – напротив, он поддерживает все, помогающее стиранию национальных различий, падению национальных перегородок, все делающее связи между национальностями теснее и теснее, все, ведущее к слиянию наций. Поступать иначе – значит встать на сторону реакционного националистического мещанства.

Когда проект культурно-национальной автономии обсуждался австрийскими с.-д. на их съезде в Брюнне (1899 г.), то на теоретическую оценку этого проекта почти не было обращено внимания. Но поучительно отметить, что указывалось два таких довода против этой программы: 1) она повела бы к усилению клерикализма; 2) «ее результатом было бы увековечение шовинизма, внесение его в каждую маленькую общину, в каждую маленькую группу» (стр. 92 официальных протоколов брюннского съезда на немецком языке. Есть русский перевод в издании еврейской националистической партии «Серп»).

Не подлежит сомнению, что «национальная культура» в обычном значении этого слова, т.е. школы и т.д., находится в настоящее время под преобладающим влиянием клерикалов и буржуазных шовинистов во всех странах мира. Когда бундовцы, защищая «культурно-национальную» автономию, говорят, что конституирование наций сделает классовую борьбу внутри их чистой от всяких посторонних соображений, то это явная и смешная софистика. Серьезная классовая борьба во всяком капиталистическом обществе ведется прежде всего в области экономической и политической. Выделение отсюда области школьной, во-первых, нелепая утопия, ибо оторвать школу (как и «национальную культуру» вообще) от экономики и политики нельзя, а, во-вторых, именно экономическая и политическая жизнь капиталистической страны заставляет на каждом шагу ломать нелепые и устарелые национальные перегородки и предрассудки, а выделение школьного и т.п. дела как раз консервировало бы,

В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабрике работают вместе рабочие разных наций. При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям. «Изъятие из ведения государства» школьного и т.п. дела и передача его нациям означает как раз попытку отделить от сливающей нации экономики наиболее, так сказать, идеологическую область общественной жизни, где всего легче «чистая» национальная культура или национальное культивирование клерикализма и шовинизма.

В практическом своем осуществлении план «экстерриториальной» (внеземельной, но связанной с землей, на которой та или иная нация живет) или «культурно-национальной» автономии означал бы только одно: разделение школьного дела по национальностям, т.е. введение национальных курий в школьном деле. Достаточно себе ясно представить эту действительную сущность знаменитого бундовского плана, чтобы понять всю его реакционность даже с точки зрения демократии, не говоря уже о точке зрения классовой борьбы пролетариата за социализм.

Один пример и один проект «национализации» школьного дела наглядно пояснят, в чем тут суть. В Соединенных Штатах Северной Америки до сих пор держится во всей жизни деление штатов на северные и южные; первые – с наибольшими традициями свободы и борьбы против рабовладельцев, вторые – с наибольшими традициями рабовладения, с остатками травли негров, с их экономической придавленностью, культурной пониженностью (44% неграмотных среди негров и 6% среди белых) и т.д. На юге есть особые – «национальные» или расовые, как угодно, – школы для негров. Кажется, это единственный пример «национализации» школы на деле.

На востоке Европы есть страна, где до сих пор возможны дела вроде дела Бейлиса, где евреи осуждены гг. Пуришкевичами на положение хуже негров. В этой стране возник недавно в министерстве проект национализации еврейской школы. К счастью, эта реакционная утопия едва ли осуществится, как утопия австрийских мелких буржуа, отчаявшихся в осуществлении последовательной демократии, в прекращении национальной грызни и выдумавших футляры для наций в школьном деле, чтобы они не могли грызться из-за дележа школ..., но «конституировались» для вечной грызни одной «национальной культуры» против другой.

В Австрии культурно-национальная автономия осталась в значительной степени литераторской выдумкой, которую не взяли в серьез сами австрийские с.-д. Зато в России ее приняли в программу все буржуазные партии еврейства и несколько мещанских, оппортунистических элементов разных наций – например, бундовцы, ликвидаторы на Кавказе, конференция российских национальных партий левонароднического направления. (Эта конференция – заметим в скобках – состоялась в 1907 г. и ее решение принято было при воздержании русских с.-р. и польских социал-патриотов. P.P.S. Воздержание – удивительно характерный способ отношения эсэров и п.-п.-с-ов к важнейшему принципиальному вопросу в области национальной программы!)

В Австрии именно Отто Бауэр, главнейший теоретик «культурно-национальной автономии», посвятил специальную главу своей книги доказательству невозможности выставлять эту программу для евреев. В России, именно в еврействе, все буржуазные партии и их подголосок Бунд – приняли эту программу[41]. Что это значит? Это значит, что история разоблачила политической практикой другого государства нелепость выдумки Бауэра, точно так же, как русские бернштейнианцы (Струве, Туган-Барановский, Бердяев и Ко) разоблачили своей быстрой эволюцией от марксизма к либерализму действительное идейное содержание немецкой бернштейниады.

Ни австрийские, ни российские с.-д. не приняли «культурно-национальную» автономию в свою программу. Но буржуазные партии еврейства в самой отсталой стране и ряд мещанских якобы социалистических групп приняли ее, чтобы нести в утонченной форме идеи буржуазного национализма в рабочую среду. Факт этот говорит сам за себя.

Раз уже пришлось коснуться австрийской программы по национальному вопросу, нельзя не восстановить истины, часто извращаемой бундовцами. На брюннском съезде была представлена чистая программа «культурно-национальной

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org автономии». Это – программа южно-славянской с.-д., § 2-ой ее гласит: «Каждый живущий в Австрии народ, без отношения к занимаемой его членами территории, составляет автономную группу, которая совершенно самостоятельно ведает всеми своими национальными (языковыми и культурными) делами». Эту программу защищал не только Кристан, но и влиятельный Элленбоген. Но она была снята, за нее не нашлось ни одного голоса. Принята программа территориалистическая, т.е. не создающая никаких национальных групп «без отношения к территории, занимаемой членами нации».

В принятой программе § 3-й гласит: «Самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют вместе национально-единый союз, который решает свои национальные дела вполне автономно» (ср. «Просвещение» 1913 г., № 4, с. 28). Ясно, что и эта компромиссная программа неверна. Поясним примером. Немецкая община колонистов в Саратовской губернии плюс немецкое предместье рабочих в Риге или в Лодзи плюс немецкий поселок под Питером и т.д. образуют «национально-единый» союз немцев в России. Очевидно, что требовать подобной вещи, закреплять такого союза, с.-д. не могут, хотя они нисколько не отрицают, разумеется, свободы всяких союзов и в том числе союза любых общин любой национальности в данном государстве. Но выделением, по государственному закону, немцев и т.п. из разных местностей и классов России в единый немецко-национальный союз могут заниматься попы, буржуа, мещане, кто угодно – только не социал-демократы.

>(В.И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. – Там же, 144 – 149 // 24, 130 – 137.)
297

В Австрии национальная программа социал-демократии обсуждалась и принята на съезде в Брюнне в 1899 году. Чрезвычайно распространено ошибочное мнение, будто на этом съезде принята так называемая «культурно-национальная» автономия. Наоборот. Она единогласно отклонена на этом съезде.

Южно-славянские социал-демократы предложили Брюннскому съезду (см. стр. XV официальных протоколов на немецком языке) программу культурно-национальной автономии, выраженную следующим образом:

(§ 2) «каждый живущий в Австрии народ, без отношения к занимаемой его членами территории, составляет автономную группу, которая совершенно самостоятельно ведает всеми своими национальными (языковыми и культурными) делами».
Подчеркнутые нами слова выражают суть «культурно-национальной автономии» (иначе называемой экстерриториальной) особенно ясно: государство должно закрепить разграничение наций в школьном и т.п. деле, при свободной записи каждого в любую нацию.

Эту программу защищали на съезде и Кристан и влиятельный Элленбоген. Но потом ее сняли. За нее не было ни одного голоса. Вождь партии, Виктор Адлер, сказал: «...я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь в настоящее время считал этот план практически осуществимым» (стр. 82 протоколов).

Из принципиальных возражений было сделано Прейслером такое: «Предложения тт. Кристана и Элленбогена привели бы к тому результату, что шовинизм был бы увековечен и внесен в каждую мельчайшую общину, в каждую малейшую группу» (стр. 927 там же).

В принятой Брюннским съездом программе относящийся сюда § 3 гласит:

«самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют вместе национально-единый союз, который решает свои национальные дела вполне автономно».

Это программа территориалистическая, которая прямо исключает поэтому, например, еврейскую культурно-национальную автономию. Главный теоретик «культурно-национальной автономии», Отто Бауэр, посвятил специальную главу своей книги (1907 г.) доказательству невозможности требовать «культурно-национальной автономии» для евреев.

По существу заметим, что марксисты стоят за полную свободу союзов, в том числе и союзов любых национальных областей (уездов, волостей, деревень и т.п.); но закреплять законом государства единые национальные союзы внутри государства с.-д. никак не могут согласиться.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
В России как раз все буржуазные партии еврейства (а также Бунд, фактически являющийся их подголоском) приняли отвергнутую всеми теоретиками Австрии и съездом австрийских с.-д. программу «экстерриториальной (культурно-национальной) автономии»!!

Этот факт, который бундовцы часто и по вполне понятной причине пытались отрицать, легко проверить справкой с известной книгой: «Формы национального движения» (СПб. 1910) – смотри также «Просвещение», 1913, № 3.

Этот факт показывает ясно, как более отсталая и более мелкобуржуазная общественная структура России привела к гораздо большему заражению части марксистов буржуазным национализмом.

Националистические шатания Бунда были осуждены формально и непререкаемо еще вторым (1903 г.) съездом, который прямо отверг поправку бундовца Гольблата о «создании учреждений, гарантирующих свободу развития национальностей» (псевдоним «культурно-национальной автономии»).

Когда на августовской, 1912 г., конференции ликвидаторов кавказские меньшевики, – до тех пор в течение десятилетия решительно боровшиеся с Бундом, – скатились сами к национализму, под влиянием всей националистической атмосферы, то осудили их вовсе не одни большевики. Осудил их решительно и меньшевик Плеханов, назвавший их решение «приспособлением социализма к национализму».

«Кавказские товарищи, – писал Плеханов, – заговорившие о культурной автономии, вместо автономии политической, только засвидетельствовали о факте своего неразумного подчинения гегемонии Бунда».
«Культурно-национальная автономия», кроме буржуазных партий еврейства, Бунда и ликвидаторов, принята только конференцией мелкобуржуазных национальных партий лево-народнического направления. Но здесь приняли эту программу 4 партии («Серп» – социалистическая еврейская рабочая партия; белорусская громада, дашнакцутюн и грузинские социалисты-федералисты), а 2 самые крупные воздержались; воздержались и русские народники и польские «фраки» (П.П.С.)!

Русские левонародники в особенности высказывались против принудительных, государственно-правовых союзов национальностей в знаменитом бундовском плане.

Понятно, из этой краткой исторической справки, почему и февральское и летнее совещание марксистов 1913 года решительно осудило мелкобуржуазную и националистическую идею «культурно-национальной автономии».

>(В.И. Ленин. К истории национальной программы в Австрии и в России. – Там же, 202 – 204 // 24, 313 – 315.)
298

Для буржуазии требование равноправия наций очень часто равносильно на деле проповеди национальной исключительности и шовинизма, очень часто совместимо с проповедью разделения и отчуждения наций. С этим безусловно не мирится пролетарский интернационализм, проповедующий не только сближение наций, но слияние рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях. Поэтому марксисты решительно осуждают так называемую «культурно-национальную автономию», т.е. изъятие школьного дела из ведения государства и передачу в руки отдельных национальностей. Этот план есть разделение школьного дела по национальностям данного государственного союза в вопросах «национальной культуры» на национальные союзы с своими особыми сеймами, школьными финансами, школьными советами, школьными учреждениями.

Это – план утонченного национализма, развращающий и разделяющий рабочий класс. Этому плану (бундовцев, ликвидаторов, народников, т.е. различных мелкобуржуазных групп) марксисты противопоставляют принцип: самое полное равноправие наций и языков вплоть до отрицания надобности в государственном языке, но вместе с этим отставание наибольшего сближения наций, единства государственных учреждений для всех наций, единства школьных советов, единства школьной политики (светская школа!), единства рабочих разных наций в борьбе с национализмом всякой национальной буржуазии, национализмом, который для обмана простачков преподносят в виде лозунга «национальной культуры».

Пусть мещанские националисты, бундовцы, ликвидаторы, народники, писатели «Дзвіна», защищают открыто свои принципы утонченного буржуазного национализма, это их право. Но пусть не обманывают рабочих, как это делает, например, г-жа В.О. в № 35 «Сев. Р. Газ.», пытаясь уверить читателей, будто газета «За Правду» отрицает преподавание на родном языке!!!

Это – грубая клевета, ибо правдисты не только признают это право, но последовательнее всех признают его. Правдисты первые в России, примкнув к совещанию марксистов, провозгласившему отсутствие обязательного государственного языка, признали полностью права родного языка.

Смешивать обучение на родном языке с «разделением по национальностям школьного дела в пределах одного государства», с «культурно-национальной автономией», с «изъятием школьного дела из ведения государства» есть самое вопиющее невежество.

Нигде в мире марксисты (и даже демократы) не отрицают обучение на родном языке. И нигде в мире не принята марксистами программа «культурно-национальной автономии», – в одной Австрии она была выдвинута.

Пример Финляндии, приведенный г-жей В.О., побивает ее самое, ибо в этой стране признано и проведено равноправие наций и языков (что мы безусловно и последовательнее всех признаем), но нет и речи об изъятии школьного дела из ведения государства, об особых национальных союзах для заведывания всем школьным делом, о разгораживании всего государственного школьного дела национальными перегородками и т.п.

>(В.И. Ленин. Развращение рабочих утонченным национализмом. – Там же, 361 – 362 // 25, 145 – 147.)
299

Какова национальная программа австрийских социал-демократов?

Она выражается в двух словах: национальная автономия.

Это значит, во-первых, что автономия дается, скажем, не Чехии или Польше, а вообще чехам и полякам, независимо от территории, все равно какую бы местность Австрии они ни заселяли.

Потому то автономия эта называется национальной, а не территориальной.

Это значит, во-вторых, что рассеянные в разных углах Австрии чехи, поляки, немцы и т.д., взятые персонально, как отдельные лица, организуются в целостные нации и, как таковые, входят в состав австрийского государства. Австрия будет представлять в таком случае не союз автономных областей, а союз автономных национальностей, конституированных независимо от территории.

Это значит, в-третьих, что общенациональные учреждения, долженствующие быть созданными в этих целях для поляков, чехов и т.д., будут вестись не «политическими» вопросами, а только культурными. Специфически политические вопросы сосредоточатся в общеавстрийском парламенте (рейхстаге).

Поэтому автономия эта называется еще культурной, культурно-национальной.

А вот и текст программы, принятой австрийской социал-демократией на Брюннском конгрессе в 1899 г.[42]

Упомянув о том, что «национальные распри в Австрии препятствуют политическому прогрессу», что «окончательное разрешение национального вопроса есть прежде всего культурная необходимость», что «разрешение возможно только при истинно-демократическом обществе, построенном на основании всеобщего, прямого и равного избирательного права», – программа продолжает:

Сохранение и развитие национальных особенностей народов[43] Австрии возможно только при полном равноправии и при отсутствии всякого угнетения. Поэтому прежде всего должна быть отвергнута система бюрократического государственного централизма, равно как и феодальные привилегии отдельных земель.

При этих и только при этих условиях в Австрии сможет установиться национальный порядок, вместо национальных раздоров, а именно на следующих основаниях:

1. Австрия должна быть преобразована в государство, представляющее демократический союз национальностей.
 2. Вместо исторических коронных земель должны быть образованы самоуправляющиеся корпорации, в каждой из которых законодательство и правление находилось бы в руках национальных палат, избираемых на основе всеобщего, прямого и равного голосования.
 3. Самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют вместе национально-единый союз, который решает свои национальные дела вполне автономно.
 4. Права национальных меньшинств обеспечиваются особым законом, издаваемым имперским парламентом.
- Программа кончается призывом к солидарности всех наций Австрии.

Нетрудно заметить, что в программе этой остались некоторые следы «территориализма», но в общем она является формулировкой национальной автономии. Недаром Шпрингер, первый агитатор национальной автономии, встречает ее с восторгом[44]. Бауэр также разделяет ее, называя «теоретической победой»[45] национальной автономии; только в интересах большей ясности он предлагает пункт 4 заменить более определенной формулировкой, говорящей о необходимости «конституирования национального меньшинства внутри каждой самоуправляющейся области в публично-правовую корпорацию» для заведывания школьными и прочими культурными делами[46].

Такова национальная программа австрийской социал-демократии.

Рассмотрим ее научные основы.

Посмотрим, как обосновывает австрийская социал-демократия проповедуемую ею национальную автономию.

Обратимся к теоретикам последней, к Шпрингеру и Бауэру.

Исходным пунктом национальной автономии является понятие о нации, как о союзе лиц независимо от определенной территории.

«Национальность, по Шпрингеру, не находится ни в какой существенной связи с территорией; нации – автономные персональные союзы»[47]. Бауэр также говорит о нации, как о «персональной общности», которой не «предоставлено исключительное господство в какой-либо определенной области»[48].

Но лица, составляющие нацию, не всегда живут одной сплошной массой, – они часто разбиваются на группы и в таком виде вкрапливаются в чужие национальные организмы. Это капитализм гонит их в разные области и города на заработки. Но, входя в чужие национальные области и составляя там меньшинства, группы эти терпят от местных национальных большинств в смысле стеснений языка, школы и т.п. Отсюда национальные столкновения. Отсюда «непригодность» территориальной автономии. Единственный выход из такого положения, по мнению Шпрингера и Бауэра, – организовать рассеянные в разных местах государства меньшинства данной национальности в один общий междуклассовый национальный союз. Только такой союз мог бы защитить, по их мнению, культурные интересы национальных меньшинств, только он способен прекратить национальные раздоры.

«Необходимо, говорит Шпрингер, дать национальностям правильную организацию, облечь их правами и обязанностями»[49]. Конечно, «закон легко создать, но оказывает ли он то действие, которого от него ожидают» ... «Если хотят создать закон для нации, то прежде всего нужно создать самые нации»[50]. «Без конституирования национальностей создание национального права и устранение национальных раздоров невозможно»[51]. В том же духе говорит Бауэр, когда он выставляет, как «требование рабочего класса», «конституирование меньшинства в публично-правовые корпорации на основе персонального принципа»[52].

Но как организовать нации? Как определить принадлежность лица к той или иной нации?

«Эта принадлежность, говорит Шпрингер, устанавливается национальными

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
матрикулами: каждый, живущий в области, должен объявить о своей принадлежности к какой-нибудь нации»[53].

«Персональный принцип, говорит Бауэр, предполагает, что население разделится по национальностям, на основе свободных заявлений совершеннолетних граждан», для чего и «должны быть заготовлены национальные кадастры»[54].

Далее.

«Все немцы, говорит Бауэр, в национально-однородных округах, затем все немцы, внесенные в национальные кадастры двойственных округов, составляют немецкую нацию и выбирают национальный совет»[55].

То же самое нужно сказать о чехах, поляках и пр.

«Национальный совет, по Шпрингеру, это культурно-национальный парламент, которому подлежит установление основ и одобрение средств, нужных для попечения о национальном школьном деле, о национальной литературе и науке, для устройства академий, музеев, галерей, театров и пр.»[56]

Таковы организация нации и центральное учреждение последней.

Создавая такие междуклассовые институты, австрийская с.-д. партия стремится, по мнению Бауэра, к тому, чтобы «сделать национальную культуру... достоянием всего народа и таким единственно-возможным образом сплотить членов нации в национально-культурную общность»[57] (курсив наш).

Можно подумать, что все это имеет отношение только к Австрии. Но Бауэр с этим не согласен. Он решительно утверждает, что национальная автономия обязательна и в других государствах, состоящих как Австрия из нескольких национальностей.

Национальной политике имущих классов, политике завоевания власти в государстве национальностей, пролетариат всех наций противопоставляет, по мнению Бауэра, свое требование национальной автономии[58].

Затем, незаметно подменяя самоопределение национальностей автономией, продолжает:

«Так национальная автономия, самоопределение наций, неизбежно становится конституционной программой пролетариата всех наций, живущих в государстве национальностей»[59].

Но он идет еще дальше. Он глубоко верит, что «конституированные» им и Шпрингером междуклассовые «национальные» союзы послужат неким прототипом будущего социалистического общества. Ибо он знает, «что социалистический общественный строй... расчленит человечество на национально-отграниченные общества[60], что при социализме произойдет „группировка человечества на автономные национальные общества“[61], что „таким образом, социалистическое общество несомненно представит собой пеструю картину личных национальных союзов и территориальных корпораций“[62], что, следовательно, социалистический принцип национальности является высшим синтезом национального принципа и национальной автономии»[63].

Кажется, довольно...

Такова обосновка национальной автономии в руках Бауэра и Шпрингера.

Прежде всего бросается в глаза совершенно непонятная и ничем не оправдываемая подмена самоопределения наций национальной автономией. Одно из двух: либо Бауэр не понял самоопределения, либо он понял, но почему-то сознательно его суживает. Ибо, несомненно, что: национальная автономия предполагает целостность государства национальностей, самоопределение же выходит из рамок такой целостности; что самоопределение передает нации всю полноту прав, национальная же автономия – только «культурные» права. Это во-первых.

Во-вторых, вполне возможно в будущем такое сочетание внутренних и внешних конъюнктур, при которых та или иная национальность решится выступить из государства национальностей, хотя бы из Австрии, – заявили же русинские с.-д. на Брюннском партийном съезде о своей готовности объединить «две части» своего народа в одно целое[64], как быть тогда с «неизбежной для пролетариата всех наций» национальной автономией?

Что это за «решение» вопроса, которое механически втискивает нации в прокрустово ложе целостности государства?

Далее. Национальная автономия противоречит всему ходу развития наций. Она дает лозунг организовать нации, но возможно ли их искусственно спаять, если жизнь, если экономическое развитие отрывает от них целые группы и рассеивает последние по разным областям. Нет сомнения, что на первых стадиях капитализма нации сплываются, но несомненно и то, что на высших стадиях капитализма начинается процесс рассеивания наций, процесс отделения от наций целого ряда групп, уходящих на заработки, а потом и совершенно переселившихся в другие области государства, при этом переселившиеся теряют старые связи, приобретают новые на новых местах, усваивают из поколения в поколение новые нравы и вкусы, а, может быть, и новый язык... Спрашивается: возможно ли объединить такие обособившиеся друг от друга группы в единый национальный союз? Где те чудодейственные обручи, при помощи которых можно было бы объединить необъединимое? Мыслимо ли «сплотить» в одну нацию, например, прибалтийских и закавказских немцев? Но, если все это невымыслимо и невозможно, то чем отличается в таком случае национальная автономия от утопии старых националистов, старавшихся повернуть назад колесо истории?

Но связанность в единство нации падает не только благодаря расселению. Она падает еще изнутри, благодаря обострению классовой борьбы. На первых стадиях капитализма еще можно говорить о «культурной общности» пролетариата и буржуазии. Но с развитием крупной индустрии и обострением классовой борьбы «общность» начинает таять. Нельзя серьезно говорить о «культурной общности», когда хозяева и рабочие одной и той же нации перестают понимать друг друга. О какой «общности судьбы» может быть речь, когда буржуазия жаждет войны, а пролетариат объявляет «войну войне»? Можно ли из таких противоположных элементов организовать единый междуклассовый национальный союз? Можно ли после этого говорить о «сплочении всех членов нации в национально-культурную общность»? Не ясно ли из этого, что национальная автономия противоречит всему ходу классовой борьбы?

Но допустим на минуту, что лозунг «организуем нацию» – осуществимый лозунг. Можно еще понять буржуазно-националистических парламентариев, старающихся «организовать» нацию для получения лишних голосов. Но с каких пор с.-д. начали заниматься «организацией» нации, «конституированием» наций, «созданием» наций?!

Что это за с.-д., которые в эпоху сильнейшего обострения борьбы классов организуют междуклассовые союзы! До сих пор у австрийской как и у всякой другой с.-д. была одна задача: организовать пролетариат. Но задача эта, очевидно, «устарела», теперь Шпрингер и Бауэр «ставят новую», более занятную задачу «создать, организовать» нацию...

Впрочем, логика обязывает: принявший национальную автономию должен принять и эту «новую» задачу, но принять последнюю – это значит сойти с классовой позиции, стать на путь национализма.

Национальная автономия Шпрингера и Бауэра есть утонченный вид национализма.

И это отнюдь не случайность, что национальная программа австрийских с.-д. обязывает заботиться о «сохранении и развитии национальных особенностей народов». Подумайте только: «сохранить» такие «национальные особенности» закавказских татар, как самобичевание в праздник «Шахсей-Вахсей»! «Развить» такие национальные особенности Грузии, – как «право мести»!

Такому пункту место в завзятой буржуазно-националистической программе, и, если он оказался в программе австрийских с.-д., то потому, что национальная автономия терпит такие пункты, она не противоречит им.

Но, непригодная для настоящего, национальная автономия еще более непригодна для будущего, социалистического общества.

Пророчество Бауэра о «расчленении человечества на национально-отграниченные общества» опровергается всем ходом развития современного человечества. Национальные перегородки не укрепляются, а разрушаются и падают. Маркс еще в сороковых годах говорил, что «национальная обособленность и противоположность интересов различных народов уже теперь все более и более исчезают», что «господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение». Дальнейшее развитие человечества с его гигантским ростом капиталистического производства, с его перетасовкой национальностей и объединением людей на все более обширных территориях решительно подтверждает мысль Маркса.

Желание Бауэра представить социалистическое общество в виде «пестрой картины личных национальных союзов и территориальных корпораций» является робкой попыткой заменить Марксову концепцию социализма реформированной концепцией Бакунина. История социализма показывает, что всякие такие попытки таят в себе элементы неминуемого краха.

Мы уже не говорим о каком-то расхваливаемом Бауэром «социалистическом принципе национальности», являющемся, по нашему мнению, заменой социалистического принципа классовой борьбы буржуазным принципом «национальности». Если национальная автономия исходит из такого сомнительного националистического принципа, то необходимо признать, что она может принести рабочему движению только вред.

Правда национализм бауэровской автономии искусно замаскирован социалистическими фразами, но тем более он вреден для пролетариата. С открытым национализмом всегда можно справиться: его не трудно разглядеть. Гораздо труднее бороться с национализмом замаскированным и в своей маске неузнаваемым. Прикрываясь броней социализма, он менее уязвим и более живуч. Живя же среди рабочих, он отравляет атмосферу, распространяя вредные идеи взаимного недоверия и обособления.

Но отрицательные качества национальной автономии этим не исчерпываются. Она подготавливает почву не только для обособления наций, но и для дробления единого рабочего движения. Идея национальной автономии создает психологические предпосылки для разделения единой рабочей партии на отдельные построенные по национальностям партии. За партией дробятся союзы, и получается полное обособление. Так разбивается единое классовое движение на отдельные национальные ручейки.

Австрия, родина «национальной автономии», дает наиболее печальные примеры такого явления. Австрийская с.-д. партия, когда-то единая, начала дробиться на отдельные партии еще с 1897 года (Вимбергский партийтаг). После Брюннского партийтага (1899), принявшего национальную автономию, дробление еще более усилилось. Наконец, дело дошло до того, что вместо единой интернациональной партии имеется теперь шесть национальных, из коих чешская с.-д. партия даже не хочет иметь дела с немецкой социал-демократией.

Но с партиями связаны профессиональные союзы. В Австрии, как в тех, так и в других, главную работу несут те же самые с.-д. рабочие. Поэтому можно было опасаться, что сепаратизм в партии поведет к сепаратизму в союзах, что союзы также расколются. Оно так и произошло: союзы также разделились по национальностям. Теперь нередко дело доходит даже до того, что чешские рабочие ломают забастовку немецких рабочих или выступают на выборах в муниципалитете вместе с чешскими буржуа против немецких рабочих.

Такова жатва национальной автономии.

>(И.В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. – Сборник статей, 1920 г. 30 – 42 // 2, 320 – 332.)

4. Языковая политика ВКП(б)

300

Напрасно старается ППС представить дело так, будто ее отделяет от немецких или русских социал-демократов отрицание ими права на самоопределение, права стремиться к свободной, независимой республике. Не это, а забвение классовой точки зрения, затемнение ее шовинизмом, нарушение единства данной политической борьбы – вот что не позволяет нам видеть в ППС действительно рабочей социал-демократической партии. Вот, например, какова обычная постановка вопросов у ППС: «...мы можем лишь ослабить царизм, оторвав Польшу, а свергнуть его должны русские товарищи». Или еще: «...мы бы просто, по уничтожении самодержавия, определили свою судьбу таким образом, что отделились бы от России». Посмотрите, к каким чудовищным выводам приводит эта чудовищная логика, даже с точки зрения программного требования восстановления Польши. Так как одним из возможных (но, при господстве буржуазии, безусловно не обеспеченных наверное) последствий демократической революции является восстановление Польши, поэтому польский пролетариат не должен бороться совместно с русским за низвержение царизма, а «лишь» за ослабление его путем отторжения Польши. Так как русский царизм заключает все более тесный союз с буржуазией и правительствами немецкими,

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org австрийскими и т.д., поэтому польский пролетариат должен ослаблять свой союз с русским, немецким и прочим пролетариатом, с которым он борется сейчас против одного и того же гнета. Это означает не что иное, как принесение в жертву самых насущных интересов пролетариата буржуазно-демократическому пониманию национальной независимости. Распадение России, к которому хочет стремиться ППС в отличие от нашей цели свержения самодержавия, остается и будет оставаться пустой фразой, пока экономическое развитие будет теснее сплачивать разные части одного политического целого, пока буржуазия всех стран будет соединяться все дружнее против общего врага ее, пролетариата, и за общего союзника ее: царя. А зато распадение сил пролетариата, страдающего сейчас под гнетом этого самодержавия, является печальной действительностью, является прямым результатом ошибки ППС, прямым результатом ее присклонения перед буржуазно-демократическими формулами. Чтобы закрыть глаза на это распределение пролетариата, ППС приходится опускаться до шовинизма, излагать, например, взгляды русских социал-демократов следующим образом: «мы (поляки) должны ждать социальной революции, а до того времени терпеливо сносить национальный гнет». Это прямая неправда. Не только не советовали никогда ничего подобного русские социал-демократы, а напротив, они сами борются и зовут весь русский пролетариат бороться против всякого национального гнета в России, они ставят в свою программу не только полную равноправность языка, национальности и проч., но и признание права за каждой нацией самой определить свою судьбу. Если, признавая это право, мы подчиняем нашу поддержку требований национальной независимости интересам пролетарской борьбы, то только шовинист может объяснить нашу позицию недоверием русского к инородцу, ибо на самом деле позиция эта обязательно должна вытекать из недоверия сознательного пролетария к буржуазии. ППС смотрит так, что национальный вопрос исчерпывается противоположением: «мы» (поляки) и «они» (немцы, русские и проч.). А социал-демократ выдвигает на первый план противоположение: «мы» – пролетарии и «они» – буржуазия. «Мы», пролетарии, видели десятки раз, как буржуазия предаёт интересы свободы, родины, языка и нации, когда встает перед ней революционный пролетариат.

>(В.И. Ленин. Национальный вопрос в нашей программе. – Соч., V, 342 – 343 // 7, 240 – 241.)
301

Совещание [ЦК РСДРП с парт. работ. 1913 г. Примеч. ред.] настойчиво призывает поэтому рабочих всех национальностей России к самому решительному отпору воинствующему национализму реакции, к борьбе со всеми и всяческими проявлениями националистического духа среди трудящихся масс и к самому тесному сплочению и слиянию с.-д. рабочих на местах в единые организации РСДРП, ведущие работу на каждом из языков местного пролетариата и осуществляющие на деле единство снизу, как это ведется издавна на Кавказе.

>(В.И. Ленин. Резолюция Совещания ЦК РСДРП с парт. работниками. – Соч., XVI, 234 – 235 // 22, 268.)
302

Чтобы разные нации свободно и мирно уживались вместе или расходились (когда это им удобнее), составляя разные государства, для этого необходим полный демократизм, отстаиваемый рабочим классом. Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка. Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству – вот принципы рабочей демократии.

Капиталисты и помещики во что бы то ни стало желают разъединить рабочих разных наций, а сами сильные мира сего великолепно уживаются вместе, как акционеры «доходных» миллионов «дел» вроде ленских приисков – и православные, и евреи, и русские, и немцы, и поляки, и украинцы, все, у кого есть капитал, дружно эксплуатируют рабочих всех наций.

Сознательные рабочие стоят за полное единство рабочих всех наций во всех и всяких просветительных, профессиональных, политических и т.д. рабочих организациях. Пусть господа кадеты позорят себя отрицанием или умалением равноправия украинцев. Пусть буржуазия всех наций тешится лживыми фразами о национальной культуре, о национальных задачах и т.д. и т.п.

Рабочие не дадут разделить себя никакими сладкими речами о национальной культуре или «национально-культурной автономии». Рабочие всех наций отстаивают дружно, вместе в общих организациях полную свободу и полное

Рабочие создают во всем мире свою интернациональную культуру, которую давно подготовляли проповедники свободы и враги угнетения. Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления, рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком.

>(В.И. Ленин. Рабочий класс и национальный вопрос. – Там же, 389 – 390 // 23, 150.)
303

Отстаивая последовательно демократический государственный строй, социал-демократия требует безусловно равноправия национальностей и борется с какими бы то ни было привилегиями в пользу одной или нескольких национальностей.

В частности, с[оциал-]д[емократ]ия отвергает «государственный» язык. В России таковой особенно излишен, ибо свыше семи десятых населения России принадлежат к родственным славянским племенам, которые при свободной школе в свободном государстве легко достигли бы, в силу требований экономического оборота, возможности столкнуться без всяких «государственных» привилегий одному из языков.

С[оциал-]д[емократ]ия требует издания общегосударственного закона, ограждающего права всякого национального меньшинства в какой бы то ни было местности государства. По этому закону всякое мероприятие, посредством которого национальное большинство пыталось бы создать для себя национальную привилегию или умалить права национального меньшинства (в области учебного дела, употребления того или иного языка, в делах бюджетных и т.д.), должно быть объявлено не имеющим силы, а проведение такого мероприятия запрещено под страхом наказания.

>(В.И. Ленин. Тезисы по национальному вопросу. – Там же, 509 // 23, 316 – 317.)
304

(а) С точки зрения социал-демократии недопустимо ни прямо, ни косвенно бросать лозунг национальной культуры. Этот лозунг неверен, ибо вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализирует ее. Интернациональная культура, уже теперь создаваемая систематически пролетариатом всех стран, воспринимает в себя не «национальную культуру» (какого бы то ни было национального коллектива) в целом, а берет из каждой национальной культуры исключительно ее последовательно демократические и социалистические элементы.

>(Там же, 510 // 23, 318.)
305

Национальная программа рабочей демократии: никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку; решение вопроса о политическом самоопределении наций, т.е. государственном отделении их, вполне свободным, демократическим путем; издание общегосударственного закона, в силу которого любое мероприятие (земское, городское, общинное и т.д. и т.п.), проводящее в чем бы то ни было привилегию одной из наций, нарушающее равноправие наций или права национального меньшинства, объявляется незаконным и недействительным – и любой гражданин государства в праве требовать отмены такого мероприятия, как противоконституционного, и уголовного наказания тех, кто стал бы проводить его в жизнь.

Национальной грызне различных буржуазных партий из-за вопросов о языке и т.д. рабочая демократия противопоставляет требование: безусловного единства и полного слияния рабочих всех национальностей во всех рабочих организациях, профессиональных, кооперативных, потребительных, просветительных и всяких иных, в противовес всяческому буржуазному национализму. Только такое единство и слияние может отстоять демократию, отстоять интересы рабочих против капитала, – который уже стал и все более становится интернациональным, – отстоять интересы развития человечества к новому укладу жизни, чуждому всяких привилегий и всякой эксплуатации.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
>(В.И. Ленин. Либералы и демократы в вопросе о языке. – Там же, 597 // 24, 118 – 119.)
306

Социал-демократы всегда стояли и стоят на точке зрения интернационализма. Оберегая от крепостников и от полицейского государства равноправие всех национальностей, мы стоим не за «национальную культуру», а за интернациональную культуру, в которую от каждой национальной культуры входит только часть, именно: лишь последовательно-демократическое и социалистическое содержание каждой национальной культуры.

>(В.И. Ленин. Проект платформы к IV съезду с.-д. Латышского края. – Соч., XVII, 66 // 23, 209.)
307

Вы за государственный язык в России. «Он необходим; он имел и будет иметь крупное прогрессивное значение». Решительно не согласен. Я писал об этом давно в «Правде» и пока не встретил опровержения. Ваш вывод совсем меня не убеждает, – напротив. Прогрессивное значение русский язык имел для тьмы мелких и отсталых наций – бесспорно.

Но неужели вы не видите, что он имел бы прогрессивное значение еще в большем размере, если бы не было принуждения?

Что же, разве «государственный язык» не означает палки, отбивающей от русского языка?? Как Вы не хотите понять той психологии, которая особенно важна в национальном вопросе и которая при малейшем принуждении поганит, пакостит, сводит на нет бесспорное прогрессивное значение централизации, больших государств, единого языка?? Но еще важнее экономика, чем психология; в России уже есть капиталистическая экономика, делающая русский язык необходимым. И вы не верите в силу экономики и хотите костылями полицейской швали подкрепить экономику?? Неужели Вы не видите, что этим вы уродуете экономику, тормозите ее?? Неужели отпадение паршивой полицейщины не удесятерит (утысячерит) вольные союзы охраны и распространения русского языка?? Нет, абсолютно не согласен с вами и обвиняю вас в koniglich preussischer Sozialismus!!

>(В.И. Ленин. Письмо С.Г. Шаумяну. – Там же, 89 // 48, 233 – 234.)
308

Не о том, чтобы разгородить нации так или иначе в школьном деле, должны мы заботиться, а наоборот – о том, чтобы создать основные демократические условия мирного сожительства наций на основе равноправия. Не «национальную культуру» должны поднимать мы на щит, а разоблачить клерикальный и буржуазный характер этого лозунга во имя интернациональной (международной) культуры всемирного рабочего движения.

Но возможно ли, спросят нас, обеспечить на основе равноправия интересы одного грузинского ребенка среди 48.076 школьников Петербурга? Мы ответим на это: создать особую грузинскую школу в Петербурге, на основах грузинской «национальной культуры» – невозможно, а проповедь такого плана есть несение вредных идей в народную массу.

Но мы не будем отстаивать ничего вредного и добиваться ничего невозможного, требуя для этого ребенка дарового казенного помещения для лекций грузинского языка, грузинской истории и т.д., перевода для него грузинских книг из центральной библиотеки, оплаты казной части расходов по вознаграждению грузинского учителя и т.п. При действительной демократии, при полном изгнании бюрократизма и «передоновщины» из школы, этого вполне может добиться население. А добиться этой действительной демократии нельзя иначе как при условии слияния рабочих всех национальностей.

Проповедовать особые национальные школы для каждой «национальной культуры» реакционно. Но при условии действительной демократии вполне можно обеспечить интересы преподавания на родном языке, родной истории и проч. без разделения школ по национальностям.

>(В.И. Ленин. Национальный состав учащихся в русской школе. – Там же, 114 – 115 // 24, 221.)
309

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
Да, интернациональная культура не безнациональна, любезный бундист. Никто этого не говорил. Никто «чистой» культуры ни польской, ни еврейской, ни русской и т.д. не провозглашал, так что ваш пустой набор слов есть лишь попытка отвлечь внимание читателя и заслонить суть дела звоном слов.

В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. Но в каждой нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная) – притом не в виде только «элементов», а в виде господствующей культуры. Поэтому «национальная культура» вообще есть культура помещиков, попов, буржуазии. Эту основную истину, азбучную для марксиста, бундист оставил в тени, «заговорил» своим набором слов, т.е. на деле против вскрытия и разъяснения классовой пропасти дал читателю затемнение ее. На деле бундист выступал как буржуа, весь интерес которого требует распространения веры в внеклассовую национальную культуру.

Ставя лозунг «интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения», мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации. Ни один демократ и ни один марксист не отрицает равноправия языков или необходимости на родном языке полемизировать с «родной» буржуазией, пропагандировать антиклерикальные или антибуржуазные идеи «родному» крестьянству и мещанству – об этом нечего говорить, этими бесспорными истинами бундист загораживает спорное, т.е. то, в чем действительно заключается вопрос.

>(В.И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу. – Там же, 137 // 24, 120 – 121.)
310

Вопрос об ассимиляторстве[65], т.е. об утрате национальных особенностей, о переходе в другую нацию, позволяет наглядно представить последствия националистических шатаний бундовцев и их единомышленников.

Г. Либман, верно передавая и повторяя обычные доводы, вернее, приемы бундовцев, назвал требование единства и слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых рабочих организациях (см. выше конец статьи из «Северной Правды») – «старой ассимиляторской сказкой».

«Следовательно, – говорит по поводу заключения статьи в „Северной Правде“ Г. Ф. Либман, – на вопрос, к какой национальности вы принадлежите? рабочий должен отвечать: я социал-демократ».

Это наш бундовец считает верхом остроумия. На самом деле он разоблачает себя окончательно такими остротами и криком об «ассимиляторстве», направленными против последовательно-демократического и марксистского лозунга.

Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т.д.

Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм. С обеими тенденциями считается национальная программа марксистов, отстаивая, во-первых, равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было привилегий в этом отношении (а также на право наций на самоопределение, о чем ниже особо), а, во-вторых, принцип интернационализма и непримиримой борьбы против заражения пролетариата буржуазным национализмом, хотя бы и самым утонченным.

Спрашивается, о чем же идет речь у нашего бундовца, когда он вопиет к небу против «ассимиляторства»? О насилиях против наций, о привилегиях одной из наций он не мог здесь говорить, ибо тут не подходит вообще слово «ассимиляторство»; – ибо все марксисты и порознь и как официальное единое

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
целое вполне определенно и недвусмысленно осудили самое малейшее национальное насилие, угнетение, неравноправие; – ибо, наконец, и в статье «Северной Правды», на которую обрушился бундовец, эта общемарксистская мысль выражена с безусловной решительностью.

Нет. Тут невозможны увертки. Г. Либман осуждал «ассимиляторство», понимая под этим не насилие, не неравноправие, не привилегии. Остается ли что-нибудь реальное в понятии ассимиляторства за вычетом всякого насилия и всякого неравноправия?

Безусловно, да. Остается та всемирно-историческая тенденция капитализма к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к ассимилированию наций, которая с каждым десятилетием проявляется все могущественнее, которая составляет один из величайших двигателей, превращающих капитализм в социализм.

Тот не марксист, тот даже не демократ, кто не признает и не отстаивает равноправия наций и языков, не борется со всяким национальным гнетом или неравноправием. Это несомненно. Но также несомненно, что тот якобы-марксист, который на чем свет стоит ругает марксиста иной нации за «ассимиляторство», на деле представляет из себя просто националистического мещанина. К этому малопочтенному разряду людей относятся все бундовцы и (как сейчас увидим) украинские национал-социалы вроде гг. Л. Юркевича, Донцова и К-о.

>(Там же, 139 – 140 // 24, 123 – 125.)
311

Есть две нации в каждой современной нации – скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, – но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т.д. Если большинство украинских рабочих находится под влиянием великорусской культуры, то мы знаем твердо, что наряду с идеями великорусской поповской и буржуазной культуры действуют тут и идеи великорусской демократии и социал-демократии. Борясь с первого рода «культурой», украинский марксист всегда выделит вторую культуру и скажет своим рабочим: «всякую возможность общения с великорусским сознательным рабочим, с его литературой, с его кругом идей обязательно всеми силами ловить, использовать, закреплять, этого требуют коренные интересы и украинского и великорусского рабочего движения».

Если украинский марксист даст себя увлечь вполне законной и естественной ненавистью к великороссам-угнетателям до того, что он перенесет хотя бы частичку этой ненависти, хотя бы только отчуждение, на пролетарскую культуру и пролетарское дело великорусских рабочих, то этот марксист скатится тем самым в болото буржуазного национализма. Точно также и великорусский марксист скатится в болото национализма, не только буржуазного, но и черносотенного, если он забудет хоть на минуту требование полного равноправия украинцев или их право на образование самостоятельного государства.

Великорусские и украинские рабочие должны вместе, и пока они живут в одном государстве, в самом тесном организационном единстве и слиянии отстаивать общую или интернациональную культуру пролетарского движения, относясь с абсолютной терпимостью к вопросу о языке пропаганды и об учете чисто-местных или чисто-национальных частных в этой пропаганде. Такого безусловного требования марксизма. Всякая проповедь отделения рабочих одной нации от другой, всякие нападки на марксистское «ассимиляторство», всякое противопоставление в вопросах, касающихся пролетариата, одной национальной культуры в целом другой якобы-целой национальной культуре и т.п. есть буржуазный национализм, с которым обязательно беспощадная борьба.

>(Там же, 143 – 144 // 24, 129 – 130.)
312

В Швейцарии три государственных языка, но законопроекты, при референдуме, печатаются на пяти языках, то есть кроме трех государственных на двух «романских» диалектах. На этих двух диалектах, по переписи 1900 года, говорит в Швейцарии 38.651 житель из 3.315.443, т.е. немного более одного

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org процента. В армии офицерам и унтер-офицерам «предоставляется самая широкая свобода обращаться к солдатам на их родном языке». В кантонах Граубюндене и Валлисе (в каждом немного более ста тысяч жителей) оба диалекта пользуются полным равноправием.

Спрашивается, надо ли нам проповедовать и отстаивать этот живой опыт передовой страны или заимствовать у австрийцев нигде еще в мире не испробованные (и самими австрийцами еще не принятые) выдумки вроде «экстерриториальной автономии»?

Проповедь этой выдумки есть проповедь разделения школьного дела по национальностям, т.е. прямо вредная проповедь. А опыт Швейцарии показывает, что на практике возможно и осуществлено обеспечение наибольшего (сравнительно) национального мира при последовательном (опять-таки сравнительно) демократизме всего государства.

>(Там же, 150 – 151 // 24, 139.)
313

Проповедь полного равноправия наций и языков выделяет в каждой нации одни только последовательно демократические элементы, т.е. только пролетариев, объединяя их не по национальности, а по стремлению к глубоким и серьезным улучшениям общего строя государства. Наоборот, проповедь «культурно-национальной автономии», несмотря на благие пожелания отдельных лиц и групп, разделяет нации и сближает на деле рабочих одной нации с ее буржуазией (принятие этой «культурно-национальной автономии» всеми буржуазными партиями еврейства).

>(Там же, стр. 151 // 24, 140.)
314

Либералы отличаются от реакционеров тем, что, по крайней мере, для начальной школы они признают право преподавания на родном языке. Но они совершенно сходятся с реакционерами насчет того, что обязательный государственный язык должен быть.

Что означает обязательный государственный язык? Это значит практически, что язык великороссов, составляющих меньшинство населения России, навязывается всему остальному населению России. В каждой школе преподавание государственного языка должно быть обязательно. Все официальные делопроизводства должны обязательно вестись на государственном языке, а не на языке местного населения.

Чем оправдывают необходимость обязательного государственного языка те партии, которые его защищают?

«Доводы» черносотенцев, конечно, коротки: всех инородцев необходимо держать в ежовых рукавицах и не позволять им «распускаться». Россия должна быть неделима, и все народы должны подчиняться великорусскому началу, так как великороссы будто бы были строителями и собирателями земли русской. Поэтому язык правящего класса должен быть обязательным государственным языком. Господа Пуришкевичи даже не прочь бы и вовсе запретить «собачьи наречия», на которых говорит до 60% невеликорусского населения России.

Позиция либералов – гораздо «культурнее» и «тоньше». Они за то, чтобы в известных пределах (например, низшая школа) был допущен родной язык. Но вместе с тем они отстаивают обязательность государственного языка. Это мол, необходимо в интересах «культуры», в интересах «единой» и «неделимой» России и т.д.

«Государственность есть утверждение культурного единства... В состав государственной культуры непременно входит государственный язык... В основе государственности лежит единство власти, и государственный язык – орудие этого единства. Государственный язык обладает такой же принудительной и общеобязательной силой, как все другие формы государственности. Если России суждено пребывать единой и нераздельной, то надо твердо отстаивать государственную целесообразность русского литературного языка». Вот – типическая философия либерала относительно необходимости государственного языка.

Приведенные слова заимствованы нами из статьи г. С. Патрашкина в
Страница 121

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org либеральной газете «День» (№ 7). За такие мысли, по вполне понятным причинам, черносотенное «Новое время» наградило жирным поцелуем автора их. Г-н Патрашкин высказывает здесь «вполне здравые мысли», заявила газета Меньшикова (№ 13588). За такие весьма «здравые» мысли черносотенцы постоянно хвалят и национал-либеральную «Русскую мысль». Да и как не хвалить, раз либералы при помощи «культурных» доводов пропагандируют то, что так нравится нововременцам.

Русский язык велик и могуч, говорят нам либералы. Так неужели же вы не хотите, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал этот великий и могучий язык? Неужели вы не видите, что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям и т.д.?

Все это верно, господа либералы, – отвечаем мы им. Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского – велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента принудительности. Мы не хотим загонять в рай дубиной. Ибо, сколько красивых фраз о «культуре» вы ни сказали бы, обязательный государственный язык сопряжен с принуждением, вколачиванием. Мы думаем, что великий и могучий русский язык не нуждается в том, чтобы кто бы то ни было должен был изучать его из-под палки. Мы убеждены, что развитие капитализма в России, вообще весь ход общественной жизни, ведет к сближению всех наций между собой. Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть. Те, кто по условиям своей жизни и работы нуждаются в знании русского языка, научатся ему и без палки. А принудительность (палка) приведет только к одному: она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное – обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т.д.

Кому это нужно? Русскому народу, русской демократии – этого не нужно. Он не признает никакого национального угнетения, хотя бы и «в интересах русской культуры и государственности».

Вот почему русские марксисты говорят, что необходимо: – отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках, и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни были привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства.

>(В.И. Ленин. Нужен ли обязательный государственный язык? – Там же, 179 // 24, 293 – 295.)
315

И Норвегия и Швеция принадлежат к числу несравненно более культурных стран, чем Россия, – между прочим, именно потому, что они сумели демократически применить формулу «политического самоопределения» наций. Разрыв насильственной связи означал усиление добровольной экономической связи, усиление культурной близости, усиление взаимоуважения между этим двумя столь близким по языку и прочее, народами. Общность, близость шведского и норвежского народов на деле выиграла от отделения, ибо отделение было разрывом насильственных связей.

Из этого примера, надеюсь, ясно, что Кокошкин и партия к.-д. стоят вполне на точке зрения министерства внутренних дел, когда пугают нас «распадом государства» и призывают к «осторожному обращению» с вполне ясной и во всей международной демократии бесспорной формулой «политического самоопределения» национальностей. Мы, социал-демократы, враги всякого национализма и сторонники демократического централизма. Мы противники партикуляризма, мы убеждены, что при прочих равных условиях крупные государства гораздо успешнее, чем мелкие, могут решить задачи экономического прогресса и задачи борьбы пролетариата с буржуазией. Но мы ценим связь только добровольную, а никогда не насильственную. Везде, где мы видим насильственные связи между нациями, мы, нисколько не проповедуя

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
непременно отделения каждой нации, отстаиваем безусловно и решительно право каждой нации политически самоопределиться, т.е. отделиться.

Отстаивать, проповедовать, признавать такое право значит отстаивать равноправие наций, значит не признавать насильственных связей, значит бороться против всяких государственных привилегий какой бы то ни было нации, значит и воспитывать в рабочих разных наций полную классовую солидарность.

Классовая солидарность рабочих разных наций выигрывает от замены насильственных, феодальных, военных связей добровольными связями.

Мы выше всего ценим равноправие наций в народной свободе и для социализма.. [следующий листок рукописи утерян. Ред.]

и отстаивания привилегий великороссов. А мы говорим: никаких привилегий ни одной нации, полное равноправие наций и сплочение, слияние рабочих всех наций.

Восемнадцать лет тому назад, в 1896 году, Лондонский международный конгресс рабочих и социалистических организаций принял решение по национальному вопросу, которое одно только указывает правильные пути и для стремлений в пользу действительной «народной свободы» и для социализма. Это решение гласит:

«Конгресс объявляет, что он выступает за полное право самоопределения всех наций и сочувствует рабочим всякой страны, страдающей в настоящее время под гнетом военного, национального или иного деспотизма. Конгресс призывает рабочих всех этих стран вступать в ряды сознательных рабочих всего мира, чтобы вместе с ними бороться за преодоление международного капитализма и за осуществление целей международной социал-демократии».

К единству рядов рабочих всех наций России зовем и мы, ибо только такое единство способно дать гарантии равноправия наций, свободы народа и интересов социализма.

Пятый год объединил рабочих всех наций России. Реакция старается разжечь национальную вражду. Либеральная буржуазия всех наций, а великорусская прежде всего и больше всего, борется за привилегии своей нации (пример: польское коло против равноправия евреев в Польше), борется за национальное обособление, за национальную исключительность и тем помогает политике нашего министерства внутренних дел.

А истинная демократия, с рабочим классом во главе, поднимает знамя полного равноправия наций и слияния рабочих всех наций в их классовой борьбе. С этой точки зрения мы отвергаем так наз. «культурно-национальную» автономию, т.е. разделение по национальностям школьного дела в одном государстве или изъятие школьного дела из ведения государства с передачей его отдельно организованному национальному союзам. Демократическое государство должно признавать автономию разных областей, особенно областей и округов с разным национальным составом населения. Такая автономия нисколько не противоречит демократическому централизму; напротив, лишь посредством автономии областей в большом пестром по национальному составу государстве можно осуществить действительно демократический централизм. Демократическое государство безусловно должно признать полную свободу разных языков и отвергнуть всякие привилегии одного из языков. Демократическое государство не допустит подавления, майоризирования ни единой национальности другою ни в одной области, ни в одной отрасли общественных дел.

Но отнимать школьное дело из рук государства и делить его по нациям, отдельно организованным в национальные союзы, – это вредная мера и с точки зрения демократии, и еще более с точки зрения пролетариата. Это повело бы лишь к упрочению обособленности наций, а мы должны стремиться к сближению их. Это повело бы к росту шовинизма, а мы должны идти к теснейшему союзу рабочих всех наций, к совместной борьбе их против всякого шовинизма, против всякой национальной исключительности, против всякого национализма. Школьная политика у рабочих всех наций едина: свобода родного языка, демократическая и светская школа.

>(В.И. Ленин. К вопросу о национальной политике. – Там же, 327 – 329 // 25, 69 – 72.)
316

Признание равноправия наций и языков дорого для марксистов не только потому, что они самые последовательные демократы. Интересы пролетарской солидарности, товарищеского единства классовой борьбы рабочих требуют самого полного равноправия наций для устранения самомалейшего национального недоверия, отчуждения, подозрительности, вражды. А полное равноправие включает и отрицание всяких привилегий за одним из языков, включает признание права на самоопределение всех наций.

Но для буржуазии требование равноправия наций очень часто равносильно на деле проповеди национальной исключительности и шовинизма, очень часто совместимо с проповедью разделения и отчуждения наций. С этим безусловно не мирится пролетарский интернационализм, проповедующий не только сближение наций, но слияние рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях. Поэтому марксисты решительно осуждают так называемую «культурно-национальную автономию», т.е. изъятие школьного дела из ведения государства и передачу в руки отдельных национальностей. Этот план есть разделение школьного дела по национальностям данного государственного союза в вопросах «национальной культуры» на национальные союзы со своими особыми сеймами, школьными финансами, школьными советами, школьными учреждениями.

Это – план утонченного национализма, развращающий и разделяющий рабочий класс. Этому плану (бундовцев, ликвидаторов, народников, т.е. различных мелкобуржуазных групп) марксисты противопоставляют принцип: самое полное равноправие наций и языков вплоть до отрицания надобности в государственном языке, но вместе с этим отстаивание наибольшего сближения наций, единства государственных учреждений для всех наций, единства школьных советов, единства школьной политики (светская школа), единства рабочих разных наций в борьбе с национализмом всякой национальной буржуазии, национализмом, который для обмана простачков преподносят в виде лозунга «национальной культуры».

Пусть мещанские националисты, бундовцы, ликвидаторы, народники, писатели «Дзвіна», защищают открыто свои принципы утонченного буржуазного национализма, это их право. Но пусть не обманывают рабочих, как это делает, например, г-жа В.О. в № 35 «Сев. Р. Газ.», пытаясь уверить читателей, будто газета «За Правду» отрицает преподавание на родном языке!!!!

Это – грубая клевета, ибо правдисты не только признают это право, но последовательнее всех признают его. Правдисты, первые в России примкнув к совещанию марксистов, провозгласившему отсутствие обязательного государственного языка, признали полностью права родного языка!

Смешивать обучение на родном языке с «разделением по национальностям школьного дела в пределах одного государства», с «культурно-национальной автономией», с «изъятием школьного дела из ведения государства» есть самое вопиющее невежество.

Нигде в мире марксисты (и даже демократы) не отрицают обучение на родном языке. И нигде в мире не принята марксистами программа «культурно-национальной автономии», в одной Австрии она была выдвинута.

Пример Финляндии, приведенный г-жей В.О., побивает ее самое, ибо в этой стране признано и проведено равноправие наций и языков (что мы безусловно и последовательнее всех признаем), но нет и речи об изъятии школьного дела из ведения государства, об особых национальных союзах для заведывания всем школьным делом, о разгораживании всего государственного школьного дела национальными перегородками и т.п.

>(В.И. Ленин. Развращение рабочих утонченным национализмом. – Там же, 360 – 362 // 25, 145 – 147.)
317

Своеобразные условия России в отношении национального вопроса как-раз противоположны тому, что мы видели в Австрии. Россия – государство с единым национальным центром, великорусским. Великоруссы занимают гигантскую сплошную территорию, достигая по численности приблизительно 70 миллионов человек. Особенность этого национального государства, во-1-х, та, что «инородцы» (составляющие в целом большинство населения – 57%) населяют как раз окраины; во-2-х, та, что угнетение этих инородцев гораздо сильнее, чем

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org в соседних государствах (и даже не только в европейских); в-3-х, та, что в целом ряде случаев живущие по окраинам угнетенные народности имеют своих сородичей по ту сторону границы, пользующихся большей национальной независимостью (достаточно вспомнить хотя бы по западной и южной границе государства – финнов, шведов, поляков, украинцев, румын); в-4-х, та, что развитие капитализма и общий уровень культуры нередко выше в «инородческих» окраинах, чем в центре государства. Наконец, именно в соседних азиатских государствах мы видим начавшуюся полосу буржуазных революций и национальных движений, захватывающих частью родственные народности в пределах России.

Таким образом, именно исторические конкретные особенности национального вопроса в России придают у нас особую насущность признанию права наций на самоопределение в переживаемую эпоху.

>(В.И. Ленин. О праве наций на самоопределение. – Там же, 437 // 25, 271.)
318

Норвегию сближают с Швецией связи географические, экономические и языковые не менее тесные, чем связи многих невеликорусских славянских наций с великоруссами. Но союз Норвегии с Швецией был недобровольный, так что о «федерации» Роза Люксембург говорит совсем зря, просто потому, что она не знает, что сказать. Норвегию отдали Швеции монархи во время наполеоновских войн, вопреки воле норвежцев, и шведы должны были вести войска в Норвегию, чтобы подчинить ее себе.

После этого в течение долгих десятилетий, несмотря на чрезвычайно широкую автономию, которой пользовалась Норвегия (свой сейм и т.д.), трения между Норвегией и Швецией существовали непрерывно, и норвежцы всеми силами стремились сбросить с себя иго шведской аристократии. В августе 1905 года они, наконец, и сбросили его: норвежский сейм постановил, что король шведский перестал быть королем норвежским, а произведенный затем референдум, опрос норвежского народа, дал подавляющее большинство голосов (около 200 тысяч против нескольких сот) за полное отделение от Швеции. Шведы, после некоторых колебаний, примирились с фактом отделения.

Этот пример показывает нам, на какой почве возможны и бывают случаи отделения наций при современных экономических и политических отношениях и какую форму принимает иногда отделение в обстановке политической свободы и демократизма.

Ни один социал-демократ, если он не решится объявить безразличными для себя вопросы политической свободы и демократизма (а в таком случае, разумеется, он перестал бы быть социал-демократом), не сможет отрицать, что этот пример фактически доказывает обязательность для сознательных рабочих систематической пропаганды и подготовки того, чтобы возможные столкновения из-за отделения наций решались только так, как они разрешены были в 1905 г. между Норвегией и Швецией, а не «по-русски». Это именно и выражается программным требованием признания права наций на самоопределение. И Розе Люксембург пришлось отговариваться от неприятного для ее теории факта посредством грозных нападок на мещанство норвежских мещан и на краковский «Напшуд», ибо она прекрасно понимала, до какой степени бесповоротно опровергает этот исторический факт ее фразы, будто право самоопределения наций есть «утопия», будто оно равняется праву «есть на золотых тарелках» и т.п. Такие фразы выражают лишь убого-самодовольную, оппортунистическую веру в неизменность данного соотношения сил между национальностями Восточной Европы.

>(Там же, 452 – 453 // 25, 290 – 292.)
319

Поучительным примером может служить постановка национального вопроса в конце 60-х годов прошлого века. мелкобуржуазные демократы, чуждые всякой мысли о классовой борьбе и о социалистической революции рисовали себе утопию мирной конкуренции свободных и равноправных наций при капитализме. Прудонисты вовсе «отрицали» национальный вопрос и право наций на самоопределение, с точки зрения непосредственных задач социальной революции. Маркс высмеивал французский прудонизм, показывал его родство с французским шовинизмом («вся Европа может и должна сидеть тихо и смиренно на своей задней, пока господа во Франции отменят нищету...», «под отрицанием национальностей они, сами того не сознавая, понимают, кажется, их поглощение образцовой французской нацией»). Маркс требовал отделения

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org Ирландии от Англии, – «хотя бы после отделения дело и пришло к федерации» – и требовал его не с точки зрения мелкобуржуазной утопии мирного капитализма, не из «справедливости к Ирландии», а с точки зрения интересов революционной борьбы пролетариата угнетающей, т.е. английской, нации против капитализма. Свободу этой нации связывало и уродовало то, что она угнетала другую нацию. Интернационализм английского пролетариата оставался бы лицемерной фразой, если бы он не требовал отделения Ирландии. Не будучи никогда сторонником ни мелких государств, ни государственного дробления вообще, ни принципа федерации, Маркс рассматривал отделение угнетенной нации, как шаг к федерации и, следовательно, не к дроблению, а к концентрации и политической и экономической, к концентрации на базе демократизма. С точки зрения тов. Парабеллума, Маркс вел, вероятно, «иллюзорную борьбу», когда выставлял это требование отделения Ирландии. А на деле только такое требование было последовательно революционной программой, только оно отвечало интернационализму, только оно отстаивало концентрацию не по-империалистически.

>(В.И. Ленин. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. – Соч., XVIII, 325 – 326 // 27, 64.)
320

Право на самоопределение наций означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации. Конкретно, это требование политической демократии означает полную свободу агитации за отделение и решение вопроса об отделении референдумом отделяющейся нации. Таким образом это требование вовсе не равносильно требованию отделения, дробления, образования мелких государств. Оно означает лишь последовательное выражение борьбы против всякого национального гнета. Чем ближе демократический строй государства к полной свободе отделения, тем реже и слабее будут на практике стремления к отделению, ибо выгоды крупных государств и с точки зрения экономического прогресса и с точки зрения интересов массы несомненны, при чем они все возрастают с ростом капитализма. Признание самоопределения не равносильно признанию федерации, как принципа. Можно быть решительным противником этого принципа и сторонником демократического централизма, но предпочитать федерацию национальному неравноправию, как единственный путь к полному демократическому централизму. Именно с этой точки зрения Маркс будучи централистом предпочитал даже федерацию Ирландии с Англией насильственному подчинению Ирландии англичанам.

Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их. И именно для того чтобы достигнуть этой цели, мы должны, с одной стороны, разъяснять массам реакционность идей Реннера и О. Бауэра о так называемой «культурно-национальной автономии», а с другой стороны требовать освобождения угнетенных наций не в общих расплывчатых формах, не в бессодержательных декламациях, не в форме «откладывания» вопроса до социализма, а в явно и точно формулированной политической программе, специально учитывающей лицемерие и трусость социалистов в угнетающих нациях. Подобно тому, как человечество может прийти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т.е. их свободы отделения.

>(В.И. Ленин. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. – Соч., XIX, 39 – 40 // 27, 255 – 256.)
321

Ваши недоумения насчет «двойного» воспитания мне неясны. Я же конкретно поставил пример (Норвегия) и в «Просвещении» [66] и в статье против Киевского [67].

Вы не отвечаете на это!! Вы берете совсем неясный пример о Польше.

Это не двойное воспитание, а приведение разных вещей к одному знаменателю, ведение к одной Москве из Нижнего и из Смоленска.

Шведский социал-демократ, не стоящий за свободу отделения Норвегии, есть негодяй. Этого вы не оспариваете. Норвежский может быть и за отделение и против. Обязательно ли единство по такому вопросу для всех

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org социал-демократов всех стран? Нет, это будет шаблон, смешной шаблон, смешная претензия.

Польских социал-демократов (я писал это в «Просвещении»[68]) мы никогда не обвиняли за то, что они против независимости Польши.

Вместо простой ясной, теоретической бесспорной аргументации: нельзя быть теперь за такое демократическое требование (независимая Польша), которое на практике подчиняет нас вполне одной из империалистических держав или коалиции

(это бесспорно, этого довольно; это необходимо и достаточно) – вместо этого они договорились до абсурда: «неосуществимо».

Мы высмеяли это в 1903 г. и в апреле 1916 года.

Добрые польские социал-демократы почти, почти доказали неосуществимость создания нового государства польского, только... только империалист Гинденбург помешал: взял да и осуществил.

До какого смешного доктринерства доходят люди, желающие (с краковской точки зрения) углубить (или углупить?) «экономическое» !!

Дописались P.S.D.[69] до отрицания «Staatenbau»!! А вся демократия не есть «Staatenbau»? А независимость Голландской Индии, требуемая Гортером, не есть Staatenbau?

Мы за свободу отделения Голландской Индии. А социал-демократ Голландской Индии обязан ли быть за отделение? Вот вам еще пример якобы-«двойного» воспитания.

>(В.И. Ленин. Письмо Н.Д. Кикнадзе. – Там же, 237 – 238 // 49, 320 – 321.)
322

Если мы требуем от своих правительств, чтобы оно убралось вон из колоний – т.е. выражаясь не агитационным выкриком, а точным политическим выражением – чтобы оно предоставило колониям полную свободу отделения, действительное право на самоопределение, – если мы сами обязательно осуществим это право, предоставим эту свободу, как только завоем власть, то мы требуем этого от теперешнего правительства, и мы сделаем это, когда сами будем правительством, вовсе не для «рекомендации» отделения, а наоборот для облегчения и ускорения демократического сближения и слияния наций. Мы все усилием приложим, чтобы с монголами, персами, индейцами, египтянами сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и своим интересом сделать это, ибо иначе социализм в Европе будет непрочен. Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь», по прекрасному выражению польских социал-демократов, т.е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму.

Если мы требуем свободы отделения для монголов, персов, египтян и всех без исключения угнетенных и неполноправных наций, то вовсе не потому, что мы за отделение их, а только потому, что мы за свободное добровольное сближение и слияние, а не за насильственное. Только поэтому!

И в этом отношении единственную разницу между монгольским или египетским мужиком и рабочим и польским или финляндским мы видим в том, что последние – высоко развитые люди, более опытные политически, чем великороссы, более экономически подготовленные и пр., и поэтому они наверно очень скоро убедят свои народы, законно ненавидящие теперь великороссов за роль палача, которую они играют, что неразумно распространять эту ненависть на социалистических рабочих и на социалистическую Россию, что экономический расчет, равно как инстинкт и сознание интернационализма и демократизма требует скорейшего сближения и слияния всех наций в социалистическом обществе. Так как поляки и финляндцы высоко культурные люди, то они, по всей вероятности, очень скоро убедятся в правильности этого рассуждения, и отделение Польши и Финляндии после победы социализма может произойти лишь очень ненадолго. Неизмеримо менее культурные феллахи, монголы, персы, могут отделиться на более долгое время, но мы его постараемся сократить, как уже сказано, бескорыстной культурной помощью.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
Никакой другой разницы в нашем отношении к полякам и к монголам нет и быть не может. Никакого «противоречия» между пропагандой свободы отделения наций и твердой решимостью осуществить эту свободу, когда мы будем правительством, – и между пропагандой сближения и слияния наций, нет и быть не может.

>(В.И. Ленин. О карикатуре на марксизм. – Там же, 227 – 228 // 30, 120 – 121.)
323

Ни один демократ не может также отрицать права Украины на свободное отделение от России: именно безоговорочное признание этого права одно лишь и дает возможность агитировать за вольный союз украинцев и великороссов, за добровольное соединение в одно государство двух народов. Именно безоговорочное признание этого права одно лишь в состоянии разорвать и на деле, бесповоротно, до конца, с проклятым царистским прошлым, которое все сделало для взаимоотчуждения народов, столь близких и по языку, и по месту жительства, и по истории. Проклятый царизм превращал великороссов в палачей украинского народа, всячески вскармливал в нем ненависть к тем, кто запрещал даже украинским детям говорить и учиться на родном языке.

>(В.И. Ленин. Украина. – Соч., XX, 534 // 32, 341 – 342.)
324

В национальном вопросе политика завоевавшего государственную власть пролетариата, в отличие от буржуазно-демократического формального провозглашения равенства наций, неосуществимого при империализме, состоит в неуклонном фактическом проведении в жизнь сближения и слияния рабочих и крестьян всех наций в их революционной борьбе за свержение буржуазии. Осуществление этой цели требует полного освобождения колониальных и других находившихся в угнетенном или неполноправном положении наций с предоставлением им свободы отделения, как гарантий того, чтобы унаследованное от капитализма недоверие трудящихся масс разных наций и озлобление рабочих угнетенных наций против рабочих угнетательских наций было полностью рассеяно и сменилось сознательным и добровольным союзом. Со стороны рабочих тех наций, которые были при капитализме угнетателями, требуется особая осторожность в отношении к национальному чувству наций угнетенных (например, со стороны великороссов, украинцев, поляков по отношению к евреям, со стороны татар – к башкирам и т.п.), содействие не только фактическому равноправию, но и развитию языка, литературы трудящихся масс угнетавшихся ранее наций для устранения всех следов унаследованного от эпохи капитализма недоверия и отчуждения.

>(В.И. Ленин. Проект программы РКП(б). – Соч., XXIV, 69 // 38, 111.)
325

То же самое я должен сказать по отношению к национальному вопросу. И здесь тов. Бухарин принимает желаемое за действительность. Он говорит, что признавать право наций на самоопределение нельзя. Нация – значит: буржуазия вместе с пролетариатом. Мы, пролетарии, будем признавать право на самоопределение какой-то презренной буржуазии! Это ни с чем не сообразно! Нет, извините, это сообразно с тем, что есть. Если вы это выкинете, у вас получится фантазия. Вы ссылаетесь на процесс дифференциации, происходящей в недрах нации, на процесс отделения пролетариата от буржуазии. Но посмотрим еще, как пойдет эта дифференциация.

Возьмите, например, Германию, образец передовой капиталистической страны, которая в смысле организованности капитализма, финансового капитализма была выше Америки. Она была ниже во многих отношениях, в отношении техники и производства, в политическом отношении, но в отношении организованности финансового капитализма, в отношении превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм – Германия была выше Америки. Казалось бы это – образец. А что происходит там? Дифференцировался ли германский пролетариат от буржуазии? Нет! Ведь только о нескольких крупных городах сообщалось, что большинство рабочих в них против шейдемановцев. Но как это произошло? Путем союза спартаковцев с немецкими трижды проклятыми меньшевиками-независимцами, которые путают все и хотят поженить систему советов с учредилкой! Ведь вот, что происходит в этой самой Германии! А ведь это – передовая страна.

Тов. Бухарин говорит: «Зачем нам право наций на самоопределение?» Я должен

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
повторить то, что возражал ему, когда он в 1917 г. летом предлагал откинуть программу-минимум и оставить только программу-максимум. Я тогда ответил: «Не хвались, едучи на рать, а хвались едучи с рати». Когда мы завоеваем власть, да немного подождем, тогда мы это сделаем. Мы власть завоевали, немножечко подождали, теперь я согласен это сделать. Мы вошли целиком в социалистическое строительство, отбились от первого натиска, который грозил нам, – теперь это будет уместно. То же самое относится и к праву наций на самоопределение. Я хочу признавать только право трудящихся классов на самоопределение, – говорит тов. Бухарин. Вы, значит, хотите признать то, чего в действительности не достигли ни в одной стране, кроме России. Это смешно.

Посмотрите на Финляндию: страна демократическая, более развитая, более культурная чем мы. В ней идет процесс выделения, дифференциации пролетариата, идет своеобразно, гораздо более мучительно, чем у нас. Финны испытали диктатуру Германии, теперь испытывают диктатуру Антанты, и благодаря тому, что мы признали право наций на самоопределение, процесс дифференциации там был облегчен. Я очень хорошо помню сцену, когда мне пришлось в Смольном давать грамоту Свинхувуду, – что значит в переводе на русский язык «свиноголовой»: представителю финляндской буржуазии, который сыграл роль палача. Он мне любезно жал руку, мы говорили комплименты. Как это было нехорошо! Но это надо было сделать, потому что тогда эта буржуазия обманывала народ, обманывала трудящиеся массы тем, что москали, шовинисты, великороссы хотят задушить финнов. Надо было это сделать.

А вчера разве не пришлось то же сделать по отношению к Башкирской республике? Когда тов. Бухарин говорил: «Можно кой для кого это право признать», так я даже записал, что у него в этот список попали готтентоты, бушмены, индусы. Слушая это перечисление, я думал: каким образом тов. Бухарин забыл одну маленькую мелочь, забыл башкир? Бушменов в России не имеет, насчет готтентотов я тоже не слыхал, чтобы они претендовали на автономную республику, но ведь у нас есть башкиры, киргизы, целый ряд других народов, и по отношению к ним мы не можем отказать в признании. Мы не можем отказывать в этом ни одному из народов, живущих в пределах бывшей Российской империи. Допустим даже, что башкиры свергли бы эксплуататоров, и мы помогли бы им это сделать. Но ведь это возможно только там, где переворот вполне назрел. И сделать это надо осторожно, чтобы своим вмешательством не задержать тот самый процесс дифференциации пролетариата, который мы должны ускорить. Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, сарты, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл? У нас в России население, после долгого опыта с попами, помогло нам их скинуть. Но вы знаете, как плохо еще прошел в жизнь декрет о гражданском браке. Можем ли мы подойти к этим сартам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров»? Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дожидаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно.

Тов. Бухарин не хочет ждать. Им овладевает нетерпение: «С какой стати? Когда мы сами свергли буржуазию, провозгласили Советскую власть и диктатуру пролетариата, с какой стати нам поступать так?». Это действует как бодрящий призыв, содержит указание нашего пути, но если мы будем только это провозглашать в программе, то получится не программа, а прокламация. Мы можем провозгласить Советскую власть и диктатуру пролетариата и полное презрение к буржуазии, которого она стоит в тысячу раз, но в программе надо писать с абсолютной точностью то, что есть. Тогда наша программа – непререкаема.

Мы стоим на строго классовой точке зрения. То что мы пишем в программе, есть признание того, что случилось на деле, после эпохи, когда мы писали о самоопределении наций вообще. Тогда не было еще пролетарских республик. Когда они явились и только в той мере, в какой они явились, мы смогли написать то, что мы тут написали: «Федеративное объединение государств организованных по советскому типу». Советский тип еще не советы, как они существуют в России, но советский тип становится международным. Только это мы можем сказать. Идти дальше, на шаг дальше, на волосок дальше – будет уже неверно, и поэтому для программы не годится.

Мы говорим: надо считаться с тем, на какой ступени стоит данная нация по пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии – к демократии пролетарской. Это абсолютно правильно. Все нации имеют право на самоопределение, о готтентотах и бушменах специально говорить не стоит.

Гигантское большинство, наверно девять десятых всего населения земли, может быть 95% подходит под эту характеристику, ибо все страны – на пути от средневековья к буржуазной демократии, или от буржуазной к пролетарской демократии. Это – путь совершенно неизбежный. Больше сказать нельзя, потому что это будет неправильно, потому что это не будет то, что есть. Откинуть самоопределение наций и поставить самоопределение трудящихся совершенно неправильно, потому что такая постановка не считается с тем, с какими трудностями, каким извилистым путем идет дифференциация внутри наций. В Германии она идет иначе, чем у нас: в некоторых отношениях скорее, а в некоторых более медленным и кровавым путем. У нас такой чудовищной идеи, как сочетание Советов и учредилки, ни одной партией принято не было. Ведь мы должны жить рядом с этими нациями. Сейчас уже говорят о нас шейдемановцы, что мы хотим завоевать Германию. Это, конечно, смехотворно, вздор. Но буржуазия имеет свои интересы, свою прессу, которая в сотнях миллионов экземпляров на весь свет кричит об этом, и Вильсон в своих интересах это поддерживает. У большевиков, дескать, большая армия и они хотят путем завоевания насадить свой большевизм в Германии. Лучшие люди Германии – спартаковцы – указали нам, что немецких рабочих натравливают против коммунистов: смотрите, мол, как плохо у большевиков. А чтобы у нас было очень хорошо, мы сказать не можем. И вот на массы там действуют тем доводом, что пролетарская революция в Германии означает такие же беспорядки, как в России. Наши беспорядки – наша затяжная болезнь. Мы боремся с отчаянными трудностями, создавая пролетарскую диктатуру у себя. Пока буржуазия или мелкая буржуазия или хотя бы часть немецких рабочих находится под действием этого пугала: «Большевики хотят насильственно установить свой строй», – до тех пор формула «самоопределение трудящихся» не облегчит положения. Мы должны поставить дело так, чтобы немецкие социал-предатели не могли говорить, что большевики навязывают свою универсальную систему, которую будто бы можно на красноармейских штыках внести в Берлин. А с точки зрения отрицания принципа самоопределения наций так и может выйти.

Наша программа не должна говорить о самоопределении трудящихся, потому что это неверно. Она должна говорить то, что есть. Раз нации стоят на разных ступенях пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии к пролетарской, то это положение нашей программы абсолютно верно. На этом пути у нас было весьма много зигзагов. Каждая нация должна получить право на самоопределение, и это способствует самоопределению трудящихся. В Финляндии процесс отделения пролетариата от буржуазии идет замечательно ярко, сильно, глубоко. Там все будет идти не так как у нас. Если мы скажем, что не признаем никакой финляндской нации, а только трудящиеся массы – это будет пустяковиннейшей вещью. Не признавать того, что есть – нельзя: оно само заставит себя признать. В различных странах размежевание пролетариата и буржуазии идет своеобразными путями. На этом пути мы должны действовать осторожнейшим образом. Особенно нужно быть осторожным по отношению к различным нациям, ибо нет вещи хуже чем недоверие к нации. У поляков идет самоопределение пролетариата. Вот последние цифры относительного состава Варшавского Совета Рабочих Депутатов: от польских социал-предателей – 333, от коммунистов – 297. Это показывает, что недалек уже октябрь. Это не то август, не то сентябрь 1917 года. Но, во-первых, не издан еще такой декрет, чтобы все страны должны были жить по большевистскому революционному календарю, а если бы и был издан, то не исполнялся бы. А, во-вторых, дело обстоит сейчас таким образом, что большинство польских рабочих, более передовых, чем наши, более культурных, стоит на точке зрения социал-оборончества, социал-патриотизма. Нужно выждать. Тут нельзя говорить о самоопределении трудящихся масс. Мы должны пропагандировать эту дифференциацию. Это ясно. Польское пролетарское движение идет по тому же пути, что и наше, идет к диктатуре пролетариата, но не так, как в России. И рабочих там запугивают тем, что москали, великороссы, которые всегда поляков давили, хотят внести в Польшу свой великорусский шовинизм, прикрытый названием коммунизма. Не путем насилия внедряется коммунизм. Один из лучших товарищей ответил мне: «Нет, мы сделаем то же самое, но сделаем лучше, чем вы». Против такого довода я решительно ничего не мог возразить. Надо предоставить возможность исполнить скромное желание – сделать Советскую власть лучше, чем у нас. Нельзя не считаться с тем, что там путь идет несколько своеобразно, и нельзя сказать: «Долой право наций на самоопределение! Мы предоставляем право самоопределения только трудящимся массам». Это самоопределение идет очень сложным и трудным путем. Его нет нигде, кроме России, и надо, предусматривая все стадии развития в других странах, ничего не декретировать из Москвы. Вот почему это предложение принципиально

>(В.И. Ленин. доклад на VIII съезде РКП(б) о партийной программе. – Там же, 135 – 139 // 38, 156 – 162.)
326

чтобы быть интернациональной, ей мало еще провозгласить всемирную Советскую республику или отмену наций, как провозгласил тов. Пятаков: наций никаких не нужно, а нужно объединение всех пролетариев, конечно, это великолепная вещь, и это будет, только совсем на иной стадии коммунистического развития. Тов. Пятаков с видимым превосходством говорит: «Вы были отстали в 1917 году и вы – подвинулись теперь». Мы подвинулись тогда, когда вставили в программу то, что стало соответствовать действительности. Когда мы сказали, что нации движутся от буржуазной демократии, мы сказали то, что есть, а в 1917 году это было то, что Вам желательно.

Когда у нас со спартаковцами будет то полное товарищеское доверие, которое нужно для единого коммунизма, то товарищеское доверие, которое с каждым днем рождается и может быть через несколько месяцев создается, тогда оно будет запечатлено в программе. Но пока этого еще нет, провозглашать это – значит притягивать их к тому, до чего они своим опытом еще не дошли. Мы говорим, что Советский тип получил интернациональное значение. Тов. Бухарин указывал на английские комитеты фабричных старост. Это не совсем то, что Советы. Они растут, но они еще в утробе. Когда они выйдут на свет божий, тогда мы «будем посмотреть». А сказать, что мы русские Советы даруем английским рабочим, это не выдерживает ни тени критики.

Далее мне следует остановиться на вопросе о самоопределении наций. Этот вопрос получил в нашей критике раздутое значение. Тут сказались слабость нашей критики в том, что такой вопрос, в сущности играющий в общем строительстве программы, в общей сумме программных требований менее чем второстепенное значение, – что этот вопрос получил в нашей критике значение специальное.

Когда тов. Пятаков говорил, я диву дался, что это: рассуждение о программе или спор двух организационных бюро. Когда тов. Пятаков говорил, что украинские коммунисты действуют согласно директив ЦК РКП(б), я не понял, в каком тоне он говорил. В тоне сожаления? В этом я тов. Пятакова не подозреваю, но смысл его речи был таков: к чему все эти самоопределения, когда есть прекрасный Центральный Комитет в Москве! Это – точка зрения детская. Украина отделена была от России исключительными условиями, и национальное движение не пустило там корни глубоко. Насколько оно проявилось, немцы вышибли его. Это факт, но факт исключительный. Там даже с языком дело так обстоит, что неизвестно стало: массовый ли украинский язык или нет? Трудящиеся массы других наций были полны недоверия к великороссам, как к нации кулацкой и давящей. Это факт. Мне рассказывал финский представитель, что среди финляндской буржуазии, которая ненавидела великороссов, раздаются голоса: «Немцы оказались большим зверем, Антанта – большим зверем, давайте лучше большевиков». Вот громаднейшая победа, которую мы в национальном вопросе одержали над финской буржуазией. Это нисколько не помешает нам бороться с ней, как с классовым противником, выбирая для этого подходящие средства. Советская республика, образовавшаяся в той стране, царизм которой угнетал Финляндию, должна сказать, что она уважает право независимости наций. С красным финским правительством, которое существовало короткое время, мы заключили договор, пошли на известные территориальные уступки, из-за которых я слышал не мало возражений чисто-шовинистических: «Там, дескать, хорошие рыбные промыслы, а вы их отдали». Это – такие возражения, по поводу которых я говорил: поскрести инога коммуниста и найдешь великорусского шовиниста.

Мне кажется, что этот пример относительно Финляндии, как и относительно Башкир, показывает, что в национальном вопросе нельзя рассуждать так, что нужно во что бы то ни стало хозяйственное единство. Конечно, нужно. Но мы должны добиваться его пропагандой, агитацией, добровольным союзом. Башкиры имеют недоверие к великороссам, потому что великороссы более культурны и использовали свою культурность, чтобы башкир грабить. Поэтому в этих глухих местах имя великоросса для башкир значит «угнетатель», «мошенник». Надо с этим считаться, надо с этим бороться. Но, ведь это – длительная вещь. Ведь этого никаким декретом не устранишь. В этом деле мы должны быть очень осторожны. Осторожность особенно нужна со стороны таких наций, как великорусская, которая вызывала к себе во всех других нациях бешеную

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
ненависть, и только теперь мы научились это исправлять, да и то плохо.

У нас есть, например, в Комиссариате Просвещения или около него коммунисты, которые говорят: единая школа, поэтому не смейте учить на другом языке, кроме русского. По-моему такой коммунист, это – великорусский шовинист. Он сидит во многих из нас, и с ним надо бороться.

Вот почему мы должны сказать другим нациям, что мы до конца интернационалисты и стремимся к добровольному союзу рабочих и крестьян всех наций.

>(В.И. Ленин. Заключительное слово по докладу на VIII съезде РКП(б) о партийной программе. – Там же, 153 – 155 // 38, 181 – 184.)
327

...Необходимо, чтобы все советские органы на окраинах, суд, администрация, органы хозяйства, органы непосредственной власти (а также и органы партии) составились по возможности из местных людей, знающих быт, нравы, обычаи, язык местного населения, чтобы в эти институты привлекались все лучшие люди из туземных народных масс, чтобы местные трудовые массы втягивались во все области управления страной, включая сюда и область военных формирований, чтобы массы видели, что советская власть и ее органы есть дело их собственных усилий, олицетворение их чаяний. Только таким путем можно установить нерушимую духовную связь между массами и властью, только таким путем можно сделать Советскую власть понятной и близкой для трудящихся масс окраин...

Одно из двух:

либо украинский, азербайджанский, киргизский, узбекский, башкирский и прочие языки представляют действительную реальность, причем в этих областях следовательно абсолютно необходимо развить родную школу, суд, администрацию, органы власти из местных людей, и тогда – советская автономия должна быть проведена в этих областях до конца, без оговорок.

либо украинский, азербайджанский и прочие языки являются пустой выдумкой, школы и прочие институты на родном языке следовательно не нужны, и тогда – советская автономия должна быть отброшена прочь как не нужный хлам.

Искание третьего пути есть результат незнания дела или печального недомыслия.

...Необходимо развить богатую сеть курсов и школ на окраинах по всем отраслям управления для создания инструкторских кадров из местных людей. Ибо ясно, что без наличия таких кадров организация родной школы, суда, администрации прочих институтов на родном языке будет затруднена до крайности...

>(И.В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. – Сборник статей, 98 – 101. 1920 г. // 4, 358 – 361.)
328

Предлагают связать разбросанные меньшинства в единый национальный союз. Но меньшинства нуждаются не в искусственном союзе, а в реальных правах у себя на месте. Что может дать им такой союз без полной демократизации? Или какая необходимость в национальном союзе при полной демократизации?

Что особенно волнует национальное меньшинство?

Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием права родного языка. Дайте ему пользоваться родным языком, – и недовольство пройдет само собой.

Меньшинство недовольно не отсутствием искусственного союза, а отсутствием у него родной школы. Дайте ему такую школу, и недовольство потеряет всякую почву.

Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием свободы совести, передвижения и проч. Дайте ему эти свободы – и оно перестанет быть недовольным.

Итак, национальное равноправие во всех видах (язык, школы и проч.), как

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
необходимый пункт в решении национального вопроса. Общегосударственный закон, данный на основе полной демократизации страны и запрещающий все без исключения виды национальных привилегий и какое бы то ни было стеснение или ограничение прав национальных меньшинств, – в этом и только в этом может быть действительная, а не бумажная гарантия прав национальных меньшинств.

>(И.В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. – Там же, 302 // 2, 362 – 363.)
329

Содержание национального движения, конечно, не может быть везде одинаковым: оно всецело определяется национальными требованиями, выставляемыми движением. В Ирландии движение имеет аграрный характер, в Богемии – «языковой»; здесь требуют гражданского равноправия и свободы вероисповедания, там – «своих» чиновников, или своего сейма. В разнообразных требованиях нередко просвечивают разнообразные черты, характеризующие нацию вообще (язык, территория и пр.). Достоин внимания, что нигде не встречаешь требования о Бауэровском всеобъемлющем «национальном характере». Оно и понятно: «национальный характер», взятый сам по себе, неуловим и, как правильно заметил И. Штрассер, «с ним политику нечего делать».

>(Там же, 274 // 2, 307 – 308.)
330

Программа РКП(б), принятая на VIII съезде РКП(б).

Раздел программы по национальному вопросу.

В национальном вопросе РКП(б) руководствуется следующими положениями:

1) Во главу угла ставится политика сближения пролетариата и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии.

2) В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение.

3) В тех же целях, как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по Советскому типу.

В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к Советской или пролетарской демократии и т.п.

Во всяком случае, со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетаемыми, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных. Только при такой политике возможно создание условий для действительно прочного, добровольного единства национально-разнородных элементов международного пролетариата, как то показал опыт объединения ряда национальных Советских Республик вокруг Советской России.

>(Стенограф. отчет VIII съезда РКП(б), 327 // К1, 416 – 417.)
331

...Здесь я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно потому, что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке. Такие же речи раздавались лет пять тому назад об Украине, об украинской национальности. А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность – выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская национальность существует и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы. Лет сорок тому назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальности, то теперь Рига чисто-латышский город. Лет пятьдесят тому назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают не-белорусы.

>(И.В. Сталин. Заключительное слово на X съезде РКП. – Стенографический отчет, 113 // 5, 48 – 49.)
332

Резолюция X съезда РКП(б) по национальному вопросу.

Очередные задачи РКП(б)

1. Поскольку пролетарская революция на место империалистического многонационального государства ставит свободную федерацию национальных советских республик, советский строй обеспечивает трудящимся ранее угнетенных национальностей постепенное и безболезненное развитие к коммунизму и дает им возможность в своей борьбе против пережитков национального гнета и неравенства и собственных эксплуататорских верхов опереться на революционный опыт и организованную силу пролетариата передовых стран.

РСФСР и связанные с ней независимые советские республики представляют около 140 мил. населения. Из них невеликоруссов – около 65 млн. (украинцы, белоруссы, киргизы, узбеки, туркмены, таджики, азербайджанцы, поволжские татары, крымские татары, бухарцы, хивинцы, башкиры, армяне, чеченцы, кабардинцы, осетины, черкесы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, калмыки, карелы, аварцы, даргинцы, казикамухцы, кюринцы, кумыки, мари, чувашы, вотяки, немцы Поволжья, буряты, якуты и др.). Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве, и, наконец, по возможности, русифицировать их. Результаты такой политики – неразвитость и политическая отсталость этих народов.

Теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты, а Советская власть провозглашена народными массами и в этих странах, задача партии состоит в том, чтобы помочь этим трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школы, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ, как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера, на родном языке (в первую голову для киргиз, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения.

2. Если из 65 млн. невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, часть Азербайджана, прошедшие в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 30 млн., по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не вполне еще ушедших дальше полупатриархального, полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общее русло советского развития.

Уничтожение фактического национального неравенства здесь есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства. Национальное неравенство здесь до сих пор покоилось на исторически сложившемся экономическом неравенстве.

Это неравенство прежде всего выражалось в том, что эти окраины России (особенно Туркестан), находившиеся на положении колоний или полуколоний, насильственно удерживались в роли поставщиков всякого рода сырья, которое обрабатывалось в центре. Это было причиной их постоянной отсталости и мешало возникновению и тем более развитию промышленного пролетариата среди этих угнетенных народов. Со всем этим неизбежно должна была столкнуться пролетарская революция на восточных окраинах, и ее первейшей задачей является последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни и, прежде всего, планомерное насаждение промышленности на окраинах, путем переноса фабрик к источникам сырья (Туркестан, Башкирия, Киргизстан, Кавказ – текстильная, шерстяная, кожевенная промышленность и др.).

Завоеывая доверие трудящихся масс восточных окраин своей решительной и последовательной борьбой за уничтожение всех видов национального неравенства, партия в то же время сплачивает и объединяет их для окончательной ликвидации патриархально-феодалных отношений в среде самих ранее угнетенных наций и для приобщения их к коммунистическому строительству. Первым шагом политики классового расслоения на восточных окраинах должно быть отстранение всех туземных эксплуататорских элементов от влияния на массы, борьба с ними во всех органах советского самоуправления, лишение их классовых привилегий путем самоорганизации туземных масс в Советы трудящихся. При этом, в первую голову, должны организоваться и самым заботливым образом привлекаться в ряды коммунистической партии и к советской работе сравнительно многочисленные туземные пролетарские элементы, работающие на разных промыслах, копиях, на железных дорогах, солеварнях, кулацких хозяйствах.

Следующим шагом должна быть экономическая организация туземной бедноты смешанного профессионально-кооперативного типа, обусловленного переходом туземных трудящихся масс от отсталых экономических форм к более высоким – от кочевого образа жизни к земледелию, от цехового ремесла, работающего на вольный рынок, к артельной работе на Советское государство (привлечение кустарей полупролетариев в профсоюзы), от кустарно-артельного производства к фабрично-заводскому, от мелкого земледелия к плановой общественной обработке земли. Советское правительство должно, прежде всего, через сеть органов единой потребительской кооперации прийти на помощь к туземным полупролетарским массам, поставленным разрухой под угрозу вымирания. Сообразно с этими особыми условиями строительства советского хозяйства должна быть реорганизована работа хозяйственных органов в смысле перенесения центра тяжести на туземную среду, включения кустарных и пр. промыслов в плановую хозяйственную организацию, установления прочной связи с основной производительной массой населения и разработки конкретного плана насаждения промышленности на окраинах применительно к местным условиям. Также решительно нужно предостеречь против слепого подражания образцам центральной Советской России, особенно при проведении хлебной монополии на окраинах, и связать проведение продвольственной политики не на словах, а на деле с политической классовой расслоением отсталой туземной среды. Всякое механическое пересаживание на восточные окраины экономических мероприятий центральной России, годных лишь для более высокой степени хозяйственного развития, должно быть отвергнуто. Только организуя широкие массы туземной бедноты на почве их жизненных экономических интересов, советы трудящихся смогут поднять народы Востока на совместную борьбу плечо о плечо с пролетариатом передовых стран.

3. Если исключить из 30 млн. по преимуществу тюркского населения Азербайджан, большую часть Туркестана, татар (поволжских и крымских), Бухару, Хиву, Дагестан, часть горцев (кабардинцев, черкесов, балкарцев) и некоторые другие народности, ставшие уже оседлыми и прочно закрепившими за собою определенную территорию, то остается около 10 млн. киргиз, башкир, чеченцев, южная часть Туркестана, осетин, ингушей, земли которых служили до последнего времени объектом колонизации со стороны русских переселенцев, успевших уже перехватить у них лучшие пахотные участки и систематически вытесняющих их в бесплодные пустыни. Политика царизма, политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надежную опору великодержавных стремлений. Результаты этой политики – постепенное вымирание вытесняемых в дебри туземцев (киргизы, башкиры). Задача партии по отношению к трудовым массам этих народностей (помимо названных в пункте 1 и 2 задач) состоит в том, чтобы объединить их усилия с усилиями трудовых масс местного русского населения в борьбе за освобождение

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org от кулачества вообще, хищнически великорусского кулачества – в особенности, помочь им всеми силами и всеми средствами сбросить с плеч кулаков-колонизаторов и обеспечить им, таким образом, пригодные земли, необходимые для человеческого существования.

4. Кроме названных выше наций и народностей, имеющих определенное классовое строение и занимающих определенную территорию в пределах РСФСР, существуют еще отдельные текущие национальные группы, национальные меньшинства, вкрапленные в национальные компактные большинства и в большинстве случаев не имеющие определенной территории (латыши, эстонцы, поляки, евреи и др.). Политика царизма состояла в том, чтобы свести на-нет эти меньшинства всеми средствами, вплоть до погромов (еврейские погромы).

Теперь, когда национальные привилегии уничтожены, равенство национальностей проведено в жизнь, а право национальных меньшинств на свободное национальное развитие обеспечено самим характером советского строя, задача партии по отношению к трудовым массам этих национальных групп состоит в том, чтобы помочь им полностью использовать это обеспеченное за ними право свободного развития.

5. Развитие коммунистических организаций на окраинах протекает в несколько своеобразных условиях, тормозящих нормальный рост партии в этих районах. С одной стороны, работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования «державной» нации и не знавшие национального гнета, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенностей классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной народности, вульгаризируя, таким образом, и искажая политику партии в национальном вопросе. Это обстоятельство ведет к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колониаторства, великорусского шовинизма. С другой стороны, коммунисты-туземцы, пережившие тяжелый период национального гнета и не вполне еще освободившиеся от призраков последнего, нередко преувеличивают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, оставляя в тени классовые интересы трудящихся, либо просто смешивают интересы трудящихся данной нации с так называемыми «общенациональными» интересами той же нации, не умея выделять первые из последних и строить на них партийную работу. Это обстоятельство, в свою очередь, ведет к уклону от коммунизма в сторону буржуазного демократического национализма, принимающего иногда формы панисламизма, пантюркизма (на Востоке).

Оба эти вредные уклона от принципов коммунистического интернационализма черпают силы в неизбежной, на первых порах, засоренности коммунистических организаций на окраинах. С одной стороны, к партии примазываются кулацко-колониаторские элементы, с другой стороны, в партию проникают представители туземных эксплуататорских групп.

Съезд, решительно осуждая оба эти уклона, как вредные и опасные для дела коммунизма, считает нужным указать особую опасность и особый вред первого уклона, – уклона в сторону великодержавности, колониаторства. Съезд напоминает, что без преодоления колониаторских и националистических пережитков в партийных рядах невозможно создать на окраинах крепкие и связанные с массами действительно коммунистические организации, сплачивающие в своих рядах пролетарские и полупролетарские элементы туземного и русского населения на основе интернационализма. Съезд считает поэтому, что ликвидация националистических и, в первую голову, колониаторских шатаний в коммунизме является одной из важнейших задач партии на окраинах.

Призывая к решительной борьбе со всякими лже-коммунистическими элементами, примазывающимися к партии пролетариата, съезд предостерегает партию от «расширения» за счет мещански-националистических и кулацких элементов. Вместе с тем съезд подчеркивает необходимость умелого и организованного использования в советской работе на восточных окраинах всех честных и доказавших свою преданность Советской власти элементов национальной интеллигенции ранее угнетенных народов.

>(Стенограф. отчет X съезда РКП(б), 456 – 460 // К1, 558 – 563.)
333

Для того, чтобы советская власть стала и для инонационального крестьянства
Страница 136

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда и только постольку советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и национальной, родной для крестьян и средних слоев ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке. В этом одна из основ и сущность национального вопроса вообще, в обстановке советской в особенности.

>(И.В. Сталин. Доклад на XII съезде РКП(б). – Стенографич. отчет, 362 // 5, 240 – 241.)
334

Равенство правовое мы провозгласили и проводим его, от правового равенства, имеющего само собой величайшее значение в истории развития советских республик, все-таки далеко до равенства фактического. Все остальные национальности и все племена формально имеют столько же прав, сколько и все другие ушедшие вперед национальности в составе нашей федерации. Но беда в том, что некоторые национальности не имеют своих пролетариев, промышленного развития не прошли, даже не начали, в культурном отношении страшно отстали и совершенно не в силах использовать те права, которые им предоставлены революцией. Это, товарищи, более важный вопрос, чем вопрос о школах. Тут некоторые из наших товарищей думают, что, выпятивши на первый план вопрос о школах и языке, этим самым можно разрубить узел. Неверно, товарищи, на школах тут далеко не уедешь, они, эти самые школы, развиваются, язык тоже развивается, но неравенство фактически – это основа всех недовольств и всех трений. Тут школами и языком не отговоришься, тут нужна, действительно, систематическая, искренняя, настоящая пролетарская помощь с нашей стороны трудящимся массам отсталых в культурном и хозяйственном отношении национальностей. Необходимо, чтобы кроме школ и языка российский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах, отставших в культурном отношении республиках – а отстали они не по своей вине, а потому, что их рассматривали раньше, как источники сырья, – необходимо добиться того, чтобы в этих республиках были устроены очаги промышленности.

>(Там же, 365 // 5, 247 – 248.)
335

Резолюция XII съезда РКП(б) по национальному вопросу.

I

1. Развитие капитализма обнаружило еще в прошлом столетии тенденцию к интернационализации способов производства и обмена, к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно связанное целое. Дальнейшее развитие капитализма, развитие мирового рынка, налаживание великих морских и железнодорожных путей, вывоз капитала и пр. еще больше усилили эту тенденцию, связав самые разнообразные народы узами международного разделения труда и всесторонней взаимной зависимости. Поскольку этот процесс отражал колоссальное развитие производительных сил, поскольку он облегчал уничтожение национальной обособленности и противоположности интересов различных народов, он был и остается процессом прогрессивным, ибо он подготавливает материальные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства.

2. Но тенденция эта развивалась в своеобразных формах, совершенно не соответствующих ее внутреннему историческому смыслу. Взаимная зависимость народов и хозяйственное объединение территорий устанавливались в ходе развития капитализма не путем сотрудничества народов, как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другими, в порядке угнетения и эксплуатации народов менее развитых народами более развитыми. Колониальные грабежи и захваты, национальный гнет и неравенство, империалистический произвол и насилие, колониальное рабство и национальное бесправие, наконец борьба «цивилизованных» наций между собой за господство над народами «нецивилизованными» – таковы формы, в рамках которых протекал процесс хозяйственного сближения народов. Поэтому наряду с тенденцией объединения нарастала тенденция к уничтожению насильственных форм этого объединения, борьба за освобождение угнетенных колоний и зависимых национальностей от империалистического гнета. Поскольку эта вторая тенденция означала

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
возмущение угнетенных масс против империалистических форм объединения, поскольку она требовала объединения народов на началах сотрудничества и добровольного союза, она была и остается тенденцией прогрессивной, ибо она подготавливает духовные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства.

3. Борьба этих двух основных тенденций, выраженных в формах, свойственных капитализму, наполняет историю многонациональных буржуазных государств за последнее полувековье. Непримируемое противоречие между этими тенденциями в рамках капиталистического развития легло в основу внутренней несостоятельности и органической неустойчивости буржуазных колониальных государств. Неизбежные конфликты внутри таких государств и неизбежные войны между такими государствами, распад старых колониальных государств и образование новых, новая погоня за колониями и новый распад многонациональных государств, ведущий к новой перестройке политической карты мира, – таковы результаты этого основного противоречия. Развал старой России, Австро-Венгрии и Турции, с одной стороны, история таких колониальных государств, как Великобритания и старая Германия, с другой стороны, наконец, «великая» империалистическая война и рост революционного движения колониальных и неполноправных народов, – все эти и подобные им факты с очевидностью говорят о неустойчивости и непрочности многонациональных буржуазных государств.

Таким образом, непримируемое противоречие между процессом хозяйственного объединения народов и империалистическими способами этого объединения определило неспособность, беспомощность, бессилие буржуазии найти правильный подход к решению национального вопроса.

4. Наша партия учитывала это обстоятельство, положив в основу своей политики по национальному вопросу право наций на самоопределение, право народов на самостоятельное государственное существование. Еще в первые дни своего существования, на I своем съезде (в 1898 г.), когда противоречия капитализма по линии национального вопроса не успели еще определиться с исчерпывающей ясностью, партия признала за национальностями это неотъемлемое право. В дальнейшем она неизменно подтверждала свою национальную программу в специальных постановлениях и решениях, на своих съездах и конференциях вплоть до Октябрьского переворота. Империалистская война и связанное с ней мощное революционное движение в колониях давали лишь новое подтверждение решениям партии по национальному вопросу. Смысл этих решений заключается: а) в решительном отрицании всех и всяческих форм принуждения в отношении национальностей; б) в признании равенства и суверенности народов в деле устройства своей судьбы; в) в признании того положения, что прочное объединение народов может быть проведено лишь на началах сотрудничества и добровольности; г) в провозглашении той истины, что осуществление такого объединения возможно лишь в результате свержения власти капитала.

Эту освободительную национальную программу не уставала наша партия противопоставлять в своей работе как открыто угнетательской политике царизма, так и половинчатой полуимпериалистической политике меньшевиков и эсеров. Если русификаторская политика царизма создала пропасть между царизмом и национальностями старой России, а полуимпериалистическая политика меньшевиков и эсеров привела к отходу лучших элементов этих национальностей от Керенщины, то освободительная политика нашей партии завоевала ей сочувствие и поддержку широких масс этих национальностей в ее борьбе против царизма и империалистской русской буржуазии. Едва ли можно сомневаться в том, что это сочувствие и эта поддержка послужили одним из решающих моментов, определивших победу нашей партии в октябрьские дни.

5. Октябрьская революция подвела практические итоги решениям нашей партии по национальному вопросу. Свергнув власть помещиков и капиталистов, основных носителей национального гнета, и поставив у власти пролетариат, Октябрьская революция одним ударом разорвала цепи национального угнетения, перевернула старые отношения между народами, подорвала старую национальную вражду, расчистила почву для сотрудничества народов и завоевала русскому пролетариату доверие его национальных братьев не только в России, но и в Европе и Азии.

Едва ли нужно доказывать, что без такого доверия русский пролетариат не смог бы победить Колчака и Деникина, Юденича и Врангеля. С другой стороны несомненно, что угнетенные национальности не смогли бы добиться своего

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
освобождения без установления в центре России диктатуры пролетариата. Национальная вражда и национальные столкновения неизбежны, неотвратимы, пока у власти стоит капитал, пока мелкая буржуазия и, прежде всего, крестьянство бывшей «державной» нации, полные националистических предрассудков, идут за капиталистами; и, наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство и прочие мелкобуржуазные слои идут за пролетариатом, т.е. если обеспечена диктатура пролетариата. Поэтому и победа Советов и утверждение диктатуры пролетариата являются той базой, тем фундаментом, на основе которого может быть построено братское сотрудничество народов в едином государственном союзе.

6. Но результаты Октябрьской революции не исчерпываются уничтожением национального гнета, созданием почвы для объединения народов. В ходе своего развития Октябрьская революция выработала еще формы этого объединения, наметила основные линии, по которым должно строиться объединение народов в одно союзное государство. В первый период революции, когда трудовые массы национальностей впервые почувствовали себя самостоятельными национальными величинами, между тем как угроза иностранной интервенции не представляла еще реальной опасности, – сотрудничество народов не имело еще вполне определенной строго установившейся формы. В период гражданской войны и интервенции, когда интересы военной самозащиты национальных республик выступили на первый план, между тем как вопросы хозяйственного строительства не стояли еще на очереди, сотрудничество приняло форму военного союза. Наконец, в период послевоенный, когда вопросы восстановления разрушенных войной производительных сил стали на первую очередь, военный союз был дополнен союзом хозяйственным. Объединение национальных республик в Союз Советских республик является заключительным этапом развития форм сотрудничества, принявшим на этот раз характер военно-хозяйственного и политического объединения народов в единое многонациональное Советское государство.

Таким образом, пролетариат нашел в советском строе ключ к правильному разрешению национального вопроса, он открыл в нем путь организации устойчивого многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности.

7. Но найти ключ к правильному решению национального вопроса еще не значит решить его полностью и окончательно исчерпать это решение в его конкретно-практическом осуществлении. Для правильного проведения в жизнь национальной программы, выдвинутой Октябрьской революцией, необходимо еще преодолеть те препятствия, которые переданы нам в наследство пройденным периодом национального гнета и которые не могут быть преодолены в короткий срок одним ударом.

Это наследство состоит, во-первых, в пережитках великодержавного шовинизма, являющегося отражением былого привилегированного положения великоруссов. Эти пережитки живут еще в головах наших советских работников, центральных и местных, они гнездятся в наших государственных учреждениях, центральных и местных; они получают подкрепление в виде «новых» сменовеховских великорусско-шовинистских веяний, все более усиливающихся в связи с нэпом. Практически они выражаются в кичливо-пренебрежительном и бездушно-бюрократическом отношении русских советских чиновников к нуждам и потребностям национальных республик. Многонациональное советское государство может стать действительно прочным, а сотрудничество народов в нем – действительно братским лишь в том случае, если эти пережитки будут вытравлены в практике наших государственных учреждений решительно и бесповоротно. Положение в ряде национальных республик (Украина, Белоруссия, Азербайджан, Туркестан) усложняется тем, что значительная часть рабочего класса, являющегося основной опорой Советской власти, принадлежит к великорусской национальности. В этих районах смычка между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством встречает сильнейшее препятствие в пережитках великорусского шовинизма как в партийных, так и советских органах. В этих условиях разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются не чем иным, как попыткой закрепить государство великорусской национальности. Поэтому решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии.

Это наследство состоит, во-вторых, в фактическом, т.е. хозяйственном и культурном, неравенстве национальностей Союза республик. Правовое национальное равенство, добытое Октябрьской революцией, является великим завоеванием народов, но оно не решает само по себе всего национального вопроса. Ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата, отставших в виду этого в хозяйственном и культурном отношениях, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне. Причины этого фактического неравенства кроются не только в истории этих народов, но и в политике царизма и русской буржуазии, стремящихся превратить окраины в исключительно сырьевые районы, эксплуатируемые промышленно-развитыми центральными районами. Преодолеть это неравенство в короткий срок, ликвидировать это наследство в один-два года невозможно. Еще X съезд нашей партии отметил, что «уничтожение фактического национального неравенства есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства». Но преодолеть его нужно обязательно. И преодолеть его можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспевания. Помощь эта должна, в первую очередь, выразиться в принятии ряда практических мер по образованию в республиках ранее угнетенных национальностей промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения. Наконец, помощь эта должна идти, согласно резолюции X съезда, параллельно с борьбой трудовых масс против усиливающихся в связи с нэпом местных и пришлых эксплуататорских верхов за укрепление своих социальных позиций. Поскольку эти республики являются по преимуществу сельскохозяйственными районами, внутренние социальные мероприятия должны, прежде всего, идти по пути наделения трудовых масс землей за счет свободного государственного фонда. Без этого нет основания рассчитывать на налаживание правильного и прочного сотрудничества народов в рамках единого Союзного государства. Поэтому борьба за ликвидацию фактического неравенства национальностей, борьба за поднятие культурного и хозяйственного уровня отсталых народов является второй очередной задачей нашей партии.

Это наследства состоит, наконец, в пережитках национализма в среде целого ряда народов, прошедших тяжелое иго национального гнета и не успевших еще освободиться от чувства старых национальных обид. Практическим выражением этих пережитков являются некоторая национальная отчужденность и отсутствие полного доверия ранее угнетенных народов к мероприятиям, идущим от русских. Однако, в некоторых республиках, имеющих в своем составе несколько национальностей, этот оборонительный национализм превращается нередко в национализм наступательный, в завзятый шовинизм более сильной национальности, направленный против слабых национальностей этих республик. Шовинизм грузинский (в Грузии), направленный против армян, осетин, аджарцев и абхазцев; шовинизм азербайджанский (в Азербайджане), направленный против армян; шовинизм узбекский (в Бухаре и Хорезме), направленный против туркмен и киргиз; шовинизм армянский и пр., – все эти виды шовинизмов, поощряемые к тому же условиями нэпа и конкуренции, являются величайшим злом, грозящим превратить некоторые национальные республики в арену грызни и склоки. Нечего и говорить, что все эти явления тормозят дело фактического объединения народов в единый государственный союз. Поскольку пережитки национализма являются своеобразной формой обороны против великорусского шовинизма, решительная борьба с великорусским шовинизмом представляет вернейшее средство для преодоления националистических пережитков. Поскольку же эти пережитки превращаются в местный шовинизм, направленный против слабых национальных групп в отдельных республиках, прямая борьба с ними является обязанностью членов партии. Поэтому борьба с националистическими пережитками и прежде всего с шовинистическими формами этих пережитков является третьей очередной задачей нашей партии.

8. Одним из ярких выражений наследства старого следует считать тот факт, что Союз республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого «единого неделимого».

Таким же результатом наследства старого следует считать стремление некоторых ведомств РСФСР подчинить себе самостоятельные комиссариаты

Осуждая такое понимание, как антипролетарское и реакционное, и провозглашая абсолютную необходимость существования и дальнейшего развития национальных республик, съезд призывает членов партии зорко следить за тем, чтобы объединение республик и слияние комиссариатов не было использовано шовинистически настроенными советскими чиновниками, как прикрытие их попыток игнорировать хозяйственные и культурные нужды национальных республик. Слияние комиссариатов есть экзамен советскому аппарату: если бы этот опыт получил на практике великодержавническое направление, то партия была бы вынуждена принять против такого извращения самые решительные меры, вплоть до постановки вопроса о пересмотре слияния некоторых комиссариатов впредь до надлежащего перевоспитания советского аппарата в духе действительно пролетарского и действительно братского внимания к нуждам и потребностям малых и отсталых национальностей.

9. Союз республик, созданный на началах равенства и добровольности рабочих и крестьян отдельных республик, является первым опытом пролетариата в деле урегулирования международных взаимоотношений независимых стран и первым шагом к созданию будущей всемирной Советской республики труда. Поскольку союз республик является новой формой сожительства народов, новой формой их сотрудничества в едином союзном государстве, в рамках которого должны быть изжиты обрисованные выше пережитки в процессе совместной работы народов, – высшие органы Союза должны быть построены таким образом, чтобы они полностью отражали не только общие нужды и потребности всех национальностей Союза, но и специальные нужды и потребности отдельных национальностей. Поэтому наряду с существующими центральными органами Союза, являющимися представительством трудящихся масс всего Союза, независимо от национальности, должен быть создан специальный орган представительства национальностей на началах равенства. Такое устройство центральных органов Союза дало бы полную возможность чутко прислушиваться к нуждам и потребностям народов, своевременно оказывать им необходимую помощь, создать обстановку полного взаимного доверия и ликвидировать таким образом наиболее безболезненными путями упомянутое выше наследство.

10. Исходя из сказанного, съезд рекомендует членам партии в качестве практических мер добиться того, чтобы:

- а) при построении центральных органов Союза было обеспечено равенство прав и обязанностей отдельных республик как во взаимных между ними отношениях, так и в отношении центральной власти Союза;
- б) в системе высших органов Союза был учрежден специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства, с возможным учетом представительства всех национальностей, входящих в состав этих республик;
- в) исполнительные органы Союза были сконструированы на началах, обеспечивающих реальное участие в них представителей республик и удовлетворение нужд и потребностей народов Союза;
- г) были предоставлены республикам достаточно широкие финансовые и, в частности, бюджетные права, обеспечивающие возможность проявления их собственной государственно-административной, культурной и хозяйственной инициативы;
- д) органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов;
- е) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства, – законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств;
- ж) была усилена воспитательная работа в Красной армии в духе насаждения идей братства и солидарности народов Союза и были предприняты практические мероприятия по организации национальных войсковых частей, с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик.

1. Развитие организаций нашей партии в большинстве национальных республик протекает в условиях, не вполне благоприятствующих их росту и укреплению. Экономическая отсталость этих республик, малочисленность национального пролетариата, недостаточность или даже отсутствие кадров старых партийных работников из местных людей, отсутствие серьезной марксистской литературы на родном языке, слабость партийно-воспитательной работы, наконец, наличие пережитков радикально-националистических традиций, все еще не успевших выветриться, породили среди местных коммунистов определенный уклон в сторону переоценки национальных особенностей, в сторону недооценки классовых интересов пролетариата, – уклон к национализму. Это явление становится особенно опасным в республиках с несколькими национальностями, где оно принимает нередко форму уклона к шовинизму коммунистов более сильной национальности, направленного своим острием против коммунистов слабых национальностей (Грузия, Азербайджан, Бухара, Хорезм). Уклон к национализму вреден в том отношении, что он, тормозя процесс высвобождения национального пролетариата из-под идейного влияния национальной буржуазии, затрудняет дело сплочения пролетариев разных национальностей в единую интернационалистическую организацию.

2. С другой стороны, наличие многочисленных кадров старых партийных работников русского происхождения, как в центральных учреждениях партии, так и в организациях компартий национальных республик, и потому не всегда чутких к их запросам, породило в нашей партии уклон в сторону недооценки национальных особенностей и национального языка в партийной работе, высокомерно-пренебрежительное отношение к этим особенностям, уклон к великорусскому шовинизму. Этот уклон вреден не только потому, что он, тормозя дело формирования коммунистических кадров из местных людей, знающих национальный язык, создает опасность отрыва партии от пролетарских масс национальных республик, но и прежде всего потому, что он питает и вырачивает обрисованный выше уклон к национализму, затрудняя борьбу с ним.

3. Осуждая оба эти уклона, как вредные и опасные для дела коммунизма, и обращая внимание членов партии на особый вред и особую опасность уклона к великорусскому шовинизму, съезд призывает партию к скорейшей ликвидации этих пережитков старого в нашем партийном строительстве.

В качестве практических мер съезд поручает ЦК провести:

- а) образование марксистских кружков высшего типа из местных партийных работников национальных республик;
- б) развитие принципиальной марксистской литературы на родном языке;
- в) усиление университета народов Востока и его отделений на местах;
- г) создание при ЦК национальных компартий инструкторских групп;
- д) развитие массовой партийной литературы на родном языке;
- е) усиление партийно-воспитательной работы в республиках;
- ж) усиление работы среди молодежи в республиках.

4. В виду громадной важности, какую имеет деятельность ответственных работников в автономных и независимых республиках и на окраинах вообще (осуществление связи трудящихся данной республики с трудящимися всего остального Союза), съезд поручает ЦК озаботиться об особо тщательном подборе этих работников, с тем, чтобы состав их полностью обеспечивал действительное проведение в жизнь решений партии по национальному вопросу.

>(Стенограф. отчет XII съезда РКП(б), стр. 588 – 596 // К1, 709 – 716.)
336

Я говорил, дальше, о поднятии национальной культуры в советских республиках Востока. Но что такое национальная культура? Как совместить ее с пролетарской культурой? Разве не говорил Ленин еще до войны, что культур у нас две – буржуазная и социалистическая, что лозунг национальной культуры есть реакционный лозунг буржуазии, старающейся отравить сознание трудящихся ядом национализма? Как совместить строительство национальной культуры, развитие школ и курсов на родном языке и выработку кадров из местных людей

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
со строительством социализма, строительством пролетарской культуры? Нет ли тут непроходимого противоречия? Конечно, нет. Мы строим пролетарскую культуру. Это совершенно верно. Но верно также и то, что пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т.д. Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме, – такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание. И, наоборот, национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а дает ей форму. Лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков. Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация нации стала протекать под этой эгидой советской власти. Кто не понял этого принципиального различия двух различных обстановок, тот никогда не поймет ни ленинизма, ни существа национального вопроса с точки зрения ленинизма.

Толкуют (например, Каутский) о создании единого общечеловеческого языка с отмиранием всех остальных языков в период социализма. Я мало верю в эту теорию единого всеохватывающего языка. Опыт, во всяком случае, говорит не за, а против такой теории. До сих пор дело происходило так, что социалистическая революция не уменьшала, а увеличивала количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных. Кто мог подумать, что старая царская Россия представляет не менее 50 национальностей и этнографических групп? Однако, Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие. Ныне говорят об Индии, как о едином целом. Но едва ли можно сомневаться в том, что в случае революционной встряски в Индии на сцену выплывут десятки ранее неизвестных национальностей, имеющих свой особый язык, свою особую культуру. И если дело идет о приобщении различных национальностей к пролетарской культуре, то едва ли можно сомневаться в том, что приобщение это будет протекать в формах, соответствующих языку и быту этих национальностей.

Недавно я получил письмо бурятских товарищей с просьбой разъяснить серьезные и трудные вопросы взаимоотношений общечеловеческой и национальной культуры. Вот оно:

«Убедительно просим дать разъяснение на следующие очень для нас серьезные и трудные вопросы. Конечная цель коммунистической партии – единая общечеловеческая культура. Как мыслится переход через национальные культуры, развивающиеся в пределах отдельных наших автономных республик, к единой общечеловеческой культуре? Как должна происходить ассимиляция особенностей отдельных национальных культур (язык и т.д.)?»
Я думаю, что сказанное выше могло бы послужить ответом на тревожный вопрос бурятских товарищей.

Бурятские товарищи ставят вопрос об ассимиляции отдельных национальностей в ходе построения общечеловеческой пролетарской культуры. Несомненно, что некоторые национальности могут подвергнуться и, пожалуй, наверняка подвергнутся процессу ассимиляции. Такие процессы бывали и раньше. Но дело в том, что процесс ассимиляции одних национальностей не исключает, а предполагает противоположный процесс развития национальностей. Именно поэтому возможная ассимиляция некоторых отдельных национальностей не ослабляет, а подтверждает то совершенно правильное положение, что пролетарская общечеловеческая культура не исключает, а предполагает и питает национальную культуру так же, как национальная культура не отменяет, а дополняет и обогащает общечеловеческую пролетарскую культуру.

>(И.В. Сталин. О политических задачах Университета Народов Востока. – Вопросы ленинизма, 137 – 138. Изд. 9-е // 7, 137 – 140.)
337

Картина борьбы с уклонами в партии будет неполной, если мы не коснемся имеющихся в партии уклонов в области национального вопроса. Я имею в виду, во-первых, уклон к великорусскому шовинизму и, во-вторых, уклон к местному национализму. Эти уклоны не столь заметны и напористы, как «левый» или правый уклон. Их можно было бы назвать ползучими уклонами. Но это еще не

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
значит, что они не существуют. Нет, они существуют и, главное, – растут. В этом не может быть никакого сомнения. Не может быть сомнения, так как общая атмосфера обострения классовой борьбы не может не вести к известному обострению национальных трений, имеющих свое отражение в партии. Поэтому следовало бы раскрыть и выставить на свет божий физиономию этих уклонов.

В чем состоит существо уклона к великорусскому шовинизму в наших современных условиях?

Существо уклона к великорусскому шовинизму состоит в стремлении обойти национальные различия языка, культуры, быта; в стремлении подготовить ликвидацию национальных республик и областей; в стремлении подорвать принцип национального равноправия и развенчать политику партии по национализации аппарата, национализации прессы, школы и других государственных и общественных организаций.

Уклонисты этого типа исходят при этом из того, что так как при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки должны превратиться в единый общий язык, то пришла пора для того, чтобы ликвидировать национальные культуры ранее угнетенных народов. Они ссылаются при этом на Ленина, неправильно цитируя его, а иногда прямо искажая и клеветая на Ленина. Ленин сказал, что в социализме сольются интересы национальностей в одно целое, – не следует ли из этого, что пора покончить с национальными республиками и областями в интересах... интернационализма? Ленин сказал в 1913 г. в полемике с бундовцами, что лозунг национальной культуры есть буржуазный лозунг, – не следует ли из этого, что пора покончить с национальной культурой народов СССР в интересах... интернационализма? Ленин сказал, что национальный гнет и национальные перегородки уничтожаются при социализме, – не следует ли из этого, что пора покончить с политикой учета национальных особенностей народов СССР и перейти на политику ассимиляции в интересах... интернационализму? И так далее и тому подобное.

Не может быть сомнения, что этот уклон в национальном вопросе, прикрываемый к тому же маской интернационализма и именем Ленина, является самым тонченным и потому самым опасным видом великорусского национализма.

Во-первых, Ленин никогда не говорил, что национальные различия должны исчезнуть, а национальные языки должны слиться в один общий язык в пределах одного государства, до победы социализма во всемирном масштабе. Ленин, наоборот, говорил нечто прямо противоположное, а именно, что «национальные и государственные различия между народами и странами... будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе» (т. XXV, стр. 229). Как можно ссылаться на Ленина, забывая об этом основном его указании?

Правда, один из бывших марксистов, а ныне ренегат и реформист, г. Каутский утверждает нечто прямо противоположное тому, чему учит нас Ленин. Он утверждает, вопреки Ленину, что победа пролетарской революции в австро-германском объединенном государстве в середине прошлого столетия привела бы к образованию одного общего немецкого языка и к онемечению чехов, так как «одна лишь сила освободившегося от пут обмена, одна лишь сила современной культуры, которую несли с собою немцы, без всякой насильственной германизации превратила бы в немцев отсталых чешских мелких буржуа, крестьян и пролетариев, которым ничего не могла дать их захудалая национальность» (см. предисловие к немецкому изданию «Революция и контрреволюция»). Понятно, что такая «концепция» вполне гармонирует с социал-шовинизмом Каутского. С этими взглядами Каутского и боролся я в 1925 г. в своем выступлении в университете народов Востока. Но неужели для нас, для марксистов, желающий остаться до конца интернационалистами, может иметь какое-либо положительное значение эта антимарксистская болтовня зарвавшегося немецкого социал-шовиниста? Кто прав, – Каутский или Ленин? Если прав Каутский, чем объяснить тогда тот факт, что такие сравнительно отсталые национальности, как белорусы и украинцы, более близкие к великоруссам, чем чехи к немцам, не обрусели в результате победы пролетарской революции в СССР, а, наоборот, возродились и развились как самостоятельные нации? Чем объяснить, что такие нации, как туркмены, киргизы, узбеки, таджики (не говоря уже о грузинах, армянах, азербайджанцах и т.д.), несмотря на свою отсталость, не только не обрусели в связи с победой социализма в СССР, а наоборот, возродились и развились в самостоятельные нации? Не ясно ли, что наши уважаемые уклонисты в погоне за

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
показанным интернационализмом попали в лапы каутскианского социал-шовинизма? Не ясно ли, что, ратуя за один общий язык в пределах одного государства, в пределах СССР, они добиваются по сути дела восстановления привилегии господствовавшего ранее языка, а именно – великорусского языка? Где же тут интернационализм?

Во-вторых, Ленин никогда не говорил, что уничтожение национального гнета и слияние интересов национальностей в одно целое равносильно уничтожению национальных различий. Мы уничтожили национальный гнет. Мы уничтожили национальные привилегии и установили национальное равноправие. Мы уничтожили государственные границы в старом смысле слова, пограничные столбы и таможенные преграды между национальностями СССР. Мы установили единство экономических и политических интересов народов СССР. Но значит ли это, что мы уничтожили тем самым национальные различия, национальные языки, культуру, быт и т.д.? Ясно, что не значит. Но если национальные различия, язык, культура, быт и т.д. остаются, не ясно ли, что требование уничтожения национальных республик и областей в данный исторический период является требованием реакционным, направленным против интересов диктатуры пролетариата? Понимают ли наши уклонисты, что уничтожить теперь нацреспублики и области – это значит лишить миллионные массы народов СССР возможности получить образование на родном языке, лишить их возможности иметь школу, суд, администрацию, общественные и иные организации и учреждения на родном языке, лишить их возможности приобщиться к социалистическому строительству? Не ясно ли, что в погоне за показным интернационализмом наши уклонисты попали в лапы великорусских шовинистов и забыли, совершенно забыли о лозунге культурной революции в период диктатуры пролетариата, имеющем одинаковую силу для всех народов СССР, и для великоруссов, и для невеликоруссов?

В-третьих, Ленин никогда не говорил, что лозунг развития национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата является реакционным лозунгом. Наоборот, Ленин всегда стоял за то, чтобы помочь народам СССР развить свою национальную культуру. Под руководством Ленина, а не кого-либо другого, была составлена и принята на X съезде партии резолюция по национальному вопросу, где прямо говорится о том, что:

«задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ, как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке». Не ясно ли, что Ленин стоял целиком и полностью за лозунг развития национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата?

Разве не ясно, что отрицание лозунга национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата означает отрицание необходимости культурного подъема невеликорусских народов СССР, отрицание необходимости общеобязательного образования для этих народов, отдачу этих народов на духовную кабалу реакционным националистам?

Ленин, действительно, квалифицировал лозунг национальной культуры при господстве буржуазии как лозунг реакционный. Но разве могло быть иначе? Что такое национальная культура при господстве национальной буржуазии? Буржуазная по своему содержанию и национальная по своей форме культура, имеющая своей целью отравить массы ядом национализма и укрепить господство буржуазии. Что такое национальная культура при диктатуре пролетариата? Социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата. Как можно смешивать эти два принципиально различных явления, не разрывая с марксизмом? Разве не ясно, что, борясь с лозунгом национальной культуры при буржуазных порядках, Ленин ударял по буржуазному содержанию национальной культуры, а не по ее национальной форме? Было бы глупо предположить, что Ленин рассматривал социалистическую культуру как культуру безнациональную, не имеющую той или иной национальной формы. Бундовцы, действительно, приписывали Ленину одно время эту бессмыслицу. Но из сочинений Ленина известно, что он резко протестовал против такой

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
клеветы, решительно отмежевавшись, от такой бессмыслицы. Неужели наши
уважаемые уклонисты так-таки поплелись по стопам бундовцев?

Что же осталось после сказанного от аргументов наших уклонистов?

Ничего, кроме жонглирования флагом интернационализма и клеветы на Ленина.

Уклоняющиеся в сторону великорусского шовинизма глубоко ошибаются, полагая, что период строительства социализма в СССР есть период развала и ликвидации национальных культур. Дело обстоит как раз наоборот. На самом деле период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме. Они, очевидно, не понимают, что развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке. Они не понимают, что только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства. Они не понимают, что в этом именно и состоит основа ленинской политики помощи и поддержки развития национальных культур народов СССР.

Может показаться странным, что мы, сторонники слияния в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками расцвета национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявить все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, – в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре.

Могут сказать, что такая постановка вопроса «противоречива». Но разве не такая же «противоречивость» имеется у нас с вопросом о государстве? Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти – вот марксистская формула. Это «противоречиво»? Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику.

Или, например, ленинская постановка вопроса о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения. Ленин иногда изображал тезис о национальном самоопределении в виде простой формулы: «разъединение для объединения». Вы только подумайте – разъединение для объединения. Это отдают даже парадоксом. А между тем эта «противоречивая» формула отражает ту жизненную правду марксовой диалектики, которая дает большевикам возможность брать самые неприступные крепости в области национального вопроса.

То же самое нужно сказать о формуле насчет национальной культуры: расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране в целях подготовки условий для отмирания и слияния их в одну общую социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире.

Кто не понял этого своеобразия и «противоречивости» нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма.

Беда наших уклонистов состоит в том, что они не понимают и не хотят понять марксову диалектику.

Так обстоит дело с уклоном к великорусскому шовинизму.

Нетрудно понять, что этот уклон отражает стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии.

Отсюда опасность великорусского шовинизма, как главная опасность в партии в области национального вопроса.

В чем состоит существо уклона к местному национализму?

Существо уклона к местному национализму состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации, в стремлении защититься от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства, в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы национальностей СССР, и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга.

Уклон к местному национализму отражает недовольство отживающих классов угнетенных наций режимом диктатуры пролетариата, их стремление обособиться в свое национальное государство и установить там свое классовое господство.

Опасность этого уклона состоит в том, что он культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет на руку интервенционистам.

Таково существо уклона к местному национализму.

Задача партии состоит в том, чтобы вести решительную борьбу с этим уклоном и обеспечить условия, необходимые для интернационального воспитания трудящихся масс народов СССР.

Так обстоит дело с уклонами в нашей партии, с «левым» и правым уклоном в области общей политики, с уклонами в области национального вопроса.

>(И.В. Сталин. Доклад на XVI съезде ВКП(б). – Стенограф. отчет, 54 – 56 // 12, 362 – 371.)
338

Вторая группа записок касается национального вопроса. Одна из этих записок, которую я считаю наиболее интересной, сопоставляет трактовку проблемы национальных языков в моем докладе на XVI съезде с той трактовкой, которая дана в моем выступлении в Университете народов Востока, в 1925 г., и находит, что тут есть некоторая неясность, которая должна быть разъяснена. «Вы, – говорит записка, – возражали тогда против теории [Каутского] отмирания национальных языков и создания одного общего языка в период социализма [в одной стране], а теперь, в своем докладе на XVI съезде, заявляете, что коммунисты являются сторонниками слияния национальных культур и национальных языков в одну общую культуру с одним общим языком (в период победы социализма в мировом масштабе), – нет ли тут неясности?»

Я думаю, что тут нет ни неясности, ни какого бы то ни было противоречия. В своем выступлении в 1925 г. я возражал против национал-шовинистской теории Каутского, в силу которой победа пролетарской революции в середине прошлого столетия в объединенном австро-германском государстве должна была привести к слиянию наций в одну общую немецкую нацию с одним общим немецким языком и к онемечению чехов. Я возражал против этой теории, как против антимарксистской, антиленинской, ссылаясь на факты из жизни нашей страны после победы социализма в СССР, опровергающие эту теорию. Я и теперь возражаю против этой теории, как это видно из моего отчетного доклада на этом XVI съезде. Возражаю, так как теория слияния всех наций, скажем, СССР, в одну общую великорусскую нацию с одним общим великорусским языком есть теория национал-шовинистская, теория антиленинская, противоречащая основному положению ленинизма, состоящему в том, что национальные различия не могут исчезнуть в ближайший период, что они должны остаться еще надолго даже после победы пролетарской революции в мировом масштабе. Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым. Об этом я также определенно заявил в своем докладе на XVI съезде.

Где же тут неясность и что, собственно, требуется здесь разъяснить?

Они не уяснили себе прежде всего тот факт, что мы уже вступили в СССР в период социализма, причем, несмотря на то, что мы вступили в этот период, нации не только не отмирают, а, наоборот, развиваются и расцветают. В самом деле, вступили ли мы уже в период социализма? Наш период обычно называется периодом, переходным от капитализма к социализму. Он назывался периодом переходным в 1918 г., когда Ленин в своей знаменитой статье «О „левом“ ребячестве» впервые охарактеризовал этот период с его пятью укладами хозяйственной жизни. Он называется переходным в настоящее время, в 1930 г., когда некоторые из этих укладов, как устарелые, уже идут ко дну, а один из этих укладов, а именно – новый уклад в области промышленности и сельского хозяйства растет и развивается с невиданной быстротой. Можно ли сказать, что два переходных периода являются тождественными, что они не отличаются друг от друга коренным образом? Ясно, что нельзя. Что имели мы в 1918 г. в области народного хозяйства? Разрушенную промышленность и зажимки, отсутствие колхозов и совхозов, как массового явления, рост «новой» буржуазии в городе и кулачества в деревне. Что мы имеем теперь? Восстановленную и реконструируемую социалистическую промышленность, развитую систему колхозов и совхозов, имеющих более 40% всех посевов по СССР по одному лишь яровому клину, умирающую «новую» буржуазию в городе, умирающее кулачество в деревне. И там переходный период. И здесь переходный период. И все же они в корне отличаются друг от друга, как небо от земли. И все же никто не может отрицать, что мы стоим на пороге ликвидации последнего серьезного капиталистического класса, класса кулаков. Ясно, что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту. Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко. И все же, несмотря на это, национальные языки не только не отмирают и не сливаются в общий один язык, а, наоборот, национальные культуры и национальные языки развиваются и расцветают. Не ясно ли, что теория отмирания национальных языков и слияния их в один общий язык в рамках одного государства в период развернутого социалистического строительства, в период социализма в одной стране, есть теория неправильная, антимарксистская, антиленинская?

Авторы записки не уяснили, во-вторых, того, что вопрос об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык есть не вопрос внутригосударственный, не вопрос победы социализма в одной стране, а вопрос международный, вопрос победы социализма в международном масштабе. Авторы записки не поняли, что нельзя смешивать победу социализма в одной стране с победой социализма в международном масштабе. Ленин недаром говорил, что национальные различия останутся еще надолго даже после победы диктатуры пролетариата в международном масштабе. Кроме того, надо принять во внимание еще одно обстоятельство, имеющее отношение к ряду национальностей СССР. Есть Украина в составе СССР. Но есть и другая Украина в составе других государств. Есть Белоруссия в составе СССР. Но есть и другая Белоруссия в составе других государств. Думаете ли вы, что вопрос об украинском и белорусском языке может быть разрешен вне учета этих своеобразных условий? Возьмите, далее, национальности СССР, расположенные по южной его границе от Азербайджана до Казахстана и Бурято-Монголии. Все они находятся в том же положении, что и Украина и Белоруссия. Помимо, что и тут придется принять во внимание своеобразие условий развития этих национальностей. Не ясно ли, что все эти и подобные им вопросы, связанные с проблемой национальных культур и национальных языков, не могут быть разрешены в рамках одного государства, в рамках СССР?

Вот как обстоит дело, товарищи, с национальным вопросом вообще, с упомянутой выше запиской по национальному вопросу, в частности.

>(И.В. Сталин. Заключительное слово по докладу на XVI съезде ВКП(б). – Стенограф. отчет, 290 – 291 // 13, 3 – 7.)
V. ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МЫСЛИ, КАК ОРУДИЕ АГИТАЦИИ И ПРОПАГАНДЫ

1. Значение точности терминологии и выражений

339

1) «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры; и так как полезный труд возможен лишь в обществе и посредством общества, продукт труда принадлежит сполна и на равных правах всем членам общества». Первая часть параграфа: «Труд есть источник всякого богатства и всякой культуры». Труд не есть источник потребительных ценностей (а ведь из них же, конечно, составляется вещественное богатство), как и труд, который сам есть лишь проявление силы природы, силы человеческого труда.

Подобную фразу вы встретите во всех азбуках, и она верна лишь постольку, поскольку при труде в ней подразумеваются и все необходимые для его приложения предметы и средства. Но в социалистической программе совершенно недозволительны эти буржуазные фразы, замалчивающие те условия, которые одни только и дают им смысл. Поскольку человек заранее считает себя собственником природы, этого первоисточника всех орудий труда и всех материалов, и относится к ней как к своей собственности, постольку его труд является источником потребительных ценностей, а следовательно, и богатства. У буржуа есть прекрасные основания приписывать труду сверхъестественную творческую силу, так как именно из обусловленности труда природой вытекает тот факт, что человек, обладающий всего-на-всего своей рабочей силой, при всяком состоянии общества и культуры будет по необходимости рабом других людей, присвоивших себе вещественные условия труда. Он может трудиться с их разрешения, следовательно, жить лишь с их разрешения.

Но возьмем это азбучное предложение, каково оно есть. Какого вывода надо ожидать из него? Очевидно такого: «Так как труд является источником всякого богатства, то никто в обществе не может присвоить себе богатства, которое не было бы продуктом труда. Человек, который не трудится сам, живет трудом другого, и даже культуру свою он приобретает насчет чужого труда». Вместо этого при помощи слов: «и так как», к первому предложению прицепляется второе, и вывод делается из этого второго предложения, вместо первого.

Вторая часть параграфа: «Полезный труд возможен только в обществе и посредством общества». В первой части параграфа источником всякого богатства, всякой культуры, а следовательно, и всякого общества был труд. Теперь мы узнаем наоборот, что никакого «полезного» труда не может быть без общества.

В третьих, заключение: «И так как полезный труд может производиться только в обществе и обществом, продукт труда сполна и на равных правах принадлежит всем членам общества».

Великолепное заключение. Если полезный труд может производиться только в обществе и обществом, то и продукт труда принадлежит обществу; на долю же отдельных рабочих достанется из него лишь остаток от расходов на обеспечение необходимого условия труда: то есть общества.

И в действительности, во все времена защитники каждого данного общественного строя всегда ссылались на это положение. Прежде всего выдвигаются притязания правительства со всеми его придатками, в качестве общественного органа, охраняющего общественный порядок. Затем следуют притязания различных родов частной собственности, так как они именно служат основами общества и т.д.

Эти пустые фразы можно, как видите, вертеть и выворачивать как кому угодно.

Некоторый общий смысл первая и вторая часть параграфа получают лишь в таком виде: «Труд становится источником богатства и культуры лишь в качестве общественного труда или, что то же самое, труда, совершающегося в обществе и посредством общества».

Это предложение неоспоримо, так как, если индивидуальный труд (предположив наличность его материальных условий) и может производить потребительные ценности, он ни в каком случае не может произвести ни богатства, ни культуры.

Но так же неоспоримо и другое положение: «по мере того, как совершается общественное развитие труда и тем самым он становится источником богатства и культуры, развивается так же, с одной стороны, бедность и беспомощность

Это закон всей истории до наших дней. Следовательно, вместо общих фраз о «труде» и «обществе» нужно было ясно показать, как в современном, капиталистическом обществе создались, наконец, те материальные и пр. условия, которые дают рабочим возможность и в то же время вынуждают их устранить это общественное проклятие.

На самом же деле весь этот параграф, негодный по форме и по содержанию, нужен здесь лишь для того, чтобы выставить в качестве лозунга на знамени партии излюбленное лассальянское изречение о «полном продукте труда». Я потом вернусь к этому «полному продукту труда», к «равному праву» и пр., так как дальше они снова повторяются в несколько отличной форме.

3) «Освобождение труда требует возведения средств производства в собственность всего общества, коллективного регулирования всей работы и справедливого распределения ее продукта». «Возведение средств производства в общественную собственность» обозначает, конечно, их «превращение в общественную собственность», но это так, мимоходом. Что такое «продукт труда»? Произведенные ли предметы или их ценность? И в последнем случае: вся ли ценность продукта или только та часть ценности, которая добавлена новым трудом к ценности употребленных им средств производства?

«Продукт труда» (в смысле дохода трудящегося) это пустое представление, поставленное Лассалем на место определенного экономического понятия. ...

Вслед за фразерством о получении рабочим «полного продукта своего труда» должны исчезнуть фразы вообще о «продуктах труда» рабочего, хотя бы и не полных.

В обществе, основанном на принадлежности средств производства всему обществу, производители не обмениваются своими продуктами. Равным образом и труд, употребленный на производство продуктов, не проявляется в виде ценности, как бы свойственной самим продуктам, так как здесь в противоположность капиталистическому обществу работа отдельного лица является частью коллективного труда не косвенно, а непосредственно.

Выражение «продукт труда рабочего» уж и теперь негодное, в виду своей двусмысленности, теряет, таким образом, всякий смысл. ...

«Чтобы подготовить путь для разрешения социального вопроса, немецкая рабочая партия требует учреждения социалистических производительных товариществ при содействии государства и под демократическим контролем трудящегося народа. Производительные товарищества должны быть созданы в таком количестве в промышленности и земледелии, чтобы на них возникла социалистическая организация коллективного труда». После железного закона Лассалья – панацея того же пророка. Вместо существующей борьбы классов подставляется газетная фраза «социальный вопрос», к «разрешению» которого «подготавливается путь».

Вместо процесса революционного переустройства, «социалистическая организация» коллективного труда возникает из «содействия государства» производительным товариществам, «созданным» государством, а не рабочими.

Вполне достойно Лассалья вообразить себе, что при государственной субсидии так же легко построить новое общество, как новую железную дорогу!

Из-за остатка стыдливости «государственную помощь» ставят... под демократический контроль «трудящегося народа».

Во-первых, в Германии большинство «трудящегося народа» состоит из крестьян, а не из пролетариев.

Во-вторых, слово «демократия» будет по-немецки «*volksherrschaft*» («народовластие»).

Что же это за «властный контроль трудящегося народа»? Того самого народа, заметим, который не только не властвует, но своим же собственным обращением к государству с требованием помощи сознается в том, что не созрел еще для народовластия.

Что же касается до самого рецепта, который при Луи-Филиппе Бюше прописал против французских социалистов, а реакционные рабочие из «Atelier» приняли, то на нем не стоит останавливаться.

Главная беда не в том, что эти чудодейственные ассоциации вписаны в программу, а в том, что вся она идет назад от классового движения к сектантскому.

Перехожу теперь к демократическому отделу.

А. Свободное основание государства.

Сперва о «свободном государстве, к которому стремится (в отделе II) германская рабочая партия».

Что такое свободное государство? Сделать государство свободным никоим образом не может быть целью рабочих, освободившихся от верноподданного мышления. ...

А какое беспутное злоупотребление словами: «современное государство», «современное общество» и какое еще более беспутное введение в программу полнейшего непонимания того государства, к которому она предъявляет свои требования.

«Современное общество» – это капиталистическое общество, существующее во всех цивилизованных странах, с большей или меньшей примесью элементов, унаследованных от средних веков, более или менее видоизмененное особенностями в историческом развитии или менее видоизмененное особенностями в историческом развитии. «Современное государство», наоборот, изменяется с переездом каждой границы. В прусско-германской империи оно совершенно иное, чехи в Швейцарии, и в Англии оно не такое, как в Соединенных Штатах. «Современное государство», следовательно, есть не более, как фикция...

>(К. Маркс. Отрывки из «Критики Готской программы» 1875 г. – «Критика Готской программы». Петроград, 1919 г. // 19, 13 – 27.)
340

Что касается формы, то можно было думать, что многие иностранные слова вызовут недоразумения. Но уже Лассаль в своих речах и пропагандистских брошюрах не стеснялся употреблять иностранные слова, и, поскольку мне известно, на это особенно не жаловались. А с того времени наши рабочие гораздо усерднее и более регулярно читают газеты и по тому самому больше освоились с иностранными словами. Я ограничился тем, что устранил все не безусловно необходимые иностранные слова. Но, оставляя необходимые, я отказался от присоединения к ним так называемых пояснительных переводов. Такие необходимые иностранные слова, в большинстве случаев представляющие общепринятые научно-технические выражения, не были бы необходимыми, если бы их можно было перевести. Перевод только искажает их смысл; вместо того, чтобы объяснить, он вносит путаницу. Устные разъяснения помогают в таком случае гораздо больше.

>(Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке, 7 – 8. 1931 г. // 19, 322.)
341

Я думаю, что нам с нападками лучше всего подождать до появления Ницеты на немецком языке (т.е. я имею в виду главные возражения; перестрелки, чтобы заманить на огонь последователей Родбертуса, всегда хороши).

Я жду рукописи. Кстати, если во втором отделе гегелевские выражения представят для вас затруднения, то вы просто оставьте свободное место в рукописи, а я уже заполню его; по-немецки должна быть точная научная терминология, в противном случае это будет непонятно.

>(Ф. Энгельс. Письмо Э. Бернштейну, 11/IV 1884 г. – Архив, I, 357 // 36, 118.)
342

Некоторые химики говорят еще о химической силе, благодаря которой происходят и удерживаются соединения. Но здесь мы не имеем собственно

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
перехода, а имеем совпадение движения различных тел воедино и понятие «сила» (превращается в фразу; как и всюду, где думают исследовать неисследованные формы движения...) здесь оказывается, таким образом, у границы своего употребления. Но она еще измерима через порождение теплоты, однако до сих пор без значительных результатов; для ее объяснения сочиняют так называемую силу (например, объясняют плавание дров на воде из плавательной силы, преломляющая сила – в случае света и т.д.), причем, таким образом, получают столько сил, сколько имеется необъясненных явлений, и по существу только переводят внешние явления на внутренний язык фразы. (Более извинителен случай притяжения и отталкивания; здесь масса непонятных для физика явлений резюмируется в одном общем названии, и этим дается намек на какую-то внутреннюю связь их.) (Если бы хотели говорить о химической силе, то пришлось бы найти способ для измерения большего или меньшего сродства между отдельными элементами и их соединениями; например, кислотами и щелочами, землями, серой, окисями металлов – задача, которая современных химиков вполне основательно занимает пока мало.)

Наконец в органической природе категория силы совершенно недостаточна, и, однако, она постоянно применяется. Конечно, можно назвать действие мускула по его механическому результату мускульной силой и даже измерять его; можно даже рассматривать другие измеримые функции как силы – например, пищеварительную способность различных желудков. Но таким образом мы скоро приходим к абсурду (например, неравная сила), и, во всяком случае, здесь можно говорить о силах только в ограниченном фигуральном смысле (обычный оборот речи: бороться с силами). Эта неразбериха привела к тому, что стали говорить о жизненной силе, и если этим желают сказать, что форма движения в органической природе отличается механической, физической, химической, содержа их в себе в снятом виде, то способ выражения, в особенности потому, что сила – предположив перенос движения – является здесь чем-то внесенным в организм извне, а не присущим ему, неотделимым от него. Поэтому-то жизненная сила является последним убежищем всех супранатуралистов.

>(Ф. Энгельс. Диалектика природы. – Соч., XIV, 402 – 403 // 20, 597 – 598.)
343

Термин «энергия» отнюдь не выражает правильно всего явления движения, ибо он подчеркивает только одну сторону его – действие, но не противодействие. Кроме того, он способен вызвать мысль о том, будто «энергия» есть нечто внешнее для материи, нечто привитое ей. Но, во всяком случае, он заслуживает предпочтения перед выражением «сила».

>(Там же, 541 // 20, 401 – 402.)
344

Теоретическая механика приходит к понятию живой силы, практическая механика инженеров приходит к понятию работы и навязывает его теоретикам. Но привычка к вычислениям отучила теоретиков мыслить. И вот в течение ряда лет они не замечают связи обоих этих понятий, измеряя одно из них через mv^2 , другое – через $mv^2/2$, принимая под конец в виде меры для обоих $mv^2/2$ не из понимания существа дела, а для упрощения выкладок.

[* Слово «работа» и соответствующее представление созданы английскими [экономистами] инженерами. Но по-английски практическая работа называется work, а работа в экономическом смысле называется labour. Поэтому и физическая работа обозначается словом work, причем исключается всякая возможность смешения с работой в экономическом смысле. Совершенно иначе обстоит дело в немецком языке; поэтому-то и были возможны в новейшей псевдонаучной литературе различные своеобразные применения работы в физическом смысле к трудовым отношениям в области экономики и наоборот.

Но у немцев имеется слово werk, которое, подобно английскому слову work, отлично годится для обозначения физической работы. Но так как политическая экономия совершенно чуждая нашим естествоиспытателям область, то они вряд ли решатся ввести его вместо приобретенного уже права гражданства слова Arbeit, а если и попытаются ввести, то тогда, когда уже будет слишком поздно. Только у клаузиуса встречается попытка сохранить хотя бы наряду с выражением Arbeit и выражение werk.]

>(Там же, 561 // 20, 422.)
345

Но потребуются еще не мало времени и труда, пока с помощью новых опытов не удастся вылущить твердое ядро из этих противоречащих друг другу гипотез. До тех пор или же до того времени, пока эфирная теория не будет вытеснена какой-нибудь совершенно новой теорией, учение об электричестве находится в неприятном положении, ибо оно должно пользоваться терминологией, которую само называет неверной. Вся его терминология еще основывается на представлении о двух электрических жидкостях. Оно еще говорит самым спокойным образом об «электрических массах, текущих в телах», о «разделении электричества в каждой молекуле» и т.д. Это зло, которое, как было сказано, неизбежно вытекает из современного переходного состояния науки, но которое также при господствующем именно в этой области знания одностороннем эмпиризме немало содействует сохранению царившей до сих пор идейной путаницы.

>(Там же, 578 // 20, 439 – 440.)
346

Если выражение «электрическая разъединительная сила» попросту бессмысленно, то выражение «электродвижущая сила» по меньшей мере излишне. Мы имели термомоторы до того, как получили электромоторы, и, однако, теория теплоты отлично обходится без особой тепловдвижущей силы. Подобно тому, как простое выражение «теплота» заключает в себе все явления движения, относящиеся к этой форме энергии, так можно ограничиться и выражением «электричество» в соответствующей области. И к тому же весьма многие формы проявления электричества не носят вовсе непосредственного «двигательного» характера. Таковы намагничивание железа, химическое разложение и превращение в теплоту. Наконец, во всякой области естествознания, даже в механике, делают шаг вперед, когда где-нибудь избавляются от слова сила.

>(Там же, 617 // 20, 472 – 473.)
347

Изложение сделано прилежно и обстоятельно. Только ему, как и всей книге Штарке [C.N. Starke. Ludwig Feuerbach. Stuttgart, 1885], вредит вовсе не неизбежный балласт философских выражений. Этот балласт тем более неудобен, что автор не придерживается выражений, принятых какой-нибудь одной школой или хотя бы самим Фейербахом, а перемешивает выражения, принятые самыми различными школами и преимущественно теми направлениями, которые, под именем философских, распространяются ныне, подобно заразе.

>(Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 646 // 21, 285.)
348

Уклон не есть еще готовое течение. Уклон это есть то, что можно поправить. Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно. Это, на мой взгляд, и выражается русским словом «уклон». Это подчеркивание того, что тут еще нет чего-либо окончательного, подчеркивание того, что дело – легко поправимое, – это желание предостеречь и поставить вопрос во всей полноте и принципиально. Если кто-либо найдет русское слово, более выражающее эту мысль, – пожалуйста.

>(В.И. Ленин. X съезд ВКП(б). – Соч., XXVI, 267 // 43, 101.)
349

Возьмем для начала пресловутую «производственную демократию», которую тов. Бухарин поспешил вставить в резолюцию ЦК от 7 декабря. Конечно, смешно было бы придираться к этому неуклюжему и интеллигентски-искусственному («выкрутасы») термину, если бы он был употреблен в речи или в статье. Но ведь как раз Троцкий и Бухарин поставили себя в такое смешное положение, что они настаивают в тезисах именно на этом термине, отличающем их «платформы» от принятых профсоюзами тезисов Рудзутака.

Этот термин теоретически неверен. Всякая демократия, как вообще политическая надстройка (неизбежная, пока не завершено уничтожение классов, пока не создано бесклассовое общество), служит, в конечном счете, производству и определяется, в конечном счете, производственными отношениями данного общества. Поэтому выделение «производственной демократии» из всякой другой демократии ничего не говорит: это – путаница и пустышка. Это – во-первых.

Во-вторых, посмотрите на разъяснение этого термина самим Бухариным в написанной им резолюции пленума ЦК от 7 декабря. «Поэтому, – писал там Бухарин, – методы рабочей демократии должны быть методами производственной демократии. Это значит» – заметьте: «это значит». Бухарин обращение к массам начинает с такого мудреного термина, что его надо особо объяснять: по-моему, с точки зрения демократизма, это не демократично; для масс надо писать без таких новых терминов, кои требуют особого объяснения; с точки зрения «производственной» это вредно, ибо заставляет тратить время попусту на объяснения ненужного термина – «это значит, что все выборы, выставление кандидатов, их поддержка и т.д. должны проходить под углом зрения не только политической выдержанности, но и хозяйственных способностей, административного стажа, организаторских качеств и проверенной на деле заботы о материальных и духовных интересах трудящихся масс».

Рассуждение явно натянутое и неверное. Демократия не означает только «выборы, выставление кандидатов, их поддержку и т.д.». Это с одной стороны. А с другой, не все выборы должны проходить под углом зрения политической выдержанности и хозяйственных способностей. Надо так же, вопреки Троцкому, в миллионной организации иметь известный процент ходатаев, бюрократов (без хороших бюрократов не обойтись много лет). Но мы не говорим о «ходатайственной» или «бюрократической» демократии.

В третьих. Не правильно смотреть только на выбираемых, только на организаторов, администраторов и пр. Это все же меньшинство выдающихся людей. Надо смотреть на рядовых, на массу. У Рудзутака это выражено не только проще, понятнее, но и теоретически правильнее (тезис б):

«...Необходимо, чтобы каждый участник производства понял необходимость и целесообразность выполняемых им производственных задач; чтобы каждый участник производства участвовал не только в выполнении задания сверху, но и сознательно принимал участие в исправлении всех недочетов технических и организационных, в области производства».

В-четвертых. «Производственная демократия» есть термин, порождающий возможность кривотолков. Его можно понять в смысле диктатуры и единоначалия. Его можно истолковывать в смысле отсрочки обычной демократии или отговорки от нее. Оба толкования эти вредны, а чтобы избежать их, не обойтись без особых комментариев.

Простое изложение тех же мыслей у Рудзутака и правильнее и избегает всех этих неудобств.

И Троцкий в своей статье «Производственная демократия» в «Правде» 11 января не только не опровергает того, что эти неправильности и неудобства есть (он обходит весь этот вопрос, не сравнивает своих тезисов с рудзутаковскими), а, напротив, косвенно подтверждает неудобство и неправильность своего термина, именно тем, что приводит в параллель ему: «Военную демократию». К счастью мы никогда, помнится, фракционных споров из-за подобного термина не поднимали.

Еще более неудачен такой термин Троцкого, как «производственная атмосфера». Зиновьев справедливо посмеялся над ним. Троцкий очень рассердился и возражал: «Атмосфера военная у нас была... Теперь должна создаваться в рабочей массе, в толще ее, не только на поверхности производственная атмосфера, т.е. такое же напряжение, деловой интерес, внимание к производству, какие были к фронтам...». Вот в том-то и дело, что «рабочей массе, толще ее» надо говорить так, как говорится в тезисах Рудзутака, а не с употребления слов вроде: «производственная атмосфера», которые вызовут недоумение или улыбку. По существу употребляя выражение «производственная атмосфера», тов. Троцкий выражает ту же мысль, которую выражает понятие производственной пропаганды. Но именно для рабочей массы, для толщи ее надо вести производственную пропаганду так, чтобы подобных выражений избегать. Это выражение годится в виде образца того, как не следует вести производственной пропаганды.

>(В.И. Ленин. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках т.т. Троцкого и Бухарина. – Соч., XXVI, 123 – 125 // 42, 275 – 278.)
350

Между прочим [стр. 68] Фейербах употребляет выражение: энергия, т.е. деятельность. Это стоит отметить. Действительно, в понятии энергия есть субъективный момент, отсутствующий, например, в понятии движения. Или, вернее, в понятии или в словоупотреблении понятия энергия есть нечто,

>(В.И. Ленин. Конспект книги Фейербаха «Лекции о сущности религии». – Ленинск. сборн., XII, 91 – 93 // 29, 46.)
351

Я перейду, наконец, к главным возражениям, которые со всех сторон сыпались на мою статью и на мою речь. Попало здесь особенно лозунгу: «грабь награбленное», – лозунгу, который, как я к нему ни присматриваюсь, не могу признать неправильным, если выступает на сцену история. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то – почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов.

>(В.И. Ленин. Столыпин и революция. – Соч., XV, 227 // 36, 269.)
352

Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты, или недостатки, или пробелы?

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас, однако, тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово «будировать» в смысле возбуждать, тормозить, будить. Но французское слово «boudier» [будэ] значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле «сердиться», «дуться». Перенимать французски-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но, во-первых, не доучился, а, во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?

>(В.И. Ленин. Об очистке русского языка. – Соч., XXIV, 662 // 40, 49.)
353

Слово «нэпман», которое вы употребляете, ведет к некоторому недоразумению. Это слово образовано из сокращенного «НЭП», что означает «новая экономическая политика», и прибавки «ман», что означает «человек или представитель этой новой экономической политики». На газетном языке это слово возникло сначала как шутовское обозначение мелкого торгаша или лица, пользующегося свободной торговлей для всякого рода злоупотреблений.

Внешним образом новая экономическая политика всего больше бросается в глаза именно тем, что появляется на авансцену подобного рода «нэпман», или всякий, как вы пишете, кто «продает и покупает». Но действительная экономическая деятельность действительного большинства населения совсем не состоит в этом. Достаточно указать, например, на деятельность громадной массы крестьянства, которое именно теперь с громадной энергией и с величайшим самопожертвованием восстанавливает свою запашку и работает над восстановлением своих сельскохозяйственных орудий производства, своих жилищ, построек и т.д. С другой стороны, промышленные рабочие именно теперь с такой же выдающейся энергией работают над улучшением орудий труда, над заменой изношенных орудий труда новыми, над возобновлением разрушенных, испорченных или пострадавших зданий и т.д.

«Нэпман», если уже употреблять это выражение, гораздо более относящееся к шутовскому газетному языку, чем к области серьезных терминов политической экономии, обнаруживает гораздо более шуму, чем это соответствует его экономической силе. Поэтому я опасаясь, что человек, который применил бы к нашему «нэпману» то упрощенное положение исторического материализма, что за экономической силой должна следовать политическая, рискует ошибиться очень глубоко и даже стать жертвой целого ряда смешных недоразумений.

>(В.И. Ленин. Интервью корр. «Манч. Гард.» А. Рансому. – Соч., XXVII, 331 –
Страница 155

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
332 // 45, 265 – 266.)
354

Из замечаний В.И. Ленина на книгу Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода»

Общая теория трансформационного процесса.
– что такое??? «вобщее»? а la Spenser??

Предисловие

[5] Предлагаемая работа имеет своей задачей ниспровержение обычных, вульгарных, quasi-марксистских представлений, как о характере того Zusammenbruch'a, который предсказывали великие творцы научного коммунизма, так и о характере процесса превращения капиталистического общества в общество коммунистическое...

[5 – 6]... [Пролетариат] строит фундамент будущего общества. И притом строит его, как классовый субъект, как организованная сила... Ужасной ценой платит человечество за пороки капиталистической системы. И только такой класс, как пролетариат, класс-Прометей, сможет вынести на своих плечах неизбывные муки переходного периода...

– ну, слава богу: хоть не «трансформации», и не вообще, а известно чего во что!!!

?? «важнее», чем класс.

?

уф!!

Излишне распространяться о том, что путеводною нитью для автора был метод Маркса, метод, познавательная ценность которого только теперь стала во весь свой гигантский рост.

– только «познавательная ценность»? а не объективный мир отражающая? «стыдливый» ...агностицизм!

Глава I. Структура мирового капитализма.

...

[7] Теоретическая политическая экономия есть наука о социальном хозяйстве, основанном на производстве товаров, т.е. наука о неорганизованном социальном хозяйстве... Маркс... в своем учении о товарном фетишизме дал блестящее социологическое введение в теоретическую экономию... В самом деле, лишь только мы возьмем организованное общественное хозяйство, как исчезают все основные «проблемы» политической экономии...

– две неверности: 1) определение шаг назад против Энгельса; 2) тов[арное] пр[ои]зво[дство] есть тоже «орг[ани]з[о]в[а]нное» хозяйство!

[8] ...Таким образом, конец капиталистически-товарного общества будет концом и политической экономии.

– неверно. Даже в чистом ком[муни]зме хотя бы отношение $v + m$ к II с? и накопление?

Итак, политическая экономия изучает товарное хозяйство.

– не только!

Совершенно безразличным является для чистой теории, насколько велик объем, какова пространственная характеристика данного общественного хозяйства. Как раз поэтому Маркс и издевался так над названием «национальная экономия», которое облюбовали патриотические немецкие профессора. Точно также сравнительно второстепенным для абстрактной теории является вопрос о том, кто выступает в качестве субъекта отдельного хозяйства...

– ?

как раз не поэтому

?

Современный капитализм есть капитализм мировой. Это значит, что капиталистические производственные отношения господствуют во всем мире и связывают все части нашей планеты крепкой экономической связью.

[12 – 13] ...мы будем различать три рода конкурентной борьбы.

1) Под конкуренцией горизонтальной мы будем разуметь конкуренцию между однородными предприятиями. Здесь анархия, выражающаяся в конкурентной борьбе, ни на какое общественное разделение не опирается.

2) Под конкуренцией вертикальной мы будем разуметь борьбу между разнородными предприятиями, раздельное существование которых выражает факт общественного разделения труда.

3) Наконец, под комбинированной (сложной) конкуренцией у нас будет пониматься борьба, которую ведут комбинированные предприятия, т.е. капиталистические единицы, объединяющие различные отрасли производства, т.е. превращающие общественное разделение труда в техническое разделение.
– уф!

игра в дефиниции.

[22] Для Маркса все социальные явления историчны, и именно в их теоретической определенности Маркс и ищет их конститутивный признак...
– «конститутивный признак социальных явлений»... нехорошо!

[24] Но если война есть функция государства, есть государственная власть, и если, с другой стороны, само государство, как аппарат, есть средство укрепления и расширения определенных производственных отношений, то ясно, что война и производит в первую голову эту «работу»... чтобы ответить на вопрос о «сущности» войны, нужно поставить этот вопрос так же исторически, как и вопрос о государстве. Тогда мы будем иметь и схожий ответ, а именно, что война, с социологической точки зрения, есть средство воспроизводства тех производственных отношений, на основе которых она возникает.
– уф!

уф! Это все равно, как если бы химик на стр[анице] 24 курса химии сказал об «естественно-исторической» точке зрения». А какая против нее? Психологическая? zu einfach u[nd] ungenau

[25] ...Каждый производственный тип имеет и соответствующий тип государства, а каждому типу государства соответствует совершенно определенный тип войны.
– не один

Приведем несколько примеров. Пусть у нас будет рабовладельческое хозяйство. Тогда и государство есть не что иное, как государство рабовладельцев, а война этого государства есть не что иное, как средство расширения рабовладельческого строя, расширения воспроизводства рабовладельческих производственных отношений. Так называемые колониальные войны Испании, Голландии, Франции и проч. были войнами торгово-капиталистических государств... Когда промышленный капитал и его государственные организации повели борьбу за рынок сбыта, войны стали подчинять «отсталый» мир государству промышленного капитала...
– а иногда «средство» (слово неудобное) распада этого строя.

[26] Социалистическая война есть классовая война, которую нужно отличать от просто гражданской войны. Последняя не есть война в собственном смысле этого слова, ибо она не есть война двух государственных организаций...
– Уф! ох! караул! totale Konfusion hervorgerufen durch zu grosse Liebe des Verfassers Begriffsspiel zu uben u[nd] dasselbe fur «Soziologie» zu erklaren[70].

[33 – 34] ...Проникновение банкового капитала в промышленность вело к консолидации предприятий (созданию «фузий», комбинированных трестов и т.д.) Следовательно, в этих случаях организующие процессы идут из сферы обращения в сферу производства: это происходит потому, что процесс обращения есть составная часть общего «процесса в целом», процесса воспроизводства, который имеет «принудительную закономерность» для всех частей и фаз. Термины взяты в том значении, в котором они употребляются тов. А. Богдановым. См. его статью о тенденциях пролетарской культуры и «Пролетарская культура», а также «Всеобщую организационную науку».
– NB

Т. А. Богданов предпочитает видеть во всем организационном процессе во время войны одни лишь «карточки», т.е. один лишь процесс нормировки, возникший на почве регресса производительных сил. На самом же деле, процесс

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
нормировки неизмеримо глубже по своему значению. Регресс производительных сил вовсе не исключает здесь прогресса организационных форм капитализма. Так бывало и в «нормальное время», а именно во время кризисов, когда временный регресс производительных сил сопровождался ускоренной централизацией производства и возникновением капиталистических организаций. – Маркс говорил проще (без выкрутас с «терминами» и «системами» и социологиями) и говорил вернее об обобществлении.

Автор дает ценные новые факты, но ухудшает, verballhornt теорию Маркса «социологической» схоластикой.

Такую – mutatis mutandis – ошибку делал и Энгельс, когда говорил о синдикатах и трестах. Этой ошибки не нужно повторять теперь.
– где?

[48 – 49] ...Следовательно, распад «аппарата» неизбежно должен сопровождаться дальнейшим понижением производительных сил. Таким образом, процесс отрицательного расширенного воспроизводства чрезвычайно ускоряется. Из вышеприведенного анализа следует, что на базисе лопающихся (старых, капиталистических) отношений невозможно никакое «возрождение промышленности», о котором мечтают утописты капитализма. Единственный выход заключается в том, что низшие звенья системы, основная производительная сила капиталистического общества, рабочий класс, займут господствующее положение в организации общественного труда.
– уф!

Другими словами, только строительство коммунизма есть предпосылка общественного возрождения.
...Но теперь мы можем утверждать, что невозможно восстановление старой капиталистической системы.
– Это зависит от того, насколько пролетариат сумеет «на базисе лопающихся отношений» (ну и язык! ну и «социология»! ну и организац[ионная] наука!) довести до того, чтобы они совсем лопнули.

[53] В известном 7 § 24 главы I тома «Капитала» («историческая тенденция капиталистического накопления») Маркс выдвигает два основных момента, централизацию средств производства и обобществление труда, которые расцвели вместе с капиталистическим способом производства и внутри него...
– Ну, вот и слава богу! Наконец человеческий язык, вместо «организационной» тарабарщины. Все хорошо, что хорошо кончается.

[56] С этой общественно-организационной точки зрения совершенно ясна «зрелость» капиталистического общества... Здесь может быть два и только два случая: либо обобществление труда позволяет технически ввести планомерную организацию в какой бы то ни было конкретной социальной формулировке, либо процесс обобществления труда настолько слаб, труд настолько «расщеплен» («zersplittert», как выражался Маркс), что вообще технически невозможна рационализация общественно-трудового процесса... если капитализм «созрел» для государственного капитализма, то он созрел и для эпохи коммунистического строительства 1.
– Уф! опять! а может быть «общ[ест]в[ен]ная» не орг[ани]з[а]ц[ион]ная то[чка] зрения?

раздроблен

[1 Неизмеримая общественная подлость социал-соглашательских теорий состоит как раз в том, что они «соглашаются» на государственный капитализм, протестуя против социализма, который они готовы трижды признать на словах, вне практики.]
– не общественная.

[58] ...В эпоху распада капитализма, как мы видели в предыдущей главе, капитализм нельзя спасти потому, что основная производительная сила общества, рабочий класс отказывается ? выполнять свою капиталистическую, капиталообразующую функцию. Основной предпосылкой социалистического строительства является трансформация этой капиталообразующей функции в общественно-трудоую. ? Это возможно лишь при господствующем положении пролетариата, т.е. при его диктатуре.
– не то слово

...Прав поэтому Каутский, когда он пишет (Sozialisierung der Landwirtschaft,
Страница 158

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
Vorwort, S. 12): «Für uns ist das agrarische Problem das komplizierteste, aber auch das wichtigste der Revolution». Однако, вся беда Каутского как раз в том и состоит, что он не видит и не понимает именно всей сложности проблемы. Для него нет основного «осложняющего» фактора классовой борьбы разных общественных группировок. Логически это связано с непониманием того, что производственные отношения капиталистического общества суть в то же время и отношения социально-классовые и технически-трудовые.
– Как раз терминология и неверна: не бывает классовых не социальных. Надо бы сказать проще и вернее (теоретически): забыл класс[овую] б[орь]бу.

[83] ...диктатура пролетариата неизбежно сопровождается скрытой или более или менее открытой борьбой между организующей тенденцией пролетариата и товарно-анархической тенденцией крестьянства.
– надо было сказать: между социалистической т[енденци]ей пр[о]л[етариа]та и товарно-капиталистической т[енденци]ей кр[естьянст]ва. Подставлять зд[есь] слово орг[анизую]щей есть теор[етическая] неверность, шаг назад от К[арла] М[аркса] к Луи Блану.

[83 – 85]. Очевидно, что реальный процесс «обмена веществ» между городом и деревней может только служить прочной и устойчивой базой для решающего влияния города. Возобновление процесса производства в индустрии, возрождение промышленности в ее социалистической формулировке является таким образом необходимым условием более или менее быстрого втягивания деревни в организующий процесс.
– ха-ха-ха!! Вопиюще неверный термин! Чем мудренее, тем более неверно теоретически.

...«Angesichts der vorherrschenden Kleinbetriebs wird diese (d.h. Sozialisierung. N.B.) allerdings zunächst mehr auf eine Regelung des Zirkulationsprozesses zwischen Stadt und Land bedacht sein müssen, als auf eine Organisierung der Produktion» (Kautsky, l.c., S. 9).
– Ох, ох! Какое непонимание «социально-классовых» отношений – в этом недопущении рабочих к книге с непереверенными цитатами.

[87 – 88] ...И прочность всякого структурного равновесия, т.е. равновесия между различными общественно-людскими группировками, людскими элементами общественной системы, опирается на определенное равновесие между обществом и внешней средой, равновесие, характер которого определяется степенью в развитии общественно-материальных производительных сил.
– это терминология, умышленная замена классов группировками и т.п. не есть ли шаг назад к «социологии» в кавычках?

...В «Нищете философии» Маркс писал: «Исходить из разделения труда вообще с надеждой объяснить таким образом происхождение специфического орудия труда – машины – значит впасть в явное противоречие с историей. Машины столь же мало можно считать экономической категорией, как напр. быка, которого впрягают в плуг; их следует относить к производительным силам (наш курсив. Н.Б.). Экономической (наш курсив. Н.Б.) категорией, т.е. общественным отношением производства является не машина, а основанная на применении машин фабрика».
– относить не есть отождествлять.

Тут Маркс под производительными силами понимает, очевидно, вещественные и личные элементы производства и, сообразно с этим, категория производительных сил является категорией не экономической, а технической. С другой стороны мы находим у него же и иное определение производительных сил. В I и III томе «Капитала» Маркс очень часто употребляет термин «производительные силы», совершенно в том же смысле, что и выражение «производительность общественного труда...»
– «Сообразности» как раз не вышло, ибо «личное» (неточный термин) не есть «техническое».

[94] ...С этой точки зрения необходимо рассматривать и войну, которая есть не что иное, как один из методов конкуренции, на определенной ступени развития. Это есть метод комбинированной конкуренции между государственно-капиталистическими трестами. Следовательно издержки войны сами по себе суть не что иное, как издержки централизованного процесса. С точки зрения капиталистической системы в целом они играют положительную роль, поскольку они не приводят систему к краху.
– Не вообще, не всякую.

[97 – 98] ...При разворачивании революционного процесса в мировой революционный процесс гражданская война трансформируется в классовую войну, которую со стороны пролетариата ведет регулярная «красная армия»...
– уродливая и неверная терминология, смазывающая завоевание госуд[арственной] власти классом.

[107 – 108] ...Система социалистической диктатуры, которую можно было бы назвать государственным социализмом, если бы последний термин не был испорчен его обычным употреблением, есть диалектическое отрицание, противоположность государственного капитализма... В системе государственного капитализма хозяйствующим субъектом является капиталистическое государство, собирательный, коллективный капиталист.
– гм!?!?

автор злоупотребляет словом «д[иалектическое] отр[иц[ан]ие»: нельзя употреблять его, не доказав сначала фактами осторожно.

[110 – 111] ...Уже из предыдущего ясно, что это термин не совсем точный, если говорить об обобществлении, понимая под этим то, что трудовой процесс в целом удовлетворяет общественные потребности, т.е. потребности всего общества, как системы, то такое «обобществление» было и в пределах капитализма. Именно это разумел Маркс, когда говорил об «обобществленном труде»...
– именно!

именно не это

? где? когда? Автор не точно выразился.

[115] ...Даже так называемый «личный режим» отнюдь неправильно противопоставлять классовому господству. Наоборот, при определенном сочетании условий господство класса может находить себе наиболее адекватное выражение как раз в личном режиме...
– верно [!] только слова «личный режим» не точны. hat Nebenbedeutung[71].

Не то слово

[130 – 131] ...Задача состоит в том, чтобы анализировать перестройку общественной системы. Здесь: а) растет коллективный, собирательный, сознательный хозяйствующий субъект – пролетарское государство со всеми его соподчиненными органами; б) поскольку сохраняется иррациональный, слепой «рок» рынка, т.е. опять-таки общественная стихия, все больше подпадающая под регулирующее воздействие окристаллизовавшегося общественно-сознательного центра; с) наконец, поскольку налицо элементы распада социальных связей (напр. образование замкнутых натурально-хозяйственных ячеек), то они с одной стороны «лимитируются» ? в своих действиях хозяйственной средой (самая их внутренняя реорганизация есть функция общественных сдвигов); с другой они во все возрастающей степени вовлекаются в строительный процесс, постоянно подвергаясь планомерному воздействию со стороны государственно-хозяйственной организации пролетариата (трудовая повинность, всевозможные виды натуральной повинности и т.д.). Таким образом, даже когда отдельные элементы выпадают из общественно-производственного процесса, они находятся в постоянной сфере воздействия и сами рассматриваются с точки зрения общественной системы производства; в моменты своей максимальной обособленности они теоретически интересны, как объект общественного притяжения, как потенциальная составная часть новой общественной системы.
– вот именно!

элементы распада лимитируются...

уф!

? почему не проще: «их ограничивает»? О академизм! О ложноклассицизм! О, Третьяковский!

Не те слова. Ошибка «богдановской» терминологии выступает наружу: субъективизм, солипсизм. Не в том дело, кто «рассматривает», кому «интересно», а в том, что есть независимо от человеческого сознания.

[132 – 133] ...Теперь нам необходимо перейти к некоторым основным понятиям политической экономии, чтобы выяснить степень их пригодности в рассматриваемый период. ? Ибо «идеи и категории столь же мало вечны, как и выраженные ими отношения. Они представляют собой исторические и переходящие продукты».

– ? Вот это точная, простая, ясная без выкрутас, формулировка диалектического материализма. Quantum mutatus ab illo[72] эклектицизм Бухарина!

[134 – 136] ...Ценность появляется тогда, когда мы имеем правильное производство товаров. Здесь обязателен не случайный, а постоянный тип анархической связи через обмен. Здесь необходимо также состояние равновесия.

– ? Les mots qui hurlent de se voir accouplés[73]

[138 – 139] ...Насилие есть повивальная бабка всякого старого общества, которое беременно новым. Оно само есть экономическая сила (ökonomische Potenz).

– не точнее ли «категория»? фактор? (Насилие – сила, по-русски нехорошо).

?? = ложка дегтя в бочке меда

Прим[ечание] 2 на с[транице] 33 – наивно, почти по-детски наивно, Бухарин «взял „термины“ „в том значении“, в к[ото]р[ом] они употребляются тов. А. Богдановым»... и не подумал, что и термины и значение их у Богданова «фундированы» (да простит мне академик-автор это смешное, гелертерское слово) его философией, ф[илосо]фией идеализма и эклектизма. Поэтому очень часто, слишком часто автор впадает в противоречащий диал[ектическому] материализму] (т.е. марксизму) схоластицизм терминов (агностический, юмовско-кантовский, по фил[осо]ф[ским] основам), в идеализм («логика», «точка зрения» и т.п. вне сознания их производности от материи, от объективной действ[ительности] и т.п. Отсюда ряд как раз теоретических (к чему было претендовать на «общую теорию»?) неверностей, ученого сора, академических благоглупостей. Книга была бы совсем превосходной, если бы автор для второго издания выкинул подзаголовок, выкинул страниц 20 – 30 схоластики и бессознательно-идеалистических (в фил[осо]ф[ском] см[ысле]) и эклектических упражнений в терминологии, заменил их 20 – 30 страницами фактов (из цитированной им же богатой экон[омической] лит[ературы]). Тогда бы распухшее, нездоровое начало книги выздоровело, похудело, окрепло костями, убавило антимарксистского жира, и таким образом, крепче бы «фундировало» (ха-ха!) превосходный конец книги.

Когда автор лично встает на голову – выходит очень мило и весело и непедантски. А когда он, слепо подражая богдановским «терминам» (на деле-то вовсе не «терминам», а философ[ским] ошибкам) сначала в своей книге, для ради важности, для ради академизма, частенько встает на голову, чтобы потом перевернуться и встать на ноги – вышло как раз по-педантски, некстати.

По-зво-ли-тель-но на-де-ять-ся, что во вто-ром из-да-ни-и и т.д. и т.д.

На с[траницах] 131 и 132 ясно «выпячивается» марксизм в отличие от «богдановизма».

31/V 1920 г.

Recensio academica[74]: 1 Превосходные качества этой превосходной книги испытывают некоторую деквалификацию, поскольку они лимитируются тем обстоятельством, primo[75], что автор недостаточно фундирует свои постулаты солидным, хотя бы кратким, фактическим материалом, [хотя] владея им в совершенстве по литературе. Большая фактическая фундированность избавила бы книгу от дефектов аспекта «социологического» или вернее философского. Но это secundo[76]: автор рассматривает экономические процессы недостаточно конкретно in actu[77], часто впадая в то, что носит название – «terminus technicus» – «Begriffsscholastik»[78] – и не давая себе отчета, что многие неудачные формулировки и термины вурцелируют в философии, попадая sub specie «Grundgedanken»[79] под линию idealismi philosophici seu agnosticismi: (recht oft unbesehen u[nd] unkritisch von anderen

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org ubernommen[80], отнюдь не materialismi[81]. Позволительно выразить надежду, что этот небольшой недостаток исчезнет в следующих изданиях, которые так необходимы нашей читающей публике и послужат к еще большей чести академии; академию мы поздравляем с великолепным трудом ее члена.

31 /V 1920 г.

>(В.И. Ленин. Замечания на книгу Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода». – Ленинск. сборн., XI, 348 – 402.)
355

Из замечаний В.И. Ленина на проект Программы РСДРП

Самым общим и основным недостатком, который делает этот проект неприемлемым, я считаю весь тип программы, именно: это не программа практически борющейся партии, а *Prinzipienerklärung*[82], это скорее программа для учащихся (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма), и притом учащихся первого курса, на котором говорят о капитализме вообще, а еще не о русском капитализме. Этот основной недостаток вызывает также массу повторений, причем программа сбивается на комментарий.

Постараюсь доказать это разбором пункта за пунктом и затем подвести общий итог.

«Развитие международного обмена» и т.д. до слов: «давно уже стало международным» (§ – для удобства цитат я буду называть каждый абзац, т.е. начинающийся с красной строки *passus* – параграфом, с нумерацией по порядку).

По существу ничего нельзя возразить. Только слова «великое освободительное движение нашего времени» излишни, ибо об освободительном характере рабочего движения много и конкретно говорится ниже.

Затем, абзац этот, по-моему, не на месте. Программа русской социал-демократической партии должна начинаться характеристикой (и обвинением) русского капитализма, – и затем уже подчеркнуть международный характер движения, которое по форме своей – говоря словами Коммунистического Манифеста – необходимо является сначала национальным.

§ II. «Подобно социал-демократам всех других стран, русские социал-демократы стоят на международной почве. Они смотрят на свою партию, как на один из отрядов всемирной армии пролетариата, как на часть международной социал-демократии».

Подчеркнутые мною слова излишни, ибо они не прибавляют ровно ничего к тому, что сказано перед этим и после этого. Эти излишние слова только ослабляют совершенно достаточное и рельефное выражение мысли в словах «отряд» и «часть».

§ III. «Они преследуют ту же конечную цель, как и социал-демократы всех других стран».

Тоже излишние слова, повторенные два раза ниже в §§ XIII («конечная цель всех усилий международной социал-демократии» и т.д.) и XVII («единство общей конечной цели»). «Отряд» армии потому и есть отряд, что преследует ту же цель.

§ IV. «Эта общая социал-демократам всех стран» (опять излишнее повторение) «конечная цель определяется характером и ходом развития буржуазного общества».

Тоже излишние слова, ибо дальше именно и показано, как характер и ход развития буржуазного общества «определяют» эту конечную цель. Этот § – что-то в роде заголовка, названия, отдела. Но заголовки, необходимые в учебнике или в статье, совершенно не нужны в программе. *Alles, was im Programm überflüssig ist, schwächt es* [Все, что в программе лишнее, ослабляет ее] (Энгельс в замечаниях на проект Эрфуртской программы)...

...никто не усомнится в том, что именно вытеснением мелкого производства

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org

крупным являются (в области земледелия) такие процессы, как разложение крестьянства, развитие употребления машин в особенности у крупных хозяев, улучшение состава рабочего скота у крупных и ухудшение его (замена лошадей коровами и т.п.) у мелких, растущая «требовательность» наемника в крупном предприятии и удлинение рабочего дня, resp. сокращение потребления мелким крестьянином, улучшение ухода за землей и удобрения ее у крупного и ухудшение у мелкого хозяина, опережение последнего первым в области кредита и ассоциаций и т.п. и проч. Вовсе не трудно доказать (да нечего даже и доказывать), что все эти процессы означают «вытеснение», – трудно доказать, что именно на эти процессы надо обратить внимание, что эти процессы действительно происходят. Облегчению этой трудности ни капельки не служат слова «увеличение значения и сужение роли»: облегчить ее может только комментарий, только примеры того, как люди не умеют определять (не хотят определять) истинное выражение процесса вытеснения (= увеличение значения и сужение роли).

Это – чистейшая иллюзия, будто слова: «увеличение значения и сужение роли» более глубоки, содержательны, широки, чем «узкое» и «шаблонное» слово: «вытеснение».

Ни самомалейшего углубления в понимании процесса эти слова не выражают, – они выражают только этот процесс более туманно и более расплывчато. И я спорю так энергично против этих слов не за их теоретическую неверность, а именно за то, что они придают вид глубины простой туманности.

Человек «учившийся в семинарии» и знающий, что вытеснением является уже уменьшение доли (а вовсе не непременно абсолютное уменьшение), увидит в этой туманности желание прикрыть наготу скомпрометированной критиками «марксовой догмы» [83].

Человек, в семинарии не учившийся, только вздохнет по поводу непостижимой «бездны премудрости», – тогда как слово «вытеснение» каждому мастеровому и каждому крестьянину приведет на мысль десятки и сотни знакомых ему примеров. Не беда, если он сразу далеко не поймет этого выражения во всей его широте: «Selbst wenn einmal ein Fremdwort oder ein nicht auf den ersten Blick in seiner ganzen Tragweite zu erfassender Satz vorkommt, schadet das nichts. Der mündliche Vortrag in den Versammlungen, die schriftliche Erklärung in der Presse tut da alles Notige, und der kurze prägnante Satz befestigt sich dann, einmal verstanden, im Gedächtniss, wird Schlagwort und das passiert der breiteren Auseinandersetzung nie».

[«Не беда, если когда и встретится какое-либо иностранное слово или непонятная на первый взгляд во всей ее широте фраза. Устный доклад на собраниях и письменное разъяснение в печати сделают тут все необходимое, и краткое, но многозначительное выражение, будучи понятным, запечатлевается в сознании и становится лозунгом. А этого никогда не случается при более расплывчатом изложении».]

И с точки зрения стиля нежелательны эти слова «увеличение значения и сужение роли» вместо вытеснения. Это – не язык революционной партии, а язык «Русских Ведомостей». Это – не термин социалистической проповеди, а термин статистического сборника. Эти слова точно нарочно подобраны для того, чтобы читатель вынес впечатление, будто характеризующий процесс есть процесс не резкий, не заканчивающийся ничем определенным, процесс безболезненный. А так как в действительности все это обстоит как раз наоборот, то постольку эти слова являются прямо неверными. Мы не можем и не должны выбирать наиболее абстрактные формулировки, ибо мы пишем не статью против критиков, а программу боевой партии, обращающейся к массе кустарей и крестьян. Обращаясь к ним, мы должны сказать klar und klar [коротко и ясно], что капитал «делает их слугами и данниками», «разоряет» их, «вытесняет» их в ряды пролетариата. Только такая формулировка будет верным изображением того, чему тысячи примеров знает каждый кустарь и каждый крестьянин. И только из такой формулировки будет вытекать неизбежно вывод: единственное спасение для вас – примкнуть к партии пролетариата.

– – –

...Зависимость «более или менее полная, более или менее явная, более или менее тяжелая...» – это, по-моему, излишние и ослабляющие смысл слова. Выражение первоначального проекта: «слуги и данники» – сильнее и рельефнее...

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
...Резюмируя все вышеприведенные замечания, я нахожу в проекте четыре основных недостатка, делающие, по-моему, этот проект неприемлемым:

- 1) Крайняя абстрактность многих формулировок, как будто бы они предназначались не для боевой партии, а для курса лекций;
- 2) Отстранение и затемнение вопроса о специально-русском капитализме – особенно важный недостаток, ибо программа должна дать свод и руководство для агитации против русского капитализма. Мы должны выступить с прямой оценкой его и с прямым объявлением войны именно русскому капитализму;
- 3) Совершенно одностороннее и неправильное изображение отношения пролетариата к мелким производителям, отнимающее у нас базис в войне и с «критиками» и с многими другими;
- 4) Стремление постоянно дать в программе объяснение процесса. Объяснения дать все равно не удастся, а изложение становится растянутым, встречается масса повторений, программа постоянно сбивается на комментарий.

>(В.И. Ленин. Замечания на второй проект программы Плеханова. – Соч., V, 18 – 19, 22 – 23, 25 и 34 // 6, 212, 215, 219 – 221, 223, 235.)
356

четыре основных недостатка проникают собой весь проект и делают его, на мой взгляд, совершенно неприемлемым:

1) По способу формулировки важнейшего отдела, относящегося к характеристике капитализма, этот проект дает не программу пролетариата, борющегося против весьма реальных проявлений весьма определенного капитализма, а программу экономического учебника, посвященного капитализму вообще.

2) В особенности непригодна программа для партии русского пролетариата, потому что эволюция русского капитализма, порождаемые русским капитализмом противоречия и общественные бедствия почти совершенно обойдены и затемнены благодаря той же системе характеризовать капитализм вообще. Партия русского пролетариата должна в своей программе самым недвусмысленным образом изложить обвинение ею русского капитализма, объявление ею войны русскому капитализму. Необходимо это тем более, что русская программа не может быть в этом отношении одинакова с европейскими: эти последние говорят о капитализме и буржуазном обществе, не указывая, что эти понятия приложимы и к Австрии и к Германии и т.п., ибо это подразумевается само собой. По отношению к России этого подразумевать нельзя.

Отделаться же тем, что капитализм «в развитом своем виде» отличается вообще такими-то свойствами, – а в России капитализм «становится преобладающим», значит уклониться от того конкретного обвинения и объявления войны, которое для практически борющейся партии всего важнее.

Проект не достигает поэтому одной из главных целей программы: дать партии директиву для ее повседневной пропаганды и агитации по поводу всех разнообразных проявлений русского капитализма.

3) Некоторым важнейшим пунктам придана в проекте такая неточная формулировка, которая неизбежно породит ряд самых опасных недоразумений и затруднит нам нашу теоретическую борьбу и пропаганду. Так, например, рост крупного производства ограничен одними «промышленными» предприятиями. Эволюция сельскохозяйственного капитализма не то затенена, не то вовсе обойдена. Затем, место «диктатуры пролетариата» заняла «революция, которую предстоит совершить пролетариату, поддержанному другими слоями населения, страдающего от капиталистической эксплуатации», и даже вместо классовой борьбы пролетариата поставлена «борьба трудящейся и эксплуатируемой массы». Такая формулировка противоречит основному принципу «Интернационала»: «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса». Помимо пролетариата, другая часть «трудящейся и эксплуатируемой массы» (т.е. главным образом мелкие производители) лишь отчасти революционна в своей борьбе с буржуазией. Именно, она революционна лишь тогда, когда она, «имея в виду переход в пролетариат», «становится на точку зрения пролетариата» (Коммунистический Манифест). Реакционность же мелких производителей совершенно не оттенена в проекте, так что в общем и целом отношение пролетариата к «трудящейся и эксплуатируемой массе» изображено неправильно. Напр., проект гласит: «обостряется ее (трудящейся и

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
эксплуатируемой массы) борьба и прежде всего борьба ее передового представителя: пролетариата». «Обострение борьбы» мелких производителей выражается и в антисемитизме, и в цезаризме, и в крестьянских союзах против батраков, и даже в борьбе социальной жиронды с Горой. Представительство пролетариатом всей трудящейся и эксплуатируемой массы должно выразиться в программе тем, что мы обвиняем капитализм в нищете масс (а не только нищете рабочего класса), в безработице «все более широких слоев трудящегося населения» (а не рабочего класса).

4) Проект постоянно сбивается с программы в собственном смысле на комментарий. Программа должна давать краткие, ни одного лишнего слова не содержащие положения, предоставляя объяснение комментариям, брошюрам, агитации и пр. Поэтому Энгельс совершенно справедливо и обвинял Эрфуртскую программу в том, что она своей длиной, обстоятельностью и повторениями сбивается на комментарий.

В проекте же этот недостаток еще сильнее, повторений страшно много, попытки внести в программу объяснение процесса (вместо одной характеристики процесса) цели все равно не достигают, а растягивают программу до невозможности.

>(В.И. Ленин. Отзыв о втором проекте Плеханова. – Соч., V, 35 – 36 // 6, 236 – 238.)
357

Текст Мартова
– Замечания Ленина

2. Поэтому русские социал-демократы смотрят на свою партию как на один из отрядов всемирной армии пролетариата, как на часть международной социал-демократии и преследуют ту же конечную цель, как социал-демократы всех других стран.
– Почистить бы слог: «смотрят?»

Это «как» не по-русски. Неловко стилистически. «Они преследуют ту же самую конечную цель, какую поставили себе и социал-демократы всех других стран» или т.под.

3. Эта конечная цель определяется характером и ходом развития буржуазного общества.
– «Характером» – советую выкинуть, как излишние слова. Конечная цель определяется ходом, а не теми разновидностями этого всеобщего «хода», каковые объясняются понятием: «характер развития». Следовательно, это лишние слова и не совсем точны.

Общество это характеризуется господством товарного производства при капиталистических производственных отношениях, т.е. тем, что самая важная и значительная часть предметов потребления производится для сбыта на внутреннем или международном рынке, а самая важная и значительная часть средств производства и обращения этих предметов потребления – товаров принадлежит относительно небольшому по своей численности классу лиц, огромное же большинство населения состоит частью из лиц, не имеющих никаких средств производства и обращения (пролетариат), частью из таких, в распоряжении которых находятся лишь очень незначительные средства производства, не обеспечивающие их существования (некоторые слои мелких производителей, например, мелкие крестьяне и кустари).
– Почему только «предметов потребления»? А средств производства? Лучше бы «продуктов» и т.п.

Эти слова «на внутреннем или международном рынке» по-моему следует вычеркнуть. Излишнее повторение.

Эти слова – («этих предметов потребления») надо бы вычеркнуть. Товарами являются не только предметы потребления.

(Вместо «относительно небольшому», может быть ничтожному, ибо достаточным ограничением являются слова: «самая важная и значительная часть». Но это не важно).

Все эти лица вынуждены своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.е. поступать в наемники к

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
обладателям средств производства и обращения товаров и своим трудом
создавать их доход.

– Надо бы добавить (после «классу лиц»): «капиталистам и землевладельцам». Иначе получается абстрактность особенно неуместная в сопоставлении с дальнейшим: «крестьяне и кустари».

«И обращения» следует выкинуть: пролетарий чистой воды может иметь и имеет те «средства обращения», которые обмениваются на предметы потребления.

Пообчистить бы слог!

«Средства производства обеспечивают (?) существование».

? («Превращая»)

4. Господство капиталистических производственных отношений все более и более расширяется по мере того, как постоянное усовершенствование техники, увеличивая хозяйственное значение крупных предприятий, вытесняет мелких самостоятельных производителей, т.е. вызывает относительное уменьшение числа их, превращая часть их в пролетариев, суживает роль остальных в общественно-экономической жизни, а местами ставит их в более или менее полную, более или менее явную, более или менее тяжелую зависимость от крупных предпринимателей.

– «От капитала» – не только крупного.

5. Превращая часть мелких самостоятельных производителей в пролетариев, то же усовершенствование техники ведет к еще большему увеличению предложения рабочей силы, давая предпринимателям возможность все в больших размерах применять женский и детский труд в процессе производства и обращения товаров. А так как с другой стороны тот же самый процесс усовершенствования техники (машины) приводит к относительному уменьшению потребности предпринимателей в живом труде рабочих, то спрос на рабочую силу необходимо отстает от ее предложения, вследствие чего увеличивается зависимость наемного труда от капитала и повышается уровень его эксплуатации капиталом. Доля рабочего класса в общей сумме общественного дохода, создаваемого его трудом, постоянно уменьшается.

– Эти слова следовало бы выкинуть, как излишнее повторение мысли, высказанной уже в предыдущем положении.

Вообще § 5 особенно рельефно показывает общий недостаток проекта: длинноты и нежелательную тягучесть изложения. Между прочим: это вызывает то, что Энгельс назвал в Критике Эрфуртского проекта «*Schiefe Nebenbedeutung*» [84]. Например выходит, будто рост применения женского и детского труда обусловлен только «превращением» мелких самостоятельных производителей в пролетариев, а это не так, это бывает и до подобного «превращения». Начало §-фа 5-го излишнее повторение.

9. Эта социальная революция будет состоять в устранении капиталистических производственных отношений и замене их социалистическими, т.е. в экспроприации эксплуататоров для передачи средств производства и обращения продуктов в общественную собственность и в планомерной организации общественного производительного процесса для удовлетворения нужд как целого общества, так и отдельных его членов. Осуществление этой цели освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою.

– ?? («устранении»)

Не точно. Такое «удовлетворение» «дает» и капитализм, но не всем членам общества и не одинаковое.

10. Чтобы совершить свою социальную революцию, пролетариат должен завоевать политическую власть (классовая диктатура), которая сделает его господином положения и позволит побороть все препятствия. Организуясь для этой цели в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, пролетариат призывает в свои ряды все другие слои страждущего от капиталистической эксплуатации населения, рассчитывая на их поддержку, поскольку они сознают безнадежность своего положения в современном обществе и становятся на точку зрения пролетариата.

– ? «классовая диктатура»

? («побороть»)

«Противостоящую всем буржуазным партиям», – значит и мелкобуржуазным партиям, не так ли?? А ведь из мелких буржуа большинство суть «трудящиеся и эксплуатируемые». Не сцеплено. Социал-демократия организует и призывает. «Пролетариат... призывает в свои (!) слои» – ganz unmöglich[85]!

Слова – «рассчитывая на их поддержку» следует выкинуть. Они излишни (если призывает, то значит рассчитывает) и имеют *schiefe Nebenbedeutung*. Призывает тех, кто сознает, – поскольку сознает, *das genügt*[86].

12. Но, несмотря на единство их общей конечной цели, обусловленное господством одинакового способа производства во всем цивилизованном мире, социал-демократы разных стран ставят перед собой неодинаковые ближайшие задачи как потому, что этот способ не везде развит в одинаковой степени, так и потому, что его развитие в разных странах совершается в различной социально-политической обстановке.
– ? Слог («этот способ»)!!

§ 12 – конец. Надо бы попытаться сократить. Было бы зело полезно похудеть этому §-фу. Нельзя ли посредством: «национальные особенности» или что-либо т.п. сжать десять слов в два?

13. В России рядом с капитализмом, быстро распространяющим область своего господства и становящимся все более и более преобладающим способом производства, на каждом шагу встречаются еще остатки нашего старого, докапиталистического общественного порядка, который основывался на закреплении трудящихся масс помещикам, государству или главе государства. Эти остатки задерживают в сильнейшей степени развитие производительных сил, не допускают всестороннего развития классовой борьбы пролетариата, принижают жизненный уровень трудящегося населения, обуславливают азиатски-варварские формы разорения и упадка многомиллионного крестьянства и держат в темноте, бесправии и придавленности весь народ.
– § 13 начало. Кланяюсь и благодарю за малюсенький шажок ко мне. Но «становящимся», «преобладающим»... ши... ши – фи, фи!

Для сопоставления «классовой борьбы пролетариата» см. § 8.

? Слог («азиатски-варварские формы разорения»)!

§ 13 конец. Желательно подправить: я уже предлагал – как мои поправки к моему проекту, а то... «варварская форма разорения и упадка»...?

14. Являясь самым значительным из всех пережитков нашего крепостного строя и самым могучим оплотом всего этого варварства, царское самодержавие совершенно несовместимо с политической и гражданской свободой, давно уже существующей в передовых странах капиталистического производства, как его естественное правовое дополнение. По самой природе своей оно должно давить всякое общественное движение и не может не быть злейшим врагом всех освободительных стремлений пролетариата. Поэтому русская социал-демократия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его республикой на основе демократической конституции, обеспечивающей и т.д.
– ? Слог («производства»)

? Слог («оно»)

Не годится («всякое общественное движение»). Не всякое: биметализм и прерафаэлитизм есть тоже «общественное движение». Надо подправить.

«Естественное правовое дополнение» – очень неудачное выражение верной мысли. «Естественность» свободы для капитализма усложняется 1001 социально-историческим фактором, чего слово «естественный» не выражает. И пахнет, воняет оно либерализмом каким-то. Сказать бы как-нибудь, вроде того, что самодержавие неизбежно осуждено на смерть всем развитием капитализма, необходимо требующим гражданской и политической свободы для выражения усложняющих интересов или т.п., одним словом идею неизбежности выразить, не порождая недоразумений причислением этой неизбежности к числу «естественных».

>(В.И. Ленин. Замечания на комиссионный проект программы. – Соч., V, 37 – 39, 42 – 43, 43 – 45 // 6, 241 – 245, 248 – 252.)

В добавление к замечаниям на самом проекте отмечу еще:

§ 3. «Общество (буржуазное) характеризуется господством товарного производства при капиталистических производственных отношениях, т.е. ...» и дальше описываются основные черты капитализма. Получается несоответствие: посредством «т.е.» соединены неоднородные, неравные понятия, именно 1) видоизменение товарного производства в том его виде, какой обусловлен господством капиталистических производственных отношений, и 2) сбыт продуктов на рынке и продажа массой населения своей рабочей силы.

Это несоответствие, это приравнение основных и самых общих черт товарного производства вообще и капитализма вообще – и видоизменения товарного производства на основе капиталистических производственных отношений (тогда товары обмениваются уже не просто по стоимости) наглядно показывает неудачность формулировки Г.В. Плеханова (а комиссия приняла и только перефразировала эту формулировку). В программе, излагающей только самые общие и основные черты капитализма, не излагающей даже теории прибавочной стоимости, – мы вдруг будем давать «кивок» на Бем-Баверка, напоминая, что «товарное производство на основе капитализма» есть не совсем то, что простое товарное производство! Если так, то отчего же не прибавить в программе и специальных кивков на Михайловского, Бердяева и т.п.? С одной стороны, даже всему учению Маркса об эксплуатации труда капиталом уделено лишь одно самое общесоциалистическое выражение: «создают своим трудом их доходы» (§ 3 в конце), – а с другой стороны отмечается специально преобразование прибавочной стоимости и прибыль при «товарном производстве на базе капиталистических производственных отношений».

Г.В. Плеханов совершенно прав, что слова: «товарное производство на основе капиталистических производственных отношений» выражают основную мысль III-го тома. Но только. Не при чем эта мысль в программе, – как не при чем в ней и описание механизма реализации, составляющее основную мысль II-го тома, – как не при чем в ней описание преобразования избыточной прибыли в поземельную ренту. В программе достаточно отметить эксплуатацию труда капиталом – образование прибавочной стоимости, а говорить о всяческих видах преобразования и видоизменения форм этой прибавочной стоимости неуместно (и невозможно в паре кратких положений).

>(В.И. Ленин. Дополнительные замечания на комиссионный проект программы. – Соч., V, 47 – 48 // 6, 254 – 255.)

2. Основные качества, которыми должен обладать язык агитатора

359

Крикливые болтуны германской вульгарной экономии бранят стиль и способ изложения «Капитала». Литературные недостатки моего труда я сознаю лучше, чем кто-либо другой. Тем не менее ради удовольствия и поучения этих господ и их публики я процитирую мнение английской и русской критики. «Saturday Review», безусловно враждебная моим взглядам, в своей заметке по поводу первого немецкого издания пишет: «Изложение сообщает даже самым сухим экономическим вопросам своеобразную прелесть („charm“»)». «С.-Петербургские Ведомости» замечают в № от 20 апреля 1872 г.: «Изложение, если не считать немногих слишком специальных отделов, отличается общедоступностью, ясностью и, несмотря на научную высоту предмета, необыкновенной живостью. В этом отношении автор... совсем не похож на большинство немецких ученых... которые пишут свои книги таким темным и сухим языком, что у простого смертного голова трещит». У читателей современной немецко-национально-либеральной профессорской литературы трещит не голова, а кое-что совершенно другое.

>(К. Маркс. Капитал, I, XX, прим. Изд. 8-е // 23, 18 – 19, прим.)

360

Что касается стиля, то Маркс сам тщательно пересмотрел и исправил некоторые подотделы, и тем самым, а также многочисленными устными указаниями дал мне мерилу того, в какой степени следует устранить английские технические выражения и прочие англицизмы. Вставки и дополнения Маркс, если бы он был жив, подверг бы, конечно, переработке, заменив гладкий французский язык своим сжатым немецким языком. Я вынужден был удовлетвориться простым перенесением их в соответствующие места книги, стараясь лишь, чтобы они возможно более гармонировали с основным текстом.

>(Ф. Энгельс. Предисловие к 3-му изданию «Капитала». – Там же, XXIV // 23, 28.)
361

Гнусности немецких правительств, полиции и судов по отношению к нашим товарищам постепенно принимают такой характер, что даже самые сильные выражения слишком бедны для их характеристики. Но так как постоянное употребление сильных выражений не придает непременно силы языку, и постоянное употребление таких слов, как негодяй и др., ослабляет эффект, так что пришлось бы прибегать к новым, более сильным выражениям и таким образом перейти к стилю Моста-Шнейдта, то желательно другое средство, которое обеспечивало бы силу выражения без употребления сильных слов. И такое средство существует, оно состоит в преимущественном применении иронии, насмешки, сарказма, которые сильнее действуют на противника, чем самые грубые слова негодования.

Я думаю, что С.-Д. поступил бы хорошо, если бы везде, где это возможно, применял бы старую, преимущественно ироническую манеру писания, как это уже и имело место в последнем №. Если при этом нанести иногда сильный удар дубиной, то это произведет большой эффект. Бебель в этом отношении также разделяет мое мнение. Притом теперь ваши корреспонденты в достаточной мере заботятся об изображении происшедшего в сильных выражениях.

>(Ф. Энгельс. Письмо Э. Бернштейну июнь 1882 г. – Архив, I, 317 // 35, 283 – 284.)
362

Немецкое издание («Soc. Utop. u. Soc. Scient.») уже давно мне приходило в голову, в особенности с тех пор как я видел, какую решительную революцию эта вещь произвела в головах многих лучших французов. Меня радует, что наши взгляды так сходятся. Только немецкий текст значительно труднее, потому что он более сжат, чем пренебрегающий кое-какими оттенками французский. Популяризовать эту вещь, не испортив ее, таким образом, чтобы она была пригодна как общеупотребительная пропагандистская брошюра, – трудная задача, но я на берегу моря сделаю все возможное в этом направлении. Тогда Вы можете начать печатать; сколько продлится печатание? Само собой разумеется, что мне будет прислан оттиск для редактирования (двойной, по французскому обычаю, что имеет очень много преимуществ).

>(Ф. Энгельс. Письмо Э. Бернштейну 9/VIII 1882 г. – Там же, 319 // 35, 289 – 290.)
363

Впрочем, по отношению к бисмарковщине и к тому, что с ней связано, уже есть очень хорошая предварительная работа в обеих статьях с С.-Д. о возможной отмене закона против социалистов. Я предполагаю, что это статьи Бебеля; если нет, то партия может поздравить себя с тем, что она имеет еще второго человека, который так хорошо умеет затронуть самую суть вопроса и устранить все второстепенные соображения, и при этом пишет так просто и так ясно.

>(Ф. Энгельс. Письмо Э. Бернштейну 13/IX 1882 г. – Там же, 321 // 35, 300.)
364

Относительно одного Вы можете быть спокойны: я не желаю для себя лучшего переводчика, чем именно Вы. В первом листе Вы в своем стремлении правильно и точно передать смысл немного пренебрегли согласованием предложений, voilà tout. Этим объясняется, что я, зная своеобразное, непривычное для Вас согласование предложений у Маркса и желая его внести, сделал много изменений.

Если Вы, передав смысл на немецком языке, еще раз перечтете рукопись, обращая внимание на понятное согласование предложений, и при этом вспомните о том, что следует по возможности избегать растянутого школьного согласования предложений, где глагол придаточного предложения всегда стоит в конце, как это нам всем вбили в голову, то Вам не трудно будет самому все привести в порядок.

>(Ф. Энгельс. Письмо Э. Бернштейну 5/II 1884 г. – Там же, 354 // 36, 85.)
365

Стиль этой работы Прудона [«Что такое собственность»] обладает, если можно так выразиться, сильной мускулатурой. Главным ее достоинством я считаю именно стиль. Заметно, что здесь даже то, что Прудон повторяет, он открывает самостоятельно, и все, что он говорит, для него ново и кажется таким.

Вызывающая смелость, с которой он заносит руку над экономическим «святое святых», остроумные парадоксы, с которыми он высмеивает пошлый буржуазный здравый смысл, уничтожающая критика, горькая ирония, проглядывающее то тут, то там глубокое и искреннее чувство возмущения против позорных сторон существующего порядка вещей, революционный дух – все это электризовало читателей книги «Что такое собственность» и дало сильный толчок их мысли при первом ее появлении в свет. В строго научной истории политической экономии последняя едва заслуживала бы упоминания. Но такого рода сенсационные произведения играют такую же роль в истории науки, как и в истории изящной литературы...

В «философии Ницеты» в противоположность «Что такое собственность» все недостатки прудоновской манеры изложения обнаруживаются в очень неблагоприятном свете. Стиль часто становится таким, какой французы называют *amoufle* [надутый]. Претенциозная «спекулятивная» галиматья, выдаваемая за немецкую философию, выступает на сцену повсюду, где ему нехватает галльской остроты ума. У читателя так и жужжит в ушах этот тон паяца и фанфарона, это самохвальство, скучная болтовня и вечное бахвальство своей мнимой наукой. Искренний пыл, пронизывающий его первую работу, систематически заменяется здесь в некоторых местах декламацией и искусственным подогреванием тона. Прибавим к этому неуклюжий и неприятный педантизм самоучки, который приобрел эрудицию бывшего рабочего, потерявшего врожденную гордость сознания независимости и оригинальности своего мышления и полагающего в качестве новичка в науке, что он должен чваниться тем, чего у него совсем нет.

>(К. Маркс. Швейцери 24/I 1865 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, 28 и 33. Изд. 4-е // 16, 25 и 28 – 29.)
366

«Диалектический материализм – правильно понятый, разумеется, – повсюду вносит свежую струю теоретико-познавательного критицизма, будучи чужд всякого догматизма» {не к чему «чужие» слова употреблять.}

NB. Верные истины изложены в дьявольски-вычурном *abstrus* виде.

Отчего Энгельс не писал таким тарабарским языком?

>(В.И. Ленин. – Ленинск. сборн., XII, 354 – 355 // 29, 526.)
367

(?) Максимум марксизма = максимум популярности и простоты («Umschlag»).

(?) Партия прол[етария]та и полупр[олетария]та = п[арт]ия [неимущих] рабочих и беднейших кр[естья]н...

(?) Максимум марксизма = (Umschlag) макс[им]у[м] популярности беднейшие кр[естья]не.

>(В.И. Ленин. – Ленинск. сборн., IV, 291 // 32, 442.)
368

К народу надо подходить без латинских слов, просто, понятно.

>(В.И. Ленин. Речь на совещании большевиков. – Соч., XX, 79 // 31, 107.)
369

А наши оппоненты, новоискровцы, делают из этих же посылок то заключение, что не следует договаривать до конца демократических выводов, что можно среди практических лозунгов и не выставлять республики, что позволительно не пропагандировать идеи о необходимости временного революционного правительства, что решительной победой можно назвать и решение о созыве учредительного собрания, что задачу борьбы с контрреволюцией можно не выдвигать, как нашу активную задачу, а потопить ее в туманной (и

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org неправильно сформулированной, как мы сейчас увидим) ссылке на «процесс взаимной борьбы». Это не язык политических деятелей, это язык каких-то архивных заседателей!

>(В.И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. – Соч., VIII, 50 // 11, 28.)
370

Восстание – очень большое слово. Призыв к восстанию – крайне серьезный призыв. Чем сложнее становится общественный строй, чем выше организация государственной власти, чем совершеннее военная техника, тем непозволительнее легкомысленное выставление такого лозунга. И мы не раз говорили, что революционные социал-демократы издавна подготавливали выставление его, но выставили, как прямой призыв, лишь тогда, когда не могло быть никаких колебаний насчет серьезности, ширины и глубины революционного движения, никаких колебаний насчет того, что дело подходит к развязке в настоящем смысле слова. С большими словами надо обращаться осмотрительно. Трудности превращения их в большие дела громадны. Но именно поэтому непростительно было бы отделяться от этих трудностей фразой, отмахиваться от серьезных задач маниловскими выдумками, надевать на глаза шоры сладеньких вымыслов о якобы «естественных переходах» к этим трудным задачам.

Революционная армия – это тоже очень большое слово. Создание ее – трудный, сложный и долгий процесс. Но когда мы видим, что он уже начался и обрывками, кусочками идет повсюду; – когда мы знаем, что без такой армии действительная победа революции невозможна, мы должны выдвинуть решительный и прямой лозунг, проповедовать его, делать его оселком злободневных задач политики.

>(В.И. Ленин. Последнее слово «искровской тактики». – Там же, 305 // 11, 366.)
371

...Крестьянин говорит: «Земля божья, земля народная, земля ничья». «Разделисты» объясняют нам, что он говорит это неосознанно, что он говорит одно, а думает другое. Действительные стремления крестьян, говорят они, состоят всецело и исключительно в прибавке земли крестьянам, в увеличении мелкого хозяйства и ни в чем больше. Все это совершенно верно. Но наше разногласие с «разделистами» и тут не кончается, а только начинается. Именно этими словами крестьян, несмотря на всю их экономическую несостоятельность или бессодержательность, мы должны пользоваться, как зацепками для пропаганды. Ты говоришь, что землей должны пользоваться все? Ты хочешь отдать землю народу? Прекрасно, но что значит дать землю народу? Кто распоряжается народным достоянием и народным имуществом? Чиновники, Треповы. Хочешь ли ты отдать землю Трепову и чиновникам? Нет. Всякий крестьянин скажет, что им он отдать земли не хочет. Хочешь ли отдать землю Петрункевичам и Родичевым, которые, может быть, будут заседать в муниципальном самоуправлении? Нет. Крестьянин наверно не захочет отдать землю этим господам. Следовательно, – разъясним мы крестьянам, – для того, чтобы земля могла быть отдана всему народу с пользой для крестьян, необходимо, чтобы была обеспечена выборность всех чиновников, без исключения, народом.

>(В.И. Ленин. Объединительный съезд РСДРП. – Соч., IX, 155 – 156 // 12, 369 – 370.)
372

В первоначальном проекте меньшевистской резолюции о Г. Думе, вынесенной комиссией, пункт 5-й (об армии) содержал такую фразу: «...Впервые увидя на русской почве новую самим царем вызванную к жизни, законом признанную власть, вышедшую из недр нации» и т.д. Критикуя резолюцию меньшевиков за ее, выражаясь мягко, неосторожное и оптимистическое отношение к Гос. Думе, я, между прочим, критиковал и подчеркнутые слова и в шутку сказал: не добавив ли к ним: «и господом богом ниспосланную» (власть). Тов. Плеханов, член Комиссии, страшно обиделся на меня за эту шутку. – Как! – восклицал он в своей речи. – Я должен выслушивать такие «заподозревания в оппортунизме» (буквальное его выражение, записанное мной). Да я сам военный и знаю, как военные относятся к власти, какое значение имеет в их глазах признание власти царем и т.д. и т.д. Обида тов. Плеханова выдала его слабое место и показала еще яснее, что он «пересолил». В своем заключительном слове я

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org ответил, что не в «заподозрениях» вовсе дело и смешно такие жалкие слова говорить. Плеханова не обвиняет никто в вере в царя. Но резолюция пишется не для Плеханова, а для народа.

А в народ пускать такие двусмысленные доводы, приличествующие только Витте и К°, неприлично. Доводы эти обернутся против нас, ибо если подчеркивать, что Г. Дума есть «власть» (?? одно уже это слово показывает неумеренный оптимизм наших меньшевиков), и власть, вызванная к жизни царем, то отсюда будут выводить, что эта законная власть и должна действовать законно, слушаясь того, кем она вызвана.

Меньшевики и сами увидели, что Плеханов пересолил. Подчеркнутые слова по предложению, вышедшему из их среды, были вычеркнуты из резолюции.

>(В.И. Ленин. Доклад об объединительном съезде. – Там же, 212 // 13, 47 – 48.)
373

Отметим еще, что в избирательной кампании вообще и в деле заключения на высших стадиях избирательных соглашений с.-д. должны уметь говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений. Надо уметь без фраз, без восклицаний, с фактами и цифрами в руках растолковать вопросы социализма и вопросы теперешней русской революции.

>(В.И. Ленин. Социал-демократия и избирательные соглашения. – Соч., X, 143 – 144 // 14, 92.)
374

В № 13 «Народной Думы» напечатана бесконечно длинная резолюция о массовых рабочих организациях и о рабочем съезде, проектированная к предстоящему съезду группой литераторов и практиков меньшевиков...

Она распадается на две части А и Б. Первая часть дает в мотивировке бесконечное количество общих мест о пользе организации и объединения рабочих масс. «Для ради важности», как говорил Базаров, организация превращается даже в самоорганизацию. Правда, это словечко ничего далее не выражает, никакой определенной мысли не содержит, но зато оно излюблено сторонниками рабочего съезда. Нужды нет, что эта «самоорганизация» есть только интеллигентский выверт, прикрывающий бедность действительных организационных идей, – рабочему никогда бы в голову не пришло выдумывать «самоорганизацию»...

В мотивах критикуется с.-д-тия за «господствующую и определяющую роль, которую в ней играет интеллигенция по сравнению с ее пролетарскими элементами».

...Ларин, Эль и мн. другие сторонники рабочего съезда «разносят» с.-д-тию за протаскивание резолюций. И во имя такой критики литераторы «протаскивают» новые прескучные и претягучие периоды о «самоорганизации»... Картина!

Отмечая в то же время «идейное и политическое влияние» русской с.-д. партии (т.е. РСДРП, или здесь нарочно выбрано более широкое слово, чтобы включить и г.г. Прокоповича, Кускову, Поссе и пр.?) на передовые слои пролетариата, резолюция говорит о желательности «соединения сил» русской социал-демократии с «политически сознательными элементами пролетариата» (А, п. 6).

Попробуйте, товарищи, хоть раз подумать над теми словами, из которых вы плетете свои фразы. Может ли быть «политически сознательный» пролетариат не социал-демократ. Если нет, тогда ваши фразы сводятся к пустой тавтологии, надутой и претенциозной пустышке...

Итог: по существу дела резолюция ничего не сказала в своем выводе. В лучшем случае, ее вывод – пустая фраза. В худшем – вредная фраза, сбивающая с толку пролетариат, затемняющая азбучные с.-д. истины, открывающая дверь всяким деклассированным буржуа, которые во всех странах Европы много и долго вредили с.-д. рабочему движению.

Как следует исправить резолюцию?

фразы надо выкинуть. Сказать надо просто: с.-д. должны содействовать устройству различных рабочих обществ, например, потребительных, заботясь при этом неуклонно о том, чтобы всякие рабочие общества служили очагом именно с.-д. пропаганды, агитации, организации..

Это была бы действительно «политически скромная», но деловая и с.-д.-ая резолюция. А у вас, господа интеллигентские воители против «господствующей и определяющей роли интеллигенции», – у вас получается не пролетарское дело, а интеллигентская фраза.

>(В.И. Ленин. Интеллигентские воители против господства интеллигенции. – Соч., XI, 139 – 141 // 15, 171 – 174.)
375

То, что недопустимо между членами единой партии, то допустимо и обязательно между частями расколовшейся партии. Нельзя писать про товарищей по партии таким языком, который систематически сеет в рабочих массах ненависть, отвращение, презрение и т.п. к несогласным. Можно и должно писать именно таким языком про отколовшуюся организацию.

Почему должно? Потому что раскол обязывает вырывать массы из-под руководства отколовшихся. Мне говорят: вы вносили смуту в ряды пролетариата. Я отвечаю: я умышленно и рассчитанно вносил смуту в ряды той части петербургского пролетариата, которая шла за отколовшимися накануне выборов меньшевиками, и я всегда буду поступать таким образом при расколе.

>(В.И. Ленин. Доклад V съезду РСДРП. – Там же, 221 // 15, 297 – 298.)
376

Пункт третий мотивов нашей резолюции говорит прямо о задаче пролетариата «выполнить роль вождя в буржуазно-демократической революции». Меньшевики вносили поправки: заменить слово: «вождя» словом «авангарда», «передового отряда», или словами «главного двигателя». Все эти поправки были отклонены. Повторить сколько угодно раз о сохранении полной классовой самостоятельности пролетариата – против этого большевики ничего не имели. Но ослабить указание на роль вождя в революции – значило открыть двери для оппортунизма. Пролетариат может быть «главным двигателем» и помещичьи урезанной буржуазной революции. Можно быть главным двигателем победы другого класса, не умея отстоять интересов своего класса. Революционная с.-д-тия, не изменяя себе, не в праве ограничиться этим. Она должна помочь пролетариату из пассивной роли главного двигателя подняться до активной роли вождя, – из зависимого положения борца за урезанную свободу до наиболее самостоятельного положения борца за полную свободу, выгодную для рабочего класса. В этом, можно сказать, гвоздь отличия оппортунистической и революционной тактики с.-д. в буржуазной революции, что первая тактика мирится на роли пролетариата, как главного двигателя, а вторая тактика направляется к осуществлению им роли вождя, отнюдь не только «двигателя».

Выражение «передовой отряд» тоже ослабляло бы признание задачи пролетариата руководить другими демократическими классами или, по крайней мере, могло бы быть истолковано как такое ослабление.

>(В.И. Ленин. Отношение к буржуазным партиям. – Там же 280 // 15, 380 – 381.)
377

Резолюция должна быть написана так, чтобы ее нельзя было не понять. Она должна считаться со всеми наличными политическими тенденциями в действительной политике, а не с хорошими намерениями той или иной части с.-д. (допуская всегда самые хорошие намерения). «Псевдо-социализм» народников мы прямо и определенно признали в нашей резолюции. Их «социалистическая» идеология прямо названа у нас простым «туманом». Борьба против затушевывания ими классовой противоположности между пролетарием и мелким хозяйчиком отнесена к безусловной обязанности с.-д. Этим все сказано, этим осужден уже действительно утопический элемент в народничестве, этим осужден и мелкобуржуазный «внеклассовый революционизм».

>(Там же, 282 // 15, 383.)
378

кто хочет убедить социал-демократический пролетариат в правильности лозунга бойкота, тот не должен дать себя увлечь одним только звуком слов, в свое время сыгравших великую и славную революционную роль. Тот должен вдуматься в объективные условия применимости подобного лозунга и понять, что бросать его значит уже предполагать косвенно наличие условий широкого, общего, сильного, быстрого, революционного подъема. Но в такие эпохи, как переживаемая нами, в эпохи временной паузы революции, такое условие ни в каком случае нельзя косвенно предполагать. Его надо прямо и отчетливо сознать и выяснить себе самому и всему рабочему классу. Иначе рискуешь попасть в положение человека, который употребляет большие слова, не сознавая настоящего значения их или не решаясь прямо и без обиняков назвать вещи своим именем.

>(В.И. Ленин. Против бойкота. – Соч. XII, 32 // 16, 22 – 23.)
379

Сравните меньшевистскую, Стокгольмскую, и большевистскую, Лондонскую, резолюцию о Гос. Думе. Вы увидите, что первая – напыщенна, фразиста, полна громких слов о значении Думы, надута сознанием величия Думской работы. Вторая – проста, суха, трезва, скромна.

>(Там же, 36 // 16, 29.)
380

Орган «Независимой (гм! гм!) Рабочей Партии», «Labour Leader» ликует и прямо говорит десяткам тысяч английских рабочих, что М.С. Бюро не только признало «Рабочую Партию» (это правда и это необходимо было сделать), но «признало также политику I.L.P. („Labour Leader“, ост. 16, 1908, p. 665)». Это неправда. Этого Бюро не признало. Это есть незаконное оппортунистическое истолкование маленькой неловкости в резолюции Каутского. Маленькая неловкость начинает приносить довольно большие плоды. А тут еще на помощь приходят плохие переводы: недаром итальянцы говорят, что переводчики – изменники (traduttori – traditori). Официального перевода резолюций Бюро на три официальных языка еще не вышло, и, когда они выйдут, неизвестно. У Каутского сказано, что «Рабочая Партия» становится на почву классовый борьбы: (конец резолюции; в оригинале: sich... auf seinen, d.h. Klassenkampf, Boden stellt), а в переводе английских с.-д. вышло: «становится на почву международного социализма»; – в переводе английских оппортунистов (I.L.P.) вышло: «принимает позицию международного социализма» (там же). Подите-ка теперь, поправьте такие ошибочки в агитации перед английскими рабочими!

>(В.И. Ленин. Заседание международного социалистического Бюро. – Там же, 349 – 350 // 17, 240 – 241.)
381

Для тех, кто отправляется на фронт, как представители рабочих и крестьян, выбора быть не может. Их лозунг должен быть – смерть или победа. Каждый из вас должен уметь подойти к самым отсталым, самым неразвитым красноармейцам, чтобы самым понятным языком, с точки зрения человека трудящегося, объяснить положение, помочь им в трудную минуту, устранить всякое колебание, научить их бороться с многочисленными проявлениями саботажа, вялости, обмана или измены.

>(В.И. Ленин. Речь перед слушателями Свердловского Университета. – Соч., XXIV, 499 // 39, 246.)
382

И благодаря тов. Калинину работа в деревне получила значительный толчок. Крестьянин, несомненно, получил возможность более непосредственного сношения с Советской властью, обращаясь к тов. Калинину, который представляет в своем лице высшую власть Советской Республики. Таким образом, среднему крестьянину мы говорили: «ни о каком насильственном навязывании перехода к социализму не может быть и речи». Но надо это дать ему понять, надо уметь это сказать на языке, наиболее крестьянину понятном.

>(В.И. Ленин. Речь на I Всероссийском совещании по работе в деревне. – Там же, 539 // 39, 313.)
383

Само собой понятно, что окончательно может победить пролетариат только всех

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
передовых стран вместе, а мы, русские, начинаем то дело, которое закрепит позднее немецкий, французский или английский пролетариат; но мы видим, что они не победят без помощи трудящихся масс угнетенных колониальных народов, и в первую голову народов Востока. Мы должны себе дать отчет, что один авангард не может осуществить перехода к коммунизму. Задача в том, чтобы пробудить революционную активность, самостоятельность и организацию масс трудящихся, несмотря на тот уровень, на котором они стоят, переведя истинное коммунистическое учение, которое предназначено для коммунистов более передовых стран, на язык каждого народа, осуществляя те практические задачи, которые нужно осуществить немедленно и слиться в общей борьбе с пролетариями других стран.

>(В.И. Ленин. Доклад на II Всерос. съезде коммун. организаций. – Там же, 550 – 551 // 39, 330.)
384

...Вам придется базироваться на том буржуазном национализме, который пробуждается у этих народов и не может не пробуждаться и который имеет историческое оправдание, и вместе с тем вы должны проложить дорогу к трудящимся и эксплуатируемым массам каждой страны и сказать на понятном для них языке, что единственная надежда на освобождение заключается в победе международной революции и что международный пролетариат является единственным союзником всех трудящихся и эксплуатируемых сотен миллионов людей Востока.

>(Там же, 551 // 39, 330.)
385

Капитализм делал из газет капиталистические предприятия, орудия наживы для богачей, информации и забавы для них, орудия обмана и одурачения для массы трудящихся. Мы сломали орудия наживы и обмана. Мы начали делать из газеты орудие просвещения масс и обучения их жить и строить свое хозяйство без помещиков и без капиталистов. Но мы только-только начали еще это делать. За три с лишним года сделали немного. А надо сделать еще очень много, пройти еще очень большой путь. Поменьше политической трескотни, поменьше общих рассуждений и абстрактных лозунгов, которыми услаждаются неопытные и не понявшие своих задач коммунисты, побольше производственной пропаганды, а всего больше делового, умелого, приспособленного к уровню развития массы учета практического опыта.

>(В.И. Ленин. О работе Наркомпроса. – Соч., XXVI, 165 – 166 // 42, 329 – 330.)

3. Язык как средство маскировки действительных убеждений

386

Младогегельянские идеологи, вопреки их якобы «миропотрясающим» фразам, – величайшие консерваторы. Самые молодые из них нашли точное выражение для своей деятельности, заявив, что борются только против «фраз». Они только забывают, что сами не противопоставляют этим фразам ничего, кроме фраз, и что они отнюдь не борются против действительного, существующего мира, если они борются только с фразами этого мира. Единственные результаты, которых могла добиться эта философская практика, были несколько, да и то односторонних, историко-религиозных разъяснений относительно христианства; все же прочие их утверждения, это – только дальнейшие прикрасы их претензий на то, что они этими незначительными разъяснениями совершили якобы всемирно-исторические открытия.

Ни одному из этих философов и в голову не приходило задать себе вопрос о связи немецкой философии с немецкой действительностью, о связи их критики с их собственной материальной средой.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. – Соч., IV, 10. 1933 г. // 3, 18.)
387

Чтобы выйти из затруднения, наш эгоист высказывает навыворот ходячее представление мелкого буржуа, создавая этим видимость, будто отношение индивидов к власти денег есть нечто зависящее только от личного произвола. Этот удачный оборот мысли дает ему затем возможность обратиться к ошеломленному и уже и без того обескураженному безденежьем мелкому буржуа с

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
моральной проповедью, уснащенной синонимикой, этимологией и другими
грамматическими трюками, и сразу же отрезать таким образом все неудобные
вопросы о причинах денежной нужды.

>(Там же, 383 // 3, 395.)
388

Эти моральные сентенции, которым Санчо научился у какого-нибудь андалузского торговца-еврея, преподававшего своему сыну правила жизни и торговли, и которые Санчо теперь вытаскивает из своей котомки, образуют главное достояние «Союза». Основу всех этих положений представляет собой следующее великое положение (стр. 351):

«Все, что Ты в состоянии сделать, есть Твое состояние». Положение это или совершенно не имеет смысла, будучи тавтологией, или же представляет собой бессмыслицу. Оно тавтологично, если означает: что Ты в состоянии сделать, то Ты и в состоянии сделать. Оно бессмысленно, если состояние № 2 должно выражать состояние «в обыкновенном смысле», т.е. состояние в торговом смысле, – если оно основывается на этом этимологическом сходстве слов. Ведь коллизия в том и заключается, что от меня требуется не то, что я в состоянии сделать; например, на основании того, что я в состоянии писать стихи, требуют, чтобы я был в состоянии превращать эти стихи в деньги. От моей способности требуют нечто совершенно иное, чем специфический продукт данной особенной способности, требуют продукт, зависящий от чуждых, от моих способностей не зависящих отношений. Эта трудность должна быть разрешена в «Союзе» при помощи этимологической синонимии. Мы видим, что наш эгоистический школьный учитель спекулирует, метя на видный пост в «Союзе». Впрочем, это лишь мнимая трудность. Здесь в торжественно-велеречивой манере Санчо преподносится обычная моральная заповедь буржуа: из всего можно выколлотить деньги.

>(Там же, 394 – 395 // 3, 407 – 408.)
389

Эти учения Мюнцер проповедовал, большею частью прикрывая их теми же христианскими словесными формами, которыми долгое время должна была прикрываться и новейшая философия. Но основная еретическая мысль всюду ясно выступает в его произведениях, и мы отчетливо видим, что он придавал этому библейскому покрову гораздо меньшее значение, чем многие ученики Гегеля в новейшее время. И тем не менее, современную философию отделяют от Мюнцера целых три столетия.

>(Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., VIII, 138. 1930 г. // 7, 371.)
390

...он [Т. Мюнцер. Ред.] отправился через Швабию в Эльзас, Швейцарию и обратно в верхний Шварцвальд, где уже в течение нескольких месяцев пылало восстание, ускоренное в значительной степени его анабаптистскими эмиссарами. Эта пропагандистская поездка Мюнцера оказала, несомненно, существенное влияние на организацию народной партии, отчетливое установление ее требований и, наконец, на всеобщий взрыв восстания в апреле 1525 г. Здесь особенно ясно выступают обе стороны деятельности Мюнцера, – с одной стороны, его воздействие на народ, к которому он обращался на единственно тогда понятном ему языке религиозного пророчества, и, с другой стороны, его влияние на посвященных, которым он мог открыто говорить о своих конечных стремлениях.

>(Там же, 142 // 7, 375.)
391

Там, где нити английского развития сходятся в узловом пункте, которого господин Гизо не может разрубить, – хотя бы только для видимости, – чисто политической фразой, там он прибегает к религиозной фразе, к вооруженному вмешательству божества. Так, например, дух божий нисходит внезапно на армию и мешает Кромвелю провозгласить себя королем и т.д. От своей совести Гизо спасается при помощи бога, от непосвященной публики – при помощи стилия.

да, не только *les rois s'en vont* [короли уходят], но и *les capacités de la bourgeoisie s'en vont* [таланты буржуазии уходят].

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
>(К. Маркс и Ф. Энгельс. О книге Ф. Гизо. – Там же, 280 // 7, 223.)
392

Предания всех мертвых поколений тяготееют кошмаром над умами живых. Как раз тогда, когда люди, по-видимому, только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее, создают совершенно небывалое, – как раз в такие эпохи революционных кризисов они заботливо вызывают себе на помощь духов прошедшего, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы и в освященном древностью наряде, на чуждом языке разыгрывают новый акт всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789 – 1814 гг. драпировалась поочередно в костюм римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 год, то революционные предания 1793 – 1795 годов. Так новичок, научившийся иностранному языку, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родного.

>(К. Маркс. 18 брюмера Луи Бонапарта. – Там же, 323 // 8, 119 – 120.)
393

Уйдя с головой в накопление богатств и в мирную борьбу в области конкуренции, буржуазия забыла, что ее колыбель охраняли древнеримские призраки. Однако, как ни мало героично буржуазное общество, для его появления на свет понадобились героизм, самопожертвование, террор, междоусобная война и битвы народов. В классически строгих преданиях римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии. Так, одним столетием раньше, на другой ступени развития, Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями, заимствованными из Ветхого завета. Когда же действительная цель была достигнута, когда английское общество было переделано на буржуазный лад, место пророка Аввакума занял Локк.

>(Там же, 324 // 8, 120.)
394

Социальная революция XIX столетия не может черпать свою поэзию из прошлого: она должна ее черпать из будущего. Она не может стать самой собой, не отказавшись от всякого суеверного почитания старины. Прежним революциям необходимы были всемирно-исторические воспоминания о прошедшем, чтобы заглушить в себе мысль о собственном содержании. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза преобладала над содержанием, здесь содержание преобладает над фразой.

>(Там же, 325 // 8, 122.)
395

В заключение еще следует галиматья «романтического» Мюллера:

«Необыкновенное возрастание процентов на проценты д-ра Прайса, или возрастание самоускоряющихся сил людей, для того, чтобы оказывать это необыкновенное действие, предполагает неизменный или ненарушимый единообразный порядок, существующий многие столетия. Как только капитал раздробляется, разделяется на многие отдельные продолжающие расти побегги, общий процесс накопления сил начинается снова. Природа распределила нарастание силы на периоды приблизительно в 22 – 25 лет, приходящиеся в среднем на долю каждого отдельного рабочего (!) По прошествии этого времени рабочий оставляет свою жизненную стезю и должен передать капитал, полученный благодаря процентам на проценты с труда, новому рабочему, в большинстве случаев распределить его между несколькими рабочими или детьми. Эти последние, прежде чем извлекать собственно проценты на проценты с доставшегося им капитала, должны научиться вдыхать в него жизнь и применять его. Далее, огромная масса капитала, который приобретает гражданское общество, даже в наиболее беспокойных обществах, постепенно накапливается в течение долгих лет и не употребляется непосредственно для расширения труда, а, напротив, лишь только составит значительная сумма, она под названием займа передается другому индивидууму, рабочему, банку, государству, после

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
чего заемщик, приводя капитал в действительное движение, получает с него проценты на проценты и легко может взять на себя обязательство уплачивать заимодавцу простые проценты. Наконец, неизмеримо быстрому возрастанию сил людей и их продукта, возможному при том условии, если проявляет свое действие только закон производства или бережливости, противодействует закон потребления, желаний, расточительности» (A. Muller, l.c., II, p. 149). Невозможно нагородить больше нелепейшего вздора в немногих строках. Не говоря уже о забавном смешении рабочего с капиталистом, стоимости рабочей силы с процентом на капитал и т.д., уменьшение процента на процент должно получить объяснение из того, что капитал ссужается с той целью, чтобы приносить проценты на проценты. Метод нашего Мюллера характерен для романтики всяких профессий. Ее содержание составляет из ходячих предвзятых мнений, почерпнутых из поверхностнейшей внешней видимости вещей. А затем это ложное и банальное содержание должно быть «возвышено» и опозтезировано мистифицирующей манерой изложения.

>(К. Маркс. Капитал, III, 281 – 282. Изд. 8-е // 25.1, 436 – 437.)
396

...в обществе, основанном на частной собственности, на порабощении миллионов неимущих и трудящихся кучке богачей, правительство не может не быть вернейшим другом и союзником эксплуататоров, вернейшим стражем их владычества. А для того, чтобы быть надежным стражем, недостаточно в наше время пушек, штыков и нагаек: надо постараться внушить эксплуатируемым, что правительство стоит выше классов, что оно служит не интересам дворян и буржуазии, а интересам справедливости, что оно печется о защите слабых и бедных против богатых и сильных и т.п. Наполеон III во Франции, Бисмарк и Вильгельм II в Германии положили немало труда на такое заигрывание с рабочими... Пускали в ход эту политику много и много раз, и всегда оказывалось, что через несколько лет после издания какого-либо «попечительного» (будто бы попечительного) закона о рабочих, дело снова приходило в прежнее положение – увеличивалось число недовольных рабочих, росло брожение, усиливались волнения, – опять с шумом и треском выдвигается «попечительная» политика, гремят пышные фразы о сердечном попечении к рабочим, издается какой-нибудь закон, в котором на алтын пользы рабочим и на целковый – пустых и лживых слов, и через несколько лет повторяется старая история.

>(В.И. Ленин. Ценное признание. – Соч., IV, 158 – 159 // 5, 74.)
397

Царь подтверждает свой священный обет хранить вековые устои российской державы. В переводе с казенного на русский язык это значит: хранить самодержавие.

>(В.И. Ленин. Самодержавие колеблется. – Соч., V, 250 // 7, 123.)
398

Идеи, выражающие потребности, интересы, стремления и вожелания известного класса, носятся в воздухе, и скрыть тождество этих идей не в силах никакое разнообразие костюмов, никакие варианты то оппортунистической, то «социалистски-революционной» фразы. Шила в мешке не утаишь.

>(В.И. Ленин. Les beaux esprits rencontrent. – Там же, 319 // 7, 213.)
399

Ведь наш умный Мартынов ведет за собой на веревочке Тряпичкина – Мартова, который способен еще более углубить своего учителя, который сможет, пожалуй, лозунг «организовать революцию» заменить лозунгом «развязать революцию».

Да, читатель, именно такой лозунг дан нам в передовице «Искры». Очевидно, по нынешним временам достаточно «развязать» себе язык для свободной болтовни-процесса или для процесса болтовни, чтобы писать руководящие статьи. Оппортунисту всегда нужны такие лозунги, в которых, по ближайшем рассмотрении, не оказывается ничего кроме звонкой фразы, кроме какого-то декадентского словесного выверта.

>(В.И. Ленин. Должны ли мы реорганизовать революцию? – Соч., VII, 123 // 9, 266.)
400

Психологически неизбежны также, при положении буржуазии между молотом и наковальней, идеалистические фразы, которыми оперирует теперь с таким безвкусием наш либерализм вообще и его излюбленные философы в особенности. «Для русского освободительного движения, – читаем мы в объяснительной записке, – демократия есть не только факт, но и морально-политический постулат. Выше исторического оправдания для всякой общественной формы оно ставит оправдание нравственное...» Недурной образчик той напыщенной и лишенной всякого содержания фразеологии, которой «оправдывают» наши либералы свои подходы к измене демократии!

>(В.И. Ленин. Политические софизмы. – Там же, 243 – 244 // 10, 200.)
401

Официального названия у партии, как мы уже сказали, нет. Г-н П.С. называет ее тем же именем, которое, кажется, фигурирует и на страницах наших легальных газет либерального направления, «конституционно-демократическая партия». И, как ни маловажен на первый взгляд вопрос о названии, однако и тут уже сразу мы получаем материал для разъяснения того, почему буржуазия должна, в отличие от пролетариата, удовлетворяться политической расплывчатостью и даже «принципиально» защищать ее, – именно «должна» не по субъективным только настроениям или качествам ее вождей, а в силу объективных условий существования всего класса буржуазии, как целого. Название «конституционно-демократическая партия» сразу напоминает известное изречение: язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли. Название «к.-д. п.» придумано для того, чтобы скрыть монархический характер партии.

>(В.И. Ленин. Революционная борьба и либеральное маклерство. – Там же, 340 – 341 // 10, 258.)
402

...Кутлер начинает возражать трудовикам насчет «практической осуществимости» национализации земли.

Все это – злостное зубозаговаривание, ибо если останутся 70 милл. дес. у помещиков, то тогда нечего и национализировать. Но г. Кутлер для того и говорит, чтобы скрыть свои мысли.

>(В.И. Ленин. Мягко стелют, да жестко спать. – Соч., XI, 130 // 15, 117.)
403

Меньшевистская тактика выступает перед нами как фальсификация марксизма, как прикрытие «марксистскими» словечками антимарксистского содержания. В основе этой тактики лежит метод рассуждения не марксистов, а либералов, переодетых марксистами. Чтобы убедиться в этом, достаточно бросить общий взгляд хотя бы на историю и результаты буржуазной революции в Германии. В «Новой Рейнской Газете» Маркс писал о причинах поражения революции 1848-го года: «Крупная буржуазия, антиреволюционная с самого начала, заключила оборонительный и наступательный союз с реакцией из страха перед народом, т.е. перед рабочими и демократической буржуазией». На этой точке зрения стоял Маркс и стоят все немецкие марксисты в оценке 1848-го года и последующей тактики немецкой буржуазии. Контрреволюционность крупной буржуазии не мешала ей «леветь», например, в эпоху конституционного конфликта 60-х годов, но поскольку не выступал самостоятельно и решительно пролетариат, постольку из этого «левения» не получалась революция, а получалась только робкая оппозиция, побуждавшая монархию становиться все более буржуазной и не разрушавшая союза буржуазии с юнкерами, т.е. реакционными помещиками.

Так смотрят марксисты. Наоборот, либералы смотрят так, что рабочие своими неумеренными требованиями, своей неразумной революционностью, своими несвоевременными нападками на либерализм помешали успеху дела свободы в Германии, оттолкнув своих возможных союзников в объятия реакции.

Совершенно очевидно, что марксистскими словечками наши меньшевики прикрывают фальсификацию марксизма, прикрывают свой переход от марксизма к либерализму.

>(В.И. Ленин. «Левение» буржуазии и задачи пролетариата. – Соч., XIV, 63 // 17, 409 – 410.)
404

Но посмотрим все же, что вы нам скажете, как историк. Три главные течения: первое «демагогический монархизм». Его смысл – «защита старых социальных основ быта», «соединение неограниченного самодержавия...» (либерал, конституционный демократ, незаметно для себя переходит на точку зрения октябриста, защищающего ограниченное самодержавие) «...с крестьянством на почве тех полупатриархальных отношений, при которых дворянство является естественным посредником между тем и другим...» В переводе с либерального на русский язык это означает господство крепостников («патриархальность») помещиков и черносотенного царизма.

>(В.И. Ленин. Последнее слово русского либерализма. – Там же, 235 // 19, 177.)
405

Относительно же крестьян Г. Милюков не теряет надежды. «Несмотря на наличность таких препятствий», как «демагогия» и пр., – пишет он, – «не исключена возможность параллельной (курсив Милюкова) деятельности демократического конституционализма с непосредственными выражениями желаний народных масс».

Параллельная деятельность! – вот новое словечко для старой либеральной тактики. Параллельные линии никогда не встречаются. Либерализм буржуазной интеллигенции понял, что ему не встретиться никогда с массами, т.е. не стать их выразителем и вождем в России, – «никогда» в силу выросшей после 1905 года сознательности. Но либералы, типа кадетов, продолжают рассчитывать на массы, как на пьедестал своих успехов, своего господства. Идти «параллельно», это значит, в переводе на простой и ясный язык, политически эксплуатировать массы, ловя их словами о демократизме и предавая их на деле.

>(Там же, 237 // 19, 179 – 180.)
406

Резолюция Троцкого (– венцев) только по внешности отличается от «излияний» Аксельрода и Алексинского. Она составлена очень «осторожно» и претендует на «сверхфракционную» справедливость...

В первом же абзаце венской резолюции говорится: «...представители всех фракций и течений... своим решением» (на пленуме) «сознательно и обдуманно брали на себя ответственность за проведение принятых резолюций в данных условиях в сотрудничестве с данными лицами, группами и учреждениями». Речь идет о «конфликтах в ЦО». Кто «ответственен за проведение резолюций» пленума в ЦО? Ясно: большинство ЦО, т.е. большевики с поляками; они и ответственны за проведение резолюций пленума – «в сотрудничестве с данными лицами», т.е. с голосовцами и впередовцами...

Или смысл резолюции [венцев] тот, что большинство ЦО ответственно за проведение резолюций (о преодолении ликвидаторских и отзовистских уклонений) «в сотрудничестве с данными» голосовцами, продолжающими по-прежнему и даже еще грубее защищать ликвидаторство, с данными впередовцами, продолжающими по-прежнему и даже еще грубее отстаивать законность отзовизма, ультиматизма и т.п.?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы видеть, как бессодержательны звонкие фразы и резолюции Троцкого, – как они служат на деле отстаиванию той же самой позиции, на которой стоит Аксельрод и Ко, Алексинский и Ко.

Троцкий выразил в первых же словах своей резолюции весь дух самого худого примиренчества, «примиренчества» в кавычках, примиренчества кружкового, обывательского, берущего «данных лиц», а не данную линию, не данный дух, не данное идейно-политическое содержание партийной работы.

Ведь в этом вся бездна различия между «примиренчеством» Троцкого и Ко, – которое на деле служит самую верную службу ликвидаторам и отзовистам, а потому является тем более опасным злом в партии, чем хитрее, изысканнее, фразистее оно прикрывается, якобы, партийными и, якобы, антифракционными декламациями, – и между партийностью, действительной, которая состоит в очищении партии от ликвидаторства и отзовизма.

>(В.И. Ленин. Заметки публициста. – Там же, 301 – 302 // 19, 254 – 256.)

Тему, указанную в заглавии [Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России], затрагивают статьи Троцкого и Мартынова в №№ 50 и 51 «Neue Zeit». Мартынов излагает взгляды меньшевизма. Троцкий плетется за меньшевиками, прикрываясь особенно звонкой фразой...

«Иллюзия думать, – заявляет Троцкий, – будто меньшевизм и большевизм пустили глубокие корни в глубинах пролетариата». Это – образчик тех звонких, но пустых фраз, на которые мастер наш Троцкий. Не в «глубинах пролетариата», а в экономическом содержании русской революции лежат корни расхождения меньшевиков с большевиками.

>(В.И. Ленин. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России. – Соч., XV, 10 – 11 // 19, 358 – 359.)
408

Мартова мы считаем теперь одним из вождей ликвидаторства, тем более опасным, чем «искуснее» защищает он ликвидаторов квази-марксистскими словами. Но Мартов открыто излагает взгляды, наложившие свой отпечаток на целые течения в массовом рабочем движении 1903 – 1910 годов. Троцкий же представляет только свои личные колебания и ничего больше. Он был в 1903 году меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 г., вернулся к меньшевикам в 1905 г., щеголяя лишь ультрареволюционной фразой.

>(Там же, 23 // 19, 375.)
409

Фамильярный тон – переходящий при всяком серьезном обороте событий в грубое третирование и даже насилие – вызывается тем, что не одни октябристы, но и кадеты только для красного словца, исключительно ради хлопка (это великолепно знают Столыпины) бросают такие фразы: «избави нас бог от таких друзей» (т.е. от Столыпиных), «а с врагами» (т.е., должно быть, и с правой реакцией, и с левой... как бы это помягче сказать? «требовательностью») «мы сами справимся».

Не будь эти фразы только фразой, Россия была бы уже вполне и бесповоротно избавлена «от таких друзей». Но соль как раз в том, что кадеты бросают подобные фразы только в разгар «оппозиционных» выступлений – оппозиционно выступать с общегосударственной трибуны нельзя без какого-нибудь, хотя бы самого легкого, налета демократизма. Вот и срываются демократические заявления, которые так полезно сопоставлять с делами тех же кадетов. Историческая роль играющей в демократизм (или грозящей врагу справа демократизмом) буржуазии в том и состоит, что кое для кого из народных низов эта словесная «игра» служит иногда серьезную службу, пробуждает искреннюю и глубокую демократическую мысль. «Когда наверху играют на скрипке, внизу является желание потанцевать». Латинская пословица говорит: *littera scripta manent* – написанное не пропадает. И сказанное не всегда пропадает, даже если только оно ради фразы и эффекта сказано.

Отсюда не следует, конечно, что лицемерную фразу кадетов позволительно принимать за чистую монету, позволительно объявлять или считать демократизмом. Но отсюда следует, что всякой лицемерной фразой кадет в духе демократизма надо пользоваться, во-первых, для того, чтобы показать расхождение слова с делом у говорящего, а во-вторых, для того, чтобы показать настоящее, жизненное, непосредственное значение демократизма для тех «низов», до которых долетают эффектные фразы ораторов Таврического дворца.

Лицемерными приведенные выше рассуждения господина Тесленко являются не потому, чтобы г. Тесленко лично лицемерил: он мог просто увлечься потоком своего оппозиционного красноречия. Лицемерие здесь в том, что слова представителя партии к.д. расходятся с делами этой партии во все серьезные моменты новейшей русской истории.

>(В.И. Ленин. К истории думской сессии. – Там же, 190 – 191 // 20, 275 – 276.)
410

...Сущность взглядов ликвидаторов прикрывается, в статьях на эту тему, необыкновенным количеством непомерно пухлых, вымученных, высокопарных фраз

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org о «боевой мобилизации пролетариата», о «широкой и открытой мобилизации масс», о «массовых политических организациях самодеятельных рабочих», о «самоуправляющихся коллективах», «самосознательных рабочих» и т.д., и т.п. Юрий Чацкий договорился даже до того, что платформу надо не только «продумать», но и «прочувствовать»... фразы эти, приводящие, наверное, в восторг гимназистов и гимназисток, оглушают читателя и «напускают туману», в котором нетрудно уже провезти контрабанду.

>(В.И. Ленин. Из лагеря Столыпинской «Рабочей партии». – Там же, 251 // 20, 364.)
411

Вот фразистая передовица под громким названием: «Вперед». «Сознательные рабочие! – читаем мы здесь – у вас нет сейчас более важного» (вот как!) «и всеобъемлющего» (зарапортовался, бедняга!) «лозунга, как свобода союзов, собраний и стачек». «Социал-демократия – читаем дальше – зовет пролетариат на борьбу за республику. Но чтоб борьба за республику не была голым (!!) лозунгом немногих избранных, необходимо, чтобы вы, сознательные рабочие, научили массы на опыте понимать необходимость свободы коалиций и бороться за это кровное классовое требование».

Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать и оправдывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем самым сознание рабочих.

>(В.И. Ленин. О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев. – Там же, 302 – 303 // 21, 30.)
412

Какими же доводами защищает «Рабочее Утро» свою позицию «оборончества» или «социал-шовинизма»? Исключительно увертками, исключительно интернациональными фразами!! ...

Не правда-ли, ведь это – сплошь перлы. Но в этих перлах кроме безграмотности и репетитовского вранья, есть совершенно трезвая и правильная, с точки зрения буржуазии, дипломатия. Чтобы влиять на рабочих, буржуа должны наряжаться социалистами, эсдеками, интернационалистами и т.д., иначе влиять невозможно. И «Рабочее Утро» наряжается, подкрашивается, румянится, прихорашивается, делает глазки, ни перед чем не останавливаясь! Мы готовы подписать хоть сто раз и циммервальдский манифест (пощечина тем из циммервальдцев, которые подписали этот манифест, не борясь с его робостью и не делая оговорок!), и какую угодно резолюцию об империалистской сущности войны, и любую присягу в своем «интернационализме» и в своей «революционности» («освобождение страны» в подцензурной печати = революция в нелегальной), – лишь бы... лишь бы нам не мешали звать рабочих к участию в военно-промышленных комитетах, т.е. к тактическому участию в грабительской, реакционной («оборонительной») войне.

Только это есть дело, все остальное слова. Только в этом суть, все остальное фразы. Только это нужно полиции, царской монархии, Хвостову и буржуазии. Умные буржуа в более умных странах терпимы к интернационалистской и социалистической фразе, лишь бы было участие в обороне: припомните отзывы французских реакционных газет о Лондонской конференции социалистов «тройственного согласия». Это у господ социалистов, знаете ли, вид «тика», – писала одна из газет, – вид нервной болезни, когда люди произвольно повторяют один жест, одно движение мускулов, одно слово. Вот и «наши» социалисты не могут ни о чем говорить, не повторяя словечек: мы интернационалисты, мы за социальную революцию. Это не опасно. Это только «тик», а «нам» важно то, что они за оборону отечества.

Так рассуждали умные французские и английские буржуа: если участие в грабительской войне защищают фразами о демократии, социализме и т.п., то разве же это в самом деле не выгодно для хищников-правительств, для империалистской буржуазии? Разве барину не выгодно иметь лакея, который бы божился и клялся перед народом, что барин всю жизнь отдает попечению о народе и любви к нему?

>(В.И. Ленин. Прикрытие социал-шовинистской политики. – Соч., XVIII, 333 – 335 // 27, 86 – 88.)
413

Действительная политика и лондонских и венских героев социал-шовинизма
Страница 182

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
состоит в оправдании участия в империалистической войне, в оправдании убийства французскими рабочими немецких и обратно из-за того, какая национальная буржуазия должна иметь преимущество в грабеже чужих стран. И для прикрытия этой действительной политики, для обмана рабочих лондонским и венским героям служит фраза, что мы-де «признаем» «самостоятельность наций» или, другими словами, признаем самоопределение наций, отвергаем аннексии и т.д., и т.п.!

>(В.И. Ленин. О «программе мира». – Соч., XIX, 49 // 27, 267 – 268.)
414

Буржуазии как раз то и надо, чтобы лицемерными фразами о мире, пустыми, ни к чему не обязывающими фразами, отвлекать рабочих от революционной борьбы во время войны, убаюкивать их, утешать надеждой на «мир без аннексий», мир демократический и проч. и т.п.

>(Там же, 50 // 27, 268 – 269.)
415

Но сам собой напрашивается общетеоретический вопрос: в чем корень фальши подобных рассуждений? В чем верное, безошибочно действующее средство разоблачения лицемерия германских империалистов? Ибо правильный теоретический ответ на вопрос о том, где скрывается фальшь, всегда служит разоблачением лицемеров, склонных – по причинам слишком понятным – прикрывать фальшь, затушевывать ее, одевать ее в разные пышные наряды фраз, всяких фраз, фраз о чем угодно, вплоть даже до фраз об интернационализме.

>(В.И. Ленин. О германском и не германском шовинизме. – Там же, 65 // 27, 297.)
416

Именно таково обращение Исп. Комитета Петрогр. Совета Раб. и Солд. деп.[87] к социалистам всех стран, напечатанное сегодня в газетах. Слов против империализма наговорена бездна, но все эти слова сведены на-нет одной маленькой фразой, которая гласит:

«Временное Правительство революционной России усвоило эту платформу» (именно: платформу мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов).

Вот в этой фразе вся суть. И эта фраза есть защита русского империализма, есть его прикрытие и прикрашивание. Ибо на деле наше Временное Правительство не только не «усвоило» платформы мира без аннексий, а попирает ее ногами ежедневно и ежечасно...

...Воззвание Исполнительного Комитета приносит величайший вред делу революции и делу пролетариата, ибо говорит прикрытую самыми добренькими словами неправду об аннексиях. Во-1-х, воззвание не отличает отказа от аннексий на словах (в этом смысле все без исключения капиталистические правительства мира «усвоили» себе «платформу мира без аннексий») от отказа от аннексий на деле (в этом смысле ни одно капиталистическое правительство в мире не отказалось от аннексий). Во-2-х, воззвание прикрашивает – несправедливо, неосновательно, вопреки истине – русское Временное Правительство капиталистов, тогда как оно ничуть не лучше (и, вероятно, не хуже) других капиталистических правительств.

Прикрывать неприятную правду добренькими словами – самая вредная и самая опасная вещь для дела пролетариата, для дела трудящихся масс. Правде, как бы горьки она ни была, надо смотреть прямо в лицо. Политика, не удовлетворяющая этому условию, есть гибельная политика.

>(В.И. Ленин. Защита империализма, прикрытая фразами. – Соч., XX, 326 – 327 // 32, 11 – 12.)
417

Горькая истина, – истина насчет непримиримости капитализма с отказом от аннексий разоблачена еще и еще раз. Крах политики «соглашателей», примирителей капитализма с пролетариатом, политики министралистов народников и меньшевиков самый явный. Все их надежды на коалиционное правительство разлетелись в прах, все их посулы разоблачены, как пустейшая словесность.

И всего вреднее теперь для дела революции, для интересов трудящихся масс потуги замазать дело фразами. Два оттенка этого потока фраз обрисовались и, поистине, – «оба хуже».

«Рабочая Газета», орган министриалистов-меньшевиков, льет водицу «под кадета». С одной стороны, «на такой почве» (на почве ответов двух держав согласия) «никакого соглашения между нами и ими быть не может...» Между «нами»? – т.е. русскими капиталистами? Теория классовой борьбы выкинута за борт, выгоднее фразерствовать о «демократии» вообще, попирая ногами азбучную истину марксизма, что как раз внутри «демократии» пропасть между капиталистами и пролетариями всего глубже...

...«Дело Народа» фразерствует «под якобинца». Грозный тон, эффектные революционные восклицания... «мы знаем довольно»... «вера в победность нашей Революции» (обязательно с большой буквы), «от того или иного шага... русской революционной демократии... зависят судьбы... всего так счастливо, так победно поднявшегося Восстания (обязательно с большой буквы) трудящихся...»

Конечно, если слова: «Революция и Восстание» писать с большой буквы, то это «ужасно» страшно выходит, совсем как у якобинцев. И дешево и сердито. Ибо пишут это люди, кои на деле помогают душить революцию и тормозить рост восстания трудящихся поддержкой русского правительства империалистов, поддержкой их приемов сокрытия от народа тайных договоров, их приемов оттяжки немедленной ликвидации помещичьего землевладения, их приемов военной политики «наступления», их грубых окриков по адресу местных выборных учреждений, их претензии назначать или утверждать выборных местным населением должностных лиц и так далее и так далее без конца.

>(В.И. Ленин. О вреде фраз. – Там же, 451 // 32, 229 – 231.)
418

Карл Маркс в «Капитале» издевается над пышностью и велеречивостью буржуазно-демократической великой хартии вольностей и прав человека, над всем этим фразерством о свободе, равенстве, братстве вообще, которое ослепляет мещан и филистеров всех стран, вплоть до нынешних подлых героев подлого Бернского Интернационала. Маркс противопоставляет этим пышным декларациям прав простую, скромную, деловую, будничную постановку вопроса пролетариатом: государственное сокращение рабочего дня, вот один из типичных образчиков такой постановки. Вся меткость и вся глубина замечания Маркса обнаруживается перед нами тем очевиднее, чем больше развертывается содержание пролетарской революции. «Формулы» настоящего коммунизма отличаются от пышного, ухищренного, торжественного фразерства Каутских, меньшевиков и эсеров с их милыми «братцами» из Берна именно тем, что они сводят все к условиям труда. Поменьше болтовни о «трудовой демократии», о «свободе, равенстве, братстве», о «народовластии» и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин наших дней в этих надутых фразах так же легко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейски опытный человек, глядя на безукоризненно «гладкую» физиономию и внешность «блаародного чеаека», сразу и безошибочно определяет: «По всей вероятности, мошенник».

Поменьше пышных фраз, побольше простого, будничного дела, заботы о пуде хлеба и пуде угля!

>(В.И. Ленин. Великий почин. – Соч. XXIV, 342 – 343 // 39, 22 – 23.)
419

Статья Рамсэя Макдональда[88] есть лучший образчик тех гладких, благозвучных, шаблонных фраз по-видимому, социалистических, которые во всех передовых капиталистических странах издавна служат для прикрытия буржуазной политики внутри рабочего движения.

>(В.И. Ленин. О задачах III Интернационала. – Там же, 387 // 39, 94.)
420

Буржуазная демократия есть демократия пышных фраз, торжественных слов, велеречивых обещаний, громких лозунгов свободы и равенства, а на деле это прикрывает несвободу и неравенство женщины, несвободу и неравенство трудящихся и эксплуатируемых.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
Советская или социалистическая демократия отмечает прочь пышные, но лживые слова, объявляет беспощадную войну лицемерию «демократов», помещиков, капиталистов или сытых крестьян, которые наживаются на спекулятивной продаже излишков голодным рабочим.

>(В.И. Ленин. Советская власть и положение женщины. – Там же, 517 – 518 // 39, 286.)

VI. ЯЗЫК КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

421

Морган, проведший большую часть своей жизни среди ирокезов, и сейчас еще живущих в штате Нью-Йорк, и усыновленный в одном из их племен (племени сенека), обнаружил, что действующая у них система родства противоречит их фактическим семейным отношениям. У них господствовал тот обеими сторонами легко расторгаемый брак, который Морган обозначает названием «парная семья». Таким образом, потомство такой супружеской пары было всем известно, и всеми признавалось; не могло быть никакого сомнения насчет того, кого следует обозначать названиями: отец, мать, сын, дочь, брат, сестра. Но этому противоречит фактическое употребление этих выражений. Ирокез называет своими сыновьями и дочерьми не только своих собственных детей, но и детей своих братьев, а они называют его отцом, между тем детей своей сестры он называет своими племянниками и племянницами, а они его дядей. Наоборот, ирокезка называет своими сыновьями и дочерьми, наряду со своими собственными детьми, детей своих сестер, а те называют ее матерью. Детей же своих братьев она называет своими племянниками и племянницами, а сама называется их теткой. Точно так же дети братьев называют друг друга двоюродными братьями и сестрами. И это – не простые словесные обозначения, а выражения действительно господствующих взглядов на близость и дальность, одинаковость и неодинаковость кровного родства; и эти взгляды служат основой вполне разработанной системы родства, которая в состоянии выразить несколько сот различных родственных отношений одного индивидуума. Более того: эта система не только находится в полной силе у всех американских индейцев (до сих пор не обнаружено ни одного исключения), но действуя почти без изменения и у древнейших обитателей Индии, у дравидийских племен в Декане и племен гаура в Индостане. Обозначения родства у тамиллов Южной Индии и у сенека-ирокезов штата Нью-Йорк совпадают еще и теперь для более чем двухсот различных родственных отношений и точно так же у этих индийских племен, как и у всех американских индейцев, родственные отношения, вытекающие из существующей у них формы семьи, находятся в противоречии с системой родства.

Как же это объяснить? При той решающей роли, какую играет родство в общественном строе всех диких и варварских народов, значение столь широкого распространения системы не может быть сведено на-нет одними фразами. Система, действующая повсеместно в Америке, существующая и в Азии у народов совершенно другой расы, встречающаяся весьма часто в более или менее видоизмененных формах повсюду в Африке и Австралии, – такая система требует исторического объяснения, от нее нельзя отговориться, как это пытался сделать, например, Мак-Леннан. Обозначения отец, дитя, брат, сестра, – не просто почетные названия, а влекут за собою вполне определенные, весьма серьезные взаимные обязательства, совокупность которых составляет существенную часть общественного строя этих народов. И объяснение нашлось. На Сандвичевых островах (Гавайи) существовала еще в первой половине настоящего [т.е. XIX] века форма семьи, дававшая таких же точно отцов и матерей, братьев и сестер, сыновей и дочерей, дядей и теток, племянников и племянниц, какие требуются американско-древне-индейской системой родства. Но удивительно! Система родства, действовавшая на Гавайи, в свою очередь, не совпадала с фактически существовавшей там формой семьи. А именно там все без исключения дети братьев и сестер называются братьями и сестрами и считаются общими детьми не только своей матери и ее сестер или своего отца и его братьев, но и всех братьев и сестер своих родителей без различия. Если, стало быть, американская система родства предполагает уже не существующую в Америке более примитивную форму семьи, которую мы еще действительно находим в Гавайи, то, с другой стороны, гавайская система родства указывает на еще более первобытную форму семьи, наличности которой мы, правда, уже нигде не можем доказать, но которая должна была существовать, так как иначе не могла бы возникнуть соответствующая система родства.

«Семья, – говорит Морган, – представляет собою активный элемент; она

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
никогда не стоит на месте, а движется от низшей формы к высшей, по мере того, как общество развивается от низшей ступени к высшей. Напротив, системы родства пассивны, лишь через долгий промежуток времени они регистрируют прогресс, сделанный семьей, и претерпевают радикальные изменения лишь тогда, когда радикально изменилась семья».
«И точно так же, – прибавляет Маркс, – обстоит дело с политическими, юридическими, религиозными, философскими системами вообще». В то время как живая семья развивается, система родства окостеневает, а в то время как последняя продолжает существовать в силу привычки, семья вырастает из ее рамок. Но с такою же самою достоверностью, с какой Кювье по найденным около Парижа костям скелета животного мог заключить, что этот скелет принадлежал сумчатому животному, и что там некогда жили вымершие сумчатые животные, – с такою же достоверностью можем мы по исторически унаследованной системе родства заключить, что существовала соответствующая ей вымершая форма семьи.

>(Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 28 – 30. 1932 г. // 21, 34 – 36.)
422

В одном письме, написанном весной 1882 г., Маркс в самых резких выражениях отзывается о полном искажении первобытной эпохи, которым отличается вагнеровский текст «Нибелунгов». «Слыхано ли когда-нибудь, чтобы брат обнимал сестру как супругу?» Этим «богам сладострастия» Вагнера, совершенно по-современному придающим побольше пикантности своему волокитству посредством дозы кровосмешательства, Маркс отвечает: «В первобытную эпоху сестра была женой, и это было нравственно». [Примечание к четвертому изданию]. Некий французский друг и почитатель Вагнера не согласен с этим примечанием и замечает, что уже в древнейшей «Эдде», из которой исходил Вагнер, в «Эгисдрекка», Локи так упрекает Фрейю: «Перед богами обняла ты собственного брата». Отсюда будто бы следует, что брак между братом и сестрой уже тогда запрещался. Но «Эгисдрекка» служит выражением того времени, когда вера в старые мифы была совершенно сломлена; она представляет собою чисто лукиановского типа сатиру на богов. Если Локи, точно Мефистофель, делает в ней Фрейе подобный упрек, то это скорее говорит против Вагнера. Притом несколькими стихами дальше Локи говорит Ниорди: «С своей сестрой породил ты (такого) сына» (vidh systur thinni gaztu slikaþ mog). Правда, Ниорди не аз, а ван, и в саге Инглинга говорит, что браки между братьями и сестрами обычны в стране ванов, чего не было у азов. Это может служить признаком того, что ваны более древние боги, чем азы. Во всяком случае, Ниорди живет среди азов, как среди себе подобных, и потому «Эгисдрекка» служит скорее доказательством того, что в эпоху возникновения норвежских саг о богах брак между братьями и сестрами, по крайней мере между богами, не возбуждал еще ни малейшего возмущения. Если уже оправдывать Вагнера, то, пожалуй, будет лучше сослаться вместо «Эдды» на Гете, который в своей балладе о боге и баядерке делает подобную же ошибку, говоря о существовавшем для женщин обязательстве отдаваться в храмах и слишком сближая этот обычай с современной проституцией.

>(Там же, 37, прим. // 21, 42, прим.)
423

Согласно гавайскому обычаю, группа сестер, единоутробных или более отдаленных степеней, двоюродных, троюродных и т.п., были общими женами своих общих мужей, из числа которых, однако, исключались их братья; мужья эти называли уже друг друга не братьями, какими они могли и не быть на самом деле, а «пуналуа», т.е. близкими товарищами, так сказать компаньонами. Равным образом группа родных или двоюродных и т.д. братьев имела в общем браке известное количество женщин, но только не своих сестер, причем эти женщины называли друг друга «пуналуа». Такова классическая форма того строя семьи, который в позднейшем допускал ряд видоизменений и главной отличительной чертой которого была взаимная общность мужей и жен внутри определенного семейного круга, из которого, однако, исключены братья жен, сперва родные, а позднее и отдаленных степеней, а также сестры мужей.

Так вот эта форма семьи с совершенной точностью воспроизводит перед нами те самые степени родства, какие выражает американская система. Дети сестер моей матери по-прежнему являются ее детьми, равно как дети братьев моего отца признаются также его детьми, и все они для меня братья и сестры; но дети братьев моей матери являются теперь ее племянниками или племянницами, а все они – моими двоюродными братьями и сестрами. Ибо между тем как мужья

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org

сестер моей матери по-прежнему остаются и ее мужьями, а равным образом жены братьев моего отца – его женами, – в силу действующего права, если не всегда фактически, – общественное порицание половых отношений между родными братьями и сестрами разделило детей братьев и сестер, до сих пор безразлично признававшихся братьями и сестрами, на два класса: одни остаются по-прежнему (отдаленных степеней) братьями и сестрами друг другу, другие – в одном случае дети брата, в другом – сестры – не могут уже быть братьями и сестрами, не могут уже иметь ни общих родителей, ни общего отца или общей матери отдельно; здесь поэтому впервые возникает необходимость в разряде племянников и племянниц, двоюродных братьев и сестер, который был бы бессмысленным при прежнем семейном строе. Американская система родства, представляющаяся противоречащей здравому смыслу при всякой форме семьи, в основу которой положен тот или иной вид единобрачия, находит себе, вплоть до своих мельчайших подробностей, разумное объяснение и естественное обоснование в семье «пуналуа». Поскольку была распространена эта система родства, постольку же должна была существовать семья «пуналуа» или одна из подобных ей форм.

>(Там же, 39 – 40 // 21, 44 – 45.)
424

«Монеты, названия которых теперь лишь идеальны, суть самые старые монеты каждой нации, и все они были некогда реальны (это последнее замечание довольно часто оказывается неправильным. – Маркс) и так как они были реальны, то служили счетными деньгами» (Galiani. Della Moneta, p. 153).

>(К. Маркс. Капитал, I, 54, прим. ко 2-му изд. Изд. 8-е // 23, 110, прим.)
425

Мюнцер сам, по-видимому, чувствовал огромную пропасть, отделяющую его теории от непосредственно данной действительности, пропасть, которая тем менее могла укрыться от него, чем более искажались его гениальные воззрения в грубых умах массы его сторонников. Он принялся с необычным даже для него рвением за распространение и организацию движения; он писал письма и рассылал гонцов и эмиссаров во все стороны. Его писания и проповеди дышат революционным фанатизмом, поразительным по сравнению даже с его прежними сочинениями. Наивный юношеский юмор прежних революционных памфлетов Мюнцера исчез; спокойно развивающейся речи мыслителя, которая раньше не была чужда ему, также уже нет. Мюнцер весь теперь превратился в пророка революции; он без устали раздувает ненависть к господствующим классам, разжигает самые дикие страсти и пользуется лишь теми мощными выражениями, которые вкладывал религиозный и национальный экстаз в уста ветхозаветных пророков. Тот стиль, который он должен был выработать себе, ясно показывает, на какой ступени развития находилась та аудитория, на которую он должен был действовать.

>(Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., VIII, 187. 1930 г. // 7, 424.)
426

Что же касается «racines dans l'histoire» «d'un antagonisme ne d'hier», то как раз его [Тьерри] книга дает наилучшее доказательство того, что «racines» эти появились с возникновением самого «tiers-etat». Из выражения «Senatus populusque Romanus» этот в общем остроумный критик мог бы заключить, что в Риме никогда не было другого антагонизма, кроме антагонизма между senatus и populus, что было бы вполне в его духе.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 27/V 1854 г. – Соч., XXII, 48. 1929 г. // 28, 321 – 322.)
427

Это пишет буржуазная английская газета [Manchester Guardian]: «если союзные армии тоже остаются в России и будут продолжать военные операции, единственной целью является вызвать внутренний переворот в России».

Союзные правительства должны поэтому либо положить конец своим военным операциям, либо заявить, что они находятся в войне с большевиками. Повторяю, важность этой маленькой цитаты, которая звучит для нас как революционный призыв, как самое сильное революционное воззвание, важность в том, что пишет буржуазная газета, которая сама является врагом социалистов, но она чувствует, что дальше скрыть правды нельзя. Если буржуазные газеты говорят так, вы можете себе представить, что говорят и как думают

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
английские рабочие массы. Вы знаете, как у нас во время существования царизма, до революции 1905 или 1917 годов, каким языком говорили либералы. Вы знаете, что этот язык либералов означал приближение взрыва в пролетарских революционных массах. Поэтому из языка этих буржуазных английских либералов вы сделаете заключение о том, что делается в настроении, умах и сердцах английских, французских и американских рабочих.

>(В.И. Ленин. Доклад на VI Всеросс. Чрезв. съезде советов. – Соч., XXIII, 270 – 271 // 37, 166 – 167.)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I. Заметки К. Маркса и Ф. Энгельса об их занятиях языками

428

Подрастающему гражданину будущего государства не предстоит особых мучений с филологией.

«Изучение мертвых языков будет совершенно оставлено.. а изучение живых иностранных языков будет делом второстепенным». Только там, где сношения между народами выразятся в передвижениях народных масс, иностранные языки должны быть усвоены каждым в легкой форме, смотря по нужде. Для достижения «действительно образовательного результата при изучении языков» придумана своего рода всеобщая грамматика, и особенно для этого дела должна служить «материя и форма родного языка».

Национальная ограниченность современного человека является еще слишком космополитической для г. Дюринга. Он хочет уничтожить и те два рычага, которые при современном строе дают хотя некоторую возможность стать выше ограниченной национальной точки зрения, – одновременно упразднить и знание древних языков, открывающее, по крайней мере, лицам разных стран, получившим классическое образование, общий широкий горизонт, и знание языков новых, при помощи которых люди различных наций понимают друг друга и благодаря которому только и могут ознакомиться с тем, что происходит вне их собственной сферы жизни. Зато грамматика родного языка должна основательно вызубриваться. Но «материя и форма родного языка» только тогда могут быть поняты, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки. Это последнее, казалось бы, могло грозить вторжением в запрещенную область. Напрасный страх. Г-н Дюринг, изгнав из своего учебного плана всю современную историческую грамматику, оставляет для обучения языкам в своей школе только старомодную, выкроенную в стиле древней классической филологии, техническую грамматику со всей ее казуистикой и произвольностью, порождаемыми отсутствием в ней исторического основания.

Ненависть к старой филологии доводит его до того, что все самое дурное, что можно в ней найти, он делает «центральный пунктом имеющего действительно образовательное значение изучения языков». Очевидно, нам приходится иметь дело с филологом, никогда не слыхавшим об историческом языкознании, так сильно и плодотворно развившемся в последние 60 лет, и поэтому отыскавшем «современные возвышенные образовательные элементы» языкознания не у Боппа, Гримма и Дица, но у блаженной памяти Гейзе и Беккера.

>(Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XIV, 326, 327. 1931 г. // 20, 333 – 334.)

429

Из остальных национальностей отметим, прежде всего, в нескольких словах арнаутов; это – закаленный, первобытный горный народ, живущий в стране, спускающейся к Адриатическому морю, говорящий на своем собственном языке, не принадлежащий, по-видимому, к великому индо-германскому племени.

>(К. Маркс и Ф. Энгельс. Восточный вопрос. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. IX, 375. 1932 г. // 9, 7.)

430

Турция была до греческого восстания terra incognita во всех отношениях, и распространенные на ее счет представления покоились больше на сказках из «Тысячи одной ночи», чем на исторических фактах. Правда, официальные дипломаты, побывавшие в Турции, уверяли, что они обладают более точными знаниями; но так как никто из них не дал себе труда изучить турецкий,

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
южно-славянский или ново-греческий язык, и все они вынуждены были прибегать к тенденциозным рассказам греческих толмачей и франкских купцов, то и их знания были не бог весть какие.

>(Там же, 386 // 9, 20.)
431

В России, – которая сама является полуазиатской страной по своим условиям, характеру, традициям и учреждениям, – нашлось достаточно людей, правильно понимавших истинное положение и характер Турции. Они исповедовали ту же религию, что и девять десятых населения Европейской Турции, их язык – почти тот же самый, что и язык семи миллионов турецких подданных; а известная легкость, с которою русские научаются говорить на иностранных языках, даже не вполне владея ими, дала возможность хорошо оплачиваемым русским агентам вполне освоиться с турецкими делами.

>(Там же, 17 // 9, 21.)
432

Правда, за последние тридцать лет было много сделано для осведомления европейского общества о положении Турции. Немецкие филологи и критики познакомили нас с ее историей и литературой, английские уполномоченные и английские торговцы собрали много данных о социальном положении империи. Но для наших премудрых дипломатов вся эта литература не существует, и они упорно цепляются за традицию, которая создалась изучением восточной сказочной литературы и дополняется не менее чудесными сказками, пускаемыми в оборот продажной бандой бессовестных греческих наемников.

...у меня чертовски мало времени... К тому же я должен, наконец, покончить со своими славянскими занятиями. Прежним дилетантским способом я в течение года ни к чему не пришел, а так как я уже раз начал эту историю и слишком далеко зашел, чтобы бросить ее, то я должен теперь регулярно заниматься этим некоторое время. Я две недели прилежно занимался русским языком и порядочно освоился теперь с грамматикой, еще два-три месяца дадут мне необходимый запас слов, и потом я смогу приступить к чему-нибудь другому. Со славянскими языками я должен в этом году покончить, и, au fond [в сущности], они совсем не так трудны. Помимо лингвистического интереса, который это имеет для меня, сюда присоединяется то соображение, что при ближайшем государственном перевороте, по крайней мере, хоть один из нас будет знать языки, историю, литературу и детали социальных учреждений как раз тех народов, с которыми придется немедленно вступить в конфликт.

Собственно говоря, Бакунин достиг кой-чего только благодаря тому, что ни один человек не знал русского языка. И старый панславистский dodge [обман], превращающий древнеславянскую общинную собственность в коммунизм и изображающий русских крестьян прирожденными коммунистами, опять очень широко распространится.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 18/I 1852 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., XXI, 341 – 342. 1932 г. // 28, 30 – 31.)
433

Из прилагаемой записки ты увидишь, что П[ипер] сделал не мало весьма грубых промахов – ошибок грамматических и стилистических, разумеется, я не подсчитывал.

Ты можешь это ему показать, если считаешь полезным, но если бы это могло дать ему повод отказаться от перевода, то лучше ему не показывать. Если бы он стал ворчать по поводу отдельных корректур, то ты всегда можешь этим воспользоваться, чтобы показать ему его недостатки.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 23/IX 1852 г. – Там же, 409 // 28, 113.)
434

Английский язык не только хорош, он прямо блестящ. Кое-где не совсем удачно вплетено несколько ходячих словечек, но это зато все, что можно сказать плохого о твоей статье. Пипера там почти не видно, и я не могу понять, зачем он тебе еще нужен.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 1/VI 1853 г. – Там же, 487 // 28, 212.)
435

Похвала, расточаемая тобой моему «юному» английскому языку, подействовала на меня весьма ободряюще. Мне нехватает, во-первых, грамматической уверенности, а, во-вторых, ловкости в тех второстепенных оборотах, без которых, однако, немисливо живо писать.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 2/VI 1853 г. – Там же, 488 // 28, 213.)
436

Раз я уже все равно на несколько недель застрял в этих восточных делах, то я воспользовался случаем, чтобы изучить персидский язык.

От арабского языка меня отпугивает, с одной стороны, мое прирожденное отвращение к семитским языкам, а с другой стороны – невозможность достигнуть без большой потери времени сколько-нибудь заметных успехов в языке, который так богат, имеет 4.000 корней и охватывает в своем развитии 2.000 – 3.000 лет.

Зато персидский язык не язык, а настоящая игрушка. Если бы не этот проклятый арабский алфавит, в котором то и дело целые шестерки букв имеют совершенно одинаковый вид и в котором нет гласных, то я бы взялся изучить всю грамматику в течение 48 часов. Это в утешение Пиперу, если бы он возымел желание проделать вслед за мной сию неостроумную штуку. Я для изучения персидского языка положил себе срок максимум в три недели. Если он рискнет двумя месяцами, то наверняка побьет меня. Для Вейтлинга это несчастье, что он не знает персидского языка: он бы нашел в нем *langue universelle toute trouvee* [совершенно готовый универсальный язык], ибо это, насколько мне известно, единственный язык, в котором нет конфликта между мне и меня, так как дательный и винительный падежи в нем всегда одинаковы.

Впрочем, довольно приятно читать старого забулдыгу Гафиза в оригинале, язык которого довольно звучен, и старый сэр Вильям Джонс охотно пользуется персидскими скабрзностями для примеров в своей грамматике, переводя их затем в своих *Commentariis roeseos asiaticae* [комментариях к азиатской поэзии] греческими стихами, ибо они и по латыни кажутся еще слишком неприличными. Эти «Комментарии» (Соч. Джонса, II том, *de roesi erotica* [об эротической поэзии]) тебя, наверное, очень позабавят. Зато персидская проза убийственна. Напр.: «*Ranzat-us-safa*» благородного Мирхонда, излагающего персидский героический эпос очень образным, но совершенно бессодержательным языком.

Об Александре Великом он рассказывает следующее: имя Искандер значит на языке ионийцев Акшид рус (так же как имя Искандер происходит от Александра), т.е. «филусуф», что происходит от фила – любовь и суфа – мудрость, так что Искандер обозначает: друг мудрости. – Об одном короле *retired* [ушедшем в отставку] он пишет: он ударил в барабан отставки «палочкой ухода от дел», как это придется сделать и *pere* [папаше] Виллиху, если он еще больше увлечется литературной борьбой. Того Виллиха постигнет участь короля Афразиаба Туранского, которого покинули его войска и про которого Мирхонд пишет: «он кусал себе ногти ужаса зубами отчаяния, пока из пальцев стыда не брызнула кровь убитого сознания».

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 6/VI 1853 г. – Там же, 495 – 496 // 28, 222 – 223.)
437

В свободные часы я занимаюсь языком. Начал с Кальдерона, с «*Magico prodigioso*» католического фауста... *horribile dictu* [страшно сказать] – прочел по-испански то, что читать по-французски было бы невозможно, – «Атала» и «Рене» Шатобриана и кое-что Бернардена де-Сен-Пьера. Теперь читаю Дон Кихота. Нахожу, что при занятии испанским языком приходится в начале чаще прибегать к словарю, чем при занятиях итальянским.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 3/V 1854 г. – Там же, XXII, 29 – 30 // 28, 300.)
438

Английский язык – «жалок» – совершенно романизован. На это ему [речь идет об Э. Бауэре. Ред.] в утешение я сказал, что голландцы и датчане говорят то же самое о немецком языке и что «исландцы» – единственные истинные германцы, не испорченные иностранщиной.

Старый холостяк занимался много языками. Он говорит по-польски и потому объявляет польский язык «самым красивым». Изучал языки он, по-видимому, совершенно не критически. Считает, например, Добровского гораздо «более выдающимся», чем Гримма, и называет его отцом сравнительного языкознания. Он дал также полякам в Берлине уверить себя, будто старик Лелевель в своем последнем сочинении опроверг гриммовскую историю немецкого языка.

Кстати! Он рассказывал, что в Германии появился объемистый том (немецкого автора), направленный против гриммовского словаря. Весь том состоит из указания промахов, найденных у Гримма.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 14/XII 1855 г. – Там же, 107 // 28, 389.)
439

Из трех книг, которые ты требовал, у Норгэта и Вильямса не оказалось на складе ни одной. Я заказал «Слово о полку Игореве», о двух же других хочу предварительно поговорить с тобой.

«Slavin» добровского, издание Ганки, отнюдь не соответствует ожиданиям, вызываемым заглавием. Книга распадается на две части, если не по расположению материала, то по содержанию, а именно: 1) мелкие статьи о славянском языкознании, после новейших исследований представляющие собой в лучшем случае антикварный интерес (например, отрывок из Нового завета вендов, словенское склонение, о словенском переводе Ветхого завета и т.д.); 2) лишенная всякого полемического остроумия попытка выставить в выгодном свете характер славянских народов. Достигается это выдержками из различных произведений, преимущественно немецких. Вот список этих статей, составляющих остов книги.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу от 29/II 1856 г. – Там же, стр. 119 // 29, 12 – 13.)
440

Добровский пишет дубовато-добродушным и наивным стилем, проявляет величайшую любезность по отношению к своим «покойным» или еще живущим немецким коллегам. Единственно, что мне показалось в «Slavin» интересным, – это несколько мест, где он прямо признает, что отцами славянской историографии и языкознания были немцы.

>(Там же, 120 // 29, 13.)
441

На следующей неделе я внимательно просмотрю Геффтера. Если там имеется материал, я закажу его. Весьма жалкая книга Эйхгофа «histoire de la langue et de la litterature des Slaves» [История славянского языка и литературы. Ред.] Париж, 1839. Кроме грамматической части, о которой я судить не могу (хотя мне кажется странным, что литовцы и латыши объявляются славянами; разве это не бессмыслица?), остальное, большею частью, плагиат из Шафарика. Он приводит также примеры славянской национальной поэзии в подлинниках наряду с французским переводом. У него же я нашел и «Слово о полку Игореве». Смысл поэмы – призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов. Замечательно одно место в стихотворении «Voici les jolies filles des Gots entonnent leurs chants au bord de la Mer Noire» [Вот прекрасные готские девы затягивают свои песни на берегу Черного моря. Ред.]. Выходит, что геты или готы праздновали победу тюркских половцев над русскими. Вся песнь носит христиански-героический характер, хотя языческие элементы выступают еще весьма заметно.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 5/III 1856 г. – Там же, 122 // 29, 16.)
442

Сегодня мне трудно писать, но я все-таки должен попросить у тебя разъяснения по поводу одного филологического сомнения. В шекспировском «Генрихе IV» вместо Syrene стоит Hiren, а в примечании педанта Джонсона сказано, что форма Hiren встречается и у других старых писателей. Замена H[iren] S[yrene] quite [совершенно] правильна, но не находится ли слово Hiren в связи с Hure, а отсюда и Syrene? Или связано с haeren, auris и т.д. Ты видишь, in which low state of spirit [в каком угнетенном состоянии духа] я сегодня нахожусь, если такой вопрос может меня так интересовать. О трагедии Руге «Новый мир», в которой «трагедия любви превращается в ее

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
фарс», я получил в высшей степени любопытные сведения. Об этом в следующий раз.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 23/V 1856 г. – Там же, 143 // 29, 42 – 43.)
443

Поклонись Лупусу. Скажи ему, что у Гримма я нашел научное объяснение имени фабриканта одеколона Фарины, а именно от санскритского varī [вода], родительный – varīnas.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 9/IV 1857 г. – Там же, 193 // 29, 100.)
444

Было бы не вредно, если бы удалось заполучить и некоторые филологические отделы, как, например, германские наречия, средне-верхне-немецкую, старо-верхне-немецкую и т.д. литературы (также – и романские наречия, особенно провансальское). Славянщину, вероятно, взяли на себя г-жа Якоб или господин Туровский, да первая и знает эти языки лучше, чем я. [Речь идет об издании Энциклопедического словаря. Ред.].

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 22/IV 1857 г. – Там же, 196 // 29, 102.)
445

А proros о Руге. Этот старый осел уже несколько месяцев тому назад выпустил проспект о возобновлении si-devant [бывших] «Deutsche Jahrbucher». Его главной задачей должна быть борьба против материализма, естественно-научного и промышленного, item [также] против модного ныне сравнительного языкознания и т.д., словом, против всего, что требует точных знаний.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 24/X 1857 г. – Там же, 259 // 29, 177.)
446

Но каждый знаток знает, как дешево стоит это нагромождение цитат, когда имеешь время и деньги и можешь, как господин Лассаль, ad libitum [по желанию] получать на дом книги прямо из Боннской университетской библиотеки. Видишь, как парень кажется самому себе страшным в мишурном царстве филологов, и как он двигается с грацией человека, в первый раз в жизни надевшего fashionable dress [элегантный костюм]. Так как большинство филологов не знакомо с спекулятивными понятиями, господствующими у Гераклита, то, конечно, у каждого гегельянца есть неоспоримое преимущество – понимать то, чего не понимает филолог. (Было бы, впрочем, странно, если бы, изучая греческий язык, человек тем самым становился греческим философом, не будучи немецким). Вместо того, чтобы попросту принять это как нечто само собою разумеющееся, господин Лассаль преподносит нам это в квази-лессинговском духе. Против ложных заключений филологов, вытекающих из незнакомства с существом дела, выдвигается гегелевское толкование со всеми приемами адвокатского многословия. Таким образом, мы получаем двойное удовольствие: во-первых, нам со всею подробностью воспроизводятся диалектические тонкости, которые мы почти уже позабыли; а во-вторых, это «спекулятивное наследие» преподносится нам как плод особого филолого-юридического остроумия и учености господина Л[ассалья] в борьбе с не-спекулятивными филологами. Впрочем, несмотря на похвальбу этого парня, что до сих пор Гераклит был книгой за семью печатями, он не прибавил абсолютно ничего нового к тому, что говорит Гегель в «Истории философии».

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 1/I 1858 г. – Там же, 299 // 29, 222 – 223.)
447

Я совсем увяз в Ульфице; надо же когда-нибудь покончить с проклятым готским языком, которым я до сих пор занимался лишь мимоходом. К своему удивлению, убеждаюсь, что знаю гораздо больше, чем думал; если получу еще одно руководство, то рассчитаю вполне справиться с этим в две недели. Тогда перейду к древне-норвежскому и англо-саксонскому, которыми я всегда тоже владел на половину.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 4/XI 1859 г. – Там же, 452 // 29, 406.)
448

Я много занимаюсь сербским языком, в частности песнями, собранными Вуком Стеф. Караджичем. Он дается мне легче всех славянских языков.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 20/V 1863 г. – Там же, 149 // 30, 284.)
449

Прежде чем приступить к письму, задам тебе – чтобы не забыть – вопрос: имеют ли any value [какую-либо ценность] следующие сопоставления слов, найденные мною у одного бельгийского этимолога.

Санскритское wer (couvrir proteger, respecter, honorer, aimer, cherir) [покрывать, покровительствовать, уважать, почитать, любить, ласкать], прилагательное: wertas (excellent, respectable) [превосходный, почтенный], английское worth, готское wairths, англо-саксонское weorth, литовское werthas, алеманское werth.
Санскритское wertis, латинское virtres, готское wairthi, германское werth, санскритское wal (couvrir, fortifier) [покрывать, укреплять], valor, value?

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 16/V 1864 г. – Там же, 191 // 30, 339.)
450

Я последнее время немного занимался фризско-англо-ютско-скандинавской филологией и археологией, и на основании этого изучения прихожу к выводу, что датчане – настоящий народ адвокатов; ради партийных интересов они лгут прямо и сознательно даже в научных вопросах. Свидетельство – книга Г-на Ворсо.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 2/XI 1864 г. – Там же, 205 // 31, 5.)
451

Что значит: Rum Hart, klar kimmang?

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 2/XI 1864 г. – Там же, 206 // 31, 6.)
452

Твои руны Rum Hart и т.д. я перевел бы, исходя из голландско-фризского, так: большое сердце, ясный горизонт. Но я боюсь, что за этим скрывается нечто совсем иное, и потому отказываюсь гадать.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 4/XI 1864 г. – Там же, 206 // 31, 6.)
453

Фризская задача разрешена тобой правильно, исключая лишь одно слово: kimmang значит по северно-фризски: взгляд, глаз. У этих фризов натура умозрительная, и они поставили внутренний горизонт на место внешнего, вроде того как Вагнер теперь требует «внутреннего Дюппеля». Это – старинное матросское выражение.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 7/XI 1864 г. – Там же, 212 // 31, 14.)
454

Пережил в конторе очень трудное время: чарльза не было, франца Эрмена также; к тому же было невероятно много работы. Сейчас лучше. Я изучаю теперь сказки Гримма, германские героические саги, древне-фризское право и т.д. Лишь только я с этим несколько справлюсь, я серьезно перейду к древне-норвежскому языку. Поэзия там чрезвычайно трудная, вследствие умышленной туманности и многоименной мифологии, и я вижу, что изучать попутно это по use [невозможно]; я должен буду как-нибудь потратить исключительно на это недели четыре, когда буду меньше занят.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 16/VII 1865 г. – Там же, 292 // 31, 109.)
455

Прежде чем перейти к общим вопросам, переведи мне на немецкий «rut stretches upon the mul» и скажи мне, что значит «picks» в ткацком деле и «flyer» в прядильной машине.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 7/VII 1866 г. – Там же, 361 // 31, 195.)
456

О Муалене и Тремо я на этих днях напишу более подробно; книгу последнего я прочел еще не всю, но пришел к убеждению, что вся его теория никуда не годится уже потому, что он не знает геологии и неспособен к самой простой

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org литературно-исторической критике. Истории же о негритянской богоматери и о превращении белых в негров могут вызвать лишь гомерический хохот. Предания сенегальских негров заслуживают – по его словам – безусловного доверия именно потому, что они не умеют писать. Кроме того, как умно сводить различия между басками, французами, бретонцами и эльзасцами к наслоениям почвы, которые, разумеется, виноваты также в том, что люди говорят на четырех различных языках.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 2/X 1866 г. – Там же, 379 // 31, 215 – 216.)
457

Откуда [происходит] слово *higid, hid, hiwisc* («*hida autem Anglice vocatur terra unius aratri culturae sufficiens*»)? [*hida* называется по-английски участок земли, достаточный для обработки плугом].

Затем немецкое слово *wiffa* (*Qui signum quod propter defensionem terrae*) [«знак, который ставится для охраны земли»] (чтобы земля считалась отгороженной, т.е. знак употребляется вместо действительной изгороди) *ponitur, quod signum wiffam vocamus?* [каковой знак мы называем *wiffa*].

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 18/III 1868 г. – Соч., XXIV, 31 // 32, 40.)
458

Англо-саксонское слово постараюсь выяснить; но так как у меня нет под рукою англо-саксонского словаря, то придется воспользоваться другими источниками, которые при большом количестве специфически англо-саксонских выражений весьма сомнительны.

Прежде всего нужно было бы установить точную орфографию. Что касается *wiffa*, то надо знать, где оно встречается, чтобы определить, имеем ли мы дело с ниже-немецким или выше-немецким звукоизменением. Если выше-немецкое, то ты должен сопоставить Граффа «Старо-верхне-немецкий язык», баварский словарь Шмеллера или швейцарский Штальдера. Не встречается ли это слово в «Юридических древностях» Гримма?

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 19/III 1868 г. – Там же, 31 – 32 // 32, 41.)
459

Насчет *wiffa* ничего не нахожу. Что же касается *higid, hiwisc, hida*, то в этом случае ты смешиваешь два, если не три различных слова.

Англо-саксонское *hiwisce*, старо-саксонское и старо-верхне-немецкое *hiwiski*, старо-фризское *hiskthe*, старо-северное *hyski*, ново-северо-фризское *hiske = familia*.

higid может быть причастием от англо-саксонского *hegjan*; этот глагол означает *to fence in* [обнести забором].

Происходит ли *hid*, еще сейчас встречающийся в некоторых местах как земельная мера, отсюда или связано с *hide cutis*, по англо-саксонски *hyde*, – этого сказать без англо-саксонского словаря я не могу.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 29/III 1868 г. – Там же, 36 // 32, 47.)
460

До чего все мы ослеплены этой *judicial blindness* [слепотой суждения]: ведь даже на моей родине, на Гунсрюккене, старо-немецкая система существовала вплоть до последних лет. Теперь я вспоминаю, что мой отец, адвокат, рассказывал мне об этом. Другое доказательство: как геологи, даже лучшие, вроде Кювье, истолковывают некоторые *facts* [факты] совершенно превратно, так и филологи такого *force* [калибра], как Гримм, переводят неверно самые простые латинские фразы, потому что находятся под влиянием Мезера и т.д. (который, помнится мне, восхищается тем, что у германцев никогда не существовало «свободы», но зато «воздух делает крепостным»). Например, известное место у Тацита: «*arva per annos mutant et superest ager*», что означает: они меняют (по жребию, откуда *sortes* во всех позднейших сборниках *Leges Barbarum*) [варварские «правды»] поля (*arva*), и остается еще, кроме того, общинная земля (*ager* в противоположность *arva*, как *ager publicus*), Гримм etc. переводят: они возделывают каждый год новые поля, и все же остается еще (невозделанная) земля!

Точно так же место: «Colunt discreti ac diversi» [пашут землю в одиночку и отдельно друг от друга] должно доказывать, что германцы испокон веков хозяйничали на хуторах на подобие вестфальских юнкеров. А между тем в том же месте дальше говорится: «Vicos locant non in nostrum morem connexis et cohaerentibus aedificiis: suum quisque locum spatio circumdat» [деревни они устраивают не по нашему – со смежными и прислоняющимися друг к другу зданиями: каждый окружает свой участок свободным пространством], и подобного рода первобытные деревни в описанной форме и по сие время еще существуют кое-где в Дании. Скандинавия, естественно, должна была получить такое же значение для германской юриспруденции и экономики, как и для германской мифологии. И лишь исходя из этого, мы могли бы разобраться в нашем прошлом. Впрочем, и сам Гримм и др. находят у Цезаря, что германцы всегда селились родовыми общинами, и не в одиночку: «gentibus cognationibusque, qui uno coierant» [родами и родственными союзами, которые селились совместно].

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 25/I 1868 г. – Там же, 34 // 32, 44 – 45.)
461

У Мейера меня позабавило сопоставление богемцев и китайцев. Вообще же его подделка под стиль Якова Гримма представляется мне слишком неудачной. Этот стиль представляет собой искусство путем таинственных околичностей сказать немного, и это немного сказать неясно.

Серно [Серно-Соловьевич, А.А., русский революционер, деятель Интернационала. Ред.], в отличие от других русских, пишет удивительно плохо по-французски; при составлении брошюры ему, должно быть, очень много помогали. Если бы «умник» знал, что ты переписываешься с русскими! Ты можешь тогда ответить ему, во-первых, что имя «Серно» не может быть мужского рода на великорусском языке, потому что о – окончание среднего рода; по-малороссийски же, наоборот, мужские имена на о встречаются очень часто, и таким образом господин этот не москвит, а русин-малоросс; во-вторых, что он – прирожденный член «серной шайки»; серный – от серы, Соловьевич означает сын соловья.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 13/XII 1868 г. – Там же, 143 – 144 // 32, 182 – 183.)
462

Thanks [спасибо] за money [деньги]. В субботу взял их у Боркгейма. Он прочел мне твое письмо и затем свой ответ. Он очень гордится тем, что будто бы нашел у тебя неправильное употребление родов, которое у тебя часто встречается...

...В качестве исследователя в области сравнительного языковедения ты, может быть, найдешь интересные для себя формы в следующем извлечении из одной шотландской хроники начала XV века о смерти герцога Ротсейского (сын короля Роберта III):

«Be quhais deith, succedit gret displeseir to hir son, David Duk of Rothsay; for during hir life he wes haldin in virtews and honest occupatioun; eftir hir deith (именно королевы Аннабеллы) he began to rage in all maner of insolence; and fulyeit virginis, matronis and nunnis, be his unbridillit lust. At last, King Robert, informit of his young and insolent maneris, send letteris to his brothir, the Duk of Albany, to intertene his saidson, the Duk of Rothsay, and to leir him honest and civile maneris.
The Duk of Albany, glaid of thir writtingis, tuk the Duk of Rothersay betwix Dundee and Sanct Androis, and brocht him to Falkland, and inclusit him in the toure thairof, but ony meit or drink.
It is said, ane woman, havand commiseratioun on this Duk, leit meill fall daun thraw the loftis of the toure; be quhilkis his life wes certane dayis savit. This woman, fra it wes knawin, wes put to deith. On the same maner, ane othir woman gaif him milk of hir paup, throw ane long reid, and wes slane with gret cruelte, fra it wes knawin. Than wes the Duk destitute of all mortall supplie; and brocht, finalie, to sa miserable and hungry appetite, that he eit, nocht allanerlie the filth of the toure quhare he wes, bot his awin fingaris: to his gret marterdome. His body wes beryit in Lundonis, and kithit miraklis mony yeris eftir; quhil, at last, King James the First began to punis his slayaris: and fra that time furth, the miraklis ceissit».

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 1/I 1869 г. – Там же, 164, 166 // 32, 209 и 211 – 212.)
463

В старо-шотландском отрывке меня с филологической точки зрения заинтересовала лишь форма *participii praesentis* [причастия настоящего времени] *havand* «имея». Наличие этой формы в данной хронике доказывает, что эта форма существовала еще в Шотландии в начале XV века, т.е. к тому времени, когда она в Англии уже давно исчезла.

Ошибку в русском языке я действительно сделал. Я порядочно забыл русские склонения.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 3/II 1869 г. – Там же, 168 // 32, 215.)
464

На этой неделе я более или менее основательно занимался голландско-фризскими языками и нашел там весьма интересные филологические вещи. Можешь ли ты разгадать, что значит *snieuntojown*? Курьезно, что западные фризы теперь часто произносят как раз так, как англичане пишут, например, *great*, *hearre* (слышать) и т.д. Но в большинстве случаев это случайно и недавнего происхождения, так как формы старо-фризского языка той же местности большей частью совсем иные.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 8/III 1869 г. – Там же, 180 – 181 // 32, 229.)
465

С твоим *snieunt* (следующую букву я не разбираю) *jown* не могу добиться толку. Могу объяснить тебе только согласно этимологии *lucus a non lucendo* [слово «роща» от слова «не-свечение»], что по-датски *snoe* значит вертеться, а *jean* даже.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 5/IV 1869 г. – Там же, 184 // 32, 233 – 234.)
466

snieuntojown, это – *sun-jown-to-jown*, т.е. суббота вечером (*Sonn-Abend-zu-Abend*).

Над этим словом мне пришлось не мало поломать голову; вообще в западно-фризском языке очень много трудностей.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 7/IV 1869 г. – Там же, 187 // 32, 237.)
467

Для Флеровского, – имя это неславянское и тем более нерусское: ни одно русское слово не начинается с *fl.*, кроме фланговый солдат, флот, фланкировать и т.д., – тебе придется, вероятно, воспользоваться Годиссаром, потому что хотя в три месяца можно выучиться и по-русски настолько, чтобы прочесть такую книгу, но у тебя ведь нет теперь времени для этого. Дай просмотреть ее Годиссару, и если в ней есть что-либо интересное, я, может быть, сумею летом снова немного заняться ею, чтобы освежить свои знания русского языка, когда покончу с Ирландией. От Ирландии до России *il n'y a qu'un pas* [только шаг].

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 24/X 1869 г. – Там же, 240 // 32, 303 – 304.)
468

В одной из здешних библиотек я открыл, наконец, экземпляр Прендергаста и надеюсь, что мне удастся достать его. К моему счастью или несчастью вышли в свет и старые ирландские законы, и таким образом мне придется преодолевать и их. Чем основательнее я изучаю предмет, тем яснее становится для меня, что английское нашествие лишило Ирландию всякой возможности развития и отбросило ее на столетие назад, и при том тотчас же, начиная с XII века; при этом не следует, разумеется, забывать, что трехвековые нападения и грабежи датчан уже значительно истощили страну. Но они все же прекратились больше чем за сто лет до нашествия англичан.

За последние годы в исследованиях об Ирландии замечается несколько более

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org критический подход, особенно это относится к работам Петри, посвященным изучению страны; он заставил меня читать немного и по кельто-ирландски (разумеется, с параллельным переводом). Это, по-видимому, не так трудно, но глубже я в эту штуку не погружаюсь, хватит уже с меня филологической чепухи. Что говорится там о старых законах, я увижу на днях, когда получу книгу.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 19/І 1870 г. – Там же, 280 // 32, 348 – 349.)
469

Поздравляю тебя с успехами в русском языке. Ты приведешь в восхищение Боркгейма, да это и хорошо; мои познания в русском языке уже снова почти испарились, а когда твои испарятся, я смогу начать снова.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 19/І 1870 г. – Там же, 280 // 32, 349.)
470

Неужели ты думаешь, что я за a few weeks [несколько недель] изучил русский язык настолько и знаю хотя бы не то, что ты позабыл, но столько, сколько у тебя осталось бы, если бы ты позабыл в три раза больше? Я ведь только еще начинающий.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 22/І 1870 г. – Там же, 281 // 32, 350.)
471

Из книги Флеровского я прочел первые 150 страниц (они посвящены Сибири, Северной России и Астрахани). Это – первое произведение, в котором сообщается правда об экономическом положении России. Человек этот – решительный враг так называемого «русского оптимизма». У меня никогда не было радужных представлений об этом коммунистическом Эльдорадо, но Фл[еровский] превосходит все ожидания. По истине удивительно и во всяком случае показателем какого-то перелома является то, что подобная вещь могла быть напечатана в Петербурге.

«У насъ пролетариевъ мало, но зато масса нашего рабочаго класса состоитъ изъ работниковъ, которыхъ участь хуже, чем участь всякаго пролетарія» [подчеркнутая фраза написана Марксом по-русски]. Способ изложения весьма оригинален, больше всего напоминает в некоторых местах Монтейля. Видно, что человек этот всюду разъезжал и наблюдал все лично.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 10/І 1870 г. – Там же, 286 – 287 // 32, 357 – 358.)
472

Процитированная фраза из Флеровского первая русская фраза, которую я вполне понимаю без словаря. Как русское заглавие всей книги? Я приобрету ее себе. Послать я тебе хотел не Герцена, а немецкий перевод «Земли и воли» дворянина Лилиенталя, где говорится о дурных последствиях свободы для крестьян и соответствующем упадке земледельческого производства при этом. Я писал тебе об этом уже свыше года тому назад, а с тех пор и Боркгейм приобрел эти книги и, как помнится мне, переводил отдельные места оттуда. Как только прочту ее, pošлю тебе.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 11/І 1870. – Там же, 289 // 32, 360 – 361.)
473

Древне-ирландские законы, в которых я теперь роюсь, – крепкий орех. 1) Текст сам по себе не очень ясен, поскольку предполагает знакомство со всем древне-ирландским правом, которого ныне больше не существует; 2) он очень искажен; 3) перевод плох, а местами – совершенно не правилен; но все же законы эти ясно показывают, что аграрные отношения были не столь просты, как изображает их – не без пристрастия – бравый Дэвис. Но законы, поскольку можно судить по уже опубликованному материалу, дают картину сложных, а не простых отношений. Впрочем, я еще не окончил со всем этим хламом, я принужден местами заглядывать также в кельтский текст, и так как у меня нет грамматики, то дело подвигается не очень быстро. Но одно мне ясно, что издатели, при всем своем знании кельтского языка, понимают содержание не лучше меня.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
Материалы изданы на государственный счет commissioners for the publication of the ancient Laws and Institutes of Ireland [членами комиссии по изданию древних законов Ирландии]. Это была несомненно безумная трата денег. В каком Parliamentary Paper [парламентском отчете] можно узнать, сколько тратится в год на содержание этих молодцов? Они сидят с 1852 г., ничего не делают, за исключением назначения себе working understrappers [подсобных работников], а эти два тома – единственное, что до сих пор появилось.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 29/IV 1870 г. – Там же, 328 // 32, 405 – 406.)
474

Не знаешь ли ты какую-нибудь ирландскую грамматику и нельзя ли купить ее у букиниста? Меня ужасно огорчит, если я неправильно процитирую какое-нибудь кельтское слово, например в родительном или именительном множественного – вместо именительного единственного.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 11/V 1870 г. – Там же, 339 // 32, 419.)
475

Русские материалы, которые сегодня посылаю тебе, можешь оставить у себя, так как я имею вторые экземпляры.

Ирландскую грамматику я буду искать, как только снова смогу выходить.

>(К. Маркс. Письмо Ф. Энгельсу 11/V 1870 г. – Там же, 341 // 32, 421.)
476

[В этом же письме Маркс сообщает выдержки из своих заметок о кельтском обычном праве и заглавие имевшихся у него английских сочинений об Ирландии.]

Большое спасибо за кельтские материалы. Затрачу несколько часов на это и посмотрю в Чатамской библиотеке, где, наверное, что-нибудь найду.

«Ogugia» – ужасно некритическая вещь; кое-где встречаются некоторые ценные замечания, ибо у авторов были под рукой древние, ныне исчезнувшие сочинения, но для того, чтобы найти их, надо было бы по меньшей мере три года рыться в ирландских кодексах. «Scriptores» д-ра Ч. О'Коннора представляют собою более или менее хорошие источники, но большей частью относящиеся уже к более позднему времени; он издал также летопись Ульстера с латинским переводом и первый том летописи четырех магистров; не знаю, входит ли сюда первая. Но летопись четырех магистров, главный труд, издана и переведена в 1856 г. д-ром О'Донованом, и я имею ее у себя, вчера закончил первый том.

Уэр (Sir Sam. Ware, я полагаю, судья или что-нибудь подобное при Карле I) из всех более старых авторов – самый лучший, и в его распоряжении тоже были утраченные теперь рукописи в переводе; писал он по-латыни, у меня он по-английски и по-латыни.

Трудно было выдержать длительное чтение ирландских книг, т.е. подстрочного английского перевода, без, по крайней мере, хоть поверхностного знакомства с правилами произношения и изменения языка. Я откопал здесь отвратительную ирландскую грамматику 1773 г. и третьего дня просмотрел ее, кое-что узнал из нее, но сам составитель не имел никакого представления о действительных правилах ирландского языка. Единственная хорошая грамматика, это – д-ра Джона О'Донована, выше упомянутого, лучшего ирландского филолога настоящего столетия. Если будешь в музее, не сможешь ли ее посмотреть, чтобы узнать, сколько она приблизительно стоит (О'Д[онован] имеет манеру печатать лишь объемистые дорогие книги в quarto): «Ирландская грамматика» О'Д[онована]. Далее не мог ли бы ты посмотреть: «Genealogies, Tribes and customs of Nu Yíachrack, printed for the Irish Archaeological Society 1844» (кажется, О'Донована) и «Tribes and Customs of Nu Manu» (ditto) и выяснить, есть ли там что-нибудь о социальных отношениях и объемистые ли это и дорогие книги? Если они не дороги и если там что-нибудь есть, то я их раздобуду.

>(Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу 15/V 1870 г. – Там же, 342 // 32, 422 – 423.)
477

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
Чтобы иметь возможность судить со знанием дела об экономическом развитии современной России, я выучился по-русски и затем, в течение долгих лет, изучал официальные и другие русские издания, имеющие отношение к этому предмету.

>(К. Маркс. Письмо в ред. «Отечественных записок» от конца 1877 г. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма, 309. 1932 г. // 19, 119.)
478

Письмо Ф. Энгельса в редакцию болгарского с.-д. органа

До редакцията на сборник «Социал-демократ»

Лондон, 9 июня 1893 г.

Дорогие товарищи! Сердечное вам спасибо за присылку мне № 2 вашего «Социал-Демократа». Этими строками я хочу поставить вас в известность, что я начинаю понимать по крайней мере ваш язык. Требования, предъявляемые интернационализмом, растут с каждым годом: до 1848 года можно было считать достаточным понимание главных западно- и средне-европейских языков, между тем в настоящее время дело дошло до того, что мне на старости лет приходится изучать даже румынский и болгарский, если я не хочу отставать от движения социализма на восток и юго-восток. Мы на Западе от души радуемся этим нашим юго-восточным форпостам на азиатской границе, которые несут до берегов Черного и Эгейского морей поднятое Марксом знамя современного пролетариата, – о если бы сам Маркс мог увидеть это своими глазами! – и отвечают на приманки и угрозы русского царизма, противопоставляя царским прокламациям социалистические работы вождей русского пролетариата.

Я очень рад был видеть перевод работ Плеханова на болгарский язык. Да живет интернациональный Социализм!

Ваш Ф. Энгельс.

(Прим. Первая и заключительная строки письма написаны Энгельсом на болгарском языке.)

>(Летописи марксизма, I, 76 – 77. 1926 г. // 22, 424.)
479

Латинское слово *gens*, которое Морган всюду употребляет для обозначения этого родового союза, подобно греческому равнозначущему *genos*, происходит от общеарийского корня *gan* (по-немецки, где по общему правилу должно стоять к вместо арийского *g*, *kan*), означающего «производить», «порождать». Род, *genos*, санскритское *dschanas*, готское (согласно указанному выше правилу) *kunī*, древненорманское и англо-саксонское *kun*, английское *kin*, средне-немецкое *Künne* означают одинаково «род», «происхождение». Но латинское *gens* и греческое *genos* употребляются специально для обозначения такого родового союза, который претендует на общее происхождение (в данном случае от одного общего родоначальника) и кристаллизуется в особую общину благодаря известным общественным и религиозным учреждениям, причем до сих пор происхождение и природа этой общины оставались все же неясны всем нашим историкам.

>(Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, 84 – 85. 1932 г. // 21, 86 – 87.)
480

Происхождение рода от общих предков доставило «ученым филистерам» (Маркс) головоломную работу...

Ответ Моргана на этот сложный вопрос Маркс резюмирует в следующих словах: «Система кровного родства, соответствующая роду в его первобытной форме (а греки, подобно другим смертным, пережили некогда такую форму), обеспечивала знание степеней родства между всеми членами рода. Последние с детских лет на практике приобретали эти столь важные для них сведения. С возникновением моногамной семьи они забылись. Родовое имя создавало раньше родословную, наряду с которой представлялась лишенной значений родословная отдельной семьи. Это родовое имя теперь свидетельствовало о факте общего происхождения его носителей; но родословная рода уходила так далеко в глубь времен, что его члены не могли уже точно устанавливать степень

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
действительного своего родства, за исключением немногочисленных случаев сравнительно недавно возникших родов. Само родовое имя являлось доказательством общего происхождения, и притом доказательством бесспорным, не считая случаев усыновления. Ввиду этого фактическое отрицание всякого родства между членами рода, как это делают Грот и Нибуэр, превращающие род в чисто надуманное и воображаемое творение, достойно только „идеальных“, т.е. замкнувшихся в своем кабинете книжных ученых. Вследствие того, что взаимная связь поколений, в особенности с возникновением моногамии, теряется в глубине времен, а минувшая действительность оказывается отраженной в фантастических творениях мифологии, благонамеренные филистеры приходили и приходят к тому выводу, что фантастическая родословная создавала действительный род».

>(Там же, 101 – 102 // 21, 102 – 103.)

Приложение II. Отзывы различных лиц о занятиях К. Маркса и Ф. Энгельса языками

481

Ф. Энгельс «настоящий полиглот, он знает не только литературные языки, но и диалекты, например, ирландский, и старые наречия, как провансальское, каталонское. И его знание языков далеко не поверхностное. В Испании и в Португалии я читал письма к тамошним товарищам, которые находили, что они написаны на прекраснейшем испанском и португальском языках, и я знаю, что он пишет по-итальянски. А между тем чрезвычайно трудно писать свободно на этих трех родственных языках, столь похожих один на другой».

>(П. Лафарг. Письмо к Николаю – ону. – Летопись марксизма, II, 1927, стр. 115 // В1, 167.)

482

У Энгельса «мания переписываться всегда на языке того лица, которому он пишет».

>(П. Лафарг // В1, 167 – 168.)

483

Маркс читал на всех европейских языках, а на трех – немецком, французском и английском – и писал так, что восхищал людей, знающих эти языки; он любил повторять фразу: «чужой язык есть оружие в жизненной борьбе». Он обладал огромным лингвистическим талантом, который унаследовали от него также его дочери. Когда Марксу было уже 50 лет, он принялся за изучение русского языка и, несмотря на трудность этого языка, овладел им через каких-нибудь шесть месяцев настолько, что мог с удовольствием читать русских поэтов и прозаиков, из которых особенно ценил Пушкина, Гоголя и Щедрина. За изучение русского языка он принялся, чтобы иметь возможность читать официальные документы, опубликование которых, в силу содержащихся в них ужасных разоблачений, правительство запрещало.

>(П. Лафарг. Воспоминания о Марксе. – К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, I, 62. Партиздат, 1933 г. // В1, 144.)

484

Старые и новые языки он [Маркс] знал великолепно. Я был филологом, и он радовался, как ребенок, когда ему случалось показать мне какое-нибудь трудное место у Аристотеля или Эсхила, в котором я не мог разобраться сразу. Как он пробрал меня однажды за то, что я не знаю.. испанского языка! Мигом извлек он из груды книг Дон-Кихота и тут же дал мне урок. Из дитцевской сравнительной грамматики романских языков я уже знал основы грамматики и структуры слов, и поэтому дело пошло довольно гладко под превосходным руководством Мавра и с его заботливой помощью в тех случаях, когда я останавливался и спотыкался..

Маркс был замечательный знаток языков – правда, больше новых, чем древних. Немецкую грамматику Гримма он знал во всех подробностях, а в немецком словаре братьев Гримм разбирался лучше меня, филолога. По-английски и по-французски он писал, как англичанин и француз – с произношением, правда, дело обстояло немножко хуже. Его статьи для нью-йоркской «Трибуны» написаны на классическом английском языке, его «Нищета философии», направленная против прудоновской «Философии нищеты» – на классическом французском; один из его друзей-французов, которому он дал просмотреть рукопись перед

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org печатанием, внес в нее очень мало исправлений.

Так как Маркс понимал существо языка и занимался его происхождением, развитием и структурой, то изучение языков давалось ему очень легко. В Лондоне он изучал еще русский, а во время крымской войны предполагал заняться арабским и турецким, что, однако, не состоялось. Как всякий, кто хочет действительно овладеть языком, он придавал главное значение чтению. У кого хорошая память, – а Маркс обладал редкою памятью, никогда ничего не упускавшей, – тот, много читая, быстро усваивает словесный материал и обороты речи данного языка. После этого овладеть языком практически уже не трудно.

>(В. Либкнехт. Из воспоминаний о Марксе. – Там же, 77 – 78 // В1, 208 – 209.)

Приложение III. «Эзоповский язык» в условиях царской цензуры

485

Брошюра [Империализм, как высшая стадия капитализма] писана для царской цензуры. Поэтому я не только был вынужден строжайше ограничить себя исключительно теоретическим – экономическим в особенности – анализом, но и формулировать необходимые немногочисленные замечания относительно политики с громаднейшей осторожностью, намеками, тем эзоповским – проклятым эзоповским – языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения.

Тяжело перечитывать теперь, в дни свободы, эти искаженные мыслью о царской цензуре, сдавленные, сжатые в железные тиски места брошюры. О том, что империализм есть канун социалистической революции, о том, что социал-шовинизм (социализм на словах, шовинизм на деле) есть полная измена социализму, полный переход на сторону буржуазии, что этот раскол рабочего движения стоит в связи с объективными условиями империализма и т.п. – мне приходилось говорить «рабым» языком, и я вынужден отослать читателя, интересующегося вопросом, к выходящему вскоре переизданию моих зарубежных статей 1914 – 1917 гг. Особенно стоит отметить одно место на стр. 119 – 120, чтобы в цензурной форме пояснить читателю, как бесстыдно лгут капиталисты и перешедшие на их сторону социал-шовинисты (с коими так непоследовательно борется Каутский) по вопросу об аннексиях, как бесстыдно они прикрывают аннексии своих капиталистов, я вынужден был взять пример... Японии! Внимательный читатель легко поставит вместо Японии – Россию, а вместо Кореи – Финляндию, Польшу, Курляндию, Украину, Хиву, Бухару, Эстляндию и прочие не-великороссами заселенные области.

>(В.И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. Предисловие, 5 – 6 // 27, 301 – 302.)

Приложение IV. Г.В. Плеханов о языке

Условия возникновения и развития языка

486

...Маркс говорит: «На различных формах общественности, на общественных условиях существования возвышается целая надстройка различных своеобразных чувств и иллюзий, взглядов и понятий». Бытие определяет собою мышление. И можно сказать, что каждый новый шаг, делаемый наукой в объяснении процесса исторического развития, является новым доводом в пользу этого основного положения новейшего материализма.

Уже в 1877 г. Людвиг Нуаре писал: «Язык и жизнь разума вытекли из совместной деятельности, направленной к достижению общей цели, из первобытной работы наших предков». Развивая далее эту замечательную мысль, Л. Нуаре указывает на то, что первоначально язык обозначает предметы объективного мира не как имеющие известный образ, а как получившие таковой (nicht als Gestalten, sondern als gestaltete), не как активные, оказывающие известное действие, а как пассивные, подвергающиеся действию. И он поясняет это тем справедливым соображением, что «все предметы входят в поле зрения человека, т.е. делаются для него вещами лишь в той мере, в какой они подвергаются его воздействию, и сообразно с этим они получают свои обозначения, т.е. имена». Короче, человеческая деятельность, по мнению Нуаре, дает содержание первоначальным корням языка. Интересно, что Нуаре находил первый зародыш своей теории в той мысли Фейербаха, что сущность

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
человека состоит в общественности, в единстве человека с человеком. О Марксе он, по-видимому, не знал ничего, в противном случае он увидел бы, что его взгляд на роль деятельности в образовании языка ближе к Марксу, оттенявшему в своей гносеологии человеческую деятельность в противоположность Фейербаху, говорившему преимущественно о «созерцании».

Едва ли нужно понимать по поводу теории Нуаре, что характер деятельности людей в процессе производства определяется состоянием их производительных сил. Это очевидно.

>(Г.В. Плеханов. Основные вопросы марксизма. – Собр. соч., XVIII, 211 – 212 // III, 159 – 160.)
487

Бюхер пришел к тому заключению, что «работа, музыка и поэзия на первоначальной ступени развития сливаются в одно, но что основным элементом этой тройцы была работа, между тем как музыка и поэзия имели лишь второстепенное значение». По его мнению, «происхождение поэзии надо искать в труде». Он замечает, что ни один язык не располагает слова, составляющие предложения, в ритмическом порядке. Невероятно потому, чтобы люди пришли к размеренной поэтической речи путем употребления своего обыденного языка: этому противилась внутренняя логика этого языка. Как же объяснить происхождение размеренной ритмической речи? Бюхер предполагает, что размеренные ритмические движения тела сообщили образной поэтической речи законы своего сочетания. Это тем более вероятно, что на низших ступенях развития эти ритмические движения обыкновенно сопровождаются пением. Но чем же объясняется сочетание телодвижений? Характером производительных процессов. Таким образом «тайна стихосложения лежит в производительной деятельности».

...Валлашек говорит, что у многих первобытных племен при таких представлениях хор делился иногда на две противостоящие одна другой части. «Таков был, – прибавляет он, – первоначальный вид греческой драмы, которая прежде тоже была животной пантомимой. Животным, игравшим наибольшую роль в хозяйственной жизни греков, была коза» (слово трагедия и происходит от *tragos* – козел).

Трудно придумать более яркую иллюстрацию к тому положению, что не бытие определяется мышлением, а мышление – бытием!

>(Там же, XVIII, 214 – 215 // III, 163 – 164.)
488

Но мы можем только догадываться о том, каков был «первобытный человек». Люди, населяющие землю в настоящее время, равно как и те, которые прежде были наблюдаемы заслуживающими доверия исследователями, оказываются уже довольно далекими от того момента, когда прекратилась для человечества животная жизнь в собственном смысле этого слова. Так например ирокезы со своей – изученной и описанной Морганом – *genis materna* уже сравнительно очень далеко ушли по пути общественного развития. Даже современные нам австралийцы не только имеют язык, – который можно назвать условием и орудием, причиной и следствием общественности – и не только знакомы с употреблением огня, но живут обществами, имеющими определенный строй, с определенными обычаями и учреждениями.

>(Г.В. Плеханов. О материалистическом понимании истории. – Собр. соч., VIII, 248 – 249 // II, 245.)
489

...Одним из самых замечательных произведений эскимосской поэзии является сказка, герой которой – сын бедной вдовы – мстит своим богатым сородичам за испытанные от них унижения. А между тем у эскимосов до сих пор еще чрезвычайно сильно чувство солидарности, воспитанное первобытным коммунизмом.

Кроме того, нужно помнить, что в первобытном обществе очень рано возникает разделение труда между мужчинами и женщинами, чем порождается антагонизм полов, сказывающийся и в пище, и в нравах, и в развлечениях, и в искусстве, и даже в языке.

>(Г.В. Плеханов. Первые фазы учения о классовой борьбе (Предисловие ко
Страница 202

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»). – Собр. соч., XI, 306 // II, 480.)
490

Уже на низших ступенях культуры действие психологического начала противоречия вызывается разделением труда между мужчиной и женщиной. По словам В.И. Иохельсона, «типичным для первобытного строя юкагиров является противоположение между собой мужчин и женщин, как двух отдельных групп. Это проглядывает и в играх, в которых мужчины и женщины составляют две враждебных партии, в языке, некоторые звуки которого произносятся женщинами отлично от мужчин, в том, что для женщин родство по матери важнее, а для мужчин родство по отцу, и в той специализации занятий между полами, которая создала для каждого из них особую, самостоятельную среду деятельности» (По рекам Ясачной и Киркидону, древний юкагирский быт и письменность. Спб. 1898, стр. 5).

>(Г.В. Плеханов. Письма без адреса. Письмо первое. – Собр. соч., XIV, 20 – 21, прим. // V, 303, прим.)
491

Первоначальная религия персов, – т.е. их религия в эпоху, предшествовавшую Зороастру, – была религией пастушеского народа. Корова и собака считались священными и даже божественными. Они играли большую роль в древне-персидской мифологии и космогонии и оставили свой след даже на языке. Выражение: «я дал в изобилии корму коровам» значило вообще: «я вполне исполнил свои обязанности». Выражение: «я приобрел корову» значило: «я своим хорошим поведением заслужил блаженство на небе по смерти», и т.п. Вряд ли можно найти более яркий пример того, как сознание человека определяется его бытием (ср. Шантэпи де ля Соссэй, цит. соч., стр. 445).

>(Г.В. Плеханов. О так называемых религиозных исканиях в России. Статья первая. О религии. – Собр. соч., XVII, 222, прим. // III, 354, прим.)
492

...В своем ответе известному Шарлю Боннэ, сделавшему несколько критических замечаний по поводу «Рассуждения о происхождении неравенства» и, между прочим, сказавшему, что общественная жизнь есть необходимый результат человеческой природы, Руссо говорит: «я прошу Вас не забывать, что, по-моему, жизнь в обществе так же естественна для человеческого рода, как старческое одряхление для индивидуума... вся разница в том, что старость вытекает единственно из природы человека, между тем как общественный быт вытекает из природы человечества не непосредственно, как утверждаете вы, но, как это доказано мною, лишь благодаря некоторым внешним обстоятельствам, которые могли бы быть и могли не быть». Нельзя ярче выразить то убеждение, что человек вовсе не предназначен природой исключительно для общественной жизни: общество возникает лишь в период старости человеческого рода. Но именно это-то убеждение ставило Руссо перед непреодолимыми теоретическими трудностями. Вот одно из них.

Язык есть необходимое, хотя и недостаточное условие успехов человеческого разума. Но «естественный человек» живет, как мы слышим от Руссо, один, не имея никаких сношений с себе подобными. Поэтому у него нет ни нужды в языке, ни возможности когда-нибудь возвыситься до членораздельной речи. Откуда же взялась у него такая речь? Чем вызвано было возникновение языка?

Руссо долго и напрасно бьется над этим вопросом. В конце концов он почти готов признать свое неумение справиться с ним и объявить, что «языки не могли родиться и утвердиться чисто человеческими средствами» (*naître et s'établir par des moyens purement humains*). Это напоминает де-Бональда, впоследствии (в эпоху реставрации) учившего, что язык дан людям богом. Если, намекая на какие-то не «чисто» человеческие причины возникновения языка, наш автор имел в виду нечто подобное тому объяснению, которое дал впоследствии де-Бональд, то, при своем проницательном уме, он не мог не сознавать, что в сущности оно ничего не объясняет. Вероятно, это сознание и принудило его предоставить другим исследователям решать, что для него нужнее: существование общества для «установления языков» (*l'institution des langues*) или же существование языков для возникновения общества.

>(Г.В. Плеханов. Жан-Жак Руссо и его учение о происхождении неравенства между людьми. – Собр. соч., XVIII, 14 – 15.)
Из истории развития русского литературного языка

493

Уже в половине XII в. довольно сильно сказывается антагонизм между юго-западной Русью и Русью северо-восточной. Первое и, по-видимому, самое естественное объяснение этого антагонизма заключается в том, что юго-западная Русь была населена малороссами, а северо-восточная – великороссами. Но северо-восточная Русь населилась выходцами из юго-западной [89].

>(Г.В. Плеханов. История русской общественной мысли (книга первая). – Собр. соч., XX, 55 – 56.)
494

...При Петре «немецкое» влияние вытеснило польское; но в эпоху, непосредственно предшествовавшую Петровской реформе, польское влияние было в Москве довольно сильно. В 1617 году в письме к царю один из западно-руссов (Л. Баранович) говорил, что «синклит царского пресветлого величества польского языка не гнушается, но чтут книги ляцкие в сладость». В следующем году была сделана, – правда, кончившаяся неудачей – попытка организовать в Москве продажу польских книг. Царь Федор Алексеевич владел польским языком. В домах московской знати появилась польская утварь.

«Ляцкий» язык, «ляцкие» книги и «ляцкие» изделия прокладывали путь, – правда, весьма узкий: чуть заметную тропинку, – «ляцким» идеям.

>(Там же, XX, 264.)
495

...Усердный преобразователь Петр нимало не пренебрегал «рабскими» доносами в своих кровавых расправах с теми представителями служилого класса, которые так или иначе навлекали на себя его неудовольствие. А так как вызвать это неудовольствие было очень нетрудно, то благоразумие подсказывало им крайнюю сдержанность в беседах при слугах или... разговор на одном из иностранных языков. Сильно топорщились морские служилые люди, когда их сажали за иностранные «вокабулы»; горек был для них корень учения. Но, овладев тем или другим из иностранных языков, они, хотя бы уже ввиду указанного обстоятельства, должны были признать, что плод учения сладок, и что, стало быть, справедлива французская поговорка: *A quelque chose malheur est bon*.

>(Г.В. Плеханов. История русской общественной мысли (книга вторая). – Собр. соч., XXI, 17.)
496

Известно, что с 1708 г. книги недуховного содержания печатались у нас, по приказанию Петра, новым, так называемым гражданским шрифтом. Первой книгой, напечатанной этим шрифтом, была «Геометрия, славенски землемерие». Это вполне соответствует характеру тех знаний, которые особенно нужны были России в эпоху преобразования. Но, как на это указывал еще Ключевский, второй книгой, изданной «новотипографским тиснением», было не какое-нибудь техническое руководство, а сочинение, носившее многообещающее название: «Приклады, како пишутся комплименты разные на немецком языке, то есть, писания от потентатов к потентатам, поздравительные и сожалательные, и иные, такожде между сродников и приятелей. Переведены с немецкого на российский язык» и т.д. Факт появления этого письмовника показывает, как спешит Петр сообщить своим «рабам» европейские обычаи и приличия. Приводя один из содержащихся в письмовнике «прикладов» и сравнивая его язык с языком московско-русских писем допетровской эпохи, Пекарский замечает:

«В этом письме язык тяжел до смешного, каждая фраза почти германизм; но здесь уже нет помина о челобитье до земли, нет гиперболических уподоблений и превознесения до небес лица, к которому написано послание, и жалкого самоунижения подписывающего письмо, – все это стало исчезать». Пекарский обращает внимание читателя еще на то, что в личных обращениях «приклады» ставят «вы», а не старое московское «ты». Однако к этому требованию вежливости привыкнуть было нелегко, и потому смесь множественного числа с единственным является, по замечанию того же исследователя, обычной как в переписке, так и в разговорной речи россиян вплоть до конца XVIII века.

«Приклады» – это значит примеры – требуемого приличиями письменного языка переведены были у нас с немецкого. В свою очередь, немцы учились приличиям

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org у французов, а французы у итальянцев. В XVI веке Италия в этом отношении, как и в очень многих других, давала тон всей Западной Европе. Иначе и быть не могло, так как в ней раньше, нежели в остальных западно-европейских странах, развилась городская культура. Когда россияне нашли нужным усвоить себе приличное обращение, они не могли, конечно, удовлетвориться одним письмовником: *l'appetit vient en mangeant*. И вот в 1717 г. напечатано было, опять по приказанию Петра, новое руководство: «Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению».

>(Там же, XXI, 14 – 15.)
497

Не зная того немецкого подлинника, – вернее, тех подлинников, – с которого (которых) переведено было «Зерцало», невозможно проверить точность перевода. Однако можно с уверенностью сказать, что там нет слова «Skla ven», а есть слово «Hau sknechte» или «Diener». Но в русском переводе стоят «раби». Это было в духе нашего тогдашнего социального строя.

>(Там же, XXI, 17.)
498

Итак, передовые россияне учились прилично держать себя в обществе и говорить дамам «комплименты»! Многие из них, наверно, усваивали это искусство с большей охотой, нежели «навигацкую» науку. Литература отразила в себе совершавшуюся перемену общественных привычек. Герои некоторых русских повестей первой половины XVII в. говорят языком, который, в значительной степени сохраняя старую московскую дубоватость, делается якобы утонченным и порой становится напыщенным и слащавым. Когда кто-нибудь из этих господ влюбляется, это значит, что его «уязвила купидова стрела». Влюбившись, они очень скоро приходят в «изумление», т.е. сходят с ума.

>(Там же, XXI, 18.)
499

...Разночинец несет вклад и в изящную литературу, как понес он его, несколько позднее, в живопись, где, впрочем, его деятельность была менее глубоко захватывающе и плодотворно.

Зная, что писатель является не только выразителем выдвинувшей его общественной среды, но и продуктом ее; что он вносит с собой в литературу ее симпатии и антипатии, ее мирозерцание, привычки, мысли и даже язык, – мы с уверенностью можем сказать, что и в качестве художника наш разночинец должен был сохранить те же характерные черты, которые вообще свойственны ему, как разночинцу.

>(Г.В. Плеханов. Гл.И. Успенский. – Собр. соч., X, 10 // V, 42.)
500

Если нашего разночинца мало привлекает внутренняя красота художественного произведения, то еще менее можно соблазнить его внешней отделкой, например красивым слогом, которому французы до сих пор придают такое огромное значение. Он каждому писателю готов сказать: «Друг мой, пожалуйста, не говори красиво», как советовал Базаров молодому Кирсанову. Пренебрежение к внешности заметно на самой речи разночинца. Его грубоватый и неуклюжий язык далеко уступает изящному, гладкому и блестящему языку «либерала-идеалиста» доброго старого времени. Иногда он чужд не только «красоты», но – увы – даже и грамматической правильности. В этом отношении дело зашло так далеко, что когда разночинец-революционер обращался к публике, стараясь воспламенить ее своей письменной или устной речью, то, не умея владеть словом, он, при всей своей искренности, оказывался не красноречивым, а только фразистым. Известно, что все органы слабеют от бездействия.

>(Там же, X, 12 // V, 44.)
501

Само собой понятно, что автор, мало обращающий внимания на художественную отделку своих произведений, еще меньше будет заботиться об языке. В этом отношении наших беллетристов-народников нельзя сравнивать не только с Лермонтовым или Тургеневым, но даже и с В. Гаршиным или Белинским.

>(Там же, X, 15 // V, 46.)

Идеализированный им «народ» (т.е. «хозяйственный» крестьянин) останется глух к его призывам. Вот почему, продолжая держаться народнической точки зрения, он всегда будет находиться в самом ложном и противоречивом положении. Он будет сочинять нескладные общественные теории, открывать давно уже открытые Америки, не имея действительной связи с жизнью, не чувствуя никакой прочной почвы под ногами. Задача плодотворной общественной деятельности останется для него неразрешимой задачей.

Унылое настроение, давно уже заметное в среде наших народников и в нашей легальной народнической литературе, как нельзя лучше подтверждает сказанное. У наших легальных «новых людей» выработался даже особый язык, прекрасно характеризующий всю безнадежность их положения.

>(Там же, X, 41 // V, 72.)
503

...На языке корреспондента-крестьянина кустарь значит злейший эксплуататор. На языке наших народников кустарь значит «самостоятельный производитель». Чье определение больше соответствует действительности?

>(Г.В. Плеханов. Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В.В.). – Собр. соч., IX, 248.)
504

Кроме того, в ответ на неудовольствие, выраженное благородным князем по поводу мысли о «подлом» происхождении старых дворянских родов, Россия, собранная в лице своих депутатов, могла бы напомнить ему слова одного из них, депутата Гадяцкого, Миргородского и Полтавского полков, Н. Мотониса: «Подлого у меня нет никого! Земледелец, мещанин, дворянин, всякий из них честен и знатен трудами своими, добрым воспитанием и благонравием. Подлы те только, которые имеют дурные свойства, производят дела, противные законам...».

Слово: подлый уже переставало быть тогда синонимом слова: низший и приобретало обидный смысл. Оно, как видим, коробило, по крайней мере, некоторых депутатов Комиссии. И если Щербатов не чуждался его употребления там, где нужно было особенно старательно избегать его, то это свидетельствует лишь об его боярской надменности.

>(Г.В. Плеханов. История русской общественной мысли (Книга третья). – Собр. соч., XXII, стр. 136.)
505

«Северный медведь съест Капитал, Социализм и германское Единство – этих трех законных детищ Свободы, Равенства и Братства» – так гласит эпиграф разбираемой нами книги... Сам «русский дворянин», имеющий удовольствие принадлежать к числу вожаков «Северного медведя», чувствует, что этими вожаками затевается очень нелегкое дело. Но он верит в его успех, и чтобы сообщить свою веру читателям, преподносит им свое сочинение. По совершенно понятной причине сочинение это написано на французском языке: высший класс в России хорошо владеет французским языком, следовательно, язык не помешает людям этого класса прочесть книгу нашего «дворянина». До других же классов ему нет дела, так как, по его мнению, им вовсе не пристало рассуждать о судьбах своей родины.

>(Г.В. Плеханов. Библиографические заметки из «Социал-Демократа». Книга первая. – Собр. соч., IV, 285.)
О языке популярных, массовых изданий

506

Наши издания для народа состоят, главным образом, из более или менее талантливо написанных тенденциозных рассказов. Сказка составляет преобладающий элемент в этой литературе[90]. Характеристической чертой последней является единообразие того среднего типа читателей, к пониманию которого приспособляется язык и способ аргументации авторов. Читая наши народные издания, можно подумать, что среда, для которой они предназначаются, не представляет резких различий по умственному развитию, общественно-экономическому положению и наиболее жизненным интересам ее

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
отдельных составных частей. Можно подумать, что приемы и способы социалистической пропаганды остаются единообразными и неизменными как в ватаге рыбаков на Волге, так и между рабочими больших городов, в станице казачьего войска и в мастерской мелкого ремесленника уездной глуши. – Даже более. До появления «Паровой машины» на малорусском языке, мы не имели ни одной книжки, которая доказывала бы, что мы помним о разноплеменном составе Российской империи. Предназначая свои народные издания для всего трудящегося люда, от одного конца России до другого, мы не приняли во внимание того обстоятельства, что русское государство состоит из различных народностей, вполне сохранивших, в низших слоях населения, свою национальную самобытность и свой язык. «Сказку о четырех братьях» могли понимать только великоруссы; Емелька Пугачев считался годным для оживления революционной традиции как в Поволжье, так и в Малороссии, воспевающей своих народных героев, имевшей свои массовые движения. Как известно, проповедники христианства были в этом отношении практичнее, чем мы, ибо апостолы своевременно позаботились о сошествии святого духа и о получении дара говорить на всех языках. – Практика не могла, разумеется, выиграть от такого рода приемов. Ставя солидарность интересов всего трудящегося мира как идеал, нельзя считать понятие о ней присущим миросозерцанию народа; помимо воздействия социалистов, нельзя считать ее исходным пунктом революционной пропаганды. Задача последней заключается не в том, чтобы предложить народу эту солидарность, как готовый абстрактный вывод, как догмат откровения, а в том, чтобы сделать самый процесс обобщения интересов трудящихся единиц понятным и доступным уму крестьянина, рабочего или казака. Перед их глазами, применяя свой способ наглядного обучения, нужно разложить формулу солидарности на ее составные части, которые содержит в себе обыденная жизнь. В этом заключается смысл и значение так называемой пропаганды или агитации на почве местных интересов. Но для их успехов социалистическая литература не должна игнорировать местные, национальные, исторические или экономические особенности, а, напротив, совершенно приспособить к ним свою деятельность и, уже исходя из всем понятных, местных интересов, стараться сглаживать шероховатости, примирять существующий между различными народностями или группами трудящихся антагонизм.

Наши народные революционные издания имеют в виду, как мы уже говорили, средний тип читателя. Этим типом служит крестьянин. Спрашивается, полагают ли русские социалисты совершенно оставить в покое казачество и, если нет, то какой успех будет иметь в казачестве революционная брошюра, трактующая о нуждах мужика, написанная крестьянским языком? – Факты показывают, что даже эти брошюры встречают там хороший прием, и они делают свое дело, если сопровождаются дельными комментариями. Но если почва для социалистического воздействия там хороша, то это тем более заставляет жалеть о полном отсутствии специально к ней приспособленных орудий ее возделывания.

>(Г.В. Плеханов. Об издании Русской Социально-Революционной Библиотеки. – Собр. соч., I, 141 – 142.)
507

Если от казачества перейти к городским рабочим, то картина, представляемая нашу революционную литературу, не станет утешительнее. Можно сказать без преувеличения, что слой заводских рабочих совершенно лишен всяких подходящих для него социалистических изданий.

...Он чуждается деревенских оборотов речи и уснащает свои фразы иностранными словами; он хочет казаться образованным. Впрочем выражение «казаться» было бы не совсем правильным. Жизнь в больших центрах разрушает в нем то равновесие, которое характеризует миросозерцание земледельца экономически-отсталой страны, и делает из него скептика, превращает ум его в *tabula rasa*, на который жизнь постепенно очерчивает новый, более широкий кругозор. Эта умственная переборка вызывает действительное желание знать и учиться. Заводские рабочие следят за газетами, на столе более развитых из них появляются книги. Много ли даст им при таких условиях какая-нибудь «Сказка о копейке»?

Аграрный вопрос представляет мало интереса для заводского рабочего. Самый способ аргументации и изложения наших народных изданий не соответствует степени его умственного развития.

>(Там же, I, 143 – 144.)
508

Их надо не утраивать, а просвещать (употребляю это слово в политическом смысле). И просветить их теперь уже не так трудно. Это показывает опыт крестьянского союза. И это же подтверждает автор письма. «Для того, чтобы работать среди крестьян, – говорит он, – вовсе не требуется подчинения их предрассудкам... Надо только самому-то хорошо понимать, что говоришь... И надо все объяснять, а не фразерствовать». А мы, к сожалению, не всегда сильны насчет понимания, не всегда безгрешны по части фразерства и почти всегда очень неловки по части объяснения. Возьмите хоть наши воззвания. Большинство из них написано языком тяжеловесным, понятным только «профессиональным революционерам», изобилующим бесконечными придаточными предложениями, которые редко употребляются в народной речи. Хуже этого языка и придумать ничего невозможно. Пушкин говорил когда-то, что нашим писателям надо учиться русскому языку у московских просвирен. Как хорошо было бы, если бы московские просвирни согласились дать несколько уроков русского языка людям, пишущим наши воззвания.

И заметьте, что невозможный слог не единственный недостаток этих воззваний. Ход мыслей в них так же неуклюж, как и язык; они производят такое впечатление, что их авторы пишут и пугливо оглядываются на самих себя: как бы не написать чего еретического, не вполне ортодоксального. И потому эти воззвания переполнены всякими совершенно лишними в воззваниях «соображениями». Каждое подобное воззвание представляет собой что-то вроде схемы русского общественного развития, набросанной для того, чтобы оправдать в глазах автора тот шаг, сделать который он приглашает своих читателей. При этом «принимается в соображение» все, кроме психологии «массового» читателя, которому все эти неуклюжие, часто неудачные и педантические схемы, разумеется, решительно ни на что не нужны, которого они отпугивают, как нечто ему совершенно чуждое. А между тем в массовом читателе все дело. Судьба России решится движением масс.

>(Г.В. Плеханов. О черной сотне. – Собр. соч., XV, 50.)
509

Статьи г. Рубакина интересны в особенности тем, что в них приводится множество отзывов самих «читателей из народа» относительно того, что собственно хотелось бы им знать и чего требуют они от народной книжки. И как многочисленны, как разнообразны те отрасли знания, которые стремится обнять пробудившаяся мысль современного русского рабочего. «Я желал бы знать, – пишет один рабочий, – как образовалась земля и появился человек? И какую жизнь вел? Затем жизнь историческую и развитие, как умственное, так и нравственное, и появление литературы и поэзии главных народов, – мне желательно знать хорошо и понятно». Словом, целая энциклопедия. Но ему и этого кажется мало: «Кроме того, – прибавляет он, – мне желательно знать многое другое...» Другой добродушно сообщает: «Я не знаю, что для меня полезно знать: одно хорошо, а другое лучше». Существующая популярная литература не удовлетворяет читателей из народа. Рабочие очень не любят поучительных книг. «Все нашего брата учат» – насмешливо говорит рабочий, возвращая учительнице поучительную книгу. «Ужо вот мы их в посту почитаем, а то больно уж поучительны», – говорят фабричные, отказываясь от предложенных им поучительных книг. «Глубоко ошибаются, – пишет г. Рубакину мещанин Херсонской губернии Г.З., – что народу особые книжки нужны. Что преследуют эти господа? Цель образования народа? Так вот что: с ихними взглядами они много не сделают, ибо они говорят, что народу только и нужно писать особым языком. Как же он будет образовываться, если он будет читать только особый язык?» Еще один читатель из народа пишет: «В литературе для общества попадают часто скучные и даже глупые, ей Богу, глупые книги (их я могу назвать). Вот такую скучную книгу и дадут читать крестьянину или мещанину. Ну, что ж? Книга ужасно скучная. Даже попадись вам скучная книга, неужели вы прочтете ее без всякой мины до конца? Так и нам: – прочтешь четверть книги и бросишь, а между тем лица трубят: им непонятны фразы, они не могут читать книг, предназначенных для общества. Нет, народу нужны не народные книги, а дешевые, потому что он бедняк, а не дурак».

>(Г.В. Плеханов. Рабочее движение в 1891 году. – Собр. соч., IV, 120 – 121.)
Об «алгебраическом знаке»

510

Противники жирондистов были людьми дела, а не людьми слова, что не мешало,
Страница 208

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
впрочем, некоторым из них обладать замечательным красноречием, и не трудно представить себе, с каким презрением посмотрели бы эти могучие люди великого дела на наших «большевиков», воображающих, что радикализм состоит в непрерывном повторении известного катехизиса от начала до конца и от конца до начала. Они приняли бы их за воскресших brissotins, а вернее, просто за попугаев. Только люди, отличающиеся наивностью этих несчастных «большевиков» или – что в этом случае все равно – г. Solus'a, могут думать, что при распространении политических идей не следует прибегать к употреблению «алгебраических знаков». На самом деле, иногда бывает в высшей степени полезно выдвинуть перед массой известный алгебраический знак, предоставляя ей самой, на основании собственного опыта, заменить алгебраические буквы определенными арифметическими величинами. Кто отрицает это, тот не понимает психологию массы. Эта психология есть психология людей, которые еще только совершают свое воспитание, которые еще только зреют для усвоения известных идей. Таким людям сплошь да рядом кажется неясным то, что представляется вполне определенным зрелому человеку. И наоборот: то, что зрелому человеку представляется неудовлетворительным по своей неопределенности, является более удовлетворительным для умов, еще нуждающихся в воспитании. Поэтому в деле пропаганды и агитации вопрос о том, что лучше, алгебра или арифметика, решается далеко не так просто, как это думает г. Solus. Иногда «алгебраический знак» дает «серому» слушателю несравненно больше, нежели определенная арифметическая величина. И это неудивительно: ведь в политике наши «арифметические величины» часто гораздо более отвлечены, нежели «алгебраические знаки».

Я утверждаю, что наша народная масса далеко еще не достигла той степени политического развития, на которой уже нет нужды в «алгебре», поэтому я и не боюсь алгебры. Надо пользоваться ее знаками, не опасаясь того, что скажет по этому поводу тот или другой сторонник «большевистской» – если можно так выразиться, – тактики...

Такою же ересью считает ее, по-видимому, и Ф.И. Дан. Он хорошо определил задачи второй Думы. Одно плохо: он, как видно, не считает нужным употребление «алгебраических знаков». Это заблуждение. Без «алгебры» пока еще обойтись нельзя. Обратное тому, что происходит в школах, народная мысль начинается именно с алгебры, так что в течение некоторого времени арифметика остается достоянием кружков или, – и это, конечно, лучший случай, – известных, наиболее передовых слоев населения. Наша народная масса, – рассматриваемая в том ее целом, от которого и зависит в последнем счете решение великих исторических вопросов, – еще не перешла из алгебраического класса в арифметический.

>(Г.В. Плеханов. Новые письма о тактике и бестактности. Письмо пятое. – Собр. соч., XV, 293 – 294.)
511

Какова могла бы быть, по-моему, общая избирательная платформа левых и крайних левых партий? ...

На второй вопрос нет и не может быть другого ответа, кроме этих двух слов:

Полновластная Дума.

Это – общая формула, в которую каждая партия будет на место алгебраических знаков ставить желательные ей определенные арифметические величины. Кадеты не могут представлять себе полновластную Думу так, как должны представлять ее себе социал-демократы. Но и тем, и другим нужна полновластная Дума. Поэтому и те, и другие обязаны бороться за нее.

И заметьте, что именно потому, что эта общая формула в своем алгебраическом виде совершенно точно выражает самую насущную теперь, – и для «левых», и для «крайних левых», – политическую задачу, она даст возможность и тем, и другим сохранить всю полноту всех остальных своих политических и социальных требований. Становясь на ее точку зрения, вовсе нет надобности предварительно «урезать» эти остальные требования. Нет надобности потому, что полновластное народное представительство само есть предварительное условие осуществления всех остальных политических и социальных требований всех передовых партий. Без него ни одно из них не осуществится. Когда оно будет налицо, тогда начнется борьба за подстановку в общую алгебраическую формулу определенных арифметических величин, и тогда левые партии станут в боевой порядок против крайних левых. Но теперь у нас вместо полновластной

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
Думы есть пока только полновластный Г. Столыпин. Поэтому теперь и левые, и крайние левые партии обязаны вместе выступать против тех, которые не хотят полновластного, а, пожалуй, и вовсе никакого народного представительства. Это ясно, как дважды-два четыре.

>(Г.В. Плеханов. Гласный ответ одному из читателей «Товарища». – Собр. соч., XV, 333 – 334.)
Замечания о формах выражения и стиля и др.

512

Известно, что многие граждане Соединенных Штатов не любят называть свой язык английским: у них выходит, что, наоборот, Англия говорит на языке Соединенных Штатов (United States Language). Вот так и у Г. Леонэ выходит, что манчестерская школа отстаивает те же принципы, на которые опирается синдикализм. Однако подобные наивности не изменяют, конечно, действительного отношения между явлениями. На самом деле язык Соединенных Штатов есть английский язык; и точно так же приведенное мною заключительное заявление Г. Леонэ на самом деле должно быть понимаемо в обратном смысле: оно означает, что «революционный» синдикализм отстаивает и – по мере сил! – «освещает» те же экономические «законы» и те же «формулы», которые служат базой для архибуржуазного манчестерства.

>(Г.В. Плеханов. Энрико Леонэ и Ивано Беоми. – Собр. соч., XVI, 96.)
513

...Со времени реставрации аристократия, стремясь перенести к себе на родину вкусы и привычки блестящего французского дворянства, забывает Шекспира. Драйден находит его язык устаревшим, а в начале XVIII века лорд Шефстбюри горько жалуется на его варварский слог и на его старомодный дух. Наконец, Поппе сожалел, что Шекспир творил для народа, не стараясь понравиться зрителям «лучшего сорта». Только со времени Гаррика Шекспира снова полностью (без подчисток и переделок) играли на английской сцене.

>(Г.В. Плеханов. Судьбы русской критики. А.Л. Волынский. «Русские критики. Литературные очерки». – Собр. соч., X, 182.)
514

«Условная ложь» общества, разделенного на классы, тем больше разрастается, чем более расшатывается под влиянием экономического развития и вызываемой им классовой борьбы существующий порядок вещей. Маркс весьма справедливо сказал, что чем более развивается противоречие между растущими производительными силами и существующим общественным строем, тем более пропитывается лицемерием идеология господствующего класса. И чем более обнаруживает жизнь лживость этой идеологии, тем возвышеннее и нравственнее становится язык этого класса («Sankt Max». Dokumente des Sozialismus, August 1904, S. 370 – 371).

>(Г.В. Плеханов. Основные вопросы марксизма. – Собр. соч., XVIII, 238 // I, 186.)
515

Положим, что производительность труда, затрачиваемого на производство данного товара, удваивается. Это значит, что на производство этого товара в прежнем количестве требуется теперь вдвое меньше труда, чем требовалось прежде. Поэтому стоимость его будет вдвое меньше. Если на производство данного продукта нужно теперь затратить вдвое менее труда, чем прежде, то, конечно, можно сказать, что теперь его изготовление причиняет вдвое менее хлопот, или затрат, или издержек, или и т.д., но такой способ выражения едва ли соответствует «строгости систематическому проведению» теории трудовой стоимости. Положим, Г. Воронцов употребляет его лишь временно. Запутав им мысль читателя в своем определении стоимости, он сам старается, сколько может, вывести эту мысль на настоящую дорогу и переходит к более точной терминологии. Его временная терминологическая путаница является своего рода педагогическим приемом. Но всякий видит, что подобные приемы до крайности неудачны. Они свидетельствуют лишь о неясности мысли самого автора.

>(Г.В. Плеханов. Обоснование народничества в трудах Г. Воронцова (В.В.). – Собр. соч., IX, 83.)
516

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org

...«Социология», изданная в 80-х годах за границей и подписанная: Че-к. Г. Че-к тоже имел оригинальный язык, соответствовавший глубокой оригинальности его мысли. Мы не имеем сейчас под руками его «Социологии», но мы хорошо помним, что в ней находилось, например, такое определение полиции: «полиция, это – самоприспособляющийся самоприспособлением коллектива». Г. Че-к, с которым мы имели удовольствие встречаться, очень гордился такими определениями. Но теперь его далеко оставил за собою Г. Гольцапфель.

...И после этого есть люди, сомневающиеся в том, что все совершенствуется, все идет вперед! Нельзя сказать, чтобы приведенные отрывки были совсем лишены смысла. Но если эти мысли изложить обыкновенным человеческим языком, то они поразят читателя страшной бедностью своего содержания, между тем как варварский слог Г. Гольцапфеля придает им некоторую философскую внешность.

>(Г.В. Плеханов. О книге Р. Гольцапфеля. – Собр. соч., XVII, 152.)
517

Маркс говорит, что «идеальное есть не что иное, как материальное, отраженное и переведенное в человеческой голове». На этом основании Г. Шмидт отнес Маркса к числу тех, по мнению которых духовная природа человека может быть объяснена только материальными свойствами, только «материей и силой». Уже одно это показывает, как плохо понял Маркса этот почтенный доктор. Если я перевожу (übersetze) что-нибудь, например, с русского языка на французский, то означает ли это мое действие, что язык Вольтера не может быть объяснен только свойствами языка Пушкина и что вообще язык Пушкина «реальнее» языка Вольтера? Вовсе нет! Это значит, что существует два языка, каждый из которых имеет свое особое строение, и что если я буду игнорировать французскую грамматику, то у меня получится не перевод, а просто-напросто галиматья, которой нельзя будет ни понять, ни прочесть. Если, по словам Маркса, «идеальное есть и перевод и переделка материального в человеческой голове», то ясно, что, согласно тому же мнению – «материальное» не тождественно «идеальному», потому что, в противном случае, не было бы никакой надобности переделывать и переводить его. Вот почему совершенно лишена смысла та нелепая тождественность, которую Шмидт пытается навязывать Марксу.

Но если данная французская фраза не похожа на ту русскую фразу, перевод которой она собою представляет, то из этого еще не следует, что смысл первой фразы должен разойтись со смыслом второй. Напротив, если перевод сделан хорошо, то в обеих фразах, несмотря на их несходство, смысл будет один и тот же.

>(Г.В. Плеханов. Еще раз материализм. – Собр. соч., XI, 139 // II, 444.)
518

Жорес во всем мире известен, как замечательный оратор. Своей «формой» речи, произнесенные им в Амстердаме, очень понравились даже многим марксистам. Я не был в их числе. Мне нравится лишь то красноречие, которое афиняне называли «тощим», противопоставляя его «жирному» красноречию восточных народов. А у Жореса именно чрезвычайно «жирный» ораторский талант. В его речах, украшенных риторическими цветами, не заметно крепкой мускулатуры логики. И этим недостатком особенно сильно страдали речи, произнесенные им в Амстердаме. Длинные и широковещательные, ноздреватые и громкие, они производили на меня почти комическое впечатление полным несоответствием очень бедного содержания с крайне пышной формой.

>(Г.В. Плеханов. В Амстердаме (Мысли и заметки). – Собр. соч., XVI, 331.)
519

Нечего и говорить, что я отнюдь не отвечаю за слог «выдающегося теоретика синдикализма». Правда, его собственная ответственность за слог только что сделанной мною выписки тоже должна быть признана ограниченной: я перевожу с французского перевода его итальянского сочиненьца. Но мысли, высказанные в приведенных мною отрывках, таковы, что на каком бы языке ни выражался человек, их высказывающий, к нему все-таки нельзя отнести иначе, как с юмором. Покойный Г.И. Успенский заметил в одной из своих немногочисленных критических статей, что существует порода людей, которая никогда и ни при каких обстоятельствах не выражается просто. Человек, принадлежащий к такой породе, не скажет: «кирпич упал на землю», а непременно выразится по-ученому: «под влиянием силы тяжести, данная масса материи приблизилась к центру земли на такое-то расстояние» и т.д. По выражению Г.И. Успенского,

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
люди этой породы стараются «думать басом», подобно тому, как стараются говорить басом иные школьники, желающие показаться «большими». Арт. Лабриола всегда «думает басом» и оттого кажется «большим» г-ну Луначарскому. Его искусственный бас гудит на протяжении всей книги; гудит он и в цитируемой теперь статье и, между прочим, там, где речь идет о посылках, свойственных одновременно и реформизму и синдикализму. И чем ниже этот искусственный бас, тем более восхищается им Арт. Лабриола. Беда только в том, что даже самый низкий «бас» не способен наполнить дельным содержанием пустое место.

>(Г.В. Плеханов. Артуро Лабриола. – Собр. соч., XVI, 31.)
520

1) Слово «социализм» впервые появилось в английской и французской литературе в 30-х гг. XIX в. Автор статьи «Socialism» в «Encyclopaedia Britannica» (vol. XXII, p. 205) утверждает, что оно обязано своим происхождением возникшей в 1835 г. в Англии «Association of all classes of all Nations». С другой стороны Пьер Леру доказывает, что оно было употреблено в первый раз им в статье «De l'individualisme et du socialisme», появившейся в 1834 г. (см. Oeuvres de Pierre Leroux, t. I, 1850, p. 276, примечание). Но надо заметить, что в названной статье слово это употребляется у Пьера Леру лишь в смысле «преувеличения идеи ассоциации». Несколько позже оно стало обозначать всякое стремление переделатъ общественный строй с целью поднять благосостояние низшего класса и обеспечить социальный мир. Ввиду этой крайней неопределенности его значения ему часто противопоставляли коммунизм, как стремление, направленное к гораздо более определенной цели установления общественного равенства посредством обращения средств производства, а иногда также и предметов потребления в общественную собственность. В настоящее время слово «социализм» почти заменило собою слово «коммунизм»; зато оно утратило свою первоначальную расплывчатость. Его нынешний смысл ближе к первоначальному смыслу слова «коммунизм».

>(Г.В. Плеханов. Французский утопический социализм XIX века. – Собр. соч., XVIII, 86 – 87, примеч. // III, 521, примеч.)
521

...В чем же заключается та отличительная черта, присутствие которой в данной социалистической системе сообщает ей утопический характер, независимо от ее более или менее достойных внимания и одобрения частных? Вопрос этот тем более уместен здесь, что при недостаточном знакомстве с предметом можно вообразить, будто слова «утопический», «утопическая» не имеют точного теоретического смысла, а применение к данному плану или системе означает простое неодобрение. В самом деле, слово «утопия» было известно французским социалистам-утопистам, и, когда один из них, скажем, Фурье, хотел выразить неудовольствие, вызвавшееся в нем известными сторонами какой-нибудь другой социалистической школы, например сен-симонистской, он называет ее, между прочим, утопической. Конечно, кто провозглашал данную систему утопической, тот тем самым провозглашал ее неосуществимой. Но ни один социал-утопист не имел ясного представления о том критерии, с помощью которого можно было судить об осуществимости данной системы. Вот почему слово «утопия» имело под пером социалистов-утопистов лишь полемическое значение. В настоящее время этот предмет представляется в другом виде.

>(Там же, XVIII, 124 // III, 558.)
522

...Мы должны относиться к либералам как к возможным союзникам, а тон у Вас, надо сознаться, совсем не союзнический. Смягчите его, голубчик; статья сама по себе прекрасная, и было бы жалко, если бы производимое ею впечатление было отчасти испорчено некоторыми слишком резкими выражениями по адресу либерализма. Вы говорите как враг, а надо говорить как союзник (хотя бы только в возможности). Нельзя также прямо сказать: мы хотим, чтобы либералы оказывали нам услуги. Мы, действительно, очень хотим этого. Но у вас это слишком прямо выражено (я даже приписал: «так говорить нельзя»). Надо выражаться дипломатичнее. Идеалистический словарь очень богат нужными здесь дипломатическими словами. Обратитесь к нему.

>(Г.В. Плеханов. Письмо В.И. Ленину 14/VII 1901 г. – Ленинск. сборн., III, 204 // 1, 119.)
Приложение V. Теоретические высказывания П. Лафарга об языке

523

Язык, подобно живому организму, рождается, растет и умирает. В течение своего существования он проходит ряд эволюций и революций, ассимилируя и отбрасывая от себя отдельные слова, выражения и грамматические формы.

Слова каждого языка, подобно клеткам растения или животного, живут своей собственной жизнью: их произношение и их правописание непрерывно меняются.

>(Французский язык до и после революции, 211. – Соч., III. Изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса. 1931.)

524

...восходя к первоначальным значениям слов, можно выяснить процесс возникновения в голове человека отвлеченных идей, считавшихся прирожденными.

>(Там же, 211, прим.)

525

Различные значения слова *потос* указывают на этапы, пройденные пастушечьим народом, который осел на земле, стал ее обрабатывать и достиг в своем развитии понятия закона.

>(Там же, 211.)

526

...слова всякого культурного языка носят на себе печать примитивной жизни первобытных людей.

>(Там же, 212.)

527

То обстоятельство, что язык находится в состоянии непрерывного изменения, объясняется тем, что он представляет собой самый непосредственный, самый характерный продукт человеческого общения. Дикие племена, которые живут разобщенно друг от друга, через незначительный промежуток времени перестают друг друга понимать, – до такой степени видоизменяются их диалекты.

Язык отражает в себе изменения, происходящие в человеке и в среде, в которой последний развивается. Изменения в укладе жизни людей, как, например, переход от сельской жизни к городской, а также политические события, кладут свой отпечаток на язык. Народы, у которых политические и социальные сдвиги быстро следуют друг за другом, видоизменяют быстро свой язык; наоборот, у народов, не имеющих истории, язык становится неподвижным.

Язык Рабле через столетие после смерти этого писателя был понятен только лишь для образованных читателей, а исландский язык, от которого произошли языки норвежский, шведский и датский, сохранился почти в неприкосновенности в Исландии.

>(Там же, 212.)

528

Обиходные выражения и пословицы, быть может, еще ярче, чем слова, показывают, как тесно связан язык с явлениями окружающей жизни.

>(Там же, 212.)

529

Подобно тому как растение не может быть вырвано из своей климатической обстановки, точно так же язык неразрывно связан со своей социальной средой. Лингвисты обычно не знают или игнорируют действие среды; многие из них ищут в санскритском языке происхождение слов и даже мифологических сказаний. Для грамматиков санскрит, как для антропологов краниология, – ключ ко всем тайнам... Впрочем, этимологические выводы ориенталистов должны были бы быть менее противоречивыми, чтобы они могли заставить нас их метод предпочесть теории среды, которая начинает все больше и больше господствовать во всех отраслях естественных и исторических наук.

>(Там же, 213.)

530

Грамматики эти ошибаются: подавляющее большинство их новых слов [дополнительно внесенных после 1794 г. в «Словарь Академии»] было в ежедневном употреблении еще до 1794 г.

>(Там же, 214.)

531

Язык революционизировался, подобно государству, обществу, собственности и нравам. Историки языка мало останавливаются на этом лингвистическом обновлении, которое так сильно занимало умы образованных людей начала века.

>(Там же, 216.)

532

Новые слова и выражения, вторгшиеся в язык [в эпоху Революции], были так многочисленны, что необходимо было переводить газеты и брошюры этой эпохи, чтобы сделать их понятными придворным Людовика XIV.

>(Там же, 216.)

533

...изысканный язык [после Революции] попытался вновь вернуть свой авторитет в глазах правящих классов и отбросить все неологизмы, насильственно введенные в него... Однако, лингвистическая революция произошла; пояс из полированного железа, сковывавший язык, был сломан и язык обрел свободу.

>(Там же, 216.)

534

Наречие, которое они [дворяне], как ограду, воздвигли вокруг себя, изолировало их от остальных классов: оно играло ту же роль, как обходительность их манер, этикет их церемоний и даже их особый способ сервировать стол и принимать пищу.

Искусственный язык, которым пользовалась аристократия, не был создан сразу, как международный язык, который до творцов волапюка изобрел Лейбниц; он был извлечен из языка народного, на котором говорили буржуа и ремесленники, город и деревня. То же явление раздвоения уже имело место в латинском языке; в эпоху второй пунической войны он раскололся на благородную речь – *sermo nobilis*, и плебейскую речь – *sermo plebeius*.

Нравы и обычаи изысканного общества XVII века должны были в большой мере ограничить количество слов его искусственного языка, который Мерсье называл монархическим, но который было бы правильнее назвать аристократическим. Так как дворяне не занимались никакими ремеслами, кроме военного, – они нисколько не интересовались выражениями, относящимися к самым разнообразным областям человеческой деятельности. И действительно, в первых изданиях академического Словаря было множество терминов различных ремесел.

>(Там же, 218 – 219.)

535

...путем последовательного очищения мало-помалу был создан язык аристократического общества.

>(Там же, 218.)

536

Не задумываясь, заимствовали они [дворяне] из него [народного языка] слова, выражения и обороты, которые им были нужны для повседневного обихода, но они просеивали их и сохраняли лишь ограниченное количество; лишь после того, как их много раз развешивали, одобряли и, наконец, клали на них аристократический штамп, допускались они к обращению в обществе и печатных произведениях, которым общество покровительствовало.

>(Там же, 218.)

537

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
Обстригание богатого, крепкого и беспорядочного языка, завещанного XV веком, шло, таким образом, рука об руку с облагораживанием свирепых нравов и грубых вкусов феодальных баронов.

>(Там же, 219.)
538

В списке писателей, произведения которых должны были дать материал для Словаря, фигурировали Амио, Монтень, Депорт, Шаррон, королева Маргарита, Ронсар, Маро и т.д.; но вскоре было замечено, что несмотря на поразительное богатство их языка, они не пользовались множеством слов и выражений, которые, между тем, необходимы для повседневного обращения. Волей-неволей пришлось обратиться к тому языку, на котором все говорили, и, вместо того, чтобы фиксировать словарный запас знаменитых писателей, язык которых, по выражению Пеллисона, «в течение нескольких лет становился варварским», – составить словарь живого языка.

>(Там же, 220.)
539

...академики впервые указывают, какие слова должны употребляться при поэтическом стиле, какие – при высоком, и какие уместны в обыденном разговоре. В XVII веке полагали, что язык, достигший своего полного совершенства, должен быть раз навсегда фиксирован; Академия была коллегией жрецов, на обязанности которой лежало охранять посвященный ей культ.

>(Там же, 222.)
540

Огражденная от произвола и индивидуальной прихоти, регламентированная многочисленными и точными предписаниями грамматики, речь аристократического общества, окончательно сложившись, была затем распространена книгами и навязана молодому поколению воспитанием. Вопреки своему искусственному происхождению, язык этот стал обиходным языком аристократии, господствующего класса. Он до такой степени вошел в плоть и кровь версальских придворных, что они считали столь же невозможным пользоваться в разговоре народным языком, как одеваться в грубое и бесцветное платье ремесленников и буржуа, которых они видели из своих карет, когда во весь опор мчались через Париж ко двору.

>(Там же, 222 – 223.)
541

Народный язык, о существовании которого дворяне, быть может, и подозревали, но с которым они нисколько не считались, получил возможность утвердиться; его слова и выражения начинают просачиваться в язык высшего общества вместе с финансистами и богатыми буржуа, проникавшими в салоны и аристократические семьи, гербы которых они покрывали позолотой.

>(Там же, 223.)
542

Писатели XVIII века были лишь сиделками у постели умирающего [языка], жизнь которого пытались продлить с помощью академических постановлений.

>(Там же, 223.)
543

В Академии, в состав которой иногда входило больше дворян, чем писателей, они подчинялись им в борьбе за язык аристократического общества; у себя дома и в повседневном общении они говорили только на народном языке, и на нем же писали свои частные письма, а тем, другим языком, пользовались лишь при высиживании своих элегий, трагедий и книг «in octavo».

>(Там же, 223 – 224.)
544

Даже такие искусные в своем ремесле люди, как Вольтер, писали, держа локтем словарь и грамматику, чтобы не допустить себя до малейшей погрешности.

>(Там же, 224.)

545

...выступал наружу народный язык, который писателям великого века не удалось оттеснить на второй план тем, что они пользовались лишь языком, выработанным в недрах отеля Рамбулье.

>(Там же, 229.)

546

Они [«жеманные педанты XVIII века»] объявляли под запретом слова и выражения, родившиеся в конторах и мастерских.

>(Там же, 229.)

547

Особенно ученые жаловались на противодействие со стороны языка, когда стоял вопрос о введении научных терминов, хотя новые знания требовали употребления новых слов.

>(Там же, 230.)

548

Ученые не решались воспользоваться научным термином, который не получил санкции со стороны невежд из хорошего общества.

>(Там же, 230.)

549

Во второй половине XVIII века начали ощущать властную потребность в обновлении не только социальных и политических учреждений, но и языка. Мы в праве задать себе вопрос, каким образом Вольтер и энциклопедисты, которые были теоретиками этой всеобщей потребности, призванными подготовить умы к тому, чтобы совершить революции, – каким образом они могли проявить такой пиетет к словоупотреблению и правилам аристократического языка.

>(Там же, 230.)

550

Они [энциклопедисты] не теряли времени на преобразование языка, а старались придать ему большую живость и остроту; по-видимому, они боялись вводить новые слова и выражения, которые своей новизной могли бы отвлечь внимание от их атак или затемнить их смысл. Владеть точным и ясным языком, который ранил бы врага, как шпага, было неизменным стремлением, начиная с Декарта.

>(Там же, 231.)

551

Изменение языка шло параллельно с эволюцией буржуазного класса. Чтобы объяснить рассматриваемое нами лингвистическое явление, мы должны изучить и понять то социально-политическое явление, которое к нему привело.

>(Там же, 231.)

552

С первых дней революции язык XVIII века был отброшен и сразу воцарился демагогический стиль. В эпоху Директории употребление непристойных слов... было воспрещено правительством.

>(Там же, 233.)

553

Дворяне сыграли в лингвистической революции ту же роль, что и в философском движении: они сами помогали взорвать свое привилегированное положение, забавляясь опаснейшими парадоксами, в которых они видели только приятную игру ума.

>(Там же, 234.)

554

Аристократия почувствовала необходимость привлечь к себе народ и

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org использовать его в качестве тарана против буржуазии, и ради этой цели она, не обинуясь, сменила придворную речь на язык базарных торговков...

>(Там же, 234.)
555

...слова, созданные по требованию минуты, попадали не в бровь, а в глаз.

>(Там же, 236.)
556

...не следует забывать, что роялисты первые украсили свои органы «цветами площадного языка», как об этом поспешила позабыть комиссия Национального Института в своем «Отчете о продолжении Словаря французского языка»...

>(Там же, 237.)
557

Революционные журналисты и памфлетисты – не профессора риторики, стремящиеся к безупречности слога; больше, чем о правилах грамматики и чистоте речи, они должны, подобно драматургу, думать об овладении толпой, к которой они обращаются; они полемисты, которые должны приспособляться к языку, к вкусам, к привычкам и к культурному уровню своих читателей.

>(Там же, 238.)
558

Простонародный язык с его площадными ругательствами, который буржуа и аристократы напялили на себя, как карнавальную маску, нужно было отбросить на другой же день после победы.

>(Там же, 238.)
559

Предпринятая погоня за словами и оборотами не была невинным занятием ученых, – это была политическая кампания. Старались вытравить из языка, равно как из философии, религии, нравов малейшие следы революции. Как кошмар, преследовала она всех, кто вчера дрожал перед ней, а сегодня искал только наслаждений.

>(Там же, 239.)
560

Это безрассудное преследование слов и выражений не помешало им, однако, удержаться в большом количестве в языке, в который они проникли через брешь, пробитую революцией. Бессильная ярость грамматиков и пуристов могла только официально констатировать появление на свет буржуазного языка... Революция призвала к политической жизни новый класс, ею же созданный. Государственные дела, вершившиеся до того в недрах королевского кабинета, были вынесены на арену общественных споров в газетах и парламентских собраниях. Общественное мнение становилось огромной силой, к которой приходилось обращаться за помощью для поддержки правительства. Эти новые политические условия требовали и нового языка, который перешел затем из политической сферы в чисто литературную область.

>(Там же, 241.)
561

Революция была такой же творческой силой в области языка, как в области политических учреждений...

>(Там же, 242.)
562

Несравненная точность языка XVIII в., которой никогда не достигнет современный язык, перегруженный живописующими прилагательными и блестящими, но обыкновенно не слишком точными сравнениями, не являлась идеалом для деятелей революции; они стремились к образному языку, выразительному и богатому словесным материалом. Когда в аристократическом языке не хватало глаголов, они делали глаголы из существительных, не заботясь об их грамматической правильности и полной смысловой точности.

>(Там же, 243.)
563

Революционеры нуждались в новых существительных и прилагательных не менее, чем в глаголах; они пустили в оборот старые слова, исчезнувшие со времени госпожи Севинье и Лафонтена. Многие из этих слов вышли опять из употребления, но большинство ежедневно употребляется до сих пор..

>(Там же, 245.)
564

...поэты Плеяды хотели заменить латинский язык французским.. Вместо того, чтобы.. смело сочинять стихи на народном языке, они пошли на компромисс, заимствовав у греческих и латинских поэтов их метрику и слова, которые они переделывали на французский лад. Их революция удалась; они так основательно свергли латынь, что введенные ими слова античного происхождения погибли вместе с революцией. Наоборот, деятели революции внесли в аристократический язык только слова, созданные самим народом, а такие слова обладают поразительной жизнеспособностью, тогда как выражения, изобретаемые учеными и литераторами, живут лишь несколько мгновений[91].

>(Там же, 245 – 246.)
565

язык был тогда [во время революции] орудием разрушения.

>(Там же, 247.)
566

язык обогатился бесчисленным множеством необходимых и колоритных слов.

>(Там же, 247.)
567

Пытались ввести слово science (научник), но оно было излишне, так как с древних веков существует слово savant (ученый).

>(Там же, 248.)
568

Старые слова стали употребляться [во время Революции] в новом значении.

>(Там же, 248.)
569

Язык по необходимости должен был быть точным, строгим в подборе образов и бедным словами, чтобы рассуждение не сбивалось в сторону.

>(Там же, 249.)
570

Политика создала парламентский язык; увлечение природой, любовь и чувствительность готовились в свою очередь создать себе язык по своему вкусу.

>(Там же, 251.)
571

...стиль, загроможенный прилагательными, метафорами и антитезами, противоречил духу языка XVIII в. ...

>(Там же, 253.)
572

Новый литературный язык с его недостатками и достоинствами.. окончательно сложился еще до того, как пробил последний час XVIII века.

Он только ждал талантливых художников, которые могли бы придать ему стройность и гибкость, довести его до совершенства, и воспользовался им для создания шедевров.

>(Там же, 251.)
573

Смута в умах была так велика, в те бурные дни, что защитниками старорежимного языка оказались как раз сторонники философских идей и политических принципов 1789 г., а шатобриан и его единомышленники пользовались революционным языком для восстановления престижа католицизма, осмеянного энциклопедистами, и авторитета священников, которых преследовали деятели 93-го года. Таким образом, торжество революционного языка было обеспечено как раз теми, кто выступал против революционных идей.

Язык, возобладавший в период от 1789 до 1794 гг., не был новшеством; перелистывая сочинения старых авторов и книги писателей, которых современники называли распутниками и навозными поэтами, находим у них все слова, введенные впоследствии за исключением очень немногих, созданных по специальным поводам. У ряда авторов мы встречаем то же злоупотребление образностью речи и ту же напыщенность, которые и в наши дни украшают писания романистов, именующих себя антиромантиками.

Роль революции свелась в конце концов к тому, что она низвела с престола аристократический язык и доставила торжество языку буржуазии, уже употреблявшемуся в литературе. Этот поворот начал обозначаться еще до 89 года; революция же осуществила его с бурной стремительностью.

Аристократический или классический язык, и романтический или буржуазный язык, бывшие в течение четырех веков литературными наречиями Франции, извлечены из народного языка, этого общего великого фонда, из которого писатели всех эпох черпают слова, обороты и выражения.

Монархическая централизация, начавшаяся в XIV в., доставила преобладание диалекту Иль де Франса и ставшего столицей Парижа над наречиями других провинций, достигшими литературной оформленности ко времени образования крупных феодальных владений; собравшаяся вокруг короля аристократия, могла тогда создать свой классический язык, очищенный от всего простонародного, и навязать его писателям, сочинявшим прозу и стихи для ее развлечения. В замечательном предисловии к своему «Словарю», часто цитируемом без указания источника, Литтре задается вопросом, почему «XVIII век счел призванным окантовать столь богатый и гибкий язык [XVI века], переделывать такое превосходное орудие». Трудлюбивый лексикограф, отмечая параллельное развитие языка и аристократической централизации, не заметал, что придворная и салонная жизнь требовала менее богатого, но более утонченного языка, чем жизнь грубых вояк XV и XVI вв.

Буржуазия, со времени открытия Америки, быстро накапливая богатства и пока скрытое могущество, также заимствовала из простонародной речи свой романтический язык, впрочем, черпая из нее более щедрою рукой. И, придя к власти в 1789 г., она утвердила его как официальный язык Франции; писатели, искавшие славы и денег, должны были принять его волей-неволей. Классический язык пал вместе с феодальной монархией; романтический язык, родившийся на парламентской трибуне, будет существовать до тех пор, пока будет существовать парламентский образ правления.

>(Там же, 255 – 256.)
574

Греческий язык богат выражениями для обозначения отношений и вещей, связанных с матерью.

>(Матриархат, 39. – «Очерки по истории культуры». Изд. «Московский Рабочий», 1926.)
575

...сходства... свадебных песен и обычаев у самых различных народов могут быть приняты за доказательство того, что все эти народы прошли через одинаковые ступени развития.

...Устная литература обладает исторической ценностью большей, чем любое произведение отдельного индивида.

>(Свадебные песни и обычаи, 54.)

Они [«историки официальной школы»] признают только тексты, которые они изучают, как таковые, и только ради них самих; они отрицают или игнорируют факты, которые не занесены в письма и документы.

>(Происхождение собственности в Греции, 90. – «Очерки по истории культуры». Изд. «Московский Рабочий», 1926.)
577

Возможно, что у homo alalus [бессловесные люди]... существовали нравы, аналогичные нравам горилл, живущих небольшими патриархальными группами.

>(Миф о Прометее, 119. – Там же.)
578

Мифы сложились в те времена, когда устная передача преданий была единственным способом сохранить память о событиях. Мифы являются, так сказать, сокровищами, хранящими воспоминания о прошлом, которое в противном случае было бы навсегда предано забвению.

>(Миф о Прометее, 122. – Там же.)
579

Для объяснения явлений сна дикарь не нашел ничего более простого и более остроумного, как удвоить человека, дать ему двойника.

>(Там же, 131.)
580

Первое поколение людей золотого века было «поколением людей с членораздельной речью».

>(Там же, 133.)
581

Человек, усвоив речь и перестав пользоваться передними конечностями для ходьбы, – отделился от человекоподобной обезьяны. Впрочем, речь тесно связана с вертикальным положением тела; действительно, только передвижение на нижних конечностях позволяет человеку свободно и легко пользоваться грудной клеткой, чтобы издавать звуки и управлять дыханием. Птицы поют потому, что имеют свободную грудную клетку; возможно, что человеческая речь, как и думает Дарвин, началась с пения.

>(Там же, 133, прим. 6.)
582

Именно там [«в приморских и торговых городах Ионии и Великой Греции»] лирическая поэзия – поэзия индивидуалистическая по преимуществу – заменила собой эпическую поэзию времен патриархата, поэзию устарелую, пришедшую в упадок, именно там родились философия, науки и искусства, дошедшие до такого дивного полета в Афинах Перикла.

>(Миф о Пандоре, 143. – Там же.)
583

Человеческий мозг изменяется в различные исторические эпохи. Миф, над которым мы смеемся, как над нелепостью, создавшим его и верившим в него первобытным людям казался, напротив, понятным и естественным.

>(Миф об Адаме и Еве, 146. – Там же.)
584

Мифы не представляют собой ни выдумок обманщиков, ни плода досужей фантазии, – они являются скорее одной из наивных и самопроизвольных форм человеческого мышления.

>(Там же, 146.)
585

Дикие народы часто употребляют имя в единственном числе для обозначения

>(Там же, 152.)
586

Вместо того, чтобы считать имя Адам собственным именем одной личности, следует рассматривать его как имя одного или даже нескольких диких семитических племен.

>(Там же, 152.)
587

Кожа человека была первым пергаментом, на котором писались договоры.

>(Обрезание, 75. – Там же.)
588

Глагол «civilizzare», вероятно, не существовал еще в итальянском языке ко времени Вико. Только в XVIII столетии его стали употреблять во Франции для обозначения движения народа по пути прогресса. Смысл его был настолько нов, что французская Академия внесла слово «цивилизация» в свой словарь только в издание 1835 г. Фурье употреблял его только для обозначения современной буржуазной эпохи.

>(Экономический детерминизм Карла Маркса, 16, прим. – Соч., III. Изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, 1931.)
589

Филологи и грамматики нашли, что в создании слов и языков все народы следовали одним и тем же правилам.

>(Там же, 19.)
590

Именно потому, что одно и то же слово прикрывает противоречивые понятия, буржуазия превратила последние в орудия обмана и господства.

>(Там же, 28.)
591

Дикари и варвары, создавшие латинский и греческий языки, по-видимому, ранее философов полагали, что мысль проистекает из ощущения.

>(Там же, 32.)
592

...когда приступают к изучению иностранного языка, нужно постоянно напрягать свое внимание при выборе слов, членов, предлогов, окончаний, прилагательных, глаголов и т.д., которые сами инстинктивно приходят на ум, как только изучающий освоился с языком.

>(Там же, 43.)
593

...Умственно они [гварани] были так мало развиты, что они умели считать, пользуясь при этом пальцами рук и ног, только до двадцати.

>(Там же, 46.)
594

...дикарь столь же чужд абстрактным понятиям цивилизованного человека, как и его искусствам и ремеслам, что доказывается отсутствием в его языке выражений для общих понятий.

>(Там же, 46.)
595

...нужно изучать дикарей и детей, нужно исследовать язык, этот самый важный, если не первый способ проявления чувств и представлений. Язык играет столь значительную роль, что христианин первых веков, вслед за первобытным человеком, говорит: «слово есть бог», что греки одним и тем же словом –

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
logos – обозначают и слово, и мысль, и что от глагола phrazo (говорить) они производят глагол phrazomaí – говорить себе самому, думать. И действительно, самый абстрактный ум не может думать, не пользуясь словами, не разговаривая с самим собою мысленно, если не словесно, подобно детям и многим взрослым, которые бормочут то, что они думают. Язык занимает слишком большое место в развитии разума, чтобы этимологическое образование слов и их последовательные значения не отражали условий жизни и умственного состояния людей, их создавших и пользовавшихся ими.

Прежде всего поражает следующий факт: часто одно и то же слово употребляется для обозначения абстрактного понятия и конкретной вещи. Слова, которые в европейских языках означают материальные блага и прямую линию, означают также моральное благо и право, справедливость.

>(Там же, 46 – 47.)
596

Стоит дать себе труд спросить себя, каким образом обыкновенный язык и язык философский и юридический могли соединить в одном и том же слове элементы материальный и идеальный, конкретный и абстрактный. Два вопроса возникают прежде всего: стали ли элементы абстрактный и идеальный конкретными и материальными или же – материальный и конкретный элементы превратились в идеальный и абстрактный? Каким образом совершилось это превращение?

На первый вопрос дает нам ответ история последовательно изменявшихся значений слов. Она нам показывает, что конкретное значение всегда предшествует абстрактному.

>(Там же, 47.)
597

...путь, которым он [человеческий ум] шел в превращении звуков в гласные и согласные, будет тот же, которым он поднимался от конкретного до абстрактного... исследования филологов сорвали один за другим покровы, окутывавшие тайну азбуки. Они доказали, что буквы вовсе не упали в готовом виде с неба и что человек постепенно пришел к изображению звуков согласными и гласными буквами.

...Человек начал с фигурного письма. Каждую вещь он выражает ее образом. Так, слово собака он изображает рисунком собаки. Затем он переходит к символическому письму и целое изображает какой-нибудь частью его; так, вместо всего животного – он изображает только его голову. Затем он поднимается до метафорического письма – изображает вещи, имеющие некоторое реальное или предполагаемое сходство с понятиями, которые он хочет выразить, – так, например, он рисует переднюю часть льва для обозначения понятия первенства, локоть – для обозначения справедливости и правды, ястреба – для обозначения материнства и т.д. Первые опыты изображения звуков сводились к своего рода ребусам – звуки изображали рисунком предмета, название которого имеет тот же звук... Затем закрепили некоторое число таких, более или менее измененных, изображений уже не для фонетического обозначения нескольких слогов, а для обозначения первоначального слога и т.д. и т.д.

Письмо неизбежно должно было пройти метафорическую стадию, потому что первобытный человек думает и говорит метафорами.

>(Там же, 48 – 49.)
598

Если в метафорическом и эмблематическом письме образ материальной вещи становится символом абстрактного понятия, то становится понятным, что слово, созданное для обозначения вещи или одного из ее атрибутов, начинает, в конце концов, употребляться для обозначения абстрактного понятия.

>(Там же, 50.)
599

...каждое слово для него [ребенка] собственное имя, символ вещи, с которой он соприкасается. Его язык, подобно языку дикаря, не имеет родовых слов, охватывающих целую группу однородных вещей, – он знает группы собственных имен. Так, языки дикарей не имеют слов для обозначения общих понятий, каковы «человек»,

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org «тело» и т.д., не имеют слов для абстрактных понятий времени, причины и т.д.; есть языки, которые не знают глагола «быть». Тасманиец имел множество слов для каждого дерева различных видов, но у него не было слова для обозначения «дерева» вообще; малаец не имеет слова для цвета вообще, хотя у него есть слова для обозначения каждого цвета; абипонец не имеет слова для обозначения человека, тела, времени и т.д. и у него нет глагола «быть», так что он говорит не «я есмь абипонец», а «я – абипонец»[92].

Но мало-помалу дитя и первобытный человек переносят название и представление о первых лицах и вещах, которых они знали, на все лица и на все вещи, которые имеют с ними реальное или кажущееся сходство, и таким образом они, путем аналогии и сравнения, доходят до общих абстрактных понятий, охватывающих более или менее обширные группы вещей; а иногда собственное имя какой-нибудь вещи становится символическим термином абстрактного понятия, охватывающего группу вещей, имеющих сходство с вещью, для которой это слово было создано.

>(Там же, 50 – 51.)
600

Человеческий ум часто сопоставляет самые разнородные вещи, имеющие между собой самое отдаленное сходство. Так, в силу свойственного ему антропоморфизма человек взял мерилom для сравнения члены своего собственного организма, о чем свидетельствуют метафоры, сохраняющиеся до сих пор в цивилизованных языках, хотя они появились еще на самой заре жизни человечества.

>(Там же, 54.)
601

Абстрактное слово, как замечает Макс Мюллер, часто есть прилагательное, превращенное в существительное, т.е. свойство предмета, преобразуемого в личность, в метафизическую сущность, в воображаемое существо и этот метемпсихоз совершается метафорическим путем. Метафора есть один из главных путей, по которым абстракция проникает в голову человека. В подобных приведенных выше метафорах говорится: рот (bouche) пещеры, язык (langue) земли, потому что рот представляет собою отверстие, а язык – имеет удлиненную форму; тем же путем создавали, по мере надобности, новые выражения сравнения и наиболее выпуклое свойство предмета; то, которое производит наиболее сильное впечатление, является мерилom сравнения. Во множестве языков дикарей нет слов для абстрактных понятий твердости, округлости, теплоты и т.д. Их нет в этих языках потому, что дикарь еще не в состоянии создавать соответствующие этим словам воображаемые существа и исторические сущности. Так, вместо «твердый» дикарь говорит «как камень»; вместо «круглый» – «как луна»; вместо «теплый» – «как солнце», потому что качества твердости, округлости, теплоты в его мозгу неотделимы от камня, луны и солнца. Только после продолжительной умственной работы эти качества отделяются, абстрагируются от этих конкретных вещей, чтобы превратиться в воображаемые существа. Качественное прилагательное становится тогда существительным и служит выражением абстрактного понятия, сложившегося в мозгу.

>(Там же, 51 – 52.)
602

Наш язык свидетельствует, что человек принимал за единицу длины свою руку, свою ногу и кисти своих рук; пальцы рук и ног служили ему для счета. Ф. Нансен говорит, что у эскимосов, с которыми он прожил больше года, нет названий для чисел свыше пяти.

>(Там же, 53.)
603

Во многих языках дикарей первые пять цифр носят названия пальцев, и лишь после продолжительной умственной работы числа постепенно освобождаются у взрослого цивилизованного человека от всякой формы, напоминающей тот или другой предмет, и предстают умственному взору только в очертании условных знаков.

>(Там же, 54.)
604

Когда дикарь хочет сказать «длинный», «твердый», «круглый», «теплый», он говорит: «как нога», «как камень», «как луна», «как солнце». Но ноги бывают разной длины, камни – более или менее тверды, луна не всегда кругла, солнце греет летом сильнее, чем зимой. Поэтому, когда человек ощутил необходимость более точных определений, он понял, насколько неудовлетворительны были мерил сравнения, которыми он раньше пользовался, и он придумал тогда определенные образцы длины, твердости, округлости, теплоты, чтобы употреблять их как мерил сравнения.

>(Там же, 55.)
605

...расширение счета свыше 2 было одним из самых трудных Геркулесовых подвигов, какой заставила себя совершить человеческая голова. Об этом свидетельствует тот мистический характер, который придавали первым десяти числам, и мифологические и легендарные предания, которые связывают с некоторыми цифрами.

...Эти числа, это – все этапы, на которых ум человека задерживался, чтобы отдохнуть от усилий, сделанных им для их достижения, и он отметил эти этапы легендами, чтобы сохранить память о них.

>(Там же, 56.)
606

Мозг обладает свойством мыслить, как желудок – свойством переваривать пищу. Он может мыслить только при помощи понятий, которые он производит из материалов, доставляемых ему естественной и социальной или искусственной средой, в которой развивается человек.

>(Там же, 56.)
607

Проклятия не праздные слова: слово, глагол, обладает в его глазах непреодолимой силой и сами боги повинуются заклинаниям смертных... Католицизм, дав духовенству власть накладывать и отпускать при помощи формулы грехи земные и небесные, воспроизводит первобытное представление дикарей о могуществе слова.

>(Там же, 58, прим.)
608

Греки времен Гомера, хотя и стояли на сравнительно высокой ступени цивилизации, не имели слова для выражения понятия «закон».

>(Там же, 63.)
609

Это отсутствие слова «закон» поражало древних; историк Иосиф замечает с удивлением, что в Илиаде слово «nomos», означавшее впоследствии закон, никогда не употребляется в этом смысле.

>(Там же, 63, прим.)
610

Европейские путешественники... обзывали дикарей ворами, словно бы можно было допустить, что в человеческой голове даже могло зародиться понятие воровства до установления собственности.

>(Там же, 71 – 72.)
611

Морган говорит, что в Северной Америке это пространство [нейтральное пространство между двумя или несколькими племенами] было более узким между племенами, говорившими на одном наречии обычно родственными и союзными между собой, и более широким между племенами, говорившими на различных наречиях.

>(Там же, 73, прим.)
612

Разделение полов... усиливается... также созданием языка, понятного только членам одного пола.

>(Там же, 73 – 77.)
613

Слово «*пotos*» первоначально употреблявшееся исключительно для обозначения пастбища, приняло, с течением времени, многочисленные и несходные значения (местопребывание, жилище, привычка, обычай, закон), являющиеся своего рода историческими осадками эволюции человечества. Если развернуть все эти значения в хронологический ряд, то можно обозреть главные этапы развития доисторических народностей.

>(Там же, 77.)
614

Филологическая филиация показывает, что понятия раздела, местопребывания, обычая, нравов, законов, мышления, суждения, верования и религии вытекают из одного и того же источника: необходимости делить землю.

>(Там же, 77, прим.)
615

Возделывание земли могло иметь влияние и на письменность, как это, по-видимому, указывает древний способ писания, которым пользовались греки, китайцы, скандинавы и пр., писавшие поочередно то слева направо, то справа налево, возвращаясь назад, как это делают быки при обработке земли.

>(Там же, 79, прим.)
616

В главных европейских языках употребляется одно и то же слово для обозначения материальных благ и морального добра. Можно, не боясь упрека в опрометчивости, утверждать, что то же самое должно встречаться в языках всех народов, достигших степени цивилизации, ибо теперь уже известно, что все народы проходят одни и те же фазы материальной и интеллектуальной эволюции.

>(Там же, 82 – 83.)
617

Слова, обозначающие в латинском и греческом языках материальное благо и моральное добро, первоначально служили для обозначения определенных человеческих качеств.

>(Там же, 83.)
618

Сильные и храбрые дикари и варвары обладали сверх этого всеми моральными добродетелями своего идеала; поэтому они обнимают одним и тем же прилагательным все физические и моральные качества.

>(Там же, 84.)
619

Так как в древности мужество исчерпывало собою всю добродетель, то трусость, естественно, должна была быть пороком; поэтому греческое и латинское слова *kakos* и *malus*, выражающие понятие «трусливость», означают также зло, порок.

>(Там же, 85.)
620

Процесс экономического развития и порожденные им политические события разрушили героический идеал и разложили первоначальное единство моральных доблестей и материальных благ, так наивно зафиксированные в языке.

>(Там же, 90.)
621

>(Там же, 94, прим.)
622

Язык показывал нам, что варвары, пользуясь своим обычным антропоморфическим методом, слили свои моральные доблести с материальными благами. Но процесс экономического развития и политические события, подготовлявшие почву для буржуазного способа производства и обмена, разорвали первобытную связь морального и материального моментов. Варвар не стыдился этой связи, потому что этими физическими и моральными достоинствами, которыми он особенно гордился, он пользовался для добывания и сохранения материальных благ. Наоборот, буржуа стыдится тех низких качеств, которые он вынужден пускать в ход, чтобы добиться состояния. Поэтому он хочет заставить думать и в конце концов сам начинает думать, будто душа его парит где-то над материей и питается там вечными истинами и неизменными принципами. Но язык, неисправимый обличитель, раскрывает нам, что под густыми облаками наичистейшей морали скрывается верховный идол капиталистов: добро, бог-собственность.

>(Там же, 101.)
623

Это имя [дикаря] его самое ценное достояние, и, когда он хочет засвидетельствовать своему другу любовь каким-нибудь бесценным подарком, он обменивает свое имя на его имя.

>(Там же, 102.)
624

Слово, *verbum*, *logos*, которое, по Платону, является разумом и интеллектом (и действительно, чем были бы они без языка?), есть характерная черта человеческого рода. Римляне называли новорожденного не-говорящим...

>(Там же, 102, прим.)
625

...они [дикари] приписывают словам существование, независимое от обозначаемых ими предметов; слова – суть их души, их призраки – как говорил Гераклит; они действуют, как живые существа.

>(Там же, 102, прим.)
626

Знание имени какого-нибудь лица давало обладателю этого знания магическую силу над ним. Поэтому дикарь скрывает свое имя от чужестранцев... Имя божие не раскрыто в Библии, евреи и христиане его не знают. Тому, кто знал бы его, достаточно было бы произнести его, чтобы заставить бога выполнить его пожелания.

>(Там же, 103, прим.)
627

...представление [что солнце вращается вокруг земли] возникло в отдаленнейшие времена, и если его удалось научно опровергнуть, то оно, тем не менее, сохраняется в языке цивилизованных народов, которые говорят о восходе и заходе солнца.

>(Там же, 103.)
628

...[Разделение полов] привело к антагонизму полов, доходившему иногда до вооруженных схваток и выражавшемуся в различии языка, божеств и религий.

>(Там же, 128.)
629

В языке Одиссеи больше слов, выражающих отвлеченные понятия, и больше терминов для выражения вещей интеллектуального творчества, – бесспорный признак более высокой степени умственного развития.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosofff.org
>(Там же, 144, прим.)
630

Элевсинская богиня, не понимавшая потребностей времени, требовала от посвященных знания греческого языка, – все другие языки она считала варварскими. Иерусалимский бог, более чуткий к нуждам товарного производства, при котором торговцы пользуются всеми языками в своих сношениях с цивилизованными и варварскими народами, не чинил никаких препятствий в отношении языка. Он дал своим апостолам знание языков, – знание, которым обладали уже многочисленные евреи, торговавшие и занимавшиеся всякими простыми ремеслами в городах древнего мира.

>(Там же, 152.)
631

Он [Феогнид] пропитан ее [буржуазной социальной среды] взглядами, чувствами и даже ее языком. Так, у него неоднократно встречаются сравнения из операции испытания золота...

>(Там же, 170, прим.)
632

Жорес... говорил, что все языки, несмотря на крайние различия между ними, могут быть сведены к одним и тем же грамматическим формам... Все слова, имеющие для нас абстрактный смысл, первоначально, для изобретших их дикарей, имели вполне конкретный смысл... Не следует ли на основании этого лингвистического явления, вывести заключение, что конкретное породило в человеческом уме абстрактное?

>(Идеализм и материализм в объяснении истории, 190. – Соч., III. Изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, 1931.)
633

Человек и животное способны мыслить лишь потому, что имеют мозг. Мозг перерабатывает восприятия в идеи, подобно тому, как динамо-машина превращает сообразное ей движение в электричество. Мозг и другие органы вырабатывает природа, или, – чтобы не употреблять выражения, которое способно идеализировать «природу» в метафизическую сущность, как это делали философы XVIII века, – общественная среда.

>(Там же, 19.)
634

Число, – это отвлеченнейшее понятие из всех существующих в уме человека, – первоначально в уме дикаря являлось выражением материального объекта.

>(Там же, 19.)
635

Дикари не имеют никакого понятия о справедливости: у них нет даже слова для обозначения этого понятия.

>(Там же, 193.)
636

...проклятиями встречали классики, в первые годы этого столетия, первые крики народившегося романтизма. Во имя родины, ее языка и ее литературной славы подстрекали они хороший вкус и всякую традицию против введенного из-за границы варварского и уродливого чудовища...

>(Происхождение романтизма, 258. – Соч., т. III.)
637

По этой теории [теории рас], определенная раса, одаренная специальными качествами, предназначена заполнить всю землю и вытеснить все другие народы. К сожалению, изобретатели этой теории еще не могли согласиться между собой по вопросу о выборе этой расы... Но теория рас, которая стремится занять место понятия отечества, ставшего слишком узким, является лишь подновленной стариной, – это библейское учение, лишенное своей наивной поэзии.

Его [доисторического человека] язык был настолько рудиментарен, что в нем не было ни глагола быть, ни обозначения таких родовых понятий, как дерево, цвет, тепло и т.д. Его умственное развитие находилось на такой низкой ступени, что он не мог считать дальше трех или четырех.

>(Там же, 448.)

Использованные работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина

[93]

К. Маркс и Ф. Энгельс

Немецкая идеология – I, 1; I, 3; I, 4; I, 5; II, 1; II, 2; II, 3; III, 1; III, 4; V, 3.

Коммунистический манифест – I, 4; I, 5; II, 2; IV, 1.

О книге Гизо – V, 3.

О книге Карлейля – V, 3.

Панславизм – IV, 2.

Перемирие с Данией – IV, 2.

Революционная борьба в Венгрии – IV, 2.

Революция и контрреволюция в Германии – IV, 2.

Седьмой раздел Польши – IV, 2.

«Святое семейство» – I, 5; II, 1.

К. Маркс

Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта – I, 5; V, 3.

Капитал, т. I – I, 3; I, 4; II, 2; II, 3; III, 1; III, 2; III, 3; III, 4; V, 2; VI.

Капитал, т. III – I, 5; III, 4; V, 3.

К критике политической экономии – I, 3; I, 5; II, 1; II, 2; II, 3; III, 3.

Классовая борьба во Франции – I, 5.

Критика в Англии – I, 5.

Критика философии государства Гегеля – II, 2; III, 4.

Критические замечания о книге А. Вагнера – I, 1; III, 2; III, 3.

Критические примечания к статье «Король прусский и социальные реформы» – I, 5.

Отрывки из критики Готской программы – V, 1.

Письма Ф. Энгельсу – I, 4; II, 4; III, 1; III, 5; IV, 2; VI.

Письмо Швейцеру – V, 2.

Теории прибавочной стоимости – III, 3.

Ф. Энгельс

Анти-Дюринг – I, 2; I, 4; II, 1; II, 2; II, 4; III, 1; III, 3.

Диалектика природы – I, 1; I, 5; II, 2; II, 4; III, 1; III, 5.

Крестьянская война в Германии – I, 5; V, 3; VI.

Людвиг Фейербах – II, 2; II, 4; V, 1.

О книге К. Маркса «К критике политической экономии» – II, 2.

Письма К. Марксу – I, 4, II, 4.

Письма Бернштейну – V, 1; V, 2.

Письма Блоху – II, 2; II, 3.

Письма Мерингу – II, 2.

Письма К. Шмидту – II, 2.

Письма Штаркенбургу – I, 3; I, 5; II, 2.

Положение рабочего класса в Англии – I, 5.

Предисловие к 3-му изд. «Капитала» – V, 2.

Примечания к английскому переводу «Капитала» – III, 3.

Происхождение семьи, частной собственности и государства – I, 2; I, 3; I, 4; III, 3; VI.

Развитие социализма от утопии к науке – I, 5; V, 1.

Роль труда в процессе очеловечения обезьяны – I, 2; I, 4.

Г.В. Плеханов

Артуго Лабриола

Библиографические заметки из «Социал-Демократа» (книга первая)

В Амстердаме (Мысли и заметки)

Гласный ответ одному из читателей «Товарища»

Гл.И. Успенский

Еще раз материализм

Жан-Жак Руссо и его учение о происхождении неравенства между людьми.

История русской общественной мысли

Новые письма о тактике и бестактности (Письмо пятое)

Об издании Русской Социально-Революционной Библиотеки

О книге Р. Гольцапфеля

О материалистическом понимании истории

О так называемых религиозных исканиях в России (Статья первая)

О черной сотне

Обоснование народничества в трудах г. Воронцова (В.В.)

Основные вопросы марксизма

Первые фазы учения о классовой борьбе (Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»)

Письма без адреса (Письмо первое)

Рабочее движение в 1891 году

Судьбы русской критики. А.Л. Волынский. «Русские критики. Литературные очерки»

Французский утопический социализм XIX века

Энрико Леонэ и Иваное Бономи

В.И. Ленин

Аграрные прения в III Думе – I, 5.

Аграрная программа русской социал-демократии – I, 3.

Аграрная программа с.д. в русской революции – I, 5.

Аграрная программа социал-демократов в первой русской революции – I, 5; II, 2.

Борьба с голодом – I, 5.

Великий почин – III, 4; III, 5; V, 3.

Два письма А.М. Горькому – II, 2; III, 4.

Две тактики с.-д. в демократической революции – I, 5; V, 2.

Десятый съезд ВКП(б) – V, 1.

Детская болезнь «левизны» в коммунизме – IV, 1.

Доклад о пересмотре программы и названия партии VII съезду РКП(б) – III, 5.

Доклад на II Всероссийском съезде коммун. организаций – V, 2.

Доклад об объединительном съезде – I, 5; V, 2.

Доклад V съезду РСДРП – I, 5; V, 2.

Доклад на VI Всероссийском чрезвычайном съезде советов – III, 4; V.

Доклад на VIII съезде РКП(б) о партийной программе – II, 2, IV, 4.

Должны ли мы организовать революцию – V, 3.

Дополнительные замечания на комиссионный проект программы – V, 1.

Еще о разделении школьного дела по национальностям – IV, 1.

Еще раз о профсоюзах – V, 1.

Задачи пролетариата в нашей революции – III, 5.

Заключительное слово по докладу на VIII съезде – II, 4; IV, 4.

Заметки публициста – I, 5; III, 5; V, 3.

Замечания на книгу Бухарина «Экономика переходного периода» – V, 1.

Замечания на статью Деборина «Диалектический материализм» – V, 2.

Замечания на комиссионный проект программы – V, 1.

Замечания на проект программы РСДРП – V, 1.

Заседание международного социалистического бюро – V, 2.

Защита империализма, прикрытая добренькими фразами – V, 3.

- Из лагеря Столыпинской «Рабочей партии» – V, 3.
- Интеллигентские воители против господства интеллигенции – V, 2.
- Интервью корреспонденту «Манчестер Гардиан» Г. Рансому – V, 1.
- Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России – V, 3.
- Как рассуждает Т. Плеханов о тактике с.-д. – III, 4.
- Как с.-р. подводят итоги революции – III, 2.
- Как епископ Никон защищает украинцев – IV, 3.
- Карл Маркс – I, 4.
- К вопросу о национальной политике – IV, 4.
- К истории думской сессии – V, 3.
- К истории национальной программы в Австрии и России – IV, 3.
- Конспект брошюры либкнехта – III, 1.
- К оценке русской революции – I, 5.
- Критические заметки по национальному вопросу – I, 4; IV, 1; IV, 3; IV, 4.
- Les beaux esprits se rencontrent – V, 3.
- «Левение» буржуазии и задачи пролетариата – V, 3.
- Либералы и демократы в вопросе об языке – IV, 3; IV, 4.
- Луиблановщина – I, 5.
- Материализм и эмпириокритицизм – II, 2.
- Мягко стелют, да жестко спать – V, 3.
- Народничающаяся буржуазия – I, 5.
- Национализация еврейской школы – IV, 3.
- Национальный состав учащихся в русской школе – IV, 3; IV, 4.
- Национальный вопрос в нашей программе – IV, 4.
- Нужен ли обязательный государственный язык – IV, 3; IV, 4.
- О блоках с кадетами – I, 5.
- О вреде фраз – V, 3.
- О германском и негерманском шовинизме – V, 3.
- О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев – V, 3.
- О задачах III Интернационала – III, 5; V, 3.
- О карикатуре на марксизм – IV, 4.
- О «культурно-национальной» автономии – IV, 3.
- Об обмане народа лозунгами свободы и равенства – II, 4.
- Об основании Коммунистического интернационала – II, 4.
- О «программе мира» – V, 3.

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
О праве наций на самоопределение – I, 4; IV, 1; IV, 4.

О работе Наркомпроса – V, 2.

Объединительный съезд РСДРП – V, 2.

Отношение к буржуазии – V, 2.

Об очистке русского языка – V, 1.

Письмо А.М. Горькому – II, 4.

Письмо Н.Д. Кикнадзе – IV, 4.

Письмо С.Г. Шаумяну – IV, 4.

План к статье «Заметки публициста» – II, 4.

Победа кадетов и задачи рабочей партии – III, 4.

Политические софизмы – V, 3.

По поводу «ответа» П. Маслова – I, 5.

Последнее слово «искровской» тактики – V, 2.

Последнее слово русского либерализма – V, 3.

Прикрытие социал-шовинистской политики – V, 3.

Проект нового закона о стачках – I, 5.

Проект платформы к IV съезду с.-д. латышского края – IV, 3; IV, 4.

Проект программы РКП(б) – IV, 4.

Пролетарская революция и ренегат Каутский – III, 4.

Против бойкота – V, 2.

Положение бунда в партии – IV, 3.

Рабочий класс и национальный вопрос – IV, 4.

Развращение рабочих утонченным национализмом – IV, 3; IV, 4.

Революционный пролетариат и право наций на самоопределение – IV, 4.

Революционная борьба и либеральное маклерство – V, 3.

Речь на митинге в Народном доме – II, 4.

Речь на торжественном заседании Московского совета, посвященном годовщине III Интернационала – II, 4.

Речь при открытии конгресса Коммунистического интернационала – III, 5.

Речь на совещании большевиков – III, 5; V, 2.

Речь на I всесоюзном съезде по народному образованию – II, 2, III, 5.

Речь перед слушателями Свердловского университета – V, 2.

Речь на I Всероссийском совещании по работе в деревне – V, 2.

Речь на торжественном заседании Всероссийского Центрального и Московского совета профсоюзов – III, 5.

Речь на I Съезде земледельческих коммун – III, 5.

Речь на IV Съезде рабочих швейной промышленности – I, 5.

Резолюция летнего 1913 г. совещания ЦК РСДРП – IV, 3.

Резолюция совещания ЦК РСДРП с партийными работниками – IV, 4.

Самодержавие колеблется – I, 5; V, 3.

Сердитая растерянность – I, 5.

Советская власть и положение женщины – V, 3.

Социал-демократия и избирательные соглашения – V, 2.

Социализм – IV, 1.

Социалистическая революция и право наций на самоопределение – IV, 4.

Столыпин и революция – V, 1.

Тезисы по национальному вопросу – IV, 3; IV, 4.

Украина – IV, 4.

Успехи и трудности советской власти – II, 4.

Философские заметки – II, 1; II, 2; II, 3; II, 4.

Цель борьбы пролетариата в нашей революции – I, 5.

Ценное признание – V, 3.

Что такое советская власть – II, 4.

И.В. Сталин

Доклад на XII съезде – IV, 4.

Доклад и заключительное слово на XVI съезде – IV, 1; IV, 4.

Заключительное слово на X съезде – IV, 4.

Итог первой пятилетки – II, 2.

О политических задачах университета народов востока – IV, 4.

Сборник статей «Марксизм и национальный вопрос» – I, 4; IV, 1; IV, 3; IV, 4.

Резолюции

VIII, X, XII партийных съездов (по национальному вопросу).

Сноски

Примечания

1

Дело не меняет наличие франц. *point de vue*, ни немецкого и других, толкуемых как «фигуральное» использование естественно возникшего от простого наблюдения выражения.

2

Этнография на службе классового врага. Сборник критических статей. Библиотека ГАИМК, № 11. Л., 1932. Предисловие, стр. 4.

3

[Перечеркнуто: Первый исторический акт этих индивидов, благодаря которому они отличаются от животных, состоит не в том, что они мыслят, а в том, что они начинают производить себе средства к существованию.]

4

[Пометка Маркса на полях: Гегель. Геологические, гидрогеографические и т.д. условия. Человеческие тела. Потребность. Труд.]

5

[Пометка Маркса на полях: «Люди имеют историю потому, что они должны производить свою жизнь и притом определенным образом. Это обусловлено их физической организацией; так же как и их сознание».]

6

Авторитет первого ранга в этой области, В. Томсон, вычислил, что немногим более сотни миллионов лет, вероятно, прошло с тех пор, как земля настолько остыла, что на ней могли жить растения и животные.

7

В особенности на северо-западном побережье Америки, – см. Банкрофта. У хайда на острове королевы Шарлотты встречаются под одной крышей хозяйства, охватывающие до 700 человек. У нутка под одной крышей живут целые племена. Примеч. Ф. Энгельса.

8

[В новом переводе 1933 г. правильно «антагонистическая». Ред.]

9

См. «Национальные проблемы», Р. Шпрингера, стр. 43, изд. Общ. П., 1909 г.

10

См. «Национальный вопрос и социал-демократия», О. Бауэр, изд. «Серп», 1909 г., стр. 1 – 2.

11

См. там же, стр. 6.

12

См. там же, стр. 3.

13

См. там же, стр. 24 – 25.

14

См. «Национальный вопрос и социал-демократия», О. Бауэр, изд. «Серп», 1909 г., стр. 139.

См. там же, стр. 2.

16

См. стр. 2 его книги.

17

См. там же, стр. 389.

18

См. стр. 388.

19

См. стр. 396.

20

См. стр. 2.

21

См. «Национальный вопрос и социал-демократия», О. Бауэр, изд. «Серп», 1909 г., стр. 130.

22

Там же.

23

И даже в деловых отношениях чванство и национальный шовинизм – очень жалкие советники. До самого недавнего времени обыкновенный английский фабрикант считал унижительным для англичанина говорить на чужом языке, а не на его собственном, и до некоторой степени гордился тем, что-де бедняки-иностранцы поселились в Англии и избавили его от труда проталкивать свои продукты за границу. Он совершенно не замечал того, что эти иностранцы, большею частью немцы, благодаря этому захватили в свои руки значительную часть английской иностранной торговли, – ввоз не менее, чем вывоз, – и что непосредственная иностранная торговля англичан постепенно стала ограничиваться колониями, Китаем, Соединенными Штатами и Южной Америкой. Еще менее замечал он, что эти немцы торговали с другими немцами за границей и все они с течением времени образовали целую сеть торговых колоний по всему свету. Когда же, лет сорок тому назад, Германия начала серьезно работать на вывоз, то она в этих немецких торговых колониях нашла готовый аппарат, который оказал ей неоценимые услуги в ее превращении, за столь короткое время, из вывозящей хлеб страны в перворазрядную промышленную страну. Наконец, лет десять тому назад, английского фабриканта охватило беспокойство, и он запросил своих послов и консулов, как это случилось, что его покупатели разбегаются. Единогласный ответ был таков: 1) вы не изучаете языка вашего покупателя, а требуете, чтобы он говорил на вашем языке, и 2) вы вовсе не стараетесь об удовлетворении потребностей, привычек и вкусов вашего покупателя, а требуете, чтобы он принял ваши, английские.

24

(1892). Мысль, что крупная промышленность разделила англичан на две различные нации, была, как известно, около того же времени высказана

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
Дизраэли в его романе «Sybil, or the two Nations». [Примечание Ф. Энгельса.
Ред.]

25

[Пометка Маркса на полях: «Люди имеют историю потому, что они должны производить свою жизнь, и притом определенным образом. Это обусловлено их физической организацией, так же как и их сознание».]

26

[Пометка Маркса на полях: «Первая форма идеологов, попы, совпадает».]

27

[Перечеркнуто: «Представления, которые создают себе эти индивиды, это – представления либо о их отношении к природе, либо их отношениях между собой, либо о их собственной организации. Ясно, что во всех этих случаях эти представления являются, действительным или иллюзорным, сознательным выражением их действительных отношений и деятельности, их производства, их общения, их общественной и политической организации. Обратное допущение возможно лишь тогда, когда, помимо духа действительных материально обусловленных индивидов, предполагается еще какой-то особый дух. Если сознательное выражение действительных отношений этих индивидов иллюзорно, если они в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это есть опять-таки следствие ограниченности их материальной деятельности и вытекающих отсюда их ограниченных общественных отношений».]

28

В настоящем переводе Г.В. Плеханова не предусмотрено различие в немецком и русском языках, в силу которого нем. Identität на русском языке может означать и «тождество» и «соответствие». В марксизме гегелевский вопрос о тождестве бытия и мышления представляется неверным по существу. Речь идет о соответствии мышления бытию. Таким образом, перевод Г.В. Плеханова данного отрывка неудовлетворителен и нуждается в соответствующей поправке. См. ниже соответствующие отрывки из книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Ред.

29

Об отражении особенностей классового общества в развитии языка см. отд. I, гл. 5.

30

Вся история развития машин может быть прослежена на истории развития мукомольных мельниц. По-английски фабрика еще до сих пор называется mill (мельница). В немецких сочинениях по технологии в первые десятилетия XIX века мы также встречаем слово «мельница» (Mühle), обозначающее не только машины, приводимые в движение силами природы, но и всякую вообще мануфактуру, применяющую механические аппараты. Прим. К. Маркса.

31

как греческого базилевса, так и ацтекского военачальника подменивали современным монархом. Морган впервые подвергает исторической критике первоначально основанные на недоразумении и преувеличенные, а затем и прямо лживые сообщения испанцев и доказывает, что мексиканцы стояли на средней ступени варварства, но несколько опередили в своем развитии новомексиканских индейцев-пуэбло, и что их общественное устройство, поскольку можно заключить из извращенных сообщений, сводилось к следующему: союз трех племен, которому были обязаны данью несколько других племен и который управлялся союзным советом и союзным военачальником, превращенным

32

Латинское *rex* равнозначает кельтско-ирландскому *rioh* (племенной старейшина) и готскому *reins*; что последнее слово, как и первоначально наше *Furst* (т.е. как по-английски – *first*, по-датски – *forste*, первый), означало, равным образом, родовой или племенной старейшина, явствует из того, что готы уже в IV веке имели особое слово для короля последующего времени, военачальника всего народа: *thiudens*. Артаксеркс и Ирод в переводе Библии Ульфила никогда не называются *reiks*, а только *thiudans*, царство императора Тиберия не *reiki*, а *thiudinassus*. В имени готского *тиуданса* или, как мы неточно переводим, короля, *тиударейка*, *Теодориха*, т.е. *Дитриха*, оба эти обозначения слились в одно. [Примеч. Ф. Энгельса.]

33

Прим. ко 2-му изд.: У древних германцев величина моргена земли измерялась трудом одного дня; отсюда название моргена: *Tagwerk* (труд одного дня) или *Tagwanne* (*journal* или *terra journalis*, *journalis* или *diornalis*) *Mannwerk*, *Mannskraft*, *Mannsmad*, *Mannshauet* и т.д. См. *Georg Ludwige von Maurer, Einleitung zur Geschichte der Markhof u.s.w. Verfassung. Munchen, 1859, стр. 129* и сл. В некоторых частях Франции все еще сохраняется название *journal* за известной мерой поверхности, приблизительно равной моргену.

34

Прим. ко 2-му изд.: Господин Давид Уркварт в своем «*Familiar words*» называет чудовищным (!) тот факт, что в настоящее время фунт (фунт стерлингов), единица английского масштаба денег, равняется приблизительно ? унции золота: «Это – фальсификация меры, – говорит он, – а не установление ее масштаба». В этом «ложном наименовании» веса золота он, как и везде, усматривает фальсифицирующую руку цивилизации.

35

См. также отд. I, гл. 4.

36

См. «Отчет о VIII конференции Бунда», стр. 85.

37

См. «Отчет о IX конференции Бунда», 1912 г., стр. 42.

38

Не только национальные, но и даже расовые особенности еврейства отвергаются современным научным исследованием, которое выдвигает на первый план особенности истории еврейства. «Вытекает ли особенность еврейства из его расового характера?» – спрашивает К. Каутский и отвечает, что мы даже не знаем в точности, что такое собственно раса. – «Нам нет никакой надобности прибегать к понятию расы, не дающему действительного ответа, а лишь подымающему новые вопросы. Достаточно проследить историю еврейского народа, чтобы выяснить причины его характера». И такой знаток этой истории, как Ренан, говорит: «Особые черты евреев и уклад их жизни гораздо более являются результатом социальных условий (*necessites sociales*), влиявших на них в течение веков, чем расовым отличием (*phenomene de race*)».

39

К. Каутский. Национальность и интернациональность. Ред.

40

«Чехословацкий Социал-демократ». Ред.

41

Что бундовцы с необыкновенным азартом часто отрицают факт принятия «культурно-национальной автономии» всеми буржуазными партиями еврейства, это понятно. Слишком явно этот факт вскрывает действительную роль Бунда. Когда один из бундовцев г-н Манин в «Луче» попробовал повторить свое отрицание, его вполне разоблачил И. Скоп. (см. «Просвещение», № 3). Но когда Г. Лев Юркевич в «Дзвіне» (1913 № 7 – 8, с. 92) цитирует из «Просвещения» (№ 3, стр. 78) фразу Н. Ск.: «Бундисты – вместе со всеми буржуазными еврейскими партиями и группами – давно отстаивают культурно-национальную автономию» и извращает эту цитату, выкидывая из нее слово «бундисты» и подменяя слова: «культурно-национальную автономию» словами «национальных прав», то остается лишь развести руками... Г. Лев Юркевич – не только националист, не только поразительный невежда в истории с.-д. и их программе, но и прямой поддельватель цитат для ради пользы Бунда. Плохи же дела Бунда и господ Юркевичей.

42

За нее голосовали и представители южно-слав. с.-д. партии. См. «Дебаты по нац. вопросу на Брюннском партийтаге», стр. 72. 1906 г.

43

В русском переводе М. Панина (см. книгу Бауэра в пер. Панина) вместо «национ. особен.» сказано «нац. индивидуальн.» Панин неверно перевел это место. В немецк. тексте нет слова «индивидуальность», там говорится о «Nationalen Eigenart», т.е. об особенностях, что далеко не одно и то же. И.С.

44

См. «Нац. пробл.» Шпрингера, стр. 236.

45

См. «Нац. вопрос», стр. 549.

46

См. «Нац. вопрос» Бауэра, стр. 556.

47

См. «Нац. пробл.» Шпрингера, стр. 74.

48

См. «Нац. пробл.» Шпрингера, стр. 19.

49

См. «Нац. вопрос», стр. 286.

50

См. «Нац. вопрос», стр. 552.

51

См. «Нац. пробл.», стр. 88 – 89.

52

См. там же, стр. 89.

53

См. «Нац. пробл.», стр. 226.

54

См. «Нац. вопрос», стр. 368.

55

См. «Нац. вопрос», стр. 375.

56

См. «Нац. пробл.», стр. 234.

57

См. «Нац. вопрос», стр. 553.

58

См. там же, стр. 337.

59

См. там же, стр. 333.

60

Там же, стр. 555.

61

Там же, стр. 556.

62

Там же, стр. 543.

63

См. там же, стр. 542.

64

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
См. «Дебаты по нац. вопр. на Брюннск. партийтаге», стр. 48.

65

Буквально – уподоблении, отождествлении.

66

См. XVII том Сочинений, «О праве наций на самоопределение». Ред.

67

См. XIX том Сочинений, стр. 195 – 235. Ред.

68

См. т. XVII Сочинений, «О праве наций на самоопределение». Ред.

69

П.С.Д. Ред.

70

– полная путаница, проистекающая от чрезмерной любви автора упражняться в игре понятиями, выдавая это за «социологию». Ред.

71

– имеет побочное значение, смысл. Ред.

72

– насколько отличен от этого. Ред.

73

– слова, которые вопиют против их соединения. Ред.

74

– академическая рецензия. Ред.

75

– во-первых. Ред.

76

– во-вторых. Ред.

77

– в действии. Ред.

78

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org
– «технический термин» – «игра понятиями». Ред.

79

– под видом «основных мыслей». Ред.

80

– философского идеализма или агностицизма: (очень часто неосмотрительно и некритически заимствованного у других). Ред.

81

– материализма. Ред.

82

– провозглашение принципов. Ред.

83

Такое толкование туманности тем более неизбежно, чем шире известна определенная формулировка, например, Эрфуртской программы: «...geht die Veränderung der zersplitterten Kleinbetriebe durch kolossale Grossbetriebe [идет вытеснение распыленных мелких предприятий колоссальными крупными предприятиями]». [Примечание Ленина. Ред.].

84

Возможность кривотолкований. Ред.

85

Совершенно невозможно. Ред.

86

Этого достаточно. Ред.

87

Речь идет об обращении меньшевистского совета. – Ред.

88

Передовая статья «Третьего Интернационала» в «L'humanité» от 14/IV 1919 г. № 5475. Ред.

89

«Надобно вслушаться в названия новых суздальских городов: Переяславль, Звенигород, Стародуб, Вышгород, Галич, – все это южно-русские названия, которые мелькают чуть не на каждой странице старой киевской летописи в рассказе о событиях в южной Руси; одних Звенигородов было несколько в земле Киевской и Галицкой. Имена киевских речек Лыбеди и Почайны встречаются в Рязани, во Владимире-на-Клязьме. в Нижнем Новгороде. Известна речка Ирпень в Киевской земле, приток Днепра... Ирпеню называется и приток Клязьмы во Владимирском уезде. Имя самого Киева не было забыто в Суздальской земле: село Киево на Киевском овраге знают старинные акты XVI столетия в Московском уезде; Киевка – приток Оки в Калужском уезде, село Киевцы – близ

Карл Маркс, Фридрих Энгельс, И. В. Сталин, В. И. Ленин О проблемах языка и мышления filosoff.org Алексина в Тульской губ.» (В. Ключевский. Курс русской истории, ч. I, стр. 357 – 358). По совершенно справедливому замечанию Ключевского, это перенесение южно-русской географической номенклатуры на отдаленный суздальский север было делом переселенцев, приходившим сюда с киевского юга. Тот же ученый с не меньшим основанием говорит, что по городам Соединенных Штатов Сев. Америки можно репетировать географию доброй доли Старого Света. К этому надо прибавить, что в Соед. Штатах чаще всего встречаются названия английских городов, так как в течение долгого времени туда переселялись, главным образом, англичане; процесс возникновения народа, называемого иногда «янки», был лишь процессом возникновения некоторых особенностей той части английского племени, которая переселилась в Сев. Америку.

90

Просим иметь в виду, что все сказанное нами по поводу социалистической литературы, на русском языке – относится, собственно, к великорусской литературе.

91

Это превосходно иллюстрируется историей латинского языка. Слова литературной речи приходят в упадок вместе с Римской империей, тогда как простонародные латинские слова продолжают жить в происшедших от них словах итальянского, провансальского, латинского и французского языков.

92

Понятие времени очень медленно проникало в человеческий мозг. Вико замечает, что флорентинские крестьяне его времени говорили «столько-то жатв» вместо «такое-то количество лет». Латиняне вместо «такое-то количество лет» говорили «столько-то колосьев (aristae)», что еще более характерно, чем жатва. Выражение это свидетельствовало только о бедности языка (и мысли, мог бы он добавить); грамматики же находили в нем проявление искусства. Прежде чем составить себе понятие о годе, т.е. о вращении вокруг солнца, человек уже имел представление о временах года и о вращении луны. Плиний Старший говорит, что «лето считали годом», зиму – другим годом. Жители Аркадии, у которых в году было три месяца, исчисляли год по числу сезонов, а египтяне – по числу новолуний. Вот почему некоторые из них говорят, что они жили «тысячу лет».

93

Римские цифры указывают отделы хрестоматии, арабские – главы.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!